

Russian academy of sciences
Siberian branch
GUMANITARNYE NAUKI V SIBIRI

Series: The history of our country

№ 2, 2009

TABLE OF CONTENTS

<i>Mironova, O.N.</i> The Swedish Embassy of Evert fon Bremen and Henry fon Ungern to the Moscow State in 1626.....	3
<i>Kamenetsky, I.P.</i> The Case of Voivoda B. Siniavin: Concerning the Problem of Aboriginal and Yasak Policy of the Siberian Administration in Southern Siberia in the Epoch of Peter I.....	7
<i>Karnaikhov, D.V.</i> Moschi Unde: Development of Representations about the Origin of «the Moscow People» in the Polish Historiography of the Renaissance.....	14
<i>Chernyshova, N.K.</i> Influence of Ideas of «Sacred Russia» on the Hagiography Development in Russia of the XIX - the Beginning of the XX.....	18
<i>Kandaurova, T.U.</i> The Project of the Organization of the Military Settlements in Siberia.....	20
<i>Bazyleva, E.A.</i> The Role of the Imperial Russian Geographical Society in Siberian Book Culture Development.....	24
<i>Darzhayev, S.Yu.</i> Concerning the Formation and Development of the Buryat Self-Government Institutions in Irkutsk Gubernia and Trans-Baikal Area in XIX - the Beginning of the XXth Century.....	28
<i>Morozova, N.N.</i> The Role of Local Administration in Formation of Author's Corps of the «Provincial Gazette» of Western Siberia (1857-1860s).....	30
<i>Zobov, V.E.</i> The Problem of the Disciplinary Responsibility of the Civil Servants in Russia During Second Half of the XIX -the Beginning of the XXth Century.....	34
<i>Musabalina, G.T.</i> Merchants and Petty Bourgeois in Political Life of Semipalatinsk Region in the Second Half of XIXth Century.....	38
<i>Ostrovsky, L.K.</i> The Polish Peasants in Siberia in the XIX-XXth Centuries.....	41
<i>Maximova, N.A.</i> Social Support of the Peasant Population in Irkutsk Province on the Eve of the First Russian Revolution.....	44
<i>Tsyplakova, S.M.</i> The Revival of Ancient Russian Church Singing Tradition in the Moscow Synod Chorus and School at the End of XIX Century.....	48
<i>Parhomenko YA.A.</i> Soviet power and cinema (1917-1919).....	52
<i>Simonov, D.G.</i> Mobilizations of Siberian Intelligentsia in the White Army in 1918-1919.....	56
<i>Rynkov, V.M.</i> The Restoration of the Landowners' Rights in Siberia in the Second Half of 1918 - the First Half of 1919: Legislation and Practice.....	60
<i>Yatskevitch, E.V.</i> Collective Farms of the South Ural in 1920s: Quantity, Structure, Economic Situation.....	64
<i>Iminokhoyev, A.M.</i> The Problems of Leisure and Formation of the New Mode of Life of Verkhneudinsk/Ulan-Ude Habitants in the 1920-1930s.....	67
<i>Shekshajev, A.P.</i> Leaflets of the Yenisey'sk Peasants at the End of 1920s.....	70
<i>Krasilnikov, S.A.</i> The «Shakhty trial» as a Social and Political Order.....	74
<i>Rafikova, S.A.</i> Memoirs of Common People as the Source for the History of Soviet Daily Life.....	78
<i>Babashkin, V.V.</i> Collectivization of the Peasantry Economy as the Domestic Variant of Modernization of Agrarian Societies.....	82
<i>Ayusheyev, D.N.</i> Social Adaptation of the Veterans of the Great Patriotic War in Buryatia (1941-1950s).....	85
<i>Bikmetov, R.S.</i> The Sector of Camp of Prisoners in the Kuzbas Economy in the First Post-war Years (1945-1948): Industrial Activity and Changes of Structure.....	88
<i>Andreenkov, S.N.</i> The Price Policy of the State in 1953-1964 and its Influence on the Economy of Collective Farms in Siberia.....	93
<i>Sootorin, S.B.</i> The Experience of Reforms of the Industry of Eastern Siberia in 1960-1980s.....	97
<i>Boukin, S.S., Timoshenko, A.I.</i> The Formation of Territorial and Production Complexes of Siberia in the Context of Transformation of the State Social and Economic policy.....	101
<i>Dolgolyuk, A.A.</i> Creation of Building Collectives During the Formation of Territorial-Production Complexes of Siberia.....	105
<i>Kotlyarov, M.V.</i> The Personnel Policy in the Communist Party's Organizations in Western Siberia During Perestroika.....	108
<i>Chernobay, O.L.</i> International Contacts of the Novosibirsk Region in 1990s.....	111
<i>Vodichev, E.G.</i> Science and Educational Potential of Siberia at the second half of the 20th Century: An Experience of Retrospective Analysis.....	115
<i>Lizunova, I.V.</i> The Russian Mass Media on the Boundary of the XX-XXI: Periodization and Its Interpretation (On the Example of Siberia and Far East).....	119
<i>Lavrentev A.V.</i> The change of external economic government policy in the Far East USSR (second half 1980-1991): the basic results and contradictions.....	123
<i>Matveeva, N.S.</i> Ecological Boom and Publishing by Eco-Pro-tecting State Institutions of Siberia (End of 1980s - Beginning of 2000s).....	127
<i>Khamutayev, V.A.</i> Ethnic Movement in Buryatia in 1980-2000s: in Searche of an Etnic Consensus.....	139
<i>Summary</i>	

© Siberian branch of Russian Academy of Science, 2009

© Publishing house of Siberian Branch of Russian Academy of Science, 2009

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC MAGAZINE
“GUMANITARNYE NAUKI V SIBIRI”**

It is published since January, 1994

There are four issues a year

**Founders: the Siberian branch of the Russian Academy of Science;
Institute of history of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding member of the Russian Academy of Science *V.A. Lamin* (chairman of the Board, Novosibirsk), academician of Russian Academy of Science *V.V. Alekseev* (Ekaterinburg), corresponding member of the Russian Academy of Science *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), doctor *Ch. Dashdavaa* (Ulan Bator, Mongolia), doctor of historical science *N.I. Drozdov* (Krasnoyarsk), doctor of historical science *V.P. Zinovyev* (Tomsk), doctor of historical science *V.A. Ilyinyh* (Novosibirsk), doctor of historical science *O.N. Kationov* (Novosibirsk), doctor of historical science *YU. F. Kiryushin* (Barnaul), academician of Russian Academy of Science *V.I. Molodin* (Novosibirsk), academician of Russian Academy of Science *N.N. Pokrovskiy* (Novosibirsk), corresponding member of the Russian Academy of Science *E.K. Romodanovskaya* (Novosibirsk), doctor of historical science *N.A. Tomilov* (Omsk), doctor *E.B. Sydykov* (Semey, Kazakhstan Republic), doctor of historical science *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), doctor of historical science *A.H. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor doctor of historical sciences *V.A. Ilyinyh*
Executive secretary candidate of historical science *D.A. Ananyev*

Doctor of historical science *N.N. Ablazhey* (deputy chief editor), candidate of historical science *S.N. Andreenov*, doctor of historical science *S.S. Bukin*, doctor of historical science *N.S. Guryanova*, doctor of historical science *V.I. Isaev*, doctor of historical science *V.A. Isupov*, doctor of historical science *S.A. Krasilnikov*, doctor of historical science *L.V. Kuras*, doctor of historical science *V.E. Larichev*, doctor of historical science *S.N. Lyutov*, doctor of historical science *N.P. Mathanova*, doctor of historical science *S.P. Nesterov*, doctor of historical science *A.L. Posadskov*, candidate of historical science *V.M. Rynkov* (deputy chief editor)

Responsible for the issue

Doctor of philological science *E.N. Kuzmina*, candidate of philological science *A.A. Maltseva*, candidate of philological science *E.N. Proskurina*

The address of editorial office: 630090 Novosibirsk, Nikolaeva street, 8,

Institute of history of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science,
office 301, tel. 330-24-31.

<http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>

agro@history.nsc.ru

Editorial staff manager *Smirnova Vera Ivanovna*

The magazine is registered in the Ministry of Press and the information of the Russian Federation 17.06.93 № 0110807

Editor *V.I. Smirnova*

Computer nesting and layout *E.N. Zimina*

Signed for printing 17.12.09. Format 60X84 1/8. Offset printing.

Conditional printer's sheet 20,0. Publisher's signature. 20,0 Circulation of 500 copies. Order № 449.

Publishing house of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, 630090 Novosibirsk, Morskoy prospect, 2

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

Серия: Отечественная история

№ 2, 2009 г.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Миронова О.Н.</i> Шведское посольство Эверта фон Бремена и Генри фон Унгерна в Московское государство в 1626 г.	3
<i>Каменецкий И.П.</i> Розыскное дело воеводы Б. Синявина: к вопросу о взаимоотношении сибирской администрации и коренных народов в Южной Сибири в эпоху Петра I	7
<i>Карнаухов Д.В.</i> MOSCHI UNDE: Развитие представлений о происхождении «московского народа» в польской историографии эпохи Возрождения	10
<i>Чернышова Н.К.</i> Влияние идей «Святой Руси» на развитие агиографии в России XIX – начала XX в. Сборники житий сибирских святых	14
<i>Кандаурова Т.И.</i> Проект организации военных поселений в Сибири	18
<i>Базылева Е.А.</i> Роль Императорского Русского географического общества в развитии книжной культуры Сибири	20
<i>Даржаев С.Ю.</i> К вопросу о становлении и формировании органов самоуправления у бурят Иркутской губернии и Забайкальской области в XIX – начале XX в.	24
<i>Морозова Н.Н.</i> Роль местной администрации в формировании авторского корпуса «Губернских ведомостей» Западной Сибири (1857–1860-е гг.)	28
<i>Зубов В.Е.</i> Проблема дисциплинарной ответственности гражданских служащих в России второй половины XIX – начала XX в.	30
<i>Мусабалина Г.Т.</i> Купцы и мещане в общественно-политической жизни Семипалатинской области во второй половине XIX в.	34
<i>Островский Л.К.</i> Польские крестьяне в Сибири на рубеже XIX–XX вв.	38
<i>Максимова Н.А.</i> Социальная поддержка крестьянского населения в Иркутской губернии накануне Первой русской революции ..	41
<i>Цыплакова С.М.</i> Возрождение древнерусской церковно-певческой традиции в Московском синодальном хоре и училище в конце XIX в.	44
<i>Пархоменко Я.А.</i> Советская власть и кино (1917–1919)	48
<i>Симонов Д.Г.</i> Мобилизации сибирской интеллигенции в Белую армию в 1918–1919 гг.	52
<i>Рынков В.М.</i> Восстановление землевладельческих прав в Сибири во второй половине 1918 – первой половине 1919 г.: законодательство и практика	56
<i>Яцкевич Е.В.</i> Коллективные хозяйства Урала в 1920-е гг.: численность, состав, экономическое положение	60
<i>Иминохоев А.М.</i> Проблема досуга и формирование нового быта горожан Верхнеудинска/Улан-Удэ в 1920–1930-е гг.	64
<i>Шекшеев А.П.</i> Антисоветские листовки енисейских крестьян конца 1920-х гг.	67
<i>Красильников С.А.</i> Шахтинский процесс как социально-политический заказ	70
<i>Рафикова С.А.</i> Народные мемуары как источник по истории советской повседневности	74
<i>Бабашкин В.В.</i> Коллективизация крестьянского хозяйства как отечественный вариант модернизации аграрных обществ	78
<i>Аюшеев Д.Н.</i> Социальная адаптация ветеранов Великой Отечественной войны в Бурятии (1941–1950-е гг.)	82
<i>Бикметов Р.С.</i> Лагерный сектор в экономике Кузбасса в первые послевоенные годы (1945–1947): производственная деятельность и структурные изменения	85
<i>Андреенков С.Н.</i> Ценовая политика государства в 1953–1964 гг. и ее влияние на экономику колхозов Сибири	88
<i>Сутурин С.Б.</i> Опыт реформирования промышленности Восточной Сибири в 1960–1980-е гг.	93
<i>Букин С.С., Тимошенко А.И.</i> Формирование ТПК Сибири в контексте трансформации государственной социально-экономической политики	97
<i>Долголюк А.А.</i> Создание строительных коллективов в формирующихся территориально-производственных комплексах Сибири ..	101
<i>Котляров М.В.</i> Кадровая политика КПСС в партийных организациях Западной Сибири в период перестройки	105
<i>Чернобай О.Л.</i> Международные связи Новосибирской области в 1990-е гг.	108
<i>Водичев Е.Г.</i> Научно-образовательный потенциал Сибири во второй половине XX в.: опыт ретроспективного анализа	111
<i>Лизунова И.В.</i> Средства массовой информации России на рубеже XX–XXI вв.: периодизация и ее трактовки (на примере Сибири и Дальнего Востока)	115
<i>Ливертьев А.В.</i> Изменение внешнеэкономической политики государства на Дальнем Востоке СССР (вторая половина 1980-х – 1991 г.): основные результаты и противоречия	119
<i>Матвеева Н.С.</i> Экологический «бум» и издание литературы государственными природоохранными учреждениями Сибири (конец 1980-х – начало 2000-х гг.)	123
<i>Хамутаев В.А.</i> Национальное движение в Бурятии в 1980–2000-х гг.: поиски этнического консенсуса	127
<i>Summary</i>	139

© Сибирское отделение РАН, 2009

© Издательство СО РАН, 2009

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), чл.-кор. РАН *В.И. Бойко* (Новосибирск), канд. ист. наук *Н.М. Екеева* (Горно-Алтайск), д-р техн. наук *Б.С. Елепов* (Новосибирск), канд. ист. наук *В.Д. Март-оол* (Кызыл), д-р филол. наук *Л.Г. Панин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), д-р филол. наук *В.А. Роббек* (Якутск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), д-р ист. наук *В.Н. Тугужекова* (Абакан), д-р филос. наук *В.В. Целищев* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь д-р ист. наук *Н.Н. Аблажей*

Д-р ист. наук *Н.А. Алексеев*, чл.-кор. РАН *А.Е. Аникин*, д-р филол. наук *Э.А. Бальбуров*, д-р ист. наук *А.В. Бауло* (зам. гл. редактора), д-р филол. наук *Б.В. Болдырев*, д-р ист. наук *Ф.Ф. Болонев*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *В.П. Горан* (зам. гл. редактора), д-р филос. наук *А.А. Гордиенко*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова*, д-р филос. наук *В.Н. Карпович*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р филол. наук *Е.Н. Кузьмина*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, канд. филол. наук *А.А. Мальцева*, д-р филос. наук *Ю.В. Попков*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. филол. наук *Е.Н. Проскурина*, д-р ист. наук *Д.Я. Резун*, д-р филос. наук *А.Л. Симанов*, д-р юр. наук *А.В. Цихоцкий*, д-р ист. наук *М.В. Шиловский*, д-р филол. наук *Н.Н. Широкова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.И. Шишкин* (зам. гл. редактора)

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www-psb.ad-sbras.nsc.ru>
agro@history.nsc.ru
З а в. р е д а к ц и е й *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *Е.Н. Зимица*

Подписано к печати 22.06.09. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 17,75. Уч.-изд. л. 17,0. Тираж 500 экз. Заказ № 195.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

О.Н. МИРОНОВА

**ШВЕДСКОЕ ПОСОЛЬСТВО ЭВЕРТА ФОН БРЕМЕНА
И ГЕНРИ ФОН УНГЕРНА В МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В 1626 г.**Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина
e-mail: olesya-mironova@yandex.ru

В статье рассматривается история шведского посольства 1626 г., во время которого предпринимается первая попытка создания русско-шведского военного союза против Речи Посполитой. Изучение дипломатического этикета позволяет выяснить влияние ритуальной стороны посольских приемов на содержание переговоров.

Ключевые слова: шведское посольство 1626 г., русско-шведский союз, посольский этикет, Речь Посполитая.

В 1617 г. между Россией и Швецией был заключен Столбовский договор – так называемый вечный мир, который отнюдь не сводил на нет взаимные претензии сторон. По мирному договору Швеции отошли северные земли с важнейшими стратегическими пунктами и выходом к морю. Однако планы на возвращение земель пришлось отложить для того, чтобы направить свои силы на другое враждебное государство – Речь Посполитую. Именно «Литва» захватила исконно русские земли и угрожала самому существованию независимой России. В 1618 г. между Речью Посполитой и Московским государством был заключен договор, но он предусматривал лишь перемирие сроком на 14 лет и 6 месяцев. Мирный договор между двумя государствами не решал существовавших острых проблем. Напротив же, в этот период прекращаются все дипломатические контакты между Московским государством и Польшей, так как польский король Сигизмунд III не признавал Михаила Федоровича государем российским и продолжал называть своего сына Владислава русским царем [1–4].

Для Швеции в это время Речь Посполитая также являлась врагом «номер один». Еще со второй половины XVI в. эти два государства вели непримиримую борьбу за ливонское наследие – территорию Восточной Пруссии. Отношения между Польшей и Швецией особенно обострились с началом Тридцатилетней войны (1618–1648), которая во многом носила религиозный характер. В этой борьбе католическая Польша и лютеранская Швеция оказались по разные стороны противостояния.

Целая череда событий и объективных причин сблизила Россию и Швецию перед лицом их главного общего противника – Речи Посполитой. А в 1626 г. Швецией была предпринята попытка организовать вместе с Россией союз против Польши.

Одним из первых историков, обративших внимание на русско-шведские дипломатические отношения XVII в., был С.М. Соловьев. Используя документы Посольского приказа, он рассматривал отдельные моменты дипломатических поездок как шведских послов в Россию, так и русских в Швецию. С.М. Соловьев упомянул и шведское посольство 1626 г. [5, с. 125]. Большую роль в изучении русско-шведских дипломатических отношений XVI–XVII вв. сыграла двухтомная работа Г.В. Форстена «Балтийский вопрос». Этот труд был написан преимущественно на основе зарубежных источников. Во втором томе упоминается шведское посольство 1626 г. и там же помещена королевская инструкция послам [1, с. 208–210]. Но все же шведскому посольству 1626 г. не уделялось должного внимания. Историки предпочитали обращаться либо к началу XVII в., периоду Смуты и интервенции, либо к концу 1620-х – началу 1630-х гг., когда сближение между Россией и Швецией становилось очевидным. Посольство 1626 г. лишь упоминалось в череде более значимых событий. Первым, кто обратил серьезное внимание на шведское посольство 1626 г., был Б.Ф. Поршнев. Он охарактеризовал его как серьезный шаг к потеплению во взаимоотношениях между двумя государствами [4, с. 179–181, 192].

В настоящее время единственной специальной работой, посвященной шведскому посольству 1626 г., является статья И.П. Шаскольского [6]. Исследуя московские переговоры 1626 г., И.П. Шаскольский использовал документы Посольского приказа и опубликованную Г.В. Форстеном инструкцию шведским послам. Основываясь на этих источниках, он анализирует ход переговоров, его характер. И.П. Шаскольский исследовал политические вопросы посольства, а также причины отказа московского правительства по основным вопросам королевской грамоты. Изучая русско-швед-

ские экономические отношения, И.П. Шаскольский дал глубокий анализ переговорам по торговым вопросам. Но, исследуя посольство 1626 г., он обращает внимание лишь на время пребывания шведских дипломатов в Москве и их переговоры с русским правительством. Автор опустил целый ряд документов о путешествии шведского посольства по России (от границы и до Москвы).

Несмотря на то, что большинство дипломатических переговоров проходило по уже устоявшимся традициям, шведское посольство 1626 г. нельзя рассматривать как одно из многих. Небольшие отклонения от посольского этикета или же соблюдение определенной традиции, а также незначительные нюансы, которые с первого взгляда могут показаться не такими уж важными для характеристики данного посольства («ссылки»), способны на самом деле раскрыть истинное отношение русского царя, его приближенных и приказных людей к шведскому королю, правительству и Швеции вообще. Это отношение может быть субъективным, но тем не менее оно влияло на развитие дипломатических и торговых связей между двумя странами. Отметим, что в настоящее время вопросы посольского этикета вызывают большой интерес, особенно это связано с развитием антропологического подхода к изучению истории. Одной из наиболее значимых работ по этой теме является книга Л.А. Юзефовича «Как в посольских обычаях ведется...» [7]. В ней впервые подробно затронута тема посольского церемониала.

Целью настоящей статьи является попытка изучить прием шведского посольства в Московском государстве с момента пересечения шведскими послами границы в марте 1626 г. и до окончания переговоров в Москве в апреле 1626 г. Прежде всего внимание уделяется посольскому этикету, что позволяет изучить эту дипломатическую сторону с точки зрения антропологического подхода.

В архиве Посольского приказа¹ хранится ряд документов, рассказывающих о приезде шведских послов в Россию в 1626 г. Эти источники практически не публиковались, лишь Д.В. Цветаев поместил небольшую выдержку, относящуюся к обсуждению торговых вопросов на переговорах данного посольства в Москве [8].

В 1626 г. Густав II Адольф направил в Россию великое посольство с предложением о совместной борьбе против польского государства. Для военного союза против Речи Посполитой существовала юридическая основа – 33-й пункт Столбовского мирного договора. В нем говорилось, что Россия и Швеция могут заключать союз против польского короля [9, с. 449–450]. Шведский король возлагал большие надежды на посольство. То, что оно не было рядовым, свидетельствует и выбор послов. Переговоры были поручены двум видным представителям ревельского

дворянства – «великому послу» Эверту фон Бремену, ревельскому наместнику, и крупному помещику – послу Генри фон Унгерну. Для посольства 1626 г. Густав-Адольф выбирает самый высший ранг дипломатов – послов, которые являлись «заменителями государя» [7, с. 29].

Встреча шведского посольства проходила с большими почестями, как и следовало «по посольскому обычаю» и как было установлено Столбовским миром. Послы прибыли на рубеж на Осиновую горку 13 марта 1626 г. Место это было выбрано не случайно. Именно здесь 29 марта 1618 г. состоялось подписание первой межевой записи к Столбовскому мирному договору.

К приезду шведских послов готовились очень тщательно. Как только стало известно, что прибывает посольство, в России началась интенсивная переписка между воеводами городов, через которые пройдет посольство, и Посольским приказом, из которого от имени царя шли многочисленные указы и инструкции.

Встретить достойно послов, согласно этикету, а также показать свое гостеприимство было очень важно. Гостеприимство в данном случае воспринимается не как желание показать свое расположение, но как демонстрация посольских традиций, заложенных не одним столетием; ведь только сильное, могущественное государство могло похвастаться возможностью красиво и богато встретить иностранных дипломатов.

Одно из главных условий при встрече посольства – обеспечение безопасности дипломатов. В Столбовском договоре указывалось, что послы «должны быть встречены и с честью приняты на границе» [9, с. 447]. Для этого на рубеж были отправлены приставы Степан Горихвостов и Матвей Арцыбашев, которых выбирали из «дворян добрых з больших статей». В договоре также записано, что посольство должно быть доставлено в Москву «в сопровождении надлежащей охраны», поэтому было наказано отправить «для встречи детей боярских добрых человеку двадцать или тридцать или сколько пригож которые б были собою добрые...»², а также в провожатые отправлялись и 30 казаков конных и стрельцов.

В инструкции приставам говорилось: с послами «бытии ласковым... и честь и береженье держать их». Также приказывалось «накрепко, чтоб к свейским послом... на рубеже и в дороге... никто не приходил и с ними ни о чем не розговаривал...»³. Такая осторожность, скорее, была обусловлена не столько вопросами безопасности, сколько желанием не допустить, как мы бы сейчас сказали, утечки информации.

Известно, что Московское государство еще не успело восстановиться после Смутного времени, и, естественно, шведские послы, путешествуя по Севе-

¹ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1626 г., № 2.

² Там же. Л. 84.

³ Там же. Л. 46–48.

ро-Западной России, видели разоренные земли. Признать слабость своего государства русские приставы никак не могли. А вот указать шведам на то, что причиной разорения и опустения являлись они сами, казалось дипломатическим выигрышем. Так, по наказу в случае, если послы будут жаловаться, что «людского и конского корму мало», следовало «свейским послам говорить, что по дороге места разоренье и пустовье от их же неметцких людей»⁴.

Дорога в Москву вела через ряд российских городов. Следовательно, дьякам Посольского приказа нужно было показать не только величие Московского двора, но и силу и богатство Северо-Западной России, с которой у Швеции существовали интенсивные торговые связи.

В таких городах, как Великий Новгород, Торжок, Гдов, Тверь, встреча послов проходила достаточно торжественно. По устоявшемуся «прежнему обычаю» за город отправлялся знатный дворянин в сопровождении трехсот человек: дворян, детей боярских, приказных людей, казаков. К приезду посольства были приготовлены дворы «добрые». Вдоль дороги, по которой следовало посольство, было «людно и стройно». Строго следили, чтобы все они были «в чистом платье». Еду послам давали в 1,5–2 раза больше, чем следовало по росписи. В день отъезда послов на улицах было «людно и стройно и всякие люди ходили в чистом платье»⁵.

Дипломатической тонкостью и человеческим состраданием отличалась встреча шведских послов в Великом Новгороде. Подчеркивая скорбь и соболезнования по поводу того, что «у их свейского короля матери не стало», за город были отправлены «санники воронные и сани з чорными медведны», взамен санника серым и саням «з белыми медведны», как следовало по обычаю⁶.

На протяжении всего пути приставам наказывалось сообщать обо всем, «что с ним свейские послы в дороге учнут говорить»⁷. Из отписей приставов в Посольский приказ становится ясно, что шведские послы не делали тайны из цели своей поездки и открыто говорили о преимуществах русско-шведского союза против Польши. В то же время они предугадывали отрицательный ответ России, так как послам было известно, что у московского царя «с польским королем перемирье до урочных лет». Поэтому предлагалось воевать с Сигизмундом не открыто, а отправить «вольных людей казаков штобы литовская земля с теми людьми повоевати и Смоленск взяти»⁸.

Далее слова посла звучали даже с некоторой угрозой. Он манипулировал самой большой потерей России в борьбе с Польшей – Смоленском, и говорил о

том, что «по первой траве» Густав-Адольф собирается в военный поход в литовскую землю. Посол намекал на судьбу Смоленска, который может попасть в руки шведского короля. Как видим, речь Эверта Бремена достаточно смела. Забегая вперед, отметим, что совсем в другом настроении будут проводиться переговоры с царем. Смелые заявления посла могут объясняться следующим: Эверту Бремену было прекрасно известно, что все его разговоры будут переданы в Москву и дадут почву для раздумий. А вот в смелости и даже в некоторой самоуверенности обвинить его не смогут, так как данные беседы не являются официальными, а, следовательно, их достоверность никто не сможет подтвердить.

Шведские послы прибыли в Москву 29 марта. На аудиенции «на дворе» у царя они побывали три раза. Первая встреча состоялась 31 марта. По этому случаю за послами были отправлены лошади «со всем конским нарядом» и с конюхом из государевой конюшни. Сопровождали послов Семен Колтовской и дьяк Иван Переносов. В шествии участвовали также дворовые люди, конюхи, подьячие «с приказов лучшие в цветном платье и на добрых лошадях».

Приехав в Кремль, на углу Архангельской паперти послам следовало сойти с лошадей и идти пешком. Во дворце, «в дверях проходные палаты», их встречал князь Данила Иванович Долгорукий. Царь в это время сидел «в средней в золотой в подписной палате в царском платье». Его окружение также было празднично одето «в золотом платье и в черных шапках».

После того как королевская грамота была передана русскому правительству, царь «велел послам сесть на скамейке», которая располагалась дальше, чем традиционно сидели польские послы⁹. Как видим, дружеское отношение и «вечный мир» не смогли разрушить традицию, заложенную еще в XVI в. и свидетельствующую о том, что шведские послы находятся на уровне ниже представителей Речи Посполитой.

В королевской грамоте большое внимание уделялось описанию политики польского короля, которую Густав-Адольф характеризовал как «великую неправду». Освещалась и расстановка сил в Европе. Особое внимание уделялось роли польского короля, который «соединчился с римским цесарем и с королем шпанским». Указывалась цель габсбургского лагеря – «искоренить все христианские веры и в то место учинить свою папешскую веру и подвести под себя все христианские государства». Именно эта цель, помимо взаимных притязаний к Речи Посполитой, должна была объединить усилия России и Швеции. Противопоставив католицизм остальным религиям, два государства, несмотря на идейные различия между ними, должны были стать ближайшими союзниками. Значительная часть текста грамоты посвящалась политике антигабсбургского лагеря. Также рассказывалось об успехах

⁴ Там же. Л. 49.

⁵ Там же. Л. 154–156.

⁶ Там же. Л. 154.

⁷ Там же. Л. 47.

⁸ Там же. Л. 171.

⁹ Там же. Л. 237–243.

Густава-Адольфа в войне с Польшей. Особое внимание привлекали слова шведского короля о том, что «с зачатое дело» он начал не ради себя, а для защиты всех христианских королей и государей Европы «к добру и пользе». Все эти долгие и эмоциональные слова грамоты должны были подвести царя к тому, чтобы он начал войну против Сигизмунда III, «чтоб он цесары не помогал»¹⁰.

Вторая аудиенция шведских послов «на дворе» у царя состоялась 18 апреля. На этой встрече обсуждались как политические, так и экономические темы. Главным являлся вопрос о военном союзе против Речи Посполитой. Царь и русские бояре с большим сочувствием и «приятельским сердцем» пересказали королевскую грамоту, пожелав Густаву-Адольфу «всего добра и на недруги победы и одоления»¹¹. Но от союза отказались, ссылаясь на то, что между Россией и Польшей заключено перемирие и «в те перемирные лета меж обоих государств рати и войне не быти»¹². По той же причине русское правительство не поддержало идею послов об отправке в ливонскую и польскую землю татар и запорожских казаков воевать на стороне Швеции. Главной же причиной отказа была неготовность ослабленной России к новым войнам. Забегая вперед, отметим, что как только Московское государство почувствует в себе силы, оно начнет войну с Польшей, невзирая на то, что перемирные года к этому времени еще не истекут.

Дальше обсуждение шло по статьям, которые позже были письменно предоставлены русскому правительству. Первое, о чем просил король, – разрешить шведским послам проходить через русские земли в Персию, а также просил проследить, чтобы через «земли и государства ехать было вольно, безо всякого задержания и нужды». Царь ответил согласием, но оговаривалось, что «торговым людям с ними ходити не пригоже»¹³.

Затронут был вопрос и о перебежчиках, на что бояре отвечали, что с русской стороны никаких нарушений нет, и упрекнули шведских послов в том, что в их государстве есть русские перебежчики, и они «назад не отданы». Русское правительство требовало исправления нарушений мирного договора¹⁴.

С точки зрения посольского этикета один момент в московских переговорах вызывает особый интерес. Думный дьяк Иван Грамотин обвинял послов в том, что они в своих речах и письмах великого государя называли «братом», не имея на то оснований, и требовал, чтобы послы называли царя так, «как написано в посольских договорных записях и утвержденных грамотах»¹⁵. Вопрос о «братстве» очень остро стоял

во взаимоотношениях России и Швеции. Назвать шведского короля «братом» означало признание его политически равным русскому царю. Еще Иван Грозный отказывался именовать королей династии Ваза «братьями» по причине их низкого происхождения [7, с. 10]. Предполагая, что вопрос о «братстве» снова поднимется на переговорах в Москве, шведские послы привезли с собой копию речи Михаила Федоровича 1618 г., в которой царь называл Густава-Адольфа «братом», и предоставили ее русскому правительству. Однако со стороны царя не последовало реакции. А в документах Посольского приказа за 1630 г. находится выписка из договоров между Россией и Швецией, подтверждающая, что «российские государи шведских королей никогда братьями не писывали»¹⁶.

Последний раз царь указал послам быть у себя «на отпуске» 25 апреля. На этой аудиенции были подведены итоги посольства и шведским дипломатам вручили ответную государеву грамоту¹⁷. На этом посольство в Москве закончило свою работу, и дипломаты возвратились в Швецию.

Как видим, шведским послам было отказано во многих предложениях. Но тем не менее это посольство сыграло значительную роль в налаживании отношений между Россией и Швецией. Сочувственные речи русского правительства, а также внимательное отношение к проблемам антигабсбургского лагеря и, в частности, Швеции дали надежду послам на то, что в будущем Московское государство согласится на союз против Польши. Это посольство послужило поводом для того, чтобы уже в октябре 1626 г. Густав-Адольф снова направил в Россию дипломатов и повторил свое предложение. В итоге спустя несколько лет, в 1629 г., шведский союз против Речи Посполитой все же был создан.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос. СПб., 1894. Т. II.
2. *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война. Л., 1947.
3. История дипломатии. М., 1959. Т. 1.
4. *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
5. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1990. Кн. V, т. 9.
6. *Шаскольский И.П.* Русско-шведские переговоры 1626 г. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.
7. *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...». М., 1988.
8. *Цветаев Д.В.* Вероисповедное положение протестантских купцов в России. М., 1885. Приложения, № XII. С. 46–47.
9. *Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000.

¹⁰ РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1626 г., № 2. Л. 249–264.

¹¹ Там же. Л. 303.

¹² Там же. Л. 307.

¹³ Там же. Л. 309.

¹⁴ Там же. Л. 320.

¹⁵ Там же. Л. 312.

¹⁶ Там же. Оп. 1. 1630 г. № 11.

¹⁷ Там же. 1626 г. № 2. Л. 365–368.

И.П. КАМЕНЕЦКИЙ

**РОЗЫСКОЕ ДЕЛО ВОЕВОДЫ Б. СИНЯВИНА:
К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИИ СИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ
И КОРЕННЫХ НАРОДОВ В ЮЖНОЙ СИБИРИ В ЭПОХУ ПЕТРА I**

Омский институт (филиал)
Российского государственного торгово-экономического университета
e-mail: kameneckiiwan@mail.ru

В статье рассматривается деятельность сибирских воевод в Южной Сибири в первые десятилетия XVIII в., исследуются способы осуществления здесь ясачной политики русской администрацией и джунгаро-телеутскими правителями, формы и характер взаимодействия противоборствующих сторон и их влияние на аборигенов края. Делается вывод о том, что «русский вариант» подчинения и управления коренными народами создавал более безопасные условия для их проживания и являлся наиболее предпочтительным в сравнении с политикой кочевых правителей.

Ключевые слова: аборигены, алман, ясак, двоеданничество, джунгаро-телеуты, розыское дело, фронтир.

В изучении истории отношений русской администрации с аборигенными правителями в Сибири XVII–XVIII вв. особое место занимают следственные дела. Они наглядно показывают непростой характер складывающихся взаимоотношений между воеводской властью и местной кочевой знатью.

Несмотря на определенную тенденциозность в освещении событий и отстаивании своих интересов участниками судебного процесса, материалы «розыских дел» дают достаточно полное представление о сути и причинах конфликтов между русской администрацией и кочевыми правителями, позволяют выявить круг вовлеченных в них лиц, определить их роль, показать значение аборигенного и ясачного фактора в административной политике России в Южной Сибири в Петровскую эпоху. Последнее обстоятельство особенно важно в связи с попытками некоторых современных исследователей пересмотреть тезис о положительном влиянии русских на аборигенов Южной Сибири в процессе интеграции их в состав России.

В работах Г.П. Самаева, Л.Р. Кызласова, Л.И. Шерстовой ясачно-административная политика русского правительства в регионе оценивается преимущественно с негативных позиций. Ее направленность авторы усматривают в завоевании потестарных образований, переориентации их хозяйственной деятельности на пушной промысел, разрушении традиционной культуры и ментальности. Авторы также выдвигают необоснованные тезисы «о бережном сохранении» местных тюркоязычных народов со стороны джунгарской и телеутской знати, «упорядоченном» и «нормированном» ею сборе ясака с алтайских волостей, существовании «ойрато-теленгитского» этнического единства и другие спорные суждения [1, с. 35–36].

В январе 1722 г. в Тобольскую губернскую канцелярию поступили две челобитные от телеутского князя Байгорока Табунова на кузнецкого воеводу Бо-

риса Синявина и его помощников. Их составителем был сын владельца «белых калмыков» Табуна Кокина (правил в 1669–1697 гг.) и внук Коки Абакова, которые играли важную роль в налаживании политических и торговых связей между телеутами и Россией в XVII в. [2, с. 118–119, 290].

В челобитной Байгорок сообщил о себе, что кочевал в «обских краях», имел подвластных ему 3000 «дымов» (семей), служил джунгарскому контайше и «никаких обид русским властям не чинил, и послов их принимал со всеусердным радением». Летом 1715 г. Байгорок и его люди были захвачены по приказу воеводы Б. Синявина и отконвоированы в Кузнецк. Собранный ими пушной ясак для джунгарского правителя на сумму 32 руб. и лошади были конфискованы и присвоены Синявиным, а самого Байгорока, сковав, заключили в тюрьму. Содержали его там три года, подвергая большим унижениям: «...и нужники у него у Синявина на дворе и улицы чистил, ходя наготю, и глину на кирпичное дело топтал». Спустя некоторое время Синявин отпустил двух его спутников «в калмыки» за выкупом. Но, несмотря на присланный выкуп в 60 лошадей и камку, из которых воевода взял себе пять лошадей и два «подстава» камок на сумму 38 руб., пленники не были отпущены на волю.

Далее Байгорок писал, что бежал из Кузнецка, но посланный в погоню отряд, во главе с самим комендантом, настиг его с тремя товарищами в степи. Схваченных беглецов Синявин велел пытать, «сжечь до смерти»; отчего двое умерло, а Байгорок, с оставшимся в живых спутником, были препровождены в Кузнецк, а затем в Тобольск [3, с. 295–297].

В Тобольске 22 апреля 1722 г. Байгороком была составлена новая челобитная. По новым его обвинениям в адрес Синявина, последний якобы посылал дворянина Ивана Максимова, сынов боярских Григория Архилевского, Федора Сорокина, Федора Козьми-

на с отрядами в кузнецкие волости для поимки джунгарских сборщиков ясака, возглавляемых Дюренгом и Мергенем. Не настигнув джунгар, они присвоили себе собранную джунгарами пушнину и десять лошадей. Джунгарского посла Номоя с «охранным листом» Синявин приказал в Кузнецке сковать, поместить в тюрьму, а затем выслал в Тобольск, а десять его лошадей воевода присвоил. Якобы по его же приказу бердский приказчик Иван Буткеев разорял телеутские юрты, при этом трое было убито и двое ранено [3, с. 298].

Челобитные Байгорока привлекли внимание властей на фоне сложной обстановки в регионе. В 1710 г. джунгарский владетель Духар осадил и сжег Бикатунскую крепость, возведенную в самом центре телеутской земли, и разграбил многие деревни Кузнецкого уезда¹. В октябре 1714 г. джунгарские послы заявили в Тобольске, что города Томск, Красноярск, Кузнецк построены на джунгарских землях и должны быть снесены, иначе будут захвачены [4, с. 17]. В 1716 г. была разрушена Ямышевская крепость и захвачено много русских пленных. В октябре 1719 г. были избиты члены русского посольства в Урге, где их больше года держали под арестом. На их глазах мучили русских пленных, взятых под Ямышевым [Там же, с. 34]. Следует добавить, что в 1717 г. был арестован и вскоре казнен главный управитель Сибири губернатор М. Гагарин, обвиненный в многочисленных злоупотреблениях.

Специальным указом от 13 мая 1722 г. правительство потребовало от Тобольской губернской канцелярии обменять Байгорока на пленных русских «ясачников» и провести тщательное расследование всех фактов, изложенных князем «с подлинной очисткой», и о результатах его незамедлительно сообщить в Петербург. Проведение «подлинного сыска» было поручено сыну боярскому Василию Кореневу из Енисейской провинциальной канцелярии, к ведомству которой относился Кузнецкий уезд. Следствие было предписано проводить в присутствии представителя от джунгарской стороны и «нарочного» из Тобольска [3, с. 299]. Эти установки свидетельствовали о том, что правительство придавало аборигенной политике в Сибири особое значение.

К этому времени Синявин был уже опытным администратором. Он происходил из служилой воеводской династии. Его старший брат Ларион был воеводой в Кузнецке в 1699–1703 гг. В 1703 г. воеводство перешло к Борису, который управлял уездом до 1706 г. В 1707 г. с участием кузнецких служилых людей был возведен Абаканский острог, в 1710 г. – Бикатунская крепость. Затем оба брата были назначены первым и вторым воеводами в Иркутске. В 1715 г. Б. Синявин, будучи уже полковником, был вновь определен в Кузнецк комендантом (вместо упраздненной воеводской должности), а в 1722 г. переведен на новое место назначения [1, с. 99, 338]. При нем были построены Мунгатский и Бердский остроги (1715), Белоярская (1717) и Бийская (1720) крепости в Верхнем Приобье. Тогда же на Иртыше были заложены Омская (1716), Желез-

нинская (1720) и Ямышевская (1721) крепости. В условиях значительного расширения русского фронта ему приходилось принимать необходимые меры по защите пришлого и коренного населения от воинственных кочевников и укреплению границ российских владений в Южной Сибири.

Следствие в отношении коменданта, передавшего дела полковнику Б. Серединину, началось 13 августа 1722 г. и закончилось в ноябре того же года. В ходе розыска помимо воеводы было допрошено 86 чел. – восемь дворян, 12 детей боярских, 19 начальных и приказных людей, 49 казаков. Показания воеводы, участников и свидетелей событий были дополнены справками Кузнецкой канцелярии, «наказами» и «памятками» начальных лиц.

Главной задачей следственной комиссии являлось установление причин и инициаторов пленения Б. Табунова. Отвечая на первый пункт допросного листа, «по какому указу и за что он [Байгорок. – И.К.] взят был в Кузнецк», Синявин показал, что Табунов был пленен по его распоряжению, так как в соответствии с воеводским «наказом» ему велено «ясачных иноземцев от мирных земли оборонять», и что от Байгорока «русским и ясачным иноземцам обиды и разорения были», о чем он своевременно извещал Тобольскую канцелярию [3, с. 301]. Тем самым воевода с самого начала отменил от себя обвинения в произволе и своеволии, которые нередко допускали его предшественники.

Синявин также постарался снять с себя подозрения, связанные с присвоением того, что собрали люди Байгорока, выкупом за его несостоявшееся освобождение и ограблением прибывшего в Кузнецк с этой целью телеутского посла Номоя. По словам Синявина, Номоя он отправил в Тобольск, действуя в соответствии с указом, «а не из взяток» [3, с. 304, 308].

Показания воеводы были дополнены в промемории Кузнецкой канцелярии от 5 октября 1722 г., присланной по запросу сыщика В. Коренева. Согласно ей, пленение Байгорока была вызвано изветом конного казака Дмитрия Уленджи, сообщившего, что Байгорок и сын другого телеутского князя Чап Шалов собирают ясак на р. Карабаихе с неподвластного им населения. В связи с этим воеводой был послан в указанный район сын боярский Степан Серебряников² с отрядом. При поимке были конфискованы оружие, 27 лошадей, различные меха. Последние были внесены в приход Кузнецкой канцелярии, а затем, по словам канцеляристов, пушнина была возвращена аборигенам по их челобитной для уплаты ясака, а лошади отданы людям Байгорока [4, с. 20, 21].

В промемории также сообщалось о прежней «вине» Байгорока. В ноябре 1710 г. он приезжал в ту же волость с 30 воинами и «чеоктонов улус шесть юрт разбил и ясачного татарина Чеоктона поймав, у живого глаза велел выколоть и ремня из спины вырезали

² Примечательно, что С. Серебряников происходил из старой служилой династии. Его род прославился в борьбе с кочевниками и даже вошел в одно из местных сказаний о защитниках земли Кузнецкой.

¹ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 19. Л. 51.

и повесили на дерево» за то, что Чеоктон сообщил в Кузнецк о нападении калмыков на Кузнецк в 1710 г., что позволило спастись многим кузнечанам [3, с. 310].

Канцелярия также представила копию указа Тобольской губернской канцелярии от 1714 г., содержащую рапорт Сиявина в Тобольск, где воевода сообщал об участии людей отца Байгорока Табуна в нападении на Бийскую крепость в 1710 г., ее разрушении и захвате в плен многих русских и ясачных людей. Здесь говорилось о пленении Байгорока. Губернская канцелярия рекомендовала освободить Байгорока при соблюдении двух возможных условий: 1) взять с него «договор» об отказе телеутов в дальнейшем «воевать» и разорять русские города и ясачные волости «за порукою калмыков князцов и владельцев»; 2) обменять Байгорока на русских пленных и «беглых к калмыкам ясачных людей» [2, с. 311–312]. Указ был подписан самим М. Гагариным с припиской «об отпуске или удержанию его чинить полковнику по тамошнему состоянию, смотря как лучше, так и чинить». Таким образом, Сиявину была предоставлена самостоятельность в его действиях в отношении Байгорока, чем он и не преминул воспользоваться.

В промемории Кузнецкой канцелярии содержались и факты о незаконном сборе ясака «по 6 соболей с человека» в забийских волостях джунгарским сборщиком Дюренгом летом 1713 г. и мерах, принятых против него Сиявиным.

Согласно справке А. Мельникова, Сиявин, узнав о происках Дюренга, направил для его поимки отряд под руководством сына боярского Григория Рыхлевского. Но Дюренгу удалось бежать, бросив при этом в Кумандинской волости большой «погромный ясак»: 660 белок, кошлока, три бобровые черевиси, 66 железных котлов, 109 таганов, шесть стремян и другую «железную мелочь». Все это, по словам Г. Рыхлевского, было отдано им «для сбережения» ясачному татарину той же волости Щеголку Адаянову «с товарищи». Однако в приход Кузнецкой канцелярии поступило на 100 белок меньше и не все названные железные изделия. В связи с недостачей местная администрация дважды проводила допросы ясачных и служилых людей об отсутствующем «погромном ясаке» и каждый раз получала о его количестве разные и противоречивые сведения [3, с. 313–314].

Невзирая на приведение оправдательных свидетельств Рыхлевским и его людьми, из материалов следствия видно, что часть пушнины и железных изделий была все-таки присвоена ими. Но очевидно и то, что эта часть не шла в сравнение с алманом Дюренга и других джунгаро-телеутских сборщиков дани, чьи грабительские операции пресекали в этот период кузнечные воеводы.

Одним из опасных обвинений, выдвинутых Байгороком в отношении Сиявина, был несанкционированный поход служилых людей под командованием И. Максимова и Ф. Сорокина на джунгарских сборщиков дани Манзу Басаева и Замсуна в 1713 г. На следствии воевода заявил, что он об этом событии «за про-

должением времени не упомянул, а явно о том о всем в кузнецкой канцелярии» [3, с. 306].

Из предъявленной канцелярией справки, составленной подъячим М. Игнатьевым, следовало, что причиной тому был телеутский князец Манзу Басаев, который требовал алман на контайшу с двоedanцев Сагайской волости «по 30 полиц куяшных, по 30 стрелных железцов, по 2 котла железных, по наковалну, по 2 молота с человека», угрожал им войною, избил несколько ясачных, взял алман «насильством» и «велел им сагайцам платить [телеутам. – И.К.] по соболю, а на контайшу по 5 соболей с человека» [3, с. 319]. Чтобы пресечь эти действия, Сиявин направил дворянина И. Максюкова и подъячего Ф. Сотского, поручив им выразить протест по поводу излишнего алмана.

В справке также содержались «обиды» в отношении других телеутских князцов Бейконя и Шала, отца кузнечного узника Чопа Шалова, удачно совершившего побег из тюрьмы. В 1714 г. в телеутскую землю был направлен сын боярский Андрей Ефремов с небольшим отрядом; ему была поставлена задача вернуть ясачных людей, живших ранее на р. Кондоме и бежавших в телеутские владения. Во время пребывания в «калмыках» два казака, промышлявших торговлей, были захвачены по приказу князцов М. Басаева и Манзу. Служилые люди были ограблены и подвергнуты всяческому унижению [3, с. 322]. Пленники были освобождены отрядом сына боярского Андрея Федорова, который, согласно справке Кузнецкой канцелярии, отобрал у калмыков десять лошадей, из них восемь были отданы ясачным людям «с распискою», а две лошади пострадавшим служилым.

Последнее обвинение Байгорока против воеводы состояло в том, что по указу Сиявина бердский приказчик Иван Будкеев совершил нападение на телеутские юрты в 1716 г., разорил их и убил трех человек. В связи с тем, что ко времени сыска Будкеева уже не было живых (он умер в 1717 г.), по данному факту были допрошены С. Серебряников и жители Бердского острога. Все они заявили, что «про то они не ведают... и не слыхивали». Однако, как установили исследователи, в июле 1717 г. С. Серебряниковым, бывшим в то время приказчиком Белоярской крепости, был послан с разведывательной целью на левый берег Оби отряд из 50 чел., который вопреки воеводской инструкции вступил в бой с телеутами. В сражении погибли 15 калмыков и четверо русских. После этого боя Серебряникову было запрещено под угрозой смертной казни посылать в разведку «многолюдством» и вступать самовольно в сражения с неприятелем [2, с. 185].

В допросных пунктах также содержались вопросы, касавшиеся условий содержания Табунова и его людей под стражей в Кузнецке, обстоятельства задержания и применения к ним пыток во время их побега. Опрошенные по этому поводу дворяне А. Меньшиков, И. Максюков и Я. Вагин заявили, что Байгорок и его люди содержались три года под караулом в разных местах: на аманатском дворе, в тюрьме, на постоялом дворе и «в работе их на нужнике и глине» не использовались [3, с. 327]. Однако вряд ли эти показания соответ-

ствовали действительности. Примерно в это же время уже упомянутые русские послы (И. Чередов и его спутники) находились на положении пленников в джунгарской Урге, где в течение 15 месяцев их заставляли «колодцы чистить с принуждением, а иных и били и сидели за караулом с великою нуждой» [4, с. 34].

Участовавшие в поиске беглецов начальные люди Ф. Максюков, С. Серебряников, И. Бызов сообщили, что застигли их уже в 80 верстах от Кузнецка «в чернолесье» на р. Ускунае и, возвращаясь с ними домой, встретили воеводу, который приказал, применяя пытки огнем, выведать истинные планы беглецов. Под их воздействием Байгорок сообщил, что он решил на побег, когда ему стало известно о намерении телеутов и джунгар «идти войной» на Кузнецк, и беглецы надеялись встретить их на подходе к городу. Поимщики также заявили, что от пыток два беглеца умерли, а когда, «они не ведают», и о судьбе их неизвестно. Эти показания почти дословно подтвердили рядовые служилые Кузнецка и жители подгороднего села Ильинского [3, с. 334–336]. Лишь сын боярский М. Валишевский внес ясность в этот вопрос, заявив, что «зженные калмыки померли на аманадском дворе и кинуты за город на болото, а кто выкинул, про то он не ведает» [3, с. 349–350]. Показаниями М. Валишевского следственное дело было завершено. Незвестно, какая была принята резолюция по нему центральной властью. По-видимому, действия кузнецкого воеводы и его приближенных были признаны правомерными и адекватными обстановке в регионе.

Вместе с тем кузнецкий сыск показал, что борьба за ясак и коренное население в Южной Сибири в первые десятилетия XVIII в. вступила в новую, завер-

шающую стадию и приобрела упорный и напряженный характер. Русские власти развернули ширококомасштабное строительство крепостей в верховьях южно-сибирских рек, что способствовало более эффективному распространению их влияния на новые ясачные территории. Джунгарские правители вместе с телеутскими, киргизскими и другими кочевыми князьями все чаще прибегали к насильственным действиям и мерам утраты в отношении русского и ясачного населения.

В этих условиях политика России была направлена на ослабление джунгарского присутствия в двоеданных фронтальных районах и на предотвращение произвола и злоупотреблений в отношении ясачного населения со стороны как джунгаро-телеутских правителей, так и русской администрации, что способствовало в конечном счете вхождению его аборигенов в цивилизованное пространство более могущественной державы. В осуществлении этой политики нетрудно заметить традиции государственного патернализма в отношении покоренных народов и перманентную борьбу с кочевыми правителями, берущие свое начало еще со времен Киевской Руси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каменецкий И.П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII в.: проблемы жизнедеятельности в условиях фронта Южной Сибири. Омск, 2005.
2. *Уманский А.П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск, 1980.
3. Памятники сибирской истории. СПб., 1885. Кн. 2.
4. *Кониюхов И.С.* Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995.
5. *Моисеев В.А.* Россия и Джунгарское хозяйство в XVIII веке (очерк внешнеполитических отношений). Барнаул, 1998.

Д.В. КАРНАУХОВ

MOSCHI UNDE: РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «МОСКОВСКОГО НАРОДА» В ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ*

Новосибирский государственный педагогический университет
e-mail: dvkarn@mail.ru

В статье рассматриваются концепции происхождения «московского народа», созданные польскими историками эпохи Возрождения М. Бельским, М. Кромером, М. Стрыйковским и А. Гваньини. Уделяется внимание роли парабиблейской и античной литературной традиции в формировании ренессансных этногенетических мифологем, позволявших повысить культурно-исторический статус москвитов посредством их сопряжения с имевшими сходные наименования народами древности и ветхозаветными героями.

Ключевые слова: эпоха Возрождения, историография, Польша, этногенез, москвиты.

Место и роль Москвы в исторических концепциях польских авторов, созданных на рубеже Средневековья и Нового времени, напрямую зависели от акту-

ального политического положения Московской Руси в системе международных отношений в Восточной Европе.

В период удельной раздробленности восточнославянского этнополитического пространства не только Москва, но и Русь в целом нередко игнорировались

* Статья подготовлена во время стажировки автора в Центре изучения античной традиции Института междисциплинарных исследований *Artes Liberales* Варшавского университета.

польскими историками, которые предпринимали попытки объяснить происхождение славянства. В рамках этнической картины мира эпохи Средневековья среди славянских народов выделялись главным образом поляки и чехи, представленные через легендарных братьев-эпонимов Леха и Чеха, некогда покинувших древнюю «южную» прародину славянских народов, находившуюся на Балканах. Восточные славяне, располагавшие собственным эпонимом – Русом, в период доминирования представлений о происхождении славян «с юга» занимали в славянском мире периферийное положение, что выражалось либо в игнорировании их эпонима польскими средневековыми авторами, либо в присвоении ему дискриминационного в рамках родовой иерархии славянских народов статуса внука или «потомка» Леха. Таким образом подчеркивалась зависимость русских от поляков, что отражало особенности актуальных политических взаимоотношений Руси и Польши и во многом было обусловлено усилением польско-литовской экспансии на восточнославянские земли. Наиболее последовательным приверженцем такого рода трактовки славянского этногенеза был выдающийся польский историк XV в. Ян Длугош [1, с. 16–17].

«Южная» (балканская) теория происхождения славян была опровергнута польскими историками эпохи Возрождения – Бернардом Ваповским, Мартином Кромером, Марчином Бельским, Мачеем Стрыйковским и Александром Гваньини, выдвинувшими ряд альтернативных этногенетических концепций, в числе которых наибольшее распространение получили «сарматская» и «мосохова» теории, связывавшие прошлое славян с народами древности и библейскими героями, имевшими сходные наименования.

Сторонники «сарматской» теории полагали, что общими предками славянских народов были некогда населявшие Восточную Европу сарматские племена роксан и роксолан, созвучие наименований которых с этнонимом русских давало возможность польским ренессансным историкам доказать сарматские корни славянских народов. В свою очередь этногенетическое сопряжение сарматов и славян позволяло «вписать» последних через легендарного прародителя сарматов – потомка ветхозаветного Сима Асармота – в библейскую генеалогию и тем самым значительно «удревнить» историю славянских народов, в том числе поляков.

Предпосылкой для разработки «мосоховой» теории, ставившей в центр этногенетической конструкции московский народ, становится выдвинутая Бернардом Ваповским гипотеза о том, что славяне произошли из московских земель, от Новгорода Великого и «от озера Словеного»*. Это предположение, основанное на произвольной интерпретации топонимичес-

ких данных (сопряжение: озеро Словеное/славяне), вдохновило польских историков второй половины XVI в. на создание авторских концепций происхождения московского народа, в рамках которых престижный статус московской земли как древней славянской прародины был не только подтвержден, но еще больше усилен признанием в качестве эпонима московского народа ветхозаветного Мосоха. Впервые данный тезис был сформулирован во втором издании «Хроники всего света» Марчина Бельского 1554 г.: в разделе, посвященном описанию древнейшего периода истории человечества, этот автор утверждает, что от сына Яфета Мезеха происходят «Москва и все славаки» [2, л. 6 v]. Тем самым было положено начало разработке «мосоховой» генезы, связывавшей благодаря сопряжению Мосох/Москва славянские народы напрямую с ветхозаветным Ноем через его сына Яфета, что позволяло радикально повысить статус славянских народов в глазах просвещенной публики не только Польши, но и всей Европы.

Вместе с тем опубликованная на польском языке «любительская» хроника М. Бельского [3] едва ли могла в полной мере выполнить эту важнейшую задачу. Для убеждения зарубежных интеллектуалов в достоверности «мосоховой» генезы требовалось осуществить ее обоснование в рамках сочинения, в полной мере отвечавшего принятым в то время стандартам научности исторического исследования. Таким историческим трудом стала латиноязычная хроника выдающегося польского ученого Мартина Кромера, впервые опубликованная в 1555 г. под титулом «О происхождении и деяниях поляков» (*De origine et rebus gestis Polonorum*), которая четыре раза переиздавалась на языке оригинала, а также была переведена на немецкий и польский языки.

В основе представленной на страницах этого сочинения концепции лежало убеждение в том, что население московских земель – самостоятельный народ. Под именем «мосхов» (*Moschi*) М. Кромер упоминает его в числе иных славянских народов наряду с «руссами, которых многие называют рутенами», волинцами, булгарами, богемцами, поляками и другими этническими группами славянского происхождения [4, р. 1]. В дальнейшем автор хроники использует разные «исторические» формы номинации московского народа. «Рассуждения» (*ratiocinatio*) на эту тему помещены под выносной глоссой «Откуда Мосхи и когда они так стали называться» (*Moschi unde, et quando appellari coepti*) в 9-й главе 1-й книги «*De origine et rebus*», где в качестве предполагаемых древних предков москвитов на основании сходства в наименованиях фигурируют племена амаксобиев (*amaxobiae*), модоков (*modocae*), мосхенов (*moschenaе*), мосхов (*moschi*), свидетельства о которых были найдены польским историком в ветхозаветных текстах и сочинениях античных писателей.

Так, с целью верификации свидетельства Иосифа Еврейского о проживавшем в Каппадокии «народе Мосхинов произошедшем от Мосха или Мосоха, сына

* Рукопись хроники Б. Ваповского, работа над которой была завершена к 1535 г., не сохранилась до наших дней, и данный вывод ее автора известен нам по сочинениям М. Бельского [3, л. 156] и М. Стрыйковского [6, с. 102].

Яфета» М. Кромер обращается к 10-й главе Книги Бытия. Он также приводит сведения, позаимствованные из 6-й, 9-й и 13-й глав 5-й книги «Географии» Клавдия Птолемея о некогда проживавшем в Азиатской Сарматии «народе Модокон», Москских или Мосхских горах в Каппадокии или Армении. Наконец, привлечены свидетельства из «Географии» Страбона о «народе Москов», жившем по соседству с Колхами, и из «Естественной истории» Плиния Старшего, описавшего «народы Мосхенов и местоположение Мосхов». Подводя итог своим «рассуждениям», М. Кромер указывает на то, что в современный ему период сосуществуют три формы номинации населения московских земель – латинская *Moschi*, германская *Moschovitae* и славянская *Mosqua* [4, p. 15]. Разночтения польский историк объясняет неопределенностью происхождения имени московского народа и различиями традиций их наименования в современности.

Благодаря обоснованию и популяризации данной этногенетической концепции, М. Кромеру удалось согласовать концепцию происхождения москвитов с распространенными в его время представлениями об истории древних цивилизаций. Действуя в русле этой тенденции, автор «*De origine et rebus*» констатирует, что московский народ «как в Европейской, так и Азиатской Сарматии долгое время скрыто господствовал, пользовался Славянским языком ... и с тех отдаленных времен на протяжении многих веков эти свои земли удерживает» [4, p. 14–15]. Практическое значение этногенетической конструкции, представленной в хронике М. Кромера, для польской гуманистической историографии состояло в том, что именно этнонимические аргументы давали основание отождествить славянское население Московского государства с имевшими похожее название древними народами, а также, апеллируя к свидетельствам писателей древности и потенциалу библейской традиции, подтвердить приобретавшую все большую популярность гипотезу о его происхождении «от Мосха или Мосоха, сына Яфета». В результате в представлениях европейских интеллектуалов эпохи Возрождения престижное происхождение и героическое прошлое не только «мосхов», но и произошедших от них славян согласовывалось с реалиями середины XVI в. – славянским доминированием на огромных и неизведанных пространствах Восточной Европы.

Эти выводы оказали огромное влияние на представления других польских историков о славянских древностях. Ссылаясь на авторитетное мнение «доктора Кромера», М. Бельский в третьем издании «Хроники всего света» (1564) скорректировал свою достаточно противоречивую концепцию древнейшей истории славянских народов, пересмотрев ее наиболее консервативный элемент – эпонимическую легенду, традиционно связывавшую происхождение чешского и польского народов с переселением братьев Чеха и Леха из балканских стран на север. Под влиянием аргументов М. Кромера М. Бельский утверждает, что «предки наши, славянские князья, не с Далмации или с Кар-

вазии пришли в страны немецкие ... а из русских стран, они в то время широко расселялись на больших равнинах между реками Волгой и Днепром, которые из Москвы выходят и прилегают к Москве ...» [5, l. 336].

Еще дальше в разработке этой темы пошел Мачей Стрыйковский, который становится наиболее последовательным сторонником «мосоховой» генезы славянских народов. Этот автор прямо называет Мосоха «Отцом и Патриархом всех народов Московских, Русских, Польских, Вольньских, Ческих, Мазовецких, Булгарских, Сербских, Карвацких, и всех вообще, сколько есть народов Славянского языка» [6, s. 17]. Тем самым не только подтверждался, но и значительно усиливался главный тезис концепции М. Кромера. Однако, в отличие от своего предшественника, М. Стрыйковский называет прямыми потомками Мосоха легендарных братьев Русса, Леха и Чеха [6, s. 79], благодаря чему ему удалось согласовать «мосохову» генезу и славянскую эпонимическую легенду, являвшуюся ключевым элементом этногенетических построений того времени, которые позволили объяснить дифференциацию славянского суперэтноса на отдельные народы.

В выборе техники доказательства достоверности «мосоховой» генезы московского народа и славян в целом М. Стрыйковский не был оригинален – он воспользовался тем же приемом, что и М. Кромер, – занялся поисками свидетельств о народах, названия которых были созвучны Москве, в работах античных авторов и библейских текстах. В результате древнейшая история мосхов-славян в его сочинении была значительно конкретизирована. В частности, М. Стрыйковский ссылается на ряд свидетельств древних писателей о мосхах, которые не упоминались предшественниками, приводит выдержки из сочинений «древнейшего халдейского историка» Бероса об основании «Мосхом народа Мосхов одновременно в Европе и Азии» и иудейского историка Теодора «Библиандра» о мосхах в Азии, в Каппадокии [6, s. 90].

Вместе с тем свидетельства письменных памятников древности М. Стрыйковский дополняет вымышленными деталями и в результате искусственно конструирует этногенетическую легенду, представляя ее в виде связного рассказа с целью доказательства весьма престижной и древней родословной московского народа и славян в целом. Он сообщает, в частности, что после разрушения Вавилонской башни и смешения языков Мосох со всем своим народом «направился через Армянские и Скифские или по иному Татарские горы из восточных стран в северные части света, и у берегов Понтского или Черного моря осели они в 131 г. после Потопа». М. Стрыйковский также сообщает, что всеми древними историками русские народы стали называться не Русаками и не Руссами, но Мосохами, Мосхами ... от того патриарха их Мосоха Иафетовича, а не от нынешней новой Москвы». В дальнейшем именно этот народ, по мнению М. Стрыйковского, начинает осваивать и заселять огромные пространства Восточной Европы, «везде около Киме-

рии, Боспора и Черного моря... Танаиса, Оки, Волги, Камы, Днепра, Буга, Десны, Днестра, Дуная вплоть до истоков Двины и Немана... наконец до ледяного Балтийского моря» [6, s. 92¹–92²].

Для большей убедительности и дополнительной верификации своей этногенетической теории М. Стрыйковский воспроизводит и гипотезу Б. Ваповского о происхождении этнонима «славаков» «от озера Словеного» (ссылаясь на автора идеи), однако при этом адаптирует ее к «мосоховой» генезе, указав на то, что «Поляки, Чехи, Булгары и все другие Славаки и Русаки ведут свое происхождение от Мосоха или Москвы, сына Яфета, потому что из стран московских вышли» [6, s. 102]. Таким образом М. Стрыйковскому удалось связать воедино древнюю и современную историю московского народа, а также соотнести ее с концепцией происхождения всех славян.

Вместе с тем, несмотря на культурно-историческую престижность и привлекательность описанной выше теории, для этногенетических построений польских авторов второй половины XVI в., обосновавших в своих сочинениях «мосохову» генезу, был характерен общий конструктивный изъян, обусловленный тем, что родословная «от Мосоха» в рамках библейской генеалогии никак не сочеталась с сарматской эпонимической легендой (славяно-сарматский эпоним Асармот был потомком ветхозаветного Сима, т. е. лишь опосредованно был связан с родом Яфета). Отсюда следует, что польские ренессансные историки так или иначе были вынуждены объяснять указанные противоречия, согласовывать эти две взаимоисключающие теории.

Отметим, что проблема несогласованности двух теорий славянского этногенеза, одновременно объяснявших происхождение Москвы и Руси, была осознана далеко не сразу. Так, в исторических трудах 1550-х гг. (ранние редакции хроник М. Бельского и М. Кромера) хотя и представлены обе концепции, каких-либо комментариев по поводу их взаимной противоречивости не дается. Лишь в третьей редакции «De origine et rebus» (1568) М. Кромер предпринимает попытку объяснить не вызывавшее сомнений в его время этнокультурное единство восточнославянских народов, а именно упоминавшихся древними авторами «Мосхов, Модокон или Амаксобитов» и проживавших с ними по соседству и родственными им русскими или роксоланами (*in vicinorum & cognatorum Rusorum sive Roxolanorum*) тем, что мосхам в силу близкого соседства перешло имя роксолан, а потом вновь было возвращено первоначальное наименование [7, p. 10]. Тем самым изначально имевшие разное происхождение народы, по мысли М. Кромера, вследствие совместного проживания на одной и той же территории объединились, что и позволило этому автору согласовать «мосохову» и «сарматскую» генезы славян.

Этим выводом М. Кромера воспользовался М. Стрыйковский, который в своей польскоязычной хронике для убедительности даже воспроизвел соответствующий фрагмент третьей редакции «De origine

et rebus» в оригинальном латинском варианте без польского перевода [6, s. 91]. Взяв за основу тезис М. Кромера, М. Стрыйковский развивает его в присущей ему манере «беллетризации» исторического повествования. Он предпринимает попытку сопряжения «мосоховой» и «сарматской» генез посредством прямого включения в легендарный сюжет обоих эпонимов – Мосоха и Сарматы (Сармату характеризует как «*krewny*» Мосоха на том основании, что оба они имели общего главу родовой иерархии – Ноя), взаимоотношения которых синхронизируются во времени и пространстве с момента разрушения Вавилонской башни и до их совместного переселения в северные страны.

В результате М. Стрыйковскому удается убедить читателей своей хроники в том, что славяне по крови связаны с «народом мосхов», а по имени – с сарматскими племенами роксолан. Причем оба варианта происхождения были приемлемы и престижны, так как «мосохова» генеза актуализировалась в рамках парабиблейской традиции, тогда как роксоланы-сарматы в большей степени были известны по сочинениям античных римских и греческих историков. Достижение столь важного компромисса позволяет М. Стрыйковскому рассматривать в качестве древних предков славян как мосхов (этнонимически связанных с современными «московитами»), так и роксолан (этнонимически связанных с современным «народом руским»).

Важно также отметить, что далеко не всегда сопряжение современной Москвы и древнего народа «мосхов» в ренессансных исторических трудах имело позитивную направленность. В частности, на страницах историко-географического сочинения натурализовавшегося в Польше итальянца Александра Гваньини, которое было опубликовано в разгар Ливонской войны, уже не вызывавший сомнений факт восточного происхождения московского народа дает основание его автору сделать далеко не лестные для него выводы – сравнить москвитов «из-за жестокости нравов» с турками и арабами, т. е. при помощи исторических аргументов подтвердить актуальные представления о них как о диком, жестоком и склонном к тирании народе [8, p. 47v].

Несмотря на некоторые разночтения в оценках древнейшей истории московского народа, сопряжение Мосох/Москва, имевшее немалое значение для коррекции представлений об общеславянской истории, сделало Московию в глазах европейских интеллектуалов позднего Ренессанса своеобразным историческим центром славянского мира, древнейшей прародиной славянских народов, что, в свою очередь, повышало культурно-исторический статус всех восточных славян, которые из «изгоев» славянства превращались в насельников древней славянской прародины.

В то же время сосуществование «мосоховой» и «сарматской» теорий также не было случайностью, поскольку оно отражало особенности этнополитического размежевания восточного славянства, в котором польскими ренессансными авторами выделялись

собственно «русские» (подданные Польши и Литвы) и восточнославянское население Московской Руси, рассматривавшиеся как самостоятельные народы, хотя и близкие друг другу по вероисповеданию и языку. Именно эта дифференциация становится причиной возникновения ученых гипотез, по-разному трактовавших происхождение русского и московского народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Флоря Б.Н.* Русь и «русские» в историко-политической концепции Яна Длугоша // Славяне и их соседи: Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990.

2. *Bielski M.* Kronika wszytkego świata na sześć wieków i na czworo księgi także Monarchie rozdzielona [...]. Kraków, 1554.

3. *Bielski M.* Kronika wszytkego świata na sześć wieków, Monarchie cztery rozdzielona [...]. Kraków, 1551.

4. *Cromer M.* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX [...]. Basileae, 1555.

5. *Bielski M.* Kronika, to jest Historyja świata na sześć wieków i na cztery Monarchie rozdzielona [...]. Kraków, 1564.

6. *Strykowski M.* Ktora przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Zmodska i wszystkiej Rusi [...]. Królewiec, 1582.

7. *Cromer M.* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Tertium ab authore diligenter recogniti [...]. Basiliae, 1568.

8. *Gwagnini A.* Omnium Regionum Moschoviae Monarchae subjectarum ... Descriptio [...]. Cracovia, 1578.

Н.К. ЧЕРНЫШОВА

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ «СВЯТОЙ РУСИ» НА РАЗВИТИЕ АГИОГРАФИИ В РОССИИ XIX – НАЧАЛА XX в. СБОРНИКИ ЖИТИЙ СИБИРСКИХ СВЯТЫХ

Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье рассматривается влияние идей «Святой Руси» на особенности развития русской агиографии в XIX – начале XX в.: прослеживается интерес к собственно русской агиографии, собиранию сведений о святых и подвижниках благочестия отдельных местностей России, в том числе Сибири, разысканию, изучению и публикации агиографических памятников.

Ключевые слова: агиография, агиология, Святая Русь, археография.

XIX – начало XX в. характеризуются некоторым «бумом» изданий агиографических сборников, составившихся как известными духовными писателями или церковными историками (архиеп. Черниговский Филарет (Гумилевский), А.Н. Муравьев, архиеп. Димитрий (Самбикин) и др.), так и малоизвестными и даже непрофессиональными авторами, духовными и мирянами (Д. Эрстов и М. Яковлев, А.Н. Бахметева, архим. Игнатий (Малышев) и др.). Это был новый этап русской агиографии. В настоящий момент его изучение только начинается [1, с. 3–4; 2; 3, с. 5–8 и др.]. Неисследованными остаются задачи составителей, вопрос об источниках житий, связь с традициями прошлого и направления развития жанра, а также значение создаваемых сочинений в ряду агиографических памятников и др. Мы не беремся дать сколько-нибудь полную характеристику этапа, отметим здесь лишь некоторые черты, характеризующие культурно-исторический контекст житийных памятников, и выделим для рассмотрения один аспект, а именно связь развития жанра с актуализацией понятия «Святая Русь».

«Святая Русь» – это русские святые, просиявшие в нашем отечестве со времени принятия христианства, небесные покровители и защитники православных. Но

«Святая Русь» является также самоназванием русского народа, которое возникло во времена Древней Руси и вошло в русское национальное самосознание. В течение XVIII в. оно ушло с первого плана и почти исчезло из церковной и тем более светской публицистики и сохранялось преимущественно в народной культуре. В середине XIX в. отмечается актуализация данного понятия, что связывают с кругом славянофилов (И.П. Киреевский, А.С. Хомяков, И.С. Аксаков и др.) [4, с. 29–30, 44–45; 5]. К концу XIX в. понятие «Святая Русь» оказалось наполненным многообразным духовным и культурно-историческим содержанием. Можно проследить некоторые направления интерпретации понятия. «Святая Русь» – это: 1) святые – защитники и покровители русского народа; 2) свидетельство опытного Богопознания; 3) духовно-нравственный идеал, основанный на православной аскезе; 4) основа формирования национального менталитета и 5) основа русской историософии. Интерес к кругу идей «Святой Руси» обострился в кризисный период нашей истории – во время революции и Гражданской войны.

Одной из характерных черт нового этапа агиографии, обусловленных импульсом идей «Святой Руси», является, на наш взгляд, процесс «собирания

русской святости». Представляется, что отмеченный выше «бум» частично являлся отражением интереса к «Святой Руси». Часть сборников, изданных в это время, включают жития почитаемых всей православной церковью святых (сборники А.Н. Бахметевой, Д.И. Протопопова, Е. Поселянина и др.). Однако русские духовные писатели XIX в. проявили особый интерес к агиографии собственно русских святых. Пользовавшийся широкой известностью фундаментальный труд митрополита Дмитрия Ростовского «Четии-Минеи», созданный в конце XVII – начале XVIII в., содержал по разным причинам далеко не полные сведения, относящиеся к собственно русским святым. «В четырех тримесечных книгах насчитывается до 664 житий святых, тогда как слов, сказаний и повестей только 67, – писал исследовавший памятник прот. А. Державин, – по времени и месту подвижничества святых жития разделяются на четыре группы: первая (24 жития) обнимает жизнь и подвиги святых ветхозаветных, вторая (571 житие) – общехристианских, третья (65 житий) – русских и четвертая (4 жития) – южно-славянских» [6, т. 16, с. 46]. Касаясь причин, обусловивших эту неполноту, исследователь говорит о том, что, начиная свою работу, святитель своему труду еще не придавал общерусского значения и «считался с потребностями только местного, юго-западного края» [6, т. 15, с. 118–119].

Агиографы XIX в., в отличие от святителя Дмитрия, уже не только пытались, используя сведения о русских святых, содержащиеся в месяцесловах, служебных и четиих минеях, прологах, святцах и других агиографических источниках, и дополняя их, включить русских святых в круг почитаемых всею Русской Православной Церковью, но посвящали им самостоятельные агиографические сочинения. Углубление поисков и расширение географических рамок русской агиографии делали необходимым привлечение новых источников и приведение их в известность, и это служило в свою очередь толчком к созданию новых житийных текстов и агиографических сборников. Одновременно решалась и проблема поиска критериев включения или невключения житий тех или иных подвижников в составляемые сборники, что вызывало необходимость в дополнительных исследованиях.

Начало этому процессу положил «Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых» Д. Эристова и М. Яковлева (СПб., 1836). По нашим подсчетам, в «Словаре...» упомянут 391 святой. А.Н. Муравьев включил в свое сочинение, кроме русских, жития грузинских и сербских святых (всего 301 имя). Основная часть имен совпадает с упомянутыми в «Словаре...», хотя общее число включенных А.Н. Муравьевым в состав своего сочинения лиц несколько меньше. Архиеп. Филарет (Гумилевский) назвал свой вышедший десятилетие спустя и пользовавшийся впоследствии большим авторитетом труд «Русские святые, чтимые всею Церковью или местно». По подсчетам архиеп. Сергия

(Спасского), в составе сборника архиеп. Филарета упомянуто 408 святых [7, с. 387].

В XIX в. развернулась широкая археографическая работа как духовными, так и светскими учеными-агиографами, по разысканию, изучению, изданию житийных памятников Древней Руси. Архиепископ Филарет формулировал как главную задачу агиографии создание назидательных текстов для чтения православных, а в качестве второго направления работы называл собиранье и публикацию древнерусских житий, предлагая тем самым программу развития русской агиографии как жанра духовной литературы и как науки [8, с. 84].

Как один из шагов в решении последней задачи можно рассматривать издание в 1887 г. М.В. Толстым рукописи русских святцев конца XVII – первой половины XVIII в. под названием «Книга глаголемая описание о российских святых где и в котором граде, или области, или монастыре, или пустыни поживе и чудеса сотвори всякого чина святых». Издание включает публикацию рукописи Московской духовной академии (№ 209) и дополнения, заимствованные из других списков данной рукописи и других источников. В отличие от указанных выше житийных сборников, в «Книге глаголемой...» краткие сведения о 477 святых расположены по регионам России [9].

Региональный аспект программы нашел также отражение в сочинении воспитанника Оптиной Пустыни агиографа и археографа архим. Леонида (Кавелина), который назвал свою книгу «Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых» (СПб., 1891), что указывает на несомненную связь российской агиографии с развитием идей «Святой Руси». «Желательно, чтобы настоящая книжка, – писал архим. Леонид, – побудила местных чтителей памяти святых составить патерики по областям и городам: Новгородской, Псковской, Московской, Ярославской, Ростовской и иных <...>». В этой книге приведены справочные сведения о 795 святых и подвижниках благочестия, при этом писатель отмечает, что «имеются жития не более двухсот имен святых» [10, с. IV].

Исследование круга богословских, исторических, источниковедческих и филологических проблем русской святости, обращение к житиям как богатому нетрадиционному историческому источнику [11, с. 2] также возможно, на наш взгляд, рассматривать в контексте актуализации идей «Святой Руси». Изучение истории канонизации святых В.В. Васильевым и Е.Е. Голубинским позволило уточнить перечень русских святых, обще- и местночтимых, а также представить отдельно подвижников благочестия. Архиепископ Сергей провел подсчеты на основании сочинения Е.Е. Голубинского и установил, что ученым упомянуто около 260 святых [7, с. 387]. Во второй половине XIX в. было издано несколько агиографических справочников, явившихся итогом огромной работы по приведению в известность русских подвижников благочестия, изучения агиографических источников и на-

мечавших дальнейшие задачи: «Источники русской агиографии» Н.П. Барсукова, «Полный месяцеслов Востока» архиеп. Сергия (Спасского), упомянутая справочная книжка архим. Леонида. В дальнейшем работа по собиранию житий русских святых продолжалась и велась в различных регионах страны. Е.Е. Голубинский приводит список книг и статей о святых отдельных местностей, опубликованных, за небольшим исключением, во второй половине XIX в. [12, с. 5–10].

Отметим еще одну черту агиографии XIX в., обусловленную развитием идей «Святой Руси». Так, «Жития святых...» А.Н. Муравьева отражали историко-философский аспект развития идей «Святой Руси». Как и в паломнических произведениях, в житиях писатель подчеркивал не только святость подвижников благочестия, но и их связь с российской историей. В предисловии к сентябрьскому тому своего сочинения А.Н. Муравьев приводит большой фрагмент из рукописи Русских святцев 1657 г. Новгородского Софийского собора и указывает причины, побудившие его обратиться к этому жанру: «...И могут ли быть бесполезными для русских читателей столько нравственных примеров лучших по добродетели мужей нашей родины всякого звания, мирских и духовных? Ибо тут заключается не только частная история их подвигов, но даже целые отрывки из государственной истории, потому что их жизнь была в тесной связи с отечественною» [13, с. 5].

Активно проводившаяся в течение XIX в. работа по выявлению русских святых не была завершена к концу столетия [14, с. 1].

Сибирь в XIX в. представлялась многим авторам регионом, в котором было сравнительно немного православных святых. Упомянутые агиографические сборники Д. Эрстова и М. Яковлева, А.Н. Муравьева, архиеп. Филарета, М.В. Толстого содержат сведения не более чем о трех сибирских святых (Иннокентий Иркутский, Василий Мангазейский, Симеон Верхотурский). Архим. Леонид называет имя еще не канонизированного Иоанна Верхотурского. Архим. Никодим (Кононов) в начале XX в. сообщает о трех канонизированных сибирских святых и пяти неканонизированных [14, с. 1].

Между тем сибирские духовные писатели приблизительно с конца 1840-х гг., как и их европейские современники, старались привести в известность «духовный потенциал» региона и познакомить русского читателя с сибирскими православными святынями – жизнеописаниями сибирских архиереев и других подвижников благочестия, почитаемыми иконами, монастырями (А.И. Сулоцкий, Н.А. Абрамов). Достаточно полный перечень угодников Божиих, подвизавшихся в Сибири, впервые был представлен иноком Парфением (П. Агеевым) (всего 11 имен) [15, с. 9–11].

Возможно, именно его сочинение породило мысль представить сборник жизнеописаний сибирских святых и подвижников благочестия. Автором первого известного нам сборника такого рода был ученик

А.И. Сулоцкого и сибирский духовный писатель прот. М.П. Путинцев. Задача собирания сведений о сибирских подвижниках благочестия формулируется М.П. Путинцевым в кратком предисловии: «Вот и в далекой, холодной Сибири со времени водворения в ней христианства всегда были великие подвижники благочестия, память о которых донныне свято сохраняется» [16, с. 3]. Важность опыта М.П. Путинцева подчеркивает составитель современного «Патерика сибирских святых и подвижников благочестия» прот. А. Дмитрук [17, с. 11].

В сборник «Сказаний...» М.П. Путинцев включил краткие очерки о св. Иннокентии, Василии Мангазейском, Иоанне, митрополите Тобольском, Варлааме I, архиепископе Тобольском, пустынножителях Василиске и Зосиме, Данииле Ачинском, томских юродивых Домнушке и Разумовском и туркестанском воине-мученике. В примечании к жизнеописанию св. Иннокентия автор сообщает еще об одном представителе рода Кульчицких – епископе Костромском Александре, в прошлом бывшем миссионером в Китае и в Туркестанской епархии. Писатель подчеркнул не только родственную, но и духовную связь двух святителей [16, с. 3]. Отметим, что и инок Парфений, и М.П. Путинцев писали преимущественно о неканонизированных сибирских подвижниках благочестия.

В начале XX в. в русской агиографии развивается направление, которое ставит своей задачей представить православному читателю жизнеописание отечественных подвижников благочестия, которые почитались верующими, однако не были канонизированы официально («свыше не одной тысячи лиц» [18, март, с. 3]). Выполнение этой задачи взяли на себя архим. Никодим (Кононов) и Е.Н. Поселянин (Погожев). В числе представленных этими писателями подвижников благочестия были и сибирские.

Попытки создания сборников, посвященных сибирским святым и подвижникам благочестия, продолжались и в начале XX в. В 1905 г. на страницах «Томских епархиальных ведомостей» был опубликован доклад П. Сысуева на Богословских чтениях в Томской духовной семинарии в честь 50-летнего юбилея епископа Томского и Барнаульского Макария (Невского) под названием «Христианские светочи Сибири», куда были включены биографические очерки о святителе Иннокентии Иркутском, митрополите Московском Иннокентии (Вениаминове), преподобном Макарии Алтайском (Глухарева) и, наконец, о самом юбиляре – преосвященном Макарии. Автор доклада в предисловии формулирует причины обращения к жизнеописаниям названных подвижников благочестия: «Тяжелое, болезненное настроение переживает в настоящее время русское общество. Кому неизвестно, что в области веры и религиозных запросов духа у нас царит теперь крайнее разномыслие и неверие, в области нравственных убеждений и поступков происходит полная путаница понятий, переоценка нравственных принципов, в жизни общественной и политической – борьба партий, ломка старорусских устоев жизни и традиций.

И как больно все это видеть и переживать истинно-русскому человеку <...>» [19, № 6, с. 1]. Обращение сибирского духовного писателя к созидательному опыту святых и подвижников благочестия отражало одно из наиболее популярных направлений развития идей «Святой Руси» в начале XX в.

Упомянем о предреволюционном опыте создания «Сибирского патерика». Он связан с деятельностью Омского епархиального братства ревнителей православия и владыки Сильвестра (Ольшевского). Митрополит Феодосий (Процюк) сообщает о существовании программы патерика и об участии в ее создании будущего митрополита Мануила (Лемешевского) [20, с. 38–39]. Однако о судьбе проекта сведениями мы не располагаем.

Еще один эпизод, связанный с агиографическим творчеством сибиряков, свидетельствует о том, что Сибирь хранила и «собирала» память о своих сибирских святых, осознавая себя частью «Святой Руси». Речь идет о попытке издания в 1912 г. «Нового свято-русского патерика», предпринятой Тобольским епархиальным братством св. великомученика Дмитрия Солунского. Известно три выпуска издания [21, № 12045-12047]: первый посвящен монахине Маргарите Кирсановской и преосв. Гавриилу, митрополиту Новгородскому, второй – блаженной Ксении Петербургской, третий – преосв. Варлааму, архиеп. Тобольскому, и иеромонаху Иоакиму Саровскому. Составителем патерика назван А.И. Юрьевский, в будущем архиеп. Лоллий. Агиограф проявлял интерес и к другим сибирским святым [21, № 15012]. В биографии преосвященного (помещенной на сайте «Русское православие») указывается, что А.И. Юрьевский подготовил к печати 12 томов жизнеописаний отечественных подвижников благочестия XVIII и XIX вв. [22]. Не идет ли речь о том, что А.И. Юрьевский участвовал вместе с архим. Никодимом (Кононовым) в подготовке упоминавшихся выше «Жизнеописаний...»?

В заключение приведем сведения о месте сибирских святых и подвижников благочестия в круге почитаемых общерусских. В качестве приложения к современному изданию «Книги глаголемой...» М.В. Толстого приведен «Хронологический список русских святых» IX–XX вв. [9, с. 291–314]. Этот список отсутствовал в издании 1887 г. и составлен, по-видимому, не ранее начала XX в. Перечень святых XVII в. включает 147 имен, из них сибирских – семь. В XVIII в. составители данного списка учли 24 имени святых, из них – 10 сибирских. XIX в. представлен именами 21 подвижника, включая 12 сибирских, таким образом, доля сибирских подвижников в общем числе со временем возрастает.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Беляев С.А.* Предисловие к репринтному изданию [Словаря исторического...] // Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых / Сост. Д. Эрстов, М. Яковлев. 1990.
2. *Иннокентий (Просвирнин)*, архим. Предисловие к «Месяцеслову святых всей Русской церковью или местно чтимых» архиепископа Дмитрия Самбикина // *Иннокентий (Просвирин)*, архим. Блаженны чистые сердцем. М., 2008.
3. От редакции // Настольная книга священнослужителя. М., 1978. Месяцеслов.
4. *Карташов А.В.* Воссоздание Св. Руси. М., 1991.
5. *Лепяхин В.В.* Иконописный образ святости: пространственные, временные, религиозные и историософские категории Святой Руси. Ч. 1–2 [Электрон. ресурс]. URL <http://www.religare.ru/print18896>; <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/050623105411>.
6. *Державин А., прот.* Четьи-Минеи святителя Дмитрия, митрополита Ростовского, как церковно-исторический и литературный памятник // *Богослов. тр. / Моск. патриархия.* 1976.
7. *Сергий (Спасский)*, архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1997. Т. 1.
8. *Максимов Ю.* Архиепископ Филарет (Гумилевский) как агиограф // *Журн. Моск. патриархии.* 2000. № 12.
9. *Толстой М.В.* Книга, глаголемая описание о российских святых, где и в котором граде, или области, или монастыре, или пустыне поживе и чудеса сотвори всякого чина святых. М., 1995.
10. *Леонид (Кавелин).* Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых: Справ. книжка по рус. агиографии. СПб., 1891.
11. *Плигузов А.И., Янин В.Л.* Послесловие // *Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1988.
12. *Голубинский Е.Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1992.
13. *Муравьев А.Н.* Жития святых Российской церкви, также иверских и славянских и местно чтимых подвижников благочестия. М., 1993. Сент.
14. *Никодим (Кононов).* К вопросу о канонизации святых в русской церкви. М., 1903.
15. *Парфений (Аггеев).* Книга о Промысле Божиим как он сам через Православие ведет ко спасению, а неправославных обличает собственными их делами. М., 1857.
16. *Путинцев М.П.* Сказания о некоторых сибирских подвижниках благочестия. М., 1900.
17. *Дмитрук А.* Патерик сибирских святых и подвижников благочестия. Единец (Молдова), 2006.
18. *Никодим (Кононов)*, архим. Жизнеописания отечественных подвижников благочестия. [Козельск], 1997. Март.
19. *Сысуев П.* Христианские светочи Сибири // *Томские епарх. ведомости.* 1905.
20. *Феодосий (Процюк)*, митр. В вере ли вы? Житие и труды священномученика Сильвестра, архиепископа Омского. Омск, 2006.
21. Сводный каталог сибирской и дальневосточной книги. 1790–1917 гг.: В 3 т. / Сост. Р.Е. Павлова и др. Новосибирск, 2004–2005.
22. *Лоллий (Юрьевский)* // *Архиереи.* [Электрон. ресурс]. URL http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps_file.cgi?2_6962.

Т.И. КАНДАУРОВА

ПРОЕКТ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В СИБИРИ

Российский институт культурологии, г. Москва
e-mail: tanikand@mail.ru

В статье рассматривается один из проектных вариантов развития военных поселений в Сибири 1820-х гг., представленный императору Александру I бригадным командиром Отдельного Сибирского корпуса генерал-майором Айгустовым.

Ключевые слова: российская военная элита, военно-поселенная организация, пограничные военные поселения, хлебопашество в Сибири, торговля с Китаем.

Введение военно-поселенной организации пехоты в Новгородской губернии и в Белоруссии и кавалерии в Слободско-Украинской и Херсонской губерниях в 1810-х гг. и их развертывание вызвало неоднозначные оценки со стороны общественности и привело к появлению ряда новых проектных разработок по развитию таких поселений в России [1, с. 44–45]. Император Александр I планировал перевести со временем на положение поселенных частей всю армию. Планы по расширению военно-поселенной системы разрабатывались вплоть до начала 1850-х гг. [2, с. 61–71].

Представители российской военной элиты предлагали расширить масштабы военно-поселенной организации и ввести военные поселения в самых разных районах страны, в т. ч. в пограничных районах на юге России, на Кавказе и по другим границам. Идея организации военных поселений за Уралом в пограничных регионах возникла уже в начальный период их организации в 1810-х гг. Она была изложена в 1817 г. в записке губернатора Риги, генерал-адъютанта, маркиза Ф.О. Паулуччи, который считал целесообразным создание военных поселений по границам в европейской части России и «на Оренбургской линии и в Южной части Сибири»¹, и в записке генерал-фельдмаршала, князя М.Б. Барклая-де-Толли на «Проект учреждения о военном поселении пехоты» А.А. Аракчеева, где он признавал полезными поселения «в пограничных наших пределах противу азиатских народов», но в виде иррегулярных войск по образцу Кубанской и Кавказской линий [3, с. 348], в 1822 г. в записке генерал-майора Виригина, предполагавшего развернуть военные поселения в Оренбургской губернии². В 1823 г. служащий Азиатского департамента Министерства иностранных дел титулярный советник и кавалер Михаил Гусятников направил на имя «Главного над военными поселениями начальника» гр. А.А. Аракчеева записку «Мнение об устройении военных поселений для защипления границы от киргизкайсаков», в

которой представил план и систему мер по созданию на Оренбургской военной линии цепи пограничных военных поселений³. Граф В.П. Кочубей также предлагал развернуть систему пограничных поселений, в том числе и на «азиатской границе» в Оренбургской губернии и в Сибири [4, с. 196]. Мысль об организации поселения в Сибири нашла свое выражение и в рапорте генерал-майора Айгустова, служившего в этом регионе в начале 1820-х гг. Рапорт сохранился в материалах Департамента военных поселений (ф. 405) Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА).

В июне 1821 г. А.А. Аракчееву из инспекторского департамента было направлено подписанное начальником Главного штаба князем П.М. Волконским отношение за № 5941 с препровождением копии публикуемого ниже «Представления генерал-майора Айгустова о учреждении в Сибири военного поселения»⁴. «Командир 3 бригады Отдельного Сибирского корпуса, – отмечал Волконский, – генерал-майор Айгустов[,] представляя о предположении своем сформировать в Сибири пехотную дивизию для военного поселения оной на удобной к хлебопашеству земле, подобно тому, как сие производится в России, и изчисляя различныя выгоды, могущие от того произойти, вызывается, есть ли последует на предположение его Высочайшее соизволение, принять оное поселение на свою обязанность»⁵. Айгустов написал рапорт за № 605 на имя императора Александра I по вопросу организации в Сибири военных поселений 4 мая 1821 г. В рапорте бригадный командир Айгустов изложил свое видение проблемы поселения действующих армейских частей, исходя из конкретных условий развития сибирских территорий, необходимости защиты границы и стабилизации ситуации в столь отдаленном регионе. Он полагал, что военные поселения принесут краю очевидную и значимую пользу, позволят улучшить сель-

¹ РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 11. Л. 72–76.

² Там же. Д. 140. Л. 876–881.

³ РГВИА. Ф. 154. Оп. 1. Д. 939. Л. 2–11.

⁴ Там же. Ф. 405. Оп. 1. Д. 108. Л. 328.

⁵ Там же.

скохозийственное производство – хлебопашество, внутреннюю и внешнюю торговлю, а также позволят обеспечить охрану внутреннего порядка и надежную защиту границы. Генерал-майор предлагал свой собственный вариант развития в Сибири пограничных пехотных военных поселений.

Идеи Айгустова не нашли реализации на практике, хотя и совпадали с мнением других представителей военной и гражданской общественности об организации в Оренбуржье и на сибирских территориях

пограничных поселений. На отношении инспекторского департамента стоит помета более позднего времени: «Высочайше повелено оставить без внимания. 24.07.1829 г.»⁶. Реализовать идею развертывания поселений в Сибири в 1820-х гг., скорее всего, помешали сложности послевоенного периода, отсутствие у государства свободных финансовых средств и незавершенность к началу 1820-х гг. реализации в полном объеме проекта по поселению регулярной армии в Европейской России.

**РАПОРТ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ КОМАНДИРА 3 БРИГАДЫ
ОТДЕЛЬНОГО СИБИРСКОГО КОРПУСА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА АЙГУСТОВА
ОТ 4 МАЯ 1821 г. № 605-й^а**

С самого начала прибытия моего ко Всемилостивейше вверенной мне 3 бригаде Сибирского Отдельного корпуса и обозрения оной, приметил я в проезд мой к поселению и хлебопашеству удобныя и никем незанимаемая пустыя места, на которых ежели бы угодно было местному Губернскому начальству для общественной пользы и народной выгоды, зделать поселения, то бы жители г. Иркутска по неурожаю в окрестностях онаго хлеба не претерпевали бы недостатка, каковой в нынешнем году последовал от слабого за поселянами примотра земскаго начальства – в отвращение существующей на хлеб и прочие жизненныя припасы дороговизны, я приемлю смелость всеподданнейше представить на благорассмотрение Вашему Императорскому Величеству мое предположение, из которого усмотреть соизволите плоды и самую приверженность мою к любезнейшему отечеству, прося всеподданнейше Вашего Императорскаго Величества удостоить здешний отдаленный край сформированием дивизии из 4х пехотных и 2х егерских полков так чтобы каждый имел по 3 батальона на примерном положении поселяемых в России 2х батальионов; начав поселение сие от границы Томской губернии по линии большой дороги до самаго Верхнеудинска, по деревням, на тракте лежащим с приобщением к сим предполагаемым военно-поселянам ныне существующих в тех селениях крестьян, завезть таковыя ж поселения и по речке Ушаковке до Городской границы равно и по левой стороне реки Ангары от Байкала до Городской земли; сии поселения время от времени полагаю я с наблюдением за ними воинского начальства будут полезнее и тем более от внутренних замешательств безопаснее, а крестьяне с побуждением – установленнаго над ними надзора примутся за настоящее свое дело; ибо вообще почти все они преданы своевольству и праздности, которая на последок соделала их бесполезными до того, что вместо вывоза в продажу для народного продовольствия хлеба покупают таковой в Иркутске, занимаясь одною только промышленностью рыбы и зверей, а некоторыя бросая вовсе хозяйство свое и хлебопашество, занимаются предосудительною жизнью, в прочем когда бы поселяне усугубили труды свои на распространение хлебопашества, то конечно в здешнем краю избытие было бы в цветущем состоянии.

А чтобы обеспечить край сей от всегдашних набегов ссыльных производимых как от них равно и от поселенцов грабежей разбоя и смертоубийства и усилить цветущую с китайцами торговлю, а г. Иркутск и окрестности онаго оградить от всякой опасности, я осмеливаюсь представить себя на столь важную порученность сего поселения Вашему Императорскому Величеству основание предполагаемых поселяемых полков легко можно сформировать из полков и батальонов Сибирского отдельного Корпуса, а так же назначить из онаго ж корпуса унтер-офицеров половинное число, а остальное докомплектовать рядовыми, и положенное число музыкантов и мастеров.

Ежели благоугодно будет Вашему Императорскому Величеству Высочайше утвердить предположение сие, то при полковых штабах будут заведены ланкастеровы училищи^б для малолетних детей поселенцов при каждом штабе на 50 воспитанников, из коих по окончании наук и по достижении совершенных лет комплектоваться будут сии полки, коим потому следует от казны отпустить по полному комплекту боевую аммуницию по примеру пехотных полков трех, дву и годовую аммуницию и жалованье по наличному числу людей, а провиант до перваго урожая.

Штаб и обер офицеров назначить из армейских и егерских полков для скорейшаго образования.

^а Заверенная копия того времени публикуется в соответствии с общепринятыми правилами с сохранением орфографии, пунктуации и стилистики текста.

^б Здесь и далее подчеркнута в документе карандашом.

^в Имелись в виду ланкастерские школы, работающие по методике взаимного обучения.

^г Там же.

Как в предместьях г. Иркутска существующие фабрики фаянсовые и стеклянные для казны признаю я невыгодными, то оныя приобщить в состав сего поселения с принадлежащими к ним людьми на предмет содержания воспитанников.

Для построения хозяйственного домообзаведения повелеть снабдить фасадами.

Обоз по штату можно сделать экономичным образом нетребуя от казны на то никакого пособия, а лошадей со всем не нужно, на случай какого-либо внутреннего движения будут доставляться от самих поселян.

Все вышеизъясненное осмеливаюсь всеподданнейше представить на высочайшее Вашего императорского величества благоуважение и ежели угодно будет Высочайше утвердить сие мое предположение, то я приемлю смелость оное поселение принять на свою обязанность.

Верно Начальник отделения Голицын.

– РГВИА. Ф. 405. Оп. 1. Д. 108. Л. 329–330 об.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кандаурова Т.Н., Давыдов Б.Б. Военные поселения в оценке современников // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1992. № 2.
2. Кандаурова Т.Н. Военные поселения в России 1810–1857 гг. (проекты и их реализация) // Там же. Сер. 8. История. 1990. № 1.
3. Военный сборник. 1861. Т. 19. № 5–6.
4. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807 по 1829 гг.) / Под ред. Н. Дубровина. СПб., 1883.

Е.А. БАЗЫЛЕВА

РОЛЬ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В РАЗВИТИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ СИБИРИ

Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: bazyleva_ea@mail.ru

В статье основное внимание уделяется роли Императорского Русского географического общества в развитии книжной культуры дореволюционной Сибири. Проанализирован вклад сибирских отделов ИРГО в развитие книжного дела региона: книгоиздание, распространение изданий и библиотечное дело. Деятельность ИРГО рассматривается во взаимосвязи с социально-экономическими изменениями, происходившими в Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: Императорское Русское географическое общество, сибирские отделы ИРГО, книжная культура Сибири.

Развитие книжной культуры дореволюционной Сибири было тесно связано с изменениями, происходившими в области экономики, политики и культуры в стране. Вторая половина XIX в. для книжной культуры Сибири стала временем коренных преобразований – увеличения числа выпускаемых изданий и полиграфических заведений, роста влияния печатного слова на широкие круги общественности, повышения роли книги и чтения в культурной жизни края. В основе имевшего место подъема всех отраслей книжного дела во второй половине XIX в. лежало социальное и экономическое переустройство уклада российской жизни. В 1880–1890-х гг. ускорились процессы экономических, социальных и культурных преобразований, чему во многом способствовало развернувшееся строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Интенсивное освоение восточных территорий страны увеличивало поток переселенцев, что имело и большое культурное значение для края [1, с. 108–110, 171]. В начале XX в. Сибирь уверенно вошла в эру капитализма, распространения новых экономических отношений. Отрицательно на развитии книжного

дела Сибири сказались военные и революционные события начала XX в., повлекшие за собой ухудшение экономической конъюнктуры страны в целом [2, с. 27, 118–119, 192–193].

Активную роль в научном книгоиздании региона играли местные отделы Императорского Русского географического общества¹ (ИРГО). С целью проведения непрерывной работы ИРГО (созданное в Санкт-Петербурге в 1845 г.) сформировало целую сеть отделов. До 1917 г. в Сибири действовало шесть филиалов ИРГО. Первым стал Сибирский отдел ИРГО, открытый в 1851 г. в Иркутске и переименованный в 1877 г. в Восточно-Сибирский отдел (ВСО ИРГО).

С 1856 г. ВСО ИРГО издавались «Записки», первые пять книг из-за отсутствия надлежащей полиграфической базы в Иркутске были напечатаны в Санкт-Петербурге, что имело место и с другими изданиями. В 1886 г. после 12-й книги «Записки» стали выходить по сериям – общая география, статистика, этнография;

¹ В 1845–1850 гг., с марта 1917 г. – Русское географическое общество.

в таком виде они просуществовали до 1896 г. В 1897 г. «Записки» были переименованы в «Труды» без деления по сериям. До 1914 г. было издано восемь томов «Трудов». С 1870 г. началось печатание второго периодического издания отдела – «Известий», выходящих 4–6 раз в год тиражом 500 экз. До 1917 г. издано 148 выпусков. Со значительными перерывами отдел выпускал также «Отчеты» (всего 18).

На страницах «Известий», «Записок» и «Трудов» ВСО ИРГО публиковались работы по географии, метеорологии, геологии, минералогии, почвоведению, ботанике, зоологии, археологии, истории и этнографии. Преобладали работы природоведческого характера. ВСО ИРГО выпускал не только периодические, но и другие издания. В виде отдельных книг издавались труды экспедиций. Значительной экспедицией стала Якутская (Сибиряковская), организованная ВСО ИРГО совместно с петербургским правлением ИРГО в 1893–1896 гг. при материальной поддержке И.М. Сибирякова. В.А. Обручев составил план выпуска материалов – «Программа издания трудов Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М. Сибирякова» (1897), согласно которому планировалось напечатать 13 книг. Труды экспедиции публиковались на страницах «Известий» и отдельными книгами: «Падёжные суффиксы в якутском языке» (Иркутск, 1898) С.В. Ястремского и «Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе» (СПб., 1898) В.И. Иохельсона.

В 1901 г. при ВСО ИРГО был организован Красноярский подотдел для всестороннего изучения Енисейской губернии. Подотдел имел два печатных органа – «Записки» и «Известия». В первом публиковались более объёмные работы, а во втором – протоколы, заметки и статьи. Периодичность выхода в свет «Записок» зависела от поступления материала; «Известия» изначально планировалось выпускать не менее двух раз в год².

В 1901–1914 гг. было издано два тома «Известий», в каждом – по шесть выпусков. «Записки» публиковались по сериям. В 1902 г. вышел первый выпуск первого тома «Записок по этнографии», в 1906 г. – второй и последний выпуск. В 1902, 1904 и 1906 г. в иркутской типографии П.И. Макушина и В.М. Посохина были напечатаны в трех выпусках «Записки по метеорологии». В «Записках по статистике» (1904) опубликован труд В.Ю. Григорьева «Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири». «Записки по антропологии» вышли в 1905 г. в типографии Енисейского губернского правления, «Записки по физической географии» издавались с 1906 по 1914 г. (всего два тома, первый – четыре выпуска, второй – один). В 1908 и 1912 г. было напечатано два «Отчета».

Западно-Сибирский отдел ИРГО (ЗСО ИРГО), открытый в Омске в 1877 г., издавал «Записки» в 1879–1916 гг. (всего 38 книг в 48 выпусках). Материалы, содержащиеся в «Записках», охватывали многие раз-

делы науки: географию, метеорологию, геологию, минералогию, почвоведение, ботанику и зоологию. Значительное количество работ посвящалось археологии, этнографии, истории, а также вопросам развития хозяйства, торговли, путей сообщения на территории Западной Сибири. С 1913 по 1915 г. отдел выпускал «Известия». Первый том был издан двумя отдельными выпусками, а второй и третий – сдвоенными.

Помимо периодических и продолжающихся изданий ЗСО ИРГО издавал и самостоятельные труды: «Петрографический очерк восточной части Кокчетавского уезда Акмолинской области» (1887) Г.Г. Анзирирова, «Из путевых этнографических наблюдений совместной жизни сарт и русских» (1887) П.В. Путилова и др.

В 1899 г. был организован Алтайский подотдел ЗСО ИРГО на основе Общества любителей исследования Алтая, действовавшего в Барнауле еще с 1891 г. Благодаря своему присоединению к ИРГО Общество любителей исследования Алтая стало обладать всеми правами Географического общества. Основными поводами к подобному слиянию стали постоянный недостаток денежных средств, а также освобождение изданий общества от обязательной цензуры, задерживающей издания на многие месяцы, бесплатная пересылка по почте корреспонденции и посылок³.

С 1894 г. Общество любителей исследования Алтая издавало «Алтайский сборник». Первый выпуск был напечатан в Томске, последующие – в Барнауле. До 1912 г. вышло 11 томов (13 выпусков). После преобразования общества в подотдел ЗСО ИРГО «Алтайские сборники» не прекратили своего существования. Начиная с четвертого тома они стали издаваться Алтайским подотделом. На страницах «Алтайских сборников» освещались вопросы социально-экономического положения населения, проблемы переселенцев в Алтайском округе, а также результаты обследования учебного процесса школ Алтайского округа, их экономического и санитарного состояния. В 1894–1905 гг. подотдел издал 12 «Отчетов».

Другой подотдел ЗСО ИРГО – Семипалатинский – уже с первого года своего существования (1902) издавал каталог библиотеки. До 1912 г. вышло четыре выпуска каталога, каждый из которых состоял из двух частей: в первой перечислялись все книги и периодические издания, а во второй – статьи из книг, сборников и газет. В 1903–1917 гг. Семипалатинский подотдел печатал «Записки» (11 выпусков), в 1903–1911 гг. – «Отчеты» (9 книг). На страницах «Записок» публиковались работы по истории, этнографии, археологии, метеорологии, климатологии, почвоведению, геологии, зоологии, ботанике и пр.

В 1913 г. в Сибири был открыт еще один отдел ИРГО – Якутский. Первый том «Известий», единственный до революции, вышел в свет в конце 1915 г. в областной типографии Якутска. На его страницах был опубликован ряд работ по исследованию региона: это

² ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 7. Л. 10.

³ ЦХАФ АК. Ф. 81. Оп. 1. Д. 11. Л. 30 об., 217 об., 222.

прежде всего работы комплексного характера Н.М. Харитоновой «Фенологические наблюдения в Якутской области за 1904, 1905 гг.» и М.И. Губельмана «Фенология Якутской области», в которых описаны всевозможные явления, происходившие в природе, а также «Материалы к библиографии Якутской области за 1914 и 1915 гг.» Н.Н. Грибановского.

Деятельность Географического общества в области библиотечного дела Сибири, процесс создания системы библиотек ИРГО отражают закономерности развития страны, в частности, освоение обширных сибирских территорий. Изначально основной задачей библиотек ИРГО было оказание поддержки местным исследователям в проведении научных изысканий.

Создание и комплектование библиотек сибирских отделов ИРГО было неразрывно связано с деятельностью ученых-энтузиастов и поддержкой общественности. Пополнение фондов библиотек происходило преимущественно за счет пожертвований и книгообмена, в меньшей степени – покупки изданий. В свою очередь развитие книгоиздания сибирских отделов ИРГО способствовало расширению книгообменных связей, а, следовательно, влияло на рост фондов библиотек. Библиотеки сибирских отделов ИРГО ориентировались на удовлетворение потребностей ученых и исследователей (узкий круг специалистов), но даже по имеющимся данным можно судить о довольно высоком уровне читательской аудитории.

Сразу же после своего основания ВСО ИРГО открыл библиотеку, которая уже через десять лет насчитывала 1403 тома книг, а также значительное количество журналов и рукописей. За второе десятилетие фонд увеличился более чем в 2 раза и к концу 1871 г. составил 3340 томов. Однако во время пожара в Иркутске в 1879 г. фонд библиотеки, насчитывающий более 10 тыс. томов книг, почти полностью сгорел. Благодаря пожертвованиям библиотека была вновь восстановлена и скомплектована: научная литература была представлена на русском и иностранных языках, преимущественно по вопросам сибиреведения (60 %), имелись редкие издания, альбомы, атласы и карты [3, стб. 329]. В 1889 г. библиотека ВСО ИРГО насчитывала 3961 название книг в 10 082 томах на русском и иностранных языках. Следовательно, в количественном отношении фонд был восстановлен. В 1914 г. в библиотеку поступило 958 книг и 211 журналов (русских – 133, иностранных – 78)⁴, в 1916 г. – 678 книг и 168 журналов (русских – 139, иностранных – 29)⁵.

Для библиотеки ВСО ИРГО, как и для других научных библиотек отделов ИРГО, было характерно низкое число постоянных читателей, представленных в основном такими категориями, как ученые и исследователи. В 1896 г. число абонентов библиотеки ВСО

ИРГО составляло 50 при книговыдаче 270 томов, в 1900 г. – 44 (книговыдача – 603), в 1905 г. – 30 чел. (книговыдача – 156 книг) [4, с. 107–108].

Основные задачи библиотеки Красноярского подотдела ВСО ИРГО, основанной в 1901 г., состояли в сборе и систематизации материалов о Енисейском крае. Имелась тщательно составленная краеведческая картотека, на основе которой был подготовлен целый ряд библиографических указателей по сибиреведению. Уже в течение 1901 г. в библиотеку поступило значительное количество изданий от различных учреждений и частных лиц – около 1,5 тыс. названий. В 1911 г. было получено 294 тома периодических изданий и 271 том отдельных, в их числе пожертвовано 41 название, от авторов поступило 22, куплено 13. Таким образом, фонд библиотеки на 1 января 1912 г. составил 7196 томов, из которых 3384 отдельных и 3812 периодических изданий⁶.

Основой для формирования краеведческой библиотеки в Омске стал ЗСО ИРГО, но официально библиотека отдела была открыта только в 1881 г., а проблемы упорядочения ее фондов, организации справочного аппарата и полноценного обслуживания читателей решены только в 1890-х гг. Библиотеку ЗСО ИРГО посещали преимущественно сотрудники отдела. Слабая посещаемость отрицательно сказывалась на основных показателях работы: например, в 1905 г. библиотекой воспользовалось только 16 чел., а книговыдача составила 76 книг⁷. Фонд библиотеки в основном формировался за счет книгообмена как с отечественными, так и с зарубежными научными учреждениями (в 1905 г. поступило 611 экз. русских и 101 экз. иностранных книг)⁸. В 1911 г. фонд библиотеки составлял уже 18 300 экз. книг⁹.

Формирование библиотеки Алтайского подотдела ЗСО ИРГО было начато еще Обществом любителей исследования Алтая. Сразу же после своего открытия общество занялось организацией библиотеки: в большом количестве поступали пожертвования книг как от членов общества, так и от посторонних лиц. В создании библиотеки принял активное участие Н.С. Гуляев. Например, в 1891 г. им было безвозмездно передано в библиотеку семь книг, девять брошюр, две карты, дневники и разные заметки, а в 1915 г. он передал свои работы – «Барнаульский музей со времени его основания по 1899 г.», «Архив Главного Управления Алтайского округа» и «Библиотека Алтайского округа»¹⁰. Благодаря обширному книгообмену с научными обществами уже через десять лет, в 1901 г., фонд библиотеки насчитывал свыше 1,5 тыс. книг и брошюр [5, с. 10]. Впоследствии Алтайский подотдел получил от Управления Алтай-

⁶ ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 51. Л. 35.

⁷ ГАОО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 128. Л. 5.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 164. Л. 11.

¹⁰ ЦХАФ АК. Ф. Д-163. Оп. 1. Д. 294. Л. 92.

⁴ ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 424. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 19.

ского округа ценнейшую библиотеку (около 25 тыс. томов) [6, стб. 88].

Библиотека Семипалатинского подотдела ЗСО ИРГО также пополнялась преимущественно за счет пожертвований и книгообмена с научными учреждениями, поскольку покупка книг была крайне ограничена из-за недостатка средств. В 1904 г. значительные пожертвования книг поступили от Семипалатинского статистического комитета – 140 томов, Академии наук – 106, Геологического комитета – 42 [7, с. 11]. В 1908 г. подотдел участвовал в книгообмене с 40 научными обществами, от которых всего было получено 338 томов. На 1 января 1913 г. в фонде библиотеки находилось 7224 тома книг, а в начале 1914 г. – 7595 томов [8, с. 7].

С целью создания собственной библиотеки Якутский отдел обратился к петербургскому правлению с просьбой о высылке всех вышедших к тому времени изданий ИРГО (по одному экземпляру). Просьба мотивировалась тем, что многие местные жители и «подневольные обитатели» Якутской области, желающие заняться изучением края, поставлены в затруднительное положение из-за недостатка научных пособий, а отдел не может удовлетворить запросы своих сотрудников и участников различных экспедиций¹¹. Книги стали поступать из ИРГО и его филиалов, ряда научных учреждений, а также от частных лиц. На 1 января 1915 г. в библиотеке отдела числилось 120 томов [9, с. 105].

Библиотеки сибирских отделов ИРГО принимали участие во всех видах библиографической работы, издавали универсальные и отраслевые, текущие и ретроспективные, краеведческие указатели и пр. Выпуск указателей изданий, каталогов и книготорговых списков способствовал рекламе книжных фондов библиотек, в какой-то мере расширению читательской аудитории, а, следовательно, и более активному функционированию изданий в обществе. Получившие большое распространение печатные каталоги являются доказательством развития библиотечного дела, а книготорговые списки – книготорговых отношений.

Книжная продукция сибирских отделов ИРГО распространялась по тем же путям и каналам, что и в целом по России. Преобладали книгообмен и безвозмездная рассылка, а также имели место продажа, подписка, личный книгообмен. Особенностью филиалов Географического общества стало открытие собственных книготорговых предприятий – книжных складов, что было характерно и для сибирских отделов ИРГО.

Следует отметить, что в тематике сибирского дореволюционного книгоиздания научные издания по количеству названий занимали второе место и составляли около 25 % всей издательской продукции региона. Приоритет развития научного книгоиздания в пер-

вую очередь определялся политическими и экономическими особенностями развития Сибири. Государственные задачи по освоению восточных территорий страны повлекли за собой создание отделов ИРГО и других научных обществ, ставших впоследствии крупными издающими научными организациями региона. По данным В.Н. Волковой, во второй половине XIX в. в Сибири было выпущено 1333 научных издания [10, с. 217], а сибирские отделы ИРГО примерно за этот же период (1856–1900 гг.) выпустили 307 (учтены только периодические и продолжающиеся издания) [11, с. 350–352], т. е. 23 % от общего числа изданий научной тематики. Даже столь приблизительные подсчеты указывают на значительный удельный вес печатной продукции сибирских отделов ИРГО в научном книгоиздании региона.

В свою очередь, библиотеки филиалов ИРГО – Восточно-Сибирского и Западно-Сибирского отделов, Алтайского подотдела ЗСО ИРГО – являлись наиболее крупными среди библиотек научных учреждений Сибири (которых насчитывалось около 20). Издания сибирских отделов ИРГО способствовали налаживанию культурно-коммуникативных связей как на территории России, так и за рубежом. Печатная продукция сибирских отделов ИРГО отражает научное, культурное и социально-экономическое развитие Сибири, является частным доказательством единства книжной культуры и государственных интересов. Императорское Русское географическое общество внесло существенный вклад в развитие книжной культуры дореволюционной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: В 5 т. Новосибирск, 2000. Т. 1.
2. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока: В 5 т. Новосибирск, 2001. Т. 2.
3. Библиотеки // Сибирская советская энциклопедия. Б. м., 1929. Т. 1.
4. *Полищук Ф.М.* История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVIII века – февраль 1917 г.). Иркутск, 1983.
5. Отчет Совета Общества любителей исследования Алтая за 1901 г. Барнаул, 1903.
6. Алтайский отдел Государственного Русского географического общества // Сибирская советская энциклопедия. Б. м., 1929. Т. 1.
7. Летопись Семипалатинского подотдела ЗСО ИРГО: 1902–1910 гг. Семипалатинск, 1911.
8. Записки Семипалатинского подотдела ЗСО ИРГО. Семипалатинск, 1914. Вып. 8.
9. Краткий отчет Якутского отдела ИРГО с 10 декабря 1913 г. по 1 января 1915 г. // Отчет ИРГО за 1915 г. Пг., 1916.
10. *Волкова В.Н.* Сибирское книгоиздание второй половины XIX века. Новосибирск, 1995.
11. *Базылева Е.А.* Русское географическое общество и книга: Очерк истории издательской, библиотечной и библиографической работы в XIX – начале XX в. Новосибирск, 2008.

¹¹ ИРГО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 23 (1914–1917). Л. 150.

С.Ю. ДАРЖАЕВ

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ И ФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ САМОУПРАВЛЕНИЯ У БУРЯТ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ И ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.*

Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ
e-mail: olhon-super@mail.ru

В статье рассматривается влияние экономических и политических факторов на процесс становления и формирования органов самоуправления у бурят Российского государства в XIX – начале XX в. Освещается имперская региональная политика, проводимая правительством в национальных регионах Сибири, на примере Иркутской губ. и Забайкальской обл.

Ключевые слова: сибирские реформы М.М. Сперанского, степные думы, инородческое волостное правление.

С 1820-х гг. Сибирь жила по положениям Устава об управлении инородцами (1822 г.) М.М. Сперанского. Для «кочевых инородцев» сохранялось родовое управление улуса или стойбища (группа родственных семей), состоявшее из старосты и одного-двух помощников. Несколько улусов подчинялись инородной управе, а инородные управы – Степной думе. Таким образом, родовая и феодальная верхушка была основным исполнителем воли царской администрации. За кочевыми народами сохранялись их земли, утверждались ставки ясака и регламентировались повинности. «Оседлые инородцы» были приравнены к русским тяглым сословиям (мещанам или государственным крестьянам), но без отбывания рекрутской повинности. Конечной целью Устава был перевод кочевых и бродячих народов в оседлые, т.е. приравнивание их по правам и статусу к русскому населению края. Этому и служила система, предусматривавшая перевод конкретного этноса из разряда в разряд по мере изменений и сдвигов в его социально-хозяйственном уровне. По замыслам М.М. Сперанского, на сибирских аборигенов не просто распространялась волостная система, но учреждалось управление этими народами с учетом их этнокультурных особенностей. Так, Устав фактически провозглашал свободу вероисповедания, включая традиционные религии, а также принятие христианства на основе добровольности. В вопросах образования провозглашалось учреждение особых «инородческих» школ с возможностью обучения на родном языке.

Зарождение местного самоуправления у бурят в составе Российской империи ведет свое начало с XVIII в. Первым руководящим актом, в котором излагались правовые основы управления ясачными наро-

дами, была составленная 22 июля 1728 г. Саввой Владиславичем-Рагузинским «Инструкция пограничным дозорщикам» Фирсову и Михалеву. Ф.А. Кудрявцев справедливо подчеркивал, что хотя «Инструкция...» предназначалась для управления только пограничными племенами, на нее ссылались в своих общественных приговорах верхоленские, балаганские, селенгинские буряты, а также якуты [1, с. 130]. В основу документа был положен родовый принцип управления. Однако из ведения родовых властей были изъяты «криминальные дела» (убийства по политическим мотивам). Что касается «малых дел» (споры о калыме, воровство, драка), то они остались в компетенции родоначальников. Ясак собирался натурой или деньгами через бурятских начальников, что указывало, с одной стороны, на сокращение значения пушнины и пушного промысла, а с другой – на развитие товарно-денежных отношений. «Инструкция...» предусматривала, что каждый бурят должен числиться в каком-либо роде под ведением начальников и подчиняться им. Переход в другой род запрещался. С 1743 г. в бурятских ведомствах учреждались «степные конторы» в составе главного тайши* и шести депутатов. При конторе устраивались албанные сугланы (служебные собрания) для раскладки податей и решения иных вопросов. В них участвовали все тайши, депутаты и родовые начальники. В начале XIX в. сибирская губернская администрация издала ряд частных актов по управлению народами Сибири и, в частности, в 1812 г. – «Положение о выборе иноверческих начальников и правах их» иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина. В нем губернатор ратовал за право наследования должности родоначальника, что отражало интересы потомственной родовой знати. Свое привилегированное положение знать использовала для внеэкономической

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-01-62104 а/т.

* Тайша – главный родоначальник у бурят.

эксплуатации соплеменников. Это проявлялось в том, что нойоны* захватывали и закрепляли за собой лучшие земельные угодья, осуществляли огораживания, выводя тем самым лучшие земли из сферы общинного землепользования. В частности, хоринские зайсаны** и тайши, пользуясь своим административным влиянием, добивались юридического закрепления земельных угодий не только за собой, но и за своим потомством. Это закрепление происходило на основании «согласий» сугланов [2, с. 320].

Подробнее стоит рассмотреть внутреннее самоуправление «инородцев». Все степные думы и инородные управы обладали достаточными полномочиями как в административной, так и в юридической сфере. На них возлагалась, в частности, деятельность по раскладке повинностей и сбору податей, забота о развитии хозяйства, составление «ревизских сказок» (т. е. учет населения). Органы местного самоуправления были правомочны также пресечь незаконный ввоз русскими купцами запрещенных товаров, в особенности спиртных напитков. Но полномочия органов самоуправления в вопросах права оказались более ограниченными. Тем не менее им были подсудны гражданские дела, решение которых осуществлялось на основе традиционного обычного права коренных народов. Была предпринята попытка создания свода норм обычного права для Сибири – «Свода степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборника обычного права сибирских инородцев Западной Сибири», которые служили продолжением сибирской кодификации М.М. Сперанского 1819–1822 гг. Проект «Свода...» даже был опубликован, но не получил официального утверждения. Однако собранные материалы использовались при рассмотрении судами уголовных и гражданских дел [3, с. 29–39; 4]. Необходимо подчеркнуть, что инородческие властные структуры имели известную независимость от общесибирских институтов управления. За чиновниками генерал-губернатора сохранялись только функции надзора за деятельностью степных дум и инородческих управ. При этом их высшие должностные лица приравнивались по статусу к чинам русского сельского управления. Эти лица выбирались самим коренным населением (бурятами). Реформа Сперанского, упразднив практику косвенного управления коренными народами Сибири, фактически вводила систему государственной опеки с ощутимыми элементами их самоуправления. Устав действовал примерно до 1904 г., когда в регионе было введено обычное волостное управление.

Конечно же, на практике рациональные идеи М.М. Сперанского, положенные им в основу первого государственного законодательства, регламентировавшего положение и права «инородцев» в России, отнюдь не всегда получали адекватную интерпретацию. Поэтому реальное положение коренных народов Си-

бири в XIX в. не стоит идеализировать. В частности, денежный оклад в 1835 г. более чем в 5 раз превышал денежный оклад 1763 г. Разница составила около 330 тыс. руб. [5, с. 47]. Члены комиссии Восточной Сибири прямо указали, что «настоящее состояние инородцев и прочие местные их выгоды, исчисленные и принятые комиссией во внимание по каждому роду порознь, дали ей возможность довести новую подать до такого значительного уровня» [5, с. 48–49]. К сказанному следует добавить, что зачастую увеличение ясака было надуманным и исполнение «табели раскладки ясака» ложилось на плечи степных дум. Отмечалось и взыскание хлебных и денежных недоимок, осуществлявшееся степными думами по предписанию земского заседателя. Только на 31 декабря 1833 г. недоимки по Селенгинскому ведомству составили 7769 четвертей¹. В 1867 г. по Куйтунскому родовому управлению Аларской степной думы были взысканы недоимки за 1863, 1864 и 1865 гг.² Также имели место и злоупотребления сибирских властей при периодическом перераспределении коренных народов по разрядам: оно зачастую проводилось формально, без учета изменений в их хозяйственном укладе. В результате приписывание какого-либо этноса к более высокому разряду, попросту говоря, разоряло его, так как автоматически вело к увеличению повинностей в пользу государства. Наличие самоуправления у коренных народов не ограждало их от произвола чиновников, не могло полностью пресечь ввоз спиртного и т. п. Однако все эти обстоятельства, во-первых, вытекали не только и не столько из недостатков законодательства 1822 г., сколько из пороков российской государственности и общества того времени. Во-вторых, и это более существенный момент, в Устав был заложен очень важный принцип ограниченного, осторожного вмешательства цивилизации, т. е. российского общества и государственных институтов, в систему традиционных социальных связей, культуру и экономику коренных народов. Формирование у них новых общественных порядков и ценностных ориентиров только поощрялось, но не форсировалось. Еще более эффективным систему Сперанского делало то, что правящие сословия «инородческих» групп обычно включались в состав российских правящих слоев. Иными словами, эта система фактически предоставляла бурятам определенную возможность самостоятельного выбора темпа интеграции в доминирующее российское общество.

Российское законодательство со времени принятия Устава 1822 г. до середины 1890-х гг. в отношении сибирских «инородцев» характеризуется доминированием политики регионализма, позволявшей бурятским ведомствам сохранять традиционный образ жизни. За этот период принятые законодательные акты не внесли значительных изменений в систему управления «инородцами» Сибири, учрежденную Уставом. Они лишь дополнили и уточнили многие параграфы

* Нойоны – знатные люди бурятских родов.

** Зайсан – звание родоначальника или главы рода у монголов и бурят.

¹ НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 168. Л. 114–115.

² ГАНО. Ф. 715. Оп. 1. Д. 4. Л. 154–155.

Устава, касавшиеся налогообложения «инородцев», контроля над деятельностью местных органов самоуправления, уголовного судопроизводства. Устав 1822 г. стал основным законодательным документом по управлению «инородцами» и действовал на протяжении длительного периода. К его достоинствам, по мнению В. Вагина, можно отнести введение в российское законодательство новых существенных элементов – «разделение инородцев по их образу жизни и степени развития»; предоставление им такого обширного самоуправления, «каким, до последнего времени, не пользовалось ни одно сословие в государстве» [6, с. 335]. Региональная политика империи преследовала в конечном итоге цели политической и экономической интеграции страны, установления ее социальной, правовой, административной и даже народонаселенческой однородности. Но конкретные потребности управления заставляли правительство продолжать учитывать региональное своеобразие территорий, что придавало административной политике на окраинах определенную противоречивость и непоследовательность [7, с. 344].

С конца XIX в. меняется вектор внутренней политики самодержавия по отношению к коренному населению Сибири. Это обусловлено как экономическими, так и политическими факторами. Стремление к административной унификации, нарастание колониальных элементов в региональной политике деформировали традиционную имперскую систему управления, стихийно учитывавшую региональные и национальные особенности окраин [8, с. 44]. Проведенные правительством мероприятия по крестьянскому вопросу не смогли решить проблему крестьянского малоземелья, и этот фактор на фоне революционных настроений в обществе заставил самодержавие взглянуть на Сибирь как на источник дополнительного земельного фонда и принять ряд конкретных мер по освоению «свободных» земель [9, с. 67]. На практике «господствовал стереотип, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря» [10, с. 119]. Дальнейшее развитие России предполагало унификацию ее этнически пестрых регионов, одним из которых являлась Сибирь. Конкретным вариантом этого процесса стал бы перевод всего «инородческого» сословия в крестьянское, с общей унификацией прав, обязанностей и органов управления. Необходимые земли можно было получить в Сибири через отождествление «инородческого» и крестьянского землепользования и выделение «свободных» земель из «инородческих» территорий. С середины 1890-х гг. последовали важные законы, которые свидетельствовали об изменении политики Российского государства в отношении сибирских «инородцев» – переходе от политики регионализма к политике унификации. 8 июня 1898 г. был принят закон «Временное положение о крестьянских начальниках»³, наделивший эту категорию лиц широкими правами относительно корен-

ного населения. В случае неисполнения его предписаний крестьянский начальник имел право подвергнуть лиц, «подведомственных крестьянскому и инородческому управлению... без формального производства аресту не свыше трех дней или денежному взысканию не свыше пятнадцати рублей»⁴. Важную роль в усилении полицейской опеки и дальнейшей русификации сибирских окраин сыграло решение Государственного Совета «О видах на жительство для инородцев», утвержденное царским указом 8 июня 1898 г.⁵, поставившее отлучки «инородцев» из мест проживания под прямой контроль местной администрации. Все «инородцы», за исключением оседлых, должны были иметь паспорта при отлучке из мест постоянного проживания для устройства на работу по найму. Срок действия паспорта ограничивался одним годом, для его продления требовалось разрешение общества или «инородческого» начальника. За нарушение паспортных правил «инородцы» наказывались административной высылкой в семидневный срок. Наконец, наиболее важное значение для «инородческого» управления имело «Временное положение об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области»⁶ от 23 апреля 1901 г., которое предусматривало проведение волостной реформы. С введением волостной реформы упразднялось административное устройство бурят и эвенков Забайкальской обл., основанное на Уставе 1822 г.

Основными направлениями имперской внутренней политики в области управления коренными народами Сибири становятся упразднение «порозрядной системы», введение волостного и сельского управления, паспортной системы и попытки привлечения этих народов к воинской повинности. В этом же русле действовала и православная церковь, которая к тому времени значительно укрепила свои позиции на восточных окраинах империи. Распространение православия среди «инородцев» было неразрывной составной частью имперской политики в Сибири, направленной на обрусение нерусских народов окраин империи. Для большинства бурят крещение становилось шагом к оседлости и занятию земледелием. Царская администрация всех уровней убедилась, что прямое давление на «оседлых инородцев» с целью их землеустройства и включения в систему «общекрестьянского» волостного управления приводит к совершенно противоположным результатам. Буряты не только не соглашались на нововведения, но, наоборот, всячески стремились обособиться от окружающего русского крестьянства, от которого часть их, в общем-то, уже не отличалась в хозяйственно-культурном и даже бытовом плане. Установка на сохранение за оседлыми «земель ими обитаемых» во что бы то ни стало (Устав еще не был упразднен) коренным образом сближала их с кочевыми со-

⁴ Там же. С. 414.

⁵ Там же. С. 518–519.

⁶ Там же. Т. XXI. Ст. 19984. С. 253–260.

³ ПСЗРИ. 3-е собр. Т. XVIII. Ст. 15503. С. 403–416.

племенниками. Само наличие особых сословных прав, слитых воедино с этническими признаками в жизни и сознании, создавало благоприятные условия для политизации общественного сознания у бурятского населения. Одним из критериев и аргументом в пользу назревшей ликвидации особых сословных прав сибирских аборигенов становится степень их русификации. Не случайно административная реформа была проведена сначала у бурят Иркутской губ., более подверженных процессу русификации и христианизации, а позже Забайкальской обл. Степные думы и инородческие управы заменились органами волостного управления, установленными по русскому типу. Реформа проводилась по-разному и не в одно время для западных и восточных бурят. Во второй половине 1880-х гг. были упразднены думы в Иркутской губ., а вместо них учреждались инородческие управы, бывшие по Уставу 1822 г. промежуточным звеном между степными думами и родовыми управлениями. Вместо семи дум к 1890-м гг. там были образованы 23 инородческие управы: Абаганатская, Аларская, Ашехабатская, Баяндаевская, Бильчирская, Боханская, Верхнеудинская, Еланцинская, Зунгар-Быковская, Койморская, Кудинская, Куйтунская, Кутульская, Молькинская, Нельхайская, Ныгдынская, Торская, Харибятская, Хоготовская, Укырская, Улейская Унгинская, Усть-Ордынская. Чуть позднее эта реформа была распространена и на Забайкальскую обл.

В этой связи представляет интерес дело, датированное февралем 1903 г. и хранящееся в фонде Селенгинского ведомства об изъявлении «оседлыми инородцами» принять новую реформу волостного управления⁷. По временному положению «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области» вместо степных дум и инородных управ вводились волостные правления, должности тайша и шуленга* заменялись должностями волостного старшины и старосты. С принятием волостной реформы вводился институт крестьянских начальников. Последние именовались крестьянскими инородческими начальниками, соответственно, появлялись волостные инородческие правления. Проведение реформы проходило очень тяжело и встречало повсеместное сопротивление коренного населения. Оно было завершено лишь к началу 1904 г. В Забайкальской обл., на территории, заселенной бурятами, появились следующие волости: Агинская, Аларская, Балаганская, Баргузинская, Верхоленская, Идинская, Кударинская, Ольхонская, Селенгинская, Тункинская, Урульгинская, Хоринская.

Волостная реформа у бурят Иркутской губ. начала проводиться в 1912 г., ее завершение относится к 1916 г. Накануне Февральской революции территория Бурятии входила в состав Забайкальской обл. и состо-

* Шуленга – бурятский или эвенкийский князь, стоявший во главе племени или рода.

⁷ НА РБ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1362.

яла из Верхнеудинского, Баргузинского, Селенгинского и Троицкосавского уездов. Эти уезды объединяли в себе русское и бурятское население. В октябре 1917 г., после принятия на Общебурятском съезде в г. Верхнеудинске Статута о временных органах по управлению, бурятское население начинает отделяться от русского (территориально, хозяйственно и административно) и объединяться в сомоны, хошуны, аймаки, которые образуются в основном в пределах территории прежних ведомств (степных дум и инородческих управ). Таким образом, в Забайкальской обл. появились аймаки Агинский, Баргузинский (наряду с Баргузинским уездом), Хоринский и Селенгинский. В связи с организацией Селенгинского аймака был упразднен Селенгинский уезд, русское население которого присоединилось к Верхнеудинскому и Троицкосавскому уездам. А в 1918 г. Верхнеудинский уезд разделен на два уезда: Верхнеудинский и Петровск-Забайкальский. В Иркутской губ. в октябре 1917 г. были образованы аймаки Ангарский (Ангаро-Муринский), Тункинский и Эхирит-Булагатский. Из семи аймаков только два – Агинский и Баргузинский – имели сплошную территорию, остальные же владели землями, расположенными чересполосно с соседним русским населением. Аймаки пользовались одинаковыми правами с уездами.

Таким образом, принятие Устава 1822 г., несмотря на многие недостатки его применения на практике, можно рассматривать как перспективный способ решения проблемы вхождения коренных народов в систему социоэкономических отношений цивилизованной страны, в целом созвучный с естественным ходом их развития. Административное и хозяйственно-экономическое управление бурятским населением Иркутской губ. и Забайкальской обл. в течение XIX в. строилось на основе Устава. В течение ряда лет была создана стройная податная система, вовлекшая бурятские ведомства в социально-экономическую жизнь Российской империи. Степные думы не только стали административными и хозяйственными органами местного самоуправления, но и способствовали усилению позиций царизма на восточных окраинах, стабилизации национальных отношений, укреплению налоговой политики и экономических связей между бурятскими ведомствами, развитию культуры и просвещения. Укреплению органов бурятского самоуправления в лице степных дум и инородных управ также способствовала политика царизма по отношению к буддизму, несмотря на противоречивость «Положения о ламаистском духовенстве» 1853 г. Практическим результатом принятия Устава 1822 г. явилось то, что к октябрю 1917 г. аборигенам Сибири удалось сберечь и этнокультурную специфику, и традиционный хозяйственный уклад, и социальную организацию, что, в конечном счете, обеспечило этим народам, несмотря на их малочисленность, сохранение этнической самобытности. Система регионального управления на окраинах складывалась в условиях сложных противоречий,

порожденных как нерешенностью общих проблем государственного управления, так и спецификой той или иной окраины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кудрявцев Ф.А. История бурят-монгольского народа. М.; Л., 1940.
2. История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1951. Т. 1.
3. Дамешек Л.М. Кодификация норм обычного права народов Сибири как источник по истории внутренней политики самодержавия в XIX веке // Источниковедение истории государства и права дореволюционной России. Иркутск, 1983.
4. Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири: проект. СПб., 1841.
5. Дамешек Л.М. Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века. Иркутск, 1983.
6. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. СПб., 1872. Т. 2.
7. Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // Ab Imperio. 2000. № 3/4.
8. Ремнев А.В. Административно-территориальное устройство Сибирского региона в XIX в. (теоретические проблемы) // Вестн. Омск. гос. ун-та. Спец. вып. 3. Омск, 1996.
9. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1986.
10. Ремнев А.В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX века: некоторые итоги и перспективы изучения // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. М., 2001.

Н.Н. МОРОЗОВА

РОЛЬ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ АВТОРСКОГО КОРПУСА «ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ» ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1857–1860-е гг.)

Государственное образовательное учреждение
среднего профессионального образования
Новосибирский медицинский колледж
e-mail: morozovan@ngs.ru

Статья посвящена истории периодической печати в Сибири середины XIX в. Цель – изучение взаимоотношений западно-сибирской администрации и местных «Губернских ведомостей», которые были в указанный период единственным печатным органом региона. Исследование авторского состава «Тобольских губернских ведомостей» и «Томских губернских ведомостей», административных решений по этому вопросу позволило выявить роль местной администрации в его формировании.

Ключевые слова: власть, пресса, общественная активность, управление, «Губернские ведомости».

Канун эпохи «великих реформ» ознаменовался либерализацией цензурных порядков, появлением новых органов периодической печати. Новые веяния коснулись и Сибири, где в 1857–1858 гг. начинают издаваться «Губернские ведомости». Как того требовал закон, они являлись печатными органами местной администрации. Немалое влияние на них оказывала и сибирская специфика. Все это должно было сказаться и на составе авторского корпуса газет.

Авторский корпус западно-сибирских «Губернских ведомостей» никогда не был предметом всестороннего исследования, не рассматривались и способы его формирования. В то же время опубликованы формулярные списки многих чиновников, печатавших свои статьи в газете, отмечена деятельность наиболее ярких авторов, проанализировано участие в томской газете областников [1–3; 4, с. 73–74].

Сохранились свидетельства того, что ни томская интеллигенция, ни чиновники не верили, что в городе найдется необходимое количество авторов; они подозревали, что от корреспондентов будут поступать

материалы низкого качества. При этом губернское правление рассчитывало на сугубо административные способы привлечения авторов – например, обязать учителей гимназии предоставлять статьи. Среди самих учителей далеко не все были готовы бесплатно участвовать в газете: двое отказались от участия, двое обязались участвовать в газете постоянно и предоставить статьи для 20 номеров, двое обещали в первый год предоставить статьи для 15 номеров, шестеро – по одной статье в год, так предполагалось выпустить 47 номеров¹. Привлекать авторов планировалось и через особые приглашения от начальства². На практике это решение не выполнили. В первый год издания «Томских губернских ведомостей» статьи учителей были единичными, а самыми активными авторами оказались чиновники Н.И. Виноградский и В.И. Вагин. Деятельность первого была столь активной, что о ней упоминается

¹ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 643. Л. 30 об., 31.

² Там же. Л. 32 об.

в жандармских отчетах («с усердием занимается литературой и будучи хорошо знаком с Сибирью, помещает разные о ней статьи в «Томских губернских ведомостях»»)³. Таким образом, решающую роль в жизни томской газеты сыграла частная, а не административная инициатива.

В Тобольске ситуация с кадрами была не менее острой, но выход из нее искали иной. Н.Н. Александрова и Ю.Л. Мандрика отмечают активное участие губернатора В.А. Арцимовича в жизни газеты: он вел переписку с потенциальными авторами статей, привлекал к работе членов губернского статистического комитета и т. д. [1, с. 105; 5, с. 6–7]. Я.С. Скропышев писал: «В.А. [Арцимович. – Н.М.] принимал самое живое участие в наполнении интересными статьями неофициальной части, и вполне достиг этого. Авторами таких статей были и директор, и инспектор, и учителя местной гимназии, штатные смотрители училищ, некоторые священники, один офицер линейного батальона (Потанин), начинающий тогда свою литературную деятельность Н.М. Ядринцев и даже некоторые чиновники, служащие в Тобольске. Со всеми этими лицами В.А. или сносился письмами, или лично просил писать статьи, которые затем и просматривал, разрешая их к печатанию...» [6, с. 581]. Среди привлеченных губернатором авторов были Н.А. Абрамов, А.И. Сулоцкий, П.П. Ершов. Более того, В.А. Арцимович ввел выплату за статьи гонораров [7, с. 137]. Но этого оказалось недостаточно, и губернатор Тобольска попытался задействовать административный ресурс. В 1857 г. он решает привлечь к работе в газете чиновников из статистического комитета. Возможно, что для В.А. Арцимовича статистический комитет и «Тобольские губернские ведомости» являлись структурами, вокруг которых можно было собрать наиболее работоспособных и деятельных чиновников, а последние, участвуя в них, находили возможность проявить себя перед губернатором. Членам статистического комитета были даны задания по подбору статей из различных изданий для опубликования в «Тобольских губернских ведомостях». Но лишь единицы из привлеченных таким образом авторов участвовали более одного года в издании.

Всего с 1857 по 1866 г. в «Тобольских губернских ведомостях» были опубликованы статьи примерно 149 авторов, в «Томских губернских ведомостях» – 78. Нам удалось установить социально-профессиональную принадлежность 52 авторов тобольской газеты. В их числе – два купца, трое военных, пять священников, шесть врачей и ветеринаров, 14 учителей, 19 чиновников. В томской газете из 38 установленных авторов трое являлись военными, шесть – врачами, восемь – учителями, по 10 священников и чиновников.

Проследив смену авторского состава в обеих газетах, можно прийти к выводу, что в «Томских губернских ведомостях» круг постоянных авторов не успел сложиться, всего 9 чел. писали в газету более двух лет. В «Тобольских губернских ведомостях» авторский состав был стабильнее, туда более двух лет подряд поступали материалы от 15 корреспондентов. Скорее всего, это было связано с тем, что методы работы, применяемые в Тобольске, оказались эффективнее.

Оба издания сталкивались и с общими для них трудностями. Это нехватка образованного населения, готового к гражданской и творческой деятельности, к которой, несомненно, относится и участие в местной прессе. Большая часть авторов принадлежала к чиновничеству, а их деятельность в Сибири часто была связана со сменой места службы и жительства.

Близость «Губернских ведомостей» к властным структурам сказывалась на такой важной стороне жизни газеты, как формирование авторского корпуса. В действиях администрации можно проследить два метода: во-первых, выполнение части редакторских функций по привлечению сотрудников с помощью налаживания контактов, финансовых стимулов, и, во-вторых, целевые поручения в приказном порядке. Наиболее плодотворным оказался первый метод, он позволил В.А. Арцимовичу привлечь в «Тобольские губернские ведомости» творческих людей или хотя бы состоявшихся авторов. Второй метод был менее успешным: в Томске он провалился, а в Тобольске не принес долгосрочных результатов. Как показала практика, таким способом можно было влиять только на непосредственных подчиненных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Н.Н. Становление первой государственной газеты в Сибири («Тобольские губернские ведомости в 1857–1861 гг.») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 1998. № 1, 2.
2. Матханова Н.П. В.И. Вагин – каинский корреспондент сибирских газет // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Филология. 2000. № 6.
3. Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Тюмень, 2004. Кн. II.
4. Шиловский М.В. «Полнейшая самоотверженная преданность науке»: Г.Н. Потанин. Биографический очерк. Новосибирск, 2004.
5. Мандрика Ю.Л. Она начиналась с рецепта чернил // Тобольские губернские ведомости: редакторский корпус. Антология сибирской журналистики конца XIX – начала XX в. Тюмень, 2004.
6. Скропышев Я.С. Тобольская губерния в пятидесятых годах // Вестн. Европы. 1897. Кн. 12.
7. Потанин Г.Н. Воспоминания // Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6.

³ ГА РФ. Ф. 109. 1-я экзп. Оп. 1844 г. Д. 247. Ч. 49. Л. 29.

В.Е. ЗУБОВ

**ПРОБЛЕМА ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В РОССИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.**

Сибирская академия государственной службы,
г. Новосибирск
e-mail: zubov@sapa.nsk.su

В статье рассматривается один из аспектов реформирования гражданской службы в России второй половины XIX – начала XX в., касающийся регулирования ответственности гражданских служащих за совершенные ими служебные проступки. Изменения условий функционирования системы государственного управления и государственной службы в результате реформ второй половины XIX в. потребовали уточнения ряда моментов, связанных с дисциплинарной ответственностью чиновников. Разработка устава о служебных проступках протекала в обстановке усиления консервативных представлений относительно путей реформы государственной службы, что не позволило кардинально изменить характер отношений в чиновничьей среде. Разработанный проект сохранял зависимость гражданских служащих от их непосредственного руководства.

Ключевые слова: реформа, государственная служба, чиновничество, дисциплинарная ответственность.

На протяжении длительного времени главным инструментом власти в России выступал бюрократически организованный государственный аппарат, включавший в себя различные группы чиновников и гражданских служащих без чинов. Одним из направлений государственной политики по отношению к бюрократии являлся поиск оптимального соотношения прав, обязанностей и привилегий чиновничества. Сложность его определения, особенно в части обязанностей и ответственности, объясняется тем, что бюрократия выступала как один из отрядов дворянства, являвшегося главной социальной базой российской монархии вплоть до начала XX в. Особый статус российской бюрократии, располагавшей помимо собственно бюрократических еще и дворянскими привилегиями, затруднял осуществление контроля и привлечение чиновников к ответственности в случае совершения ими каких-либо преступлений и проступков.

Права и привилегии российского чиновничества неоднократно становились предметом исследования в отечественных научных публикациях [1–9]. Значительно меньше внимания уделено проблеме ответственности гражданских служащих [10; 11]. В данной статье рассматривается один из аспектов указанной темы, связанный с разработкой во второй половине XIX – начале XX в. нормативных документов, регулирующих дисциплинарную ответственность лиц, находящихся на государственной службе.

Следует отметить, что осознание необходимости такого рода регламентации и понимание отличия дисциплинарной ответственности от других видов наказаний сложились в среде отечественной бюрократии далеко не сразу. Исходным моментом при решении указанного вопроса выступало понимание особого

положения государственных служащих как представителей государственной власти и, соответственно, особой тяжести последствий совершаемых ими правонарушений. При таком подходе на протяжении длительного времени в правительственной административной политике прослеживалось стремление к ужесточению наказаний и отнесению к уголовно наказуемым проступлениям все более широкого круга действий¹, в том числе служебных проступков, требующих не столько уголовного, сколько дисциплинарного наказания.

Специфика положения государственных служащих проявлялась в том, что для них устанавливались специальные виды наказаний, к которым относились исключение² из службы, отрешение от должности, вычет из времени службы, удаление от должности, перемещение с высшей должности на низшую, выговор с внесением в послужной список, вычет из жалованья, выговор без занесения в послужной список, замечание³. В примечании к ст. 69 устанавливалась и такая мера наказания, как арест сроком до семи дней.

¹ Уголовное наказание предусматривалось и за нарушения, допущенные вне службы. Так, согласно ст. 424 Свода уголовных законов 1832 г., канцелярские служители, оказавшиеся неблагонадежными вследствие зазорной жизни, дерзости, пьянства, мотовства, склонности к карточной игре и преданные суду уголовному, отдавались в военную службу.

² Исключение из службы лишало чиновника права снова поступить на государственную службу. Отрешение от должности ограничивало действие такого запрета тремя годами. Удаление от должности не сопровождалось какими-либо ограничениями прав чиновника.

³ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 65 // Свод законов Российской империи (далее – СЗРИ). СПб., 1885. Т. XV.

Отсутствие различий между административным нарушением и преступлением породило множество проблем, усугублявшихся существованием отставки «без объяснения причин» (позднее названной отставкой по третьему пункту). В случаях, когда чиновник, по мнению начальства, оказывался неспособным к исполнению своих обязанностей, неблагонадежным или совершал преступление, которое стало известно руководству, но не могло быть доказано, он мог быть уволен без объяснения причин и без предоставления права обжаловать такое увольнение.

В результате руководитель учреждения не мог объявить чиновнику даже замечания, если его действия не сводились к перечисленным в Уложении о наказаниях, однако мог уволить со службы, причем без права обжалования, за мелкий проступок, даже не связанный с его профессиональными обязанностями и совершенный вне службы. Контроль внеслужебного поведения чиновников являлся обязанностью их непосредственного руководства, которое должно было удерживать подчиненных «от безбожного жителя и пьянства, лжи и обманов». Известно, например, достаточно много случаев, когда чиновники подвергались наказанию за женитьбу без согласия руководства, тем более что получение такого разрешения вменялось им в обязанность законом. Другим примером может служить ст. 20 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, в которой указывалось, что «внушение об исполнении православными хотя однажды в год священного долга исповеди и святого причащения и о приводе детей обоюбого пола на исповедь, начиная с семилетнего возраста, ежегодно, хотя более принадлежат приходским священникам, но и гражданское и военное начальство также наблюдают, чтобы лица, им подчиненные, непременно сей долг исполняли»⁴.

Однако множество других, как серьезных, так и незначительных проступков и нарушений гражданских служащих никак законом не регламентировались, и единственным возможным наказанием в случае их совершения оставалась «отставка по третьему пункту». В такой ситуации, с одной стороны, чиновники не чувствовали себя вполне защищенными от произвола, с другой – руководитель оказывался крайне ограничен в мерах воздействия на подчиненных, поскольку не мог постоянно пользоваться правом отставки, превращая его из исключительного средства в обыденное.

Показательно, что негативные последствия практики отставки без объяснения причин вполне осознавались еще в момент ее введения, в связи с чем статс-секретарь Танеев в 1850 г. предлагал увязать увольнение без прошения с совершением чиновником преступления, которое было бы подтверждено судебным решением. В свою очередь тогда же министр юстиции В.Н. Панин, отстаивая необходимость увольнения в административном порядке, предлагал предоставить такое право только министрам и главноуправляющим.

Его позиция, однако, не была поддержана Комитетом министров, но и последний, в свою очередь, предложил установить формулировку, которая не препятствовала бы «отставленным» чиновникам вновь поступать на службу. Тем не менее использование формулировки «увольняется от службы» без указания причин реально означало, что чиновник навсегда оставался под подозрением, а аттестат с такой записью получил название «волчьего паспорта»⁵.

Отсюда вытекала необходимость разработки специальных правил, регламентирующих дисциплинарную ответственность гражданских служащих, и уточнения права непосредственного руководителя налагать те или иные виды наказаний, поскольку, согласно примечанию к ст. 69, без суда могли налагаться только такие взыскания, как замечания, выговоры без внесения в послужной список, вычеты из жалованья, перемещение с высшей должности на низшую и удаление от должности. Все остальные наказания (включая арест, который занимал промежуточное положение между выговором с внесением в послужной список и вычетом из времени службы) могли назначаться только судом. Порядок же наложения несудебных взысканий на высших должностных лиц вообще не регулировался законом.

Потребность в такого рода регламентации особенно усилилась после проведения реформ второй половины XIX в., существенно изменивших характер и процедуру судопроизводства, виды налагаемых взысканий. Однако коренной переработки Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, применительно к потребностям государственной службы, не проводилось, вносились лишь частные изменения, не затрагивавшие подходов принципиально. Более целенаправленный характер эта работа приобрела с началом разработки нового Уложения о наказаниях в соответствии с высочайшим повелением 22 апреля 1881 г. и указанием Александра III выделить проступки «по службе государственной и общественной, которые заключаются в нарушении исключительно служебных обязанностей и, по маловажности своей, не подлежат внесению в общее Уложение» и включить их «в особый дисциплинарный устав»⁶.

Для разработки соответствующих документов 30 апреля 1881 г. утверждается специальный комитет из 14 чел. Комитет утвердил состав редакционной комиссии, которой предстояло непосредственно заниматься разработкой проекта устава о служебных проступках. Разработка проекта изначально потребовала детального анализа видов служебных нарушений, которые должны были попадать под действие нового устава, поскольку руководством к действию была традиционная установка, не делавшая различия между дисциплинарными нарушениями и служебными преступлениями, ведь и те и другие представляли собой нарушения служебного долга.

⁵ РГИА. Ф. 1151. Оп. 16. Д. 23. Л. 421 об. – 422 об.

⁶ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 259. Л. 494.

⁴ СЗРИ. Т. XIV.

Полной ясности в вопросе о том, что следует считать дисциплинарной провинностью, не было, не было ее и по другим вопросам, касавшимся не только служебных проступков, но и других положений, подлежащих включению в новое Уложение о наказаниях. В связи с этим проект последнего был разослан для обсуждения видным отечественным и зарубежным специалистам в области права. Проведенное обсуждение позволило уточнить ряд спорных моментов, относившихся как к самому понятию «служебный проступок», так и к их видам, подлежащим включению в проект нового устава. При этом обозначилась тенденция к расширительному толкованию понятия служебной (дисциплинарной) провинности. В частности, профессор Н.М. Коркунов связывал его с нарушением обязанностей «как закономерного отправления своей должности, так и соответствующего с достоинством должности поведения». При этом он отмечал, что нарушения в части исполнения служебных обязанностей еще можно точно определить, но нарушения в части соблюдения верности и соответствующего со служебным достоинством поведения юридически определить невозможно: «Поэтому, при дисциплинарной рецессии служебных провинностей решение вопроса, составляет ли данный образ действий служебную провинность, пришлось бы предоставить в очень значительной степени судейскому усмотрению» [12, с. 717].

Подобная точка зрения разделялась, однако, не всеми специалистами. Так, профессор Харьковского университета Н.О. Куплеваский обращал внимание, что одно и то же поведение, но разных должностных лиц может быть квалифицировано по-разному: «Что безразлично для разносчика и для полицейского служителя, может быть унижительно для педагога и судьи. Поступки сами по себе вовсе не безнравственные могут, однако, быть неприличными в данном звании, как, например, торговля на базаре, производимая судьей лично вместе с торговцами, появление судьи на улице босиком, или в одежде, приличной только для лиц низшего класса и т. д.»⁷. Высказанные в ходе обсуждения мнения были учтены редакционной комиссией и отражены в проекте, но в период правления Александра III новый устав не был принят.

Эта работа была продолжена и при новом императоре, которому в 1898 г. был представлен проект устава⁸. Он включал шесть глав, содержавших перечень служебных провинностей, порядок наложения дисциплинарных взысканий, полномочия лиц и учреждений, которым предоставлялось право наложения таких наказаний, порядок производства дел по ним, а также описание особого порядка дисциплинарного производства, который должен был заменить «отставку по третьему пункту».

Дальнейший порядок работы над уставом о служебных проступках (как и над новым уголовным уложением) подвергся существенным коррективам в свя-

зи с высочайшим повелением Николая II, согласно которому все материалы, без обсуждения в комитете 22 апреля 1881 г., были переданы министру юстиции. Он, в свою очередь, должен был направить их на рассмотрение руководителей различных ведомств. Последние обязывались не позднее, чем через четыре месяца представить свои отзывы и заключения, на основании которых была подготовлена и передана в Государственный Совет окончательная редакция проекта. Другими словами, проект устава о служебных проступках постигла участь других проектов, связанных с реформой гражданской службы. Их разработка происходила на основе традиционных бюрократических процедур, при участии, в отличие от реформ Александра II, «нелиберальной» бюрократии. Окончательный вариант проекта, представленный Государственным Советом на утверждение Николаю II в 1905 г., разделялся на три главы, в соответствии с решаемыми задачами. В первой из них давалось определение служебного проступка, под которым понималось «всякое, не предусмотренное уголовным уложением, нарушение служащим порядка отправления службы либо предельное предоставленной ему власти или неисполнение им своих по службе обязанностей, установленных законом либо обязательным распоряжением или вытекающих из свойств службы»⁹, и содержались другие общие положения. Во второй части определялся порядок наложения взысканий. Наконец, третья часть определяла особый порядок увольнения, который должен был заменить собой ст. 788 Устава о службе гражданской («отставка по третьему пункту»)¹⁰.

Сравнение двух проектов – подготовленного редакционной комиссией и окончательного варианта, представленного Государственным Советом на утверждение Николаю II, – показывает сдвиг в сторону более консервативных подходов к построению системы дисциплинарных наказаний гражданских служащих. В частности, проект редакционной комиссии (ст. 2), следуя в целом традиционным подходам, относил к дисциплинарным наказаниям те, которые по действующему законодательству могли налагаться без решения суда¹¹, но включал в их число и арест, которому по действовавшим правилам можно было подвергнуть только по решению суда¹².

Однако, в отличие от проекта 1905 г., первоначальный вариант выглядел более демократичным в том плане, что распространял все виды дисциплинарных взысканий на все, без исключения, группы чиновников, тогда как вариант Государственного Совета дифференцировал наказания в зависимости от статуса служащего. При этом общими для всех служащих становились замечание, выговор и удаление от должности.

⁹ РГИА. Ф. 1151. Оп. 16. Д. 23. Л. 399 об.

¹⁰ Там же. Л. 400.

¹¹ В их число были включены выговор, денежная пеня, арест, удаление от должности (проект редакционной комиссии Э. Фриша, ст. 2.).

¹² РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 259. Л. 286.

⁷ РГИА. Ф. 1200. Оп. 1 (т. XVI). Д. 14, т. 3. Л. 57.

⁸ РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 259. Л. 285–300.

Для неклассных и классных служащих от XIV до VIII (в некоторых случаях VII) класса включительно, находившихся на должностях, для замещения которых не требовалось распоряжений высших должностных лиц (министров, наместника, генерал-губернатора), дополнительно предусматривались арест и перевод с высших должностей на низшие или с высшего оклада на низший¹³. Для служащих на канцелярских должностях, слуг, низших полицейских чинов и служащих по вольному найму, не занимавших классных должностей, предусматривалась возможность наложения денежной пени в размере не свыше месячного оклада¹⁴. Мотивируя сделанное изменение, Государственный Совет отмечал, что не всегда существует возможность соразмерить налагаемые взыскания по их тяжести, и замечание для одних служащих может стать более тяжелым наказанием, чем для других – арест¹⁵.

На наш взгляд, в основе внесенных изменений лежали и более глубокие причины, связанные с консервативным подходом к реформированию системы гражданской службы в конце XIX – начале XX в. Одним из его проявлений стало стремление усилить внутреннюю ее дифференциацию, ограничить возможность вертикальной мобильности гражданских служащих путем установления четкой грани между классной и неклассной службой и ограничить переход из одной в другую в порядке обычной выслуги. Статус служащих должен был четко различаться, в том числе по характеру налагаемых на них наказаний [13; 14]. Вместе с тем, в проекте Государственного совета был сделан некоторый шаг вперед в решении проблемы дисциплинарных взысканий, поскольку в нем содержится общее определение служебных проступков.

Первоначальный вариант редакционной комиссии содержал (хотя и не исчерпывающий) перечень конкретных видов служебных провинностей, за которые налагался тот или иной вид взыскания¹⁶. В их число входили, например, вступление в должность до принятия присяги, неявка на службу, несвоевременная запись в соответствующие книги поступивших денежных сумм, слабый надзор за подчиненными и проч.

Внесенные к началу XX в. изменения могут служить подтверждением эволюции взглядов относительно принципов нормативной регламентации сферы гражданской службы. Существовавшая в XIX в. форма устава как основного нормативного документа, т.е. свода инструкций и правил, стремящегося «отразить как можно больше конкретных ситуаций при неясности, запутанности и противоречивости общей картины» [15, с. 77], уже не соответствовала условиям в стране и требовала более общих формулировок и определений. Сохранение прежней формы редакционная

комиссия мотивировала необходимостью обеспечить защиту служащих от произвольного наложения более тяжелых взысканий, чем совершенные ими проступки¹⁷, однако на практике эта форма оказалась мало пригодной.

Следует также отметить, что проект редакционной комиссии предусматривал разделение служебных и внеслужебных проступков, причем совершение последних предполагало в качестве санкции удаление чиновника со службы в особом порядке, призванном заменить «отставку по третьему пункту», при совершении преступлений, влекущих уголовные наказания, банкротстве, совершении проступков, «несовместимых со служебным достоинством» и лишаящих «совершившего их необходимых для служащего доверия и уважения»¹⁸. Этот порядок предусматривал создание особых дисциплинарных присутствий на всех уровнях управления вплоть до городского, в которых рассматривались проступки лиц, служащих по выбору, земских участковых начальников, совершенные в составе присутствия, и проступки, не совместимые «со служебным достоинством». Все это должно было, с одной стороны, обеспечить защиту чиновников от необоснованного увольнения, с другой – позволить государству не оставлять на службе нежелательных для него лиц. В отличие от существовавшей практики «отставки по третьему пункту», решение дисциплинарного присутствия могло быть обжаловано соответствующему министру или главноуправляющему (на решения городского или губернского дисциплинарного присутствия), либо в некоторых случаях – в первый департамент Сената.

В окончательном варианте проекта о специальных губернских и областных дисциплинарных присутствиях не упоминается. В нем фигурируют только уже существовавшие особые присутствия, которым поручалось рассмотрение дисциплинарных производств об удалении от должностей служащих, назначаемых министрами, главноуправляющими департаментами и другими структурами центрального уровня. В качестве обоснования отказа от использования специальных дисциплинарных присутствий Государственный Совет указывал на стремление освободить коллегиальные органы от решения множества мелких дел, которыми они оказались бы перегружены, и нежелание создавать новые административные структуры в дополнение к уже существующим особым присутствиям. Главная роль при наложении взысканий и рассмотрении дел о дисциплинарной ответственности должна была принадлежать непосредственному начальству, которое могло своей властью налагать взыскания и присутствовать при рассмотрении дел в особых присутствиях.

Таким образом проект Государственного Совета, сделав шаг вперед в плане выработки более общих определений служебных проступков, сохранял консер-

¹³ Устав о служебных проступках. Ст. 2, 3. – РГИА. Ф. 1151. Оп. 16. Д. 23. Л. 390.

¹⁴ Там же. Ст. 4.

¹⁵ Там же. Л. 405 об.

¹⁶ Там же. Ф. 560. Оп. 22. Д. 259. Л. 288–291 об. (ст. 18–41).

¹⁷ РГИА. Ф. 1151. Оп. 16. Д. 23. Л. 401.

¹⁸ Там же. Л. 396 об. – 397.

вативные установки и характерную для российской государственной службы зависимость чиновников от своего непосредственного руководства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богословский М.М. Учреждения об управлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II // Три века. М., 1992. Т. IV.
2. Дубенцов Б.Б. Самодержавие и чиновничество в 1881–1904 гг. (Политика правительства в области организации государственной службы): Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1977.
3. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
4. Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. Кн. VIII.
5. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., 1979.
6. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.
7. Оболонский А. На государственной службе: бюрократия в старой и новой России. М., 1997.
8. Ремнев А.В. Обсуждение в правительственных сферах России вопроса о преимуществах гражданской службы в Сибири в 50–80-е гг. XIX в. // Проблемы социально-экономического развития и общественная жизнь России (XIX – начало XX в.): Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.П. Толочко. Омск, 1994.
9. Фивейская М. Подготовка российских государственных служащих в XIX – начале XX в. // Безопасность Евразии. 2006. № 3.
10. Волженкин Б.В. Ответственность за взяточничество по российскому уголовному законодательству второй половины XIX – начала XX в. // Изв. вузов. Правоведение. 1991. № 2.
11. Воронников А.А. Бюрократия в Российском государстве. Историко-теоретический анализ. Саратов, 2004.
12. Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб., 1909. Т. 2, часть особенная.
13. Зубов В.Е. Опыт реформирования гражданской службы во второй половине XIX в. // Государственная служба. 2007. № 4.
14. Зубов В.Е. Реформа гражданской службы в России (конец XIX – начало XX века). Новосибирск, 2005.
15. Гудков Л., Левада Ю., Левинсон А., Седов Л. Феномен бюрократии в историко-социологической перспективе // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 5.

Г.Т. МУСАБАЛИНА

КУПЦЫ И МЕЩАНЕ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Семипалатинский государственный педагогический институт
e-mail: gylnara@rambler.ru

В статье на основе архивных материалов прослеживается участие купцов и мещан в органах городского самоуправления Семипалатинска, Усть-Каменогорска, Павлодара.

Ключевые слова: город, купцы, мещане, городская дума, выборы, гласные, благотворительность.

Становление купечества Семипалатинской обл. было связано с развитием городов как административных и торгово-промышленных центров. Недостаток капиталов, отсутствие необходимых источников кредитования порождали высокую социальную подвижность купечества, препятствовали складыванию купеческих династий. Основной социальной базой развития купечества являлись как местные мещане, так и мигранты из Европейской России.

Купечество отличалось спецификой семейно-бытовых отношений, их семьи имели единый капитал, управлявшийся главой семьи. Особенностью этого сословия являлась невозможность передачи сословных прав и обязанностей по наследству, они приобретались на год и должны были регулярно возобновляться. Купцы в основном торговали через своих приказчиков. М. Красовский, характеризуя торговлю в Казахстане в 1860-е гг., указывал, что петропавловские и семипалатинские купцы 1-й и 2-й гильдий имели по 40–50 своих агентов [1].

В середине XIX в. одним из крупных центров сосредоточения купечества был Семипалатинск (по данным 1834 г., в нем проживало 127 купцов), далее следовали Усть-Каменогорск (25 купцов) и Омск (23 купца) [2, с. 272]. С развитием предпринимательства в крае количество торговцев увеличивалось. В начале 1850-х гг. в городах и селениях Семипалатинской обл. насчитывалось 125 капиталов, в том числе 1-й гильдии – 1, 2-й гильдии – 14, 3-я гильдия включала иногородних. А в 1861 г. в Усть-Каменогорске было объявлено 65 купеческих капиталов местных купцов 3-й гильдии; по свидетельствам 2-го рода торговали двое крестьян, 3-го рода – один; мещан, торговавших соответственным званием товаром, – 12; сумма всех объявленных капиталов в 1861 г. составляла 162 380 руб. Но по-прежнему лидерство по количеству торговцев держал Семипалатинск. В 1864 г. здесь торговали 381 местный и 109 иногородних купцов¹. В 1887 г. в горо-

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 11813. Л. 328.

де насчитывалось уже 657 купцов и почетных граждан, в Усть-Каменогорске – 173, Зайсане – 28, Кокпектах – 21, Павлодаре – 141, Каркаралинске – 47 чел. Всего в области было 1067 купцов². По переписи 1897 г. в Семипалатинской обл. насчитывалось 1033 купца, что составляло 0,15 % от общей численности населения [3].

Основные направления коммерческой деятельности местного купечества в это время – торговля, золотопромышленность, некоторые группы обрабатывающей промышленности, прежде всего мукомолье и винокурение, а также пароходство.

Во второй половине XIX в. росла роль купечества и в общественной жизни Степного края. Разумеется, не все представители купеческого сословия занимались общественными делами. У многих для этого не хватало кругозора и элементарной грамотности. По данным переписи населения 1897 г., грамотные купцы и почетные граждане в доле грамотного населения Семипалатинской обл. составили 46,7 % [4, с. 32–33]. Рост активности купечества на общественном поприще во многом связан с городской реформой 1870 г. Напомним, что в соответствии с Городовым положением 1870 г. в городах избирались городские думы и управы. Возглавлял и думу, и управу городской голова. Круг избирателей определялся имущественным цензом и, естественно, не только в составе избирателей, но и тем более среди гласных преобладали состоятельные горожане. Доля купцов была особенно значительной в составе дум. Так, доля купцов и почетных граждан из купеческого сословия (с правом личного голоса и по доверенности) в составе дум на 4-е четырехлетие составила в среднем по городам страны 53,7 %. Перед выборами заранее составлялся список лиц, участвовавших на выборах для избрания гласных городских дум Семипалатинска, Усть-Каменогорска, Павлодара³. Архивный фонд Семипалатинского областного управления содержит ряд жалоб о нарушениях во время выборов. Так, в 1875 г. на имя военного губернатора Семипалатинской обл. поступила жалоба о неправильном выборе члена городской управы Усть-Каменогорска купца Ермила Колотушкина⁴.

В таких городах, как Усть-Каменогорск, Семипалатинск, Павлодар и др., купечество являлось наиболее активной частью гласных. Из его рядов чаще всего избирались и городские головы. Так, городским головой Павлодара являлся купец М.П. Зайцев. В 1897 г. городским головой Семипалатинска был избран купец А.В. Москвин [5, с. 30]. Именно купцы играли руководящую роль в органах городского самоуправления в Акмолинской и Семипалатинской областях. В Петропавловске, например, городским головой был купец В.И. Черемисинов, в Акмолинске – купец С. Кубрин. В Павлодаре должность городского старосты занимал купец Н. Пятков, в Усть-Каменогорске – купец П. Усов

[6, с. 23]. Выступая в качестве гласных в городской думе, они руководствовались в первую очередь не принадлежностью к своему сословию, а своими политическими убеждениями. Случалось, что в дебатах одна часть купечества противостояла другой в силу политических позиций (как это происходило и с представителями интеллигенции). Существующие ограничения не давали возможности ставить вопросы, обсуждение которых вело бы к политической конфронтации.

Городские думы не стали независимыми органами городской власти. Функции их сосредоточились на решении хозяйственных и финансовых вопросов городской жизни. Мелкие вопросы городского быта являлись повседневной повесткой городских органов самоуправления. Об этом свидетельствуют постановления Семипалатинской, Усть-Каменогорской и Павлодарской дум 1886–1899 гг.⁵ Решением более важных вопросов городской жизни занимались уездные начальники и военный губернатор.

Характерными чертами культурного облика купечества Семипалатинской обл. были широкая благотворительность и меценатство. Любопытно отметить, что некоторые жертвователи на образование сами имели очень невысокий образовательный уровень, а другие были откровенно малограмотные, но тем не менее отпускали крупные суммы на строительство школ. Многие представители купечества принимали участие в различных сферах общественной деятельности. В 1888 г. в Усть-Каменогорске на средства купца П.М. Михайлова был построен Покровский собор. Павлодарский купец Дерев за большие заслуги перед городом, прежде всего за активную благотворительную деятельность, получил звание первого почетного гражданина города. Ф.Н. Коншин писал: «Вообще все павлодарские общественные учреждения – клуб, библиотека – возникли если не на средства, то при значительной помощи со стороны того же Дерова. Это самый известный человек Павлодара, и в разговоре в павлодарских домах имя Дерова вы, несомненно, услышите во всех падежах» [7, с. 1].

Из архивных документов известно, что двухминаретная мечеть была построена на средства семипалатинских купцов Сулейменова, Абдышева, Рафикова и Хамитова по заказу областного духовенства. Купцом Мусиным была построена одноминаретная мечеть. В «Семипалатинских областных ведомостях»⁶ отмечалось, что купец Б. Рафиков занимался мыловаренным производством в Семипалатинске. Купец 2-й гильдии К. Абышев наладил салотопенное производство. В 1899 г. купец В. Хамитов построил на свои средства каменные лавки, которые были переданы в дар Семипалатинску.

Общественный авторитет и социальное положение были выше, как правило, у тех купцов, кто предпринимательскую деятельность совмещал с общественной работой – участием в городском самоуправ-

² ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 338. Л. 52 об., 36.

³ ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 594. Л. 19.

⁴ Там же. Д. 597. Л. 9.

⁵ Семипалатинские областные ведомости. 1886. № 6. С. 7.

⁶ Там же. № 19. С. 23.

лении. По стечению ряда обстоятельств и вследствие характера цензовой системы выборов, купец представлял не только в городской думе, но и во всей городской общественной жизни.

Экономическое развитие Степного края имело следствием массовый приток купцов, капиталов в Степной край, и не только из Европейской России, но и из зарубежных стран. Доля участия купцов в органах городского самоуправления была относительно невелика и вполне соотносится с низким процентом их представительства в структурах исполнительной власти Российской империи, отчего роль торгово-промышленных кругов в формировании политического климата в регионе была не столь существенной. Участие купечества в органах городского самоуправления рассматривалось властью исключительно в фискальных интересах: купечество рассматривалось как инструмент распределения и сбора налогов. Сословие купцов не обладало политическими правами, а их участие в местном самоуправлении еще не свидетельствовало об обладании достаточными гражданскими правами.

Необходимо отметить, что купцы оставили заметный след в социально-экономической и политической жизни края во второй половине XIX в. Об этом свидетельствуют документальные материалы архивных фондов России и Казахстана.

Мещане считались отдельным сословием городских жителей. Для причисления в это сословие необходимо было иметь в городе недвижимую собственность, заниматься торговлей и ремеслом, нести податные обязанности и исполнять городские общественные службы⁷. При соблюдении этих условий записаться в мещане города мог каждый желающий, причем с разрешения военного губернатора области. Выйти из мещан горожан мог и по собственному желанию, с согласия мещанского общества.

Пополнение сословия мещан происходило главным образом за счет торгово-промышленного населения: работников на промыслах, мелких торговцев и служащих и отставных солдат. Мещане были самым многочисленным сословием среди городского населения. Рост числа предприятий в городе способствовал увеличению численности наемных работников и расширению товарно-денежных отношений. Это подтверждают сведения о количестве билетов, выданных ушедшим на заработки «отходникам» в 1890-е гг.: в Усть-Каменогорском уезде – 7028, в Павлодарском – 2036, в Каркаралинском – 3656, в Зайсанском уезде – 706, в Семипалатинске – 6728 билетов. Для мещанского сословия, представлявшего непосредственно городские слои, характерно локальное проживание в городской черте. В Восточном Казахстане самым многочисленным городом в рассматриваемый период оставался Семипалатинск. Здесь в 1883 г. проживали 16 463 чел., в 1897 г. – 26 094 чел. Формирование городского социума в 1883 г. происходило в основном за счет казахского (39,6 % от численности горожан) и

мещанского (28,5 %) сословий и воинских нижних чинов (13,5 %). Превращение Семипалатинска в областной административный центр способствовало концентрации в нем представителей высших слоев общества: здесь проживало 33,9 % всех дворян, офицеров, чиновников области, 50,8 % лиц духовного звания, 57,2 % купцов и почетных граждан. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют считать, что наиболее многочисленными сословиями в городах Степного края, как правило, являлись мещане и крестьяне. По данным 1904 г., в Семипалатинской обл., например в Павлодаре и Усть-Каменогорске, количество мещан и крестьян по отношению к общей численности горожан выглядело следующим образом: в Павлодаре при численности горожан более 6 тыс. чел. мещан было 2960 чел., крестьян – 1329 чел.; в Усть-Каменогорске из 11 тыс. жителей насчитывалось 8073 мещанина, 1574 крестьянина [6, с. 187].

Мещане имели право корпоративного объединения и сословного самоуправления. В каждом городе они образовывали мещанское общество, которое избирало на три года мещанскую управу, состоявшую из старосты, его помощника и нескольких «десятников», утверждавшихся губернатором. Староста вел списки лиц, состоявших в данном мещанском обществе, выдавал паспорта «на отлучку», ведал раскладкой и сбором податей.

Одной из примет нового времени стала организация городского самоуправления в лице городского головы, думы и городской управы, заменивших городничего. В выборах гласных городской думы и управы принимали участие и мещане. В архивном фонде Семипалатинского областного управления имеется ряд дел, свидетельствующих об активном участии мещан в избирательных кампаниях. Так, в 1875 г. мещанин Давыдов не был избран в Павлодарскую городскую думу из-за допущенных нарушений во время выборов. Наиболее состоятельные мещане входили в число избирателей.

Городовым положением 1892 г. был значительно ограничен круг избирателей в пользу наиболее состоятельной части населения. Налоговый ценз заменялся имущественным, что значительно сократило число лиц, допущенных к выборам. В итоге большинство мещан оказалось лишены избирательных прав. Об этом свидетельствуют документальные источники, хранящиеся в ЦГА РК⁸. В 1897 г. членом городской управы Семипалатинска являлся мещанин И.С. Иванов [5, с. 30]. В 1900 г. членом городской управы Семипалатинска избирался мещанин И. Степанов [8, с. 25]. В целом участие мещан в органах городского самоуправления было достаточно заметным. Однако по активности в городских муниципалитетах, влиянию на принятие решений в городских думах и управах мещане, конечно, уступали купцам и чиновникам.

⁷ ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 43. Л. 12.

⁸ ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 1035. Л. 60; Д. 590. Л. 7.

После вступления в силу Городового положения 1870 г. в городах Казахстана стали учреждаться мещанские управы. Мещане активно участвовали в выборе депутатов своих управ. Так, в 1879 г. поступила жалоба на имя военного губернатора Семипалатинской обл. о том, что сын И.Л. Сорвачева был неправильно избран на должность депутата Павлодарской мещанской управы. В частности, в Семипалатинске в 1871 г. городская мещанская управа состояла из 4 чел., избираемых обществом особо, а именно: мещанского старосты, двух членов и письмоводителя, «составляющих присутствие». Необходимость создания управы обосновывалась так: заведовать же..., занимаясь сбором податей и повинностей и наблюдать за хозяйственной частью в отношении недвижимого имущества по общественной богадельне одному старосте довольно затруднительно»⁹.

Текущими делами общества занималась мещанская управа во главе с мещанским старостой. Обычно староста избирался тайно сроком на три года. Так, на выборах в 1887 г. мещанским старостой Кокпекты был избран Мухамеджан Салихов. Староста, как и все члены управы, давал письменную клятву перед вступлением в должность. Мещанский староста имел свою печать и утверждался в своей должности военным губернатором. В компетенцию мещанской управы входили вопросы об оплате различных счетов, о выплате жалованья служащим, о ремонте зданий, принадлежавших обществу. Староста за службу по выбору получал из общественных сумм жалование, как и служащие управы. Из общественных денег выплачивались окладные сборы, жалование письмоводителю и сторожу. Староста ежегодно представлял отчеты о расходовании средств.

Мещанские общества влияли на повседневную жизнь города и могли оказывать воздействие на решения городских дум по целому ряду вопросов, относительно которых мнение общества являлось достаточным основанием, чтобы принять то или иное решение. Мещане городов Семипалатинской обл. часто выступали с ходатайствами о расширении городского выгона, о предоставлении в аренду сенокосных участков, земельных участков для хутора и т. д.¹⁰ Кроме содержания собственных богаделен и приютов, они могли также учреждать за свой счет стипендии для содержания призываемых в других благотворительных учреждениях.

Во второй половине XIX – начале XX в. на общественную жизнь горожан весьма заметное влияние оказывала церковь. Не затрагивая проблемы религиозного самосознания мещан, остановимся на некоторых формах общественного быта, связанных с религией.

Каждый городской житель, как член церковной общины, принимал участие в общественных действиях, связанных с отправлением культа. Основой религиозно-общественной жизни являлись посещения

церкви, регулярные или эпизодические крестные ходы, обряды, связанные с важнейшими моментами в жизни людей. Отправление культа считалось делом общественным. Посещение церкви являлось не только религиозным актом, но и светским, дававшим возможность для общения. В праздники церковь становилась своеобразным центром общественной жизни. Важным моментом участия горожан в религиозной жизни была практика приема причта у себя дома во время главных религиозных праздников.

Крестные ходы, сопровождавшие православные праздники, были крупным событием в жизни горожан. Они представляли собой торжественное шествие из одного храма к другому либо к определенному месту с иконами, хоругвями и другими святынями, прежде всего с большим крестом. Крестные ходы в Семипалатинске совершались в праздники Крещения и Пасхи. В Семипалатинске они начинались торжественной литургией в городском Знаменском Соборе. По окончании литургии при звоне колоколов на всех городских церквях, торжественном пении тропаря и под военную музыку из собора выносилась икона, и крестный ход, сопровождаемый духовенством, войском и множеством народа, двигался за город. А отсюда, после отдыха, народ и один священник направлялись к Святому ключу. На Святом ключе совершалось торжественное всенощное бдение. Утром же совершались литургия и молебен, а к вечеру крестный ход возвращался в город [5, с. 13].

В общественной жизни городов Семипалатинской обл. имели место и государственные праздники, посвященные, как правило, важным событиям в жизни царствующего дома Романовых: рождению Его Императорского Величества 6 мая, крещению наследников, достижению ими совершеннолетия, вступлению в брак, коронации. Правительство поручало организацию официальных торжеств местным чиновникам. Такие мероприятия отличались официозностью, нарочитой торжественностью и строгим соблюдением регламента. Начинаясь любой праздник в соборе, где горожане во главе с начальством молились за царя. Над городом раздавался перезвон колоколов. В эти дни в Семипалатинске и Усть-Каменогорске вывешивались флаги [9, с. 90]. Наиболее заметное участие мещане принимали в традиционных сферах общественной жизни (например, в церковной), менее активным было их участие в многочисленных общественных организациях, появившихся в городах Семипалатинской обл. в начале XX в., где первенствующую роль играли купцы и чиновники.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвинова Т.К. К вопросу о формировании торгового капитала в Казахстане // Уч. зап. КазГУ. Сер. экономическая. Алма-Ата, 1957. Т. 28, вып. 2.
2. Анполова Н. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX века. М., 1976.
3. Игибаев С.К. Расселение казахских родов и племен на территории Восточного Казахстана в XVIII – начале XX в. // Матери-

⁹ Семипалатинские областные ведомости. 1887. № 50. С. 452.

¹⁰ ЦГА РК. Ф. 15. Оп. 1. Д. 2037. Л. 4; Д. 2021. Л. 4.

алы междунар. науч.-практич. конф. (11–12 октября 2001 г.) «Взаимовлияние и взаимосвязи народов Восточного Казахстана в хозяйственной и культурной деятельности XVIII–XXI вв.». Усть-Каменогорск, 2002.

4. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 84. С. 32–33.

5. Памятная книжка Семипалатинской области на 1897 год. Семипалатинск, 1897.

6. Очерки истории города Омска. Омск, 0000. Т. 1.

7. *Конишин Н.Я.* От Павлодара до Каркаралинска. Путевые наброски // Памятная книжка Семипалатинской области. Семипалатинск, 1901.

8. Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г. Семипалатинск, 1900.

9. Памятная книжка Семипалатинской области на 1899. Семипалатинск, 1899.

Л.К. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛЬСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Новосибирский государственный
архитектурно-строительный университет
e-mail: leo-ostrovskij@yandex.ru

В статье показан вклад польских крестьян в освоение и развитие Сибири. Освещены такие проблемы, как причины и основные направления польских крестьянских переселений в Сибирь, состав переселенцев, адаптация польских крестьян в Сибири, взаимоотношения с местным населением. Отмечено, что история польской крестьянской колонизации Сибири была непродолжительной. К концу 1920-х гг. польская диаспора в Сибири прекращает существование.

Ключевые слова: польские крестьяне в Сибири, аграрное перенаселение, колонизация.

После реформ Александра II в России одним из главных вопросов оставался вопрос заселения и хозяйственного освоения окраин, в том числе Сибири. Активное участие в ее хозяйственном освоении принимали крестьяне-переселенцы из западных губерний страны. Наряду с представителями других национальностей польские крестьяне внесли свой вклад в хозяйственное освоение Сибири. Переселение в Сибирь крестьян было связано с аграрным перенаселением в западных губерниях страны. Недостаток земли, высокие цены на землю и невозможность найти работу в городе – основные причины переселения в Сибирь русских, украинских, белорусских и польских крестьян¹. В 1903 г. в Челябинске корреспондент «Газеты Польской» встретил на станции группу польских переселенцев, которые главным побудительным мотивом переселения в Сибирь называли слишком высокие цены на землю на родине и невозможность найти работу². Таким образом, главной целью, которую ставили перед собой крестьяне-переселенцы, было улучшение быта. Подъему крестьянских переселений в Сибирь в конце XIX в. способствовало также признание в этот период правительством России полезности крестьянских миграций.

Среди западных губерний России, из которых в основном шло переселение польских крестьян в Сибирь были Виленская, Витебская, Волынская, Гродненская, Келецкая, Люблинская, Минская, Могилевская, Петроковская, Плоцкая и Радомская. Имели место еди-

ничные случаи переселения польских крестьян в Сибирь из Подольской губ.³

Начало польской крестьянской колонизации Сибири относится к 1880-м гг. Обычно в Сибирь отправлялись сначала ходоки, а затем уже основная масса переселенцев. Им выдавались проходные свидетельства на зачисление за ними доли земли на переселенческих участках. После строительства железной дороги на основании проходных свидетельств переселенцам выдавались удостоверения на удешевленный проезд до станции, ближайшей к месту водворения. Первая группа польских крестьян, выехавшая в Сибирь в 1885 г. из Радомской губ., состояла из 20 семей, которые переселились в Томскую губ. Одним из населенных пунктов, где появились в Сибири первые польские крестьяне-переселенцы, являлось с. Сухоречье Семилужской вол. Томского уезда [1, с. 103].

Кроме того, в 1880-е гг. в Сибири возникают поселения, которые основали участники восстания 1863 г. В 1883 г. ссыльным повстанцам было разрешено вернуться в Польшу, но многие из них остались в Сибири. По данным В. Серошевского, из более 18 тыс. сосланных в 1863 г. 50 % остались здесь. Ремесло, земледелие и мелкая торговля являлись главными занятиями для них [2, с. 227]. Некоторые из повстанцев расселились в смешанных селениях, а некоторые основали самостоятельные поселения. В Баженовской вол. Тобольской губ. оставшиеся поляки в 1884 г. выселились в отдельную деревню, назвав ее по имени тобольского губернатора А.И. Деспот-Зено-

¹ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 162. Л. 166; Д. 151. Л. 149; Д. 158. Л. 88; Д. 163. Л. 345; Д. 175. Л. 11.

² Kraj. 1903. № 36. 5 (18) wrzesnia. С. 17.

³ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 189. Л. 203.

вича, много сделавшего для облегчения положения поляков в Сибири. В Бутаковской вол. тогда же был основан выселок Поляки, в Седельниковской вол. ссыльные поляки вместе с переселенцами из западных губерний России заселили деревни Вознесенку и Богдановку [3, с. 187]. Семьи участников восстания 1863 г. Бабицких, Гавелко, Константиновичей, Скуратовичей и Юшкевичей основали пос. Уразайский в Тарском окр. В основном названные семьи ссыльных поляков происходили из мелкой шляхты Борисовского и Игуменского уездов Минской губ., и в начале XX в. жители пос. Уразайского обратились с просьбой переименовать поселение в Минско-Дворянское и получили на это согласие властей [4, с. 404].

Наивысший подъем добровольных переселений польских крестьян в Сибирь приходится на период со второй половины 1890-х гг. до начала Первой мировой войны. В начале своего появления в Сибири в 1880–1890-х гг. польские крестьяне оседали в основном в западной части края, т. е. в Тобольской и Томской губерниях. В 1894 г. плоцкий губернатор сообщал о переселениях польских крестьян в Тобольскую губ., куда переселилось более десятка польских крестьянских семей из окрестностей г. Плоцка. Сюда же, в Тобольскую губ., во второй половине 1890-х гг. прибывают польские крестьяне и из других мест. Таким образом, по сообщениям еженедельника «Край», к 1901 г. только в Тарском уезде Тобольской губ. проживало около 2 тыс. католиков⁴. Есть все основания утверждать, что большинство из них являлись польскими крестьянами. Так, в работах В.А. Ханевича приводятся данные о том, что католики в Сибири на 85–90 % состояли из лиц польской национальности [5, с. 162].

В соседней Томской губ. в этот период польские крестьяне селились в основном в окрестностях г. Мариинска. В 1898–1903 гг. в Мариинский уезд переселяются польские крестьяне из Двинского, Люцинского и Режецкого уездов Витебской губ. и из Волковысского уезда Гродненской губ.⁵ Кроме того, начиная с 1890-х гг. в Томскую губ. прибывают большие группы польских крестьян из Вилейского уезда Виленской губ., а на территории Томской губ. они обосновались в таких населенных пунктах Мариинского уезда, как пос. Вяземский Златогорской волости, деревни Малиновка и Бороковка Бороковской вол. В 1910 г. в Мариинском уезде польские переселенцы основали три поселка: Ченстоховский, Двинский и Варшавский [6, с. 40]. Кроме Мариинского уезда, в Томской губ. польские переселенцы осваивают земли Каинского и Томского уездов. В 1898 г. в Томской губ. польские переселенцы из западных губерний России основали с. Белосток. Надо отметить, что польские крестьяне-переселенцы прибывали в Белосток до начала Первой мировой войны. Так, в 1914 г. в это село прибыла семья из Радомского уезда Седлецкой губ.⁶ В течение

1898–1907 гг. крестьяне Дисненского уезда Виленской губ. переселяются в Семилужскую, Семиреченскую и Александровскую волости Томского уезда на казенную землю⁷. К 1903 г. в Кыштовской вол. Каинского уезда проживали крестьяне-переселенцы из Витебской, Виленской и Ковенской губерний. Так, в дер. Тынгизинской в 1903 г. проживало 200 католиков, на участке Чебурдинском – 60, на участке Чокинском – 54⁸. В Новокусовской вол. Томского уезда в этот же период, по сообщению чиновника особых поручений Переселенческого управления, проживало 480 крестьян-переселенцев и более 100 бывших ссыльнопоселенцев римско-католического вероисповедания. В том числе в пос. Ломовицком проживала наиболее многочисленная группа католиков волости – около 400 чел. В пос. Константиновском проживало в 34 дворах 192 чел. католического вероисповедания, в пос. Петровском – 49 чел.⁹ Польский исследователь В. Масяж называет более 30 населенных пунктов в Томской губ., где в конце XIX – начале XX в. проживали польские переселенцы [6, с. 40]. По нашим данным, в эти годы таких населенных пунктов, где проживали польские переселенцы (по 20 чел. и более), в Томской губ. было более 60.

Акклиматизация польских крестьян в Сибири проходила со значительными трудностями. Как правило, польские переселенцы сталкивались с необходимостью корчевать лес, чтобы приготовить землю для посевов. Так, в дер. Вершина Иркутской губ. первые три года переселенцам грозили голод и холод, они проживали в землянках и шалашах и только потом строили дома или покупали их у бурят. К этому добавлялось враждебное отношение местного бурятского населения, которое воспринимало переселенцев как захватчиков их земли и других богатств [7, с. 52]. В сентябре 1903 г. переселенцы поселков Константиновского, Петровского и Ломовицкого Новокусовской вол. Томского уезда в своем приговоре о разрешении им постройки костела указывали на то, что не могут добраться до ближайшего костела «по бедности и неимения у себя лошадей»¹⁰. В июле 1911 г. крестьяне пос. Маличевского Томского уезда в прошении на имя томского губернатора указывали на свое бедственное положение. Так, в 1910 г. у них вымерз на полях хлеб, а частично был выбит градом. Поэтому переселенцы не смогли посеять рожь и обращались к правительству за ссудой для уплаты долгов за строительство костела¹¹.

По мнению польского исследователя В. Масяжа, «земельный голод», заставивший переселиться в Сибирь, сильнее привязывал польского крестьянина к земле, чем других. Поэтому поляки составляли меньшинство среди возвращавшихся из Сибири, а царские власти придавали большое значение польскому элементу в заселении Сибири и до 1914 г. издавали для

⁴ Kraj. 1901. № 36. С. 9.

⁵ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 163. Л. 345.

⁶ Там же. Д. 192. Л. 197.

⁷ Там же. Д. 156. Л. 40; Д. 166. Л. 12.

⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4603. Л. 16.

⁹ Там же. Д. 5478. Л. 1–4.

¹⁰ Там же. Д. 5478. Л. 6 об.

¹¹ ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 114. Л. 5–5 об.

польских переселенцев брошюры на двух языках «Переселение за Урал», которые можно было приобрести бесплатно в любом государственном учреждении в Королевстве Польском [6, с. 40–41].

С началом аграрной реформы П.А. Столыпина активное переселение крестьян польской национальности на территорию Томской губернии продолжается. В 1907–1911 гг. из Дриссенского уезда Витебской губ., из Режицкого уезда Минской губ., Сеннинского уезда Могилевской губ., Житомирского уезда Волынской губ. польские крестьяне прибывают в селение Букмыйжа Бороковской вол. Мариинского уезда, в дер. Микушина Заимка, поселки Малиновский, Ильинский и Кузьминка Бороковской вол., пос. Парамоновский Каинской вол., пос. Новопокровский Михайловской вол. В 1907 г. польские крестьяне из Дисненского уезда Виленской губ. переселяются на участок Речица Семилужской вол. Томского уезда¹². В 1907–1908 гг. польские крестьяне из Волынской губ., Мозырского уезда Минской губ. и Остроленского уезда Ломжинской губ. оседают на хуторе Икса Болотинской вол. Томского уезда. Через три года там же, на Иксинских хуторах, поселяются польские крестьяне из Ченстоховского уезда Петроковской губ.¹³ В начале XX в. значительная группа польских крестьян проживала в пос. Васильевском Кольчугинской вол. Кузнецкого уезда Томской губ. К декабрю 1908 г. в поселках Тюхтет, Мирославский, Ерльковский, Ново-Митропольский, Ново-Дмитровский, Вознесенский, Чистореченский и еще в нескольких соседних поселках Мариинского уезда насчитывалось до 1 тыс. католиков¹⁴. В 1908 г. на территории Мариинского уезда были образованы три переселенческих участка на 780 долей: Ченстоховский, Варшавский и Польский. Все они числились за переселенцами-католиками. В 1910 г. польские крестьяне из Келецкой губ. переселяются в пос. Юрасовский, под Новониколаевском¹⁵.

В апреле 1906 г. начался процесс переселения крестьян из Хрубешовского повета в Тобольскую губ. и из Холмского повета в Томскую губ. Весной 1907 г. переселения распространились на Красноставский и Яновский поветы. Корреспондент из Красноставского повета Казимир Яновский сообщал, что выезжающие в Сибирь безземельные и малоземельные крестьяне надеялись получить значительное количество земли и тем самым улучшить свое материальное положение. В 1909 г. переселения охватили Пулавский повет. На тот же год приходится наивысший подъем переселенческого движения из Люблинской губ. В целом переселение из губерний Королевства Польского в Сибирь не носило массового характера. Так, за 1906–1909 гг. из Радомской губ. в Томскую губ. переселилось 102 домохозяина¹⁶. По официальным дан-

ными, к 1 января 1911 г. в Томской губ. было водворено 5218 польских переселенцев¹⁷.

Следующая волна польских переселенцев хлынула на восток с началом Первой мировой войны. Среди эвакуированных на восток, в том числе в Сибирь, находились крестьяне из Люблинской, Холмской, Ломжинской, Седлецкой губерний. В годы войны в Томскую губ. прибывают крестьяне-поляки из Витебской губ. Последние группы польских беженцев продолжали прибывать в Сибирь из Витебской губ. вплоть до 1918 г., вследствие происшедшего наступления немецких войск¹⁸. Польские крестьяне, эвакуированные в годы Первой мировой войны, – это последняя волна польских крестьян-переселенцев в Сибирь. Буквально сразу после революции 1917 г. поляки начинают возвращаться на родину.

Польские крестьяне-переселенцы были рассеяны на огромной территории Сибири. Как и у многих других национальных меньшинств, проживавших в Сибири, у поляков не было резко очерченных границ национальной территории. Они жили вперемешку с другими национальностями. В начале 1920-х гг. крестьяне-поляки в Западной и Восточной Сибири проживали компактно в ряде населенных пунктов края. По нашим данным, в 1921–1922 гг. большие группы польских крестьян проживали в 20 селах Западной Сибири и в девяти – в Восточной Сибири.

Подводя итоги, отметим, что польские крестьяне в ходе переселения на территорию Сибири в конце XIX – начале XX в. внесли заметный вклад в хозяйственное освоение края. Однако история польской крестьянской колонизации в Сибири была непродолжительной. Часть польских крестьян покинула Сибирь в ходе репатриации 1921–1923 гг., а оставшиеся в России разделили трагическую судьбу российского крестьянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Kuczynski A.* Syberia. Czterysta lat polskiej diaspory. Antologia historyczno-kulturowa. Wrocław, 1993.
2. *Emigracja z ziem polskich w czasach nowożytnych i najnowszych (XVIII–XX w.).* Warszawa, 1984.
3. *Нам И.В.* Формирование этнодисперсных групп в составе населения Сибири (XIX – начало XX в.) // Американский и сибирский фронт: Матер. междунар. науч. конф. «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)». Томск, 1997.
4. *Можан Н.И.* Поляки в истории, культуре, образовании города Тары // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Матер. VII Междунар. науч.-практич. конф., посв. 90-летию Омского гос. аграрного ун-та. Омск, 2008. Ч. 1.
5. *Ханевич В.А.* Католический некрополь Томска как база данных о истории Томской колонии первой половины XIX – начала XX века // Сибирская колония: прошлое, настоящее, будущее: Матер. междунар. науч.-практич. конф. Томск, 1999.
6. *Masiarz W.* Dobrowolna migracja chłopów polskich na Syberia Zachodnia w koncu XIX i na początku XX wieku // Сибирская колония: прошлое, настоящее и будущее...
7. *Massaka I.* Spolecznosc polska w Wierszynie (obwod Irkucki). Od etnocentryzmu do względnej asymilacji // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития...

¹² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 166. Л. 11.

¹³ Там же. Д. 172. Л. 115.

¹⁴ ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 72. Л. 13–13 об.

¹⁵ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 177. Л. 590.

¹⁶ ГАТО. Ф. 239. Оп. 8. Д. 89. Л. 23.

¹⁷ Там же. Л. 30–31.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 154. Л. 56.

Н.А. МАКСИМОВА

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА КРЕСТЬЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**Иркутский государственный
педагогический университет

Рассматривается социально-экономическое положение основных групп крестьянского населения Иркутской губернии. Представлены различные формы социальной помощи крестьянскому населению – государством и общественными организациями.

Ключевые слова: социальная политика, социальная структура, переселенческая политика, льготы

В 1980–1990-е гг. в условиях политической либерализации заметно повысился интерес к изучению социальной истории России. Это связано прежде всего с кризисными явлениями, происходящими в современном российском обществе. В таких условиях интерес к изучению социальной политики далеко не случаен. Российское государство в условиях социально-экономического, политического кризиса в начале XX в. не способно было решить социальные вопросы без общественной поддержки. Исследование проблем соотношения государственной социальной поддержки, общественной и частной в настоящее время имеет особую актуальность.

В начале XX в. социальную структуру крестьянского населения Иркутской губ. составляли пять основных социальных групп – казаки, старожилы, инородцы, переселенцы, ссыльные. В связи с этим социальная политика Российского государства базировалась на принципе заявительности. Проводимым государством социальным мероприятиям предшествовали прошения, ходатайства, заявления не только со стороны местных властей, но и самих крестьян.

Одной из немногочисленных групп крестьянского населения Иркутской губ. были казаки: в 1901 г. их насчитывалось 5589 чел., что составляло 1,1 % по отношению ко всему населению. Иркутские казаки пользовались землей на одинаковых с другими крестьянами основаниях, а это вело к уменьшению казачьего надела. В среднем казаки владели 3,4 дес. земли на душу. Более обеспеченными землей были казаки Балаганского уезда – 11,8 дес. земли, в то время как земельный надел «инородцев» составлял от 30 до 100 дес.¹ В связи с таким распределением земли, малоземельем казаки выражали свое недовольство.

Например, в 1900 г. иркутский генерал-губернатор в письменном обращении к правительству сообщал: «...поземельное устройство... приостановлено, несмотря на неоднократные ходатайства моих пред-

шественников...». О положении казаков генерал-губернатор доносил, что они «...не имея достаточных наделов и не будучи в состоянии поддержать свое хозяйство, ...выходят на службу без лошадей, обмундирования..., или входят в долги и разоряются². Согласно высочайше утвержденному мнению Государственного Совета от 17 января 1900 г. была разработана и принята 7 июня 1902 г. инструкция «О мерах к завершению поземельного устройства казачьего населения Иркутской губернии». В инструкции отмечалось: «...казачьи наделы имеют служить обеспечением благосостояния казаков необходимого для исправного отбывания их особой службы государству»³. В 1904 г. поземельно-устроительные компании, пользуясь малочисленностью казачьего населения, его распыленностью по крестьянским селениям, приступали к землеустройству «...сначала крестьян, а потом уже казаков, так что на долю последних приходится то, что остается за наделом крестьян», причем крестьянам «...отводится присельная (лучшая) земля, а казакам более дальняя (худшая)». Надел удобной земли у казаков Иркутского и Нижнеудинского уездов равнялся 7,88 дес. на душу, а крестьянам отводилось по 11,6 дес. лучшей земли на душу⁴.

Все казаки по достижении 21 года обязаны были нести воинскую службу в течение 15 лет, включая 5 лет в строевых частях⁵. Поступивший на службу казак должен был иметь обмундирование, снаряжение и строевого коня⁶. Чтобы собрать казака на службу, купить ему

² ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 234. Л. 20–21.

³ Там же. Д. 2566. Л. 17.

⁴ Там же. Д. 2690. Л. 17–34.

⁵ Там же. Д. 235. Л. 2.

⁶ Шинель новая – 9 руб., старая – 5 руб.; мундир новый – 12 руб., старый – 6 руб.; шаровары новые – 4,50 руб., старые – 3 руб.; теплушка – 4,50 руб.; папаха форменная – 3 руб.; фуражка с чарлом – 1 р. 20 к.; башлык – 80 коп.; кушак желтый – 50 коп.; гимнастическая рубаха с погонами – 1 р. 20 к.; рубаха нижняя – 70 коп.; подштанники – 50 коп.; утиральник – 20 коп.; набрюш-

¹ ГАИО. Ф. 25, Оп. 10. Д. 235. Л. 17–18.

новое обмундирование, требовалось 81 р. 75 к., поношенное обмундирование стоило 70 р. 25 к. Не имея достаточных земельных наделов и не будучи в состоянии поддерживать свое хозяйство, казаки не могли собрать необходимых средств, для этих целей. Многие из них входили в неоплатные долги и окончательно разорялись. Казаки могли рассчитывать только на помощь со стороны своей общины, поскольку располагали казачьим капиталом. В 1900 г. сумма общественного капитала иркутских казаков составляла 15 689 руб., в 1902 г. – 23 068 руб. После упразднения Иркутского полка в 1871 г. в ведении генерал-губернатора находился войсковой капитал, предназначенный на помощь выходящим на службу казакам. Такой капитал складывался из следующих статей: доходов войска; войсковых оброчных и арендных статей; поступлений с процентов на различные капиталы; средств и компенсаций из казны. Расходы данного капитала предназначались для выдачи ссуд бедным казакам для того, чтобы они смогли приобрести себе все необходимое обмундирование. Ссуды выдавались с разрешения генерал-губернатора, согласно статье 45 Положения 19 мая 1871 г. под 4 % годовых⁷. Казакам, вышедшим на действительную службу, предоставлялись и безвозвратные пособия, согласно статьи бюджета казачьего капитала «На пособия бедным казакам и их семействам». Казаки имели право на получение заимообразных и безвозвратных ссуд, в размере в 20–30 руб. в год⁸. В связи с крайне тяжелым экономическим положением казаков Иркутской губ. в 1906–1907 гг. иркутский генерал-губернатор ходатайствовал перед Министерством внутренних дел о необходимости образовать особую казачью землеустроительную партию для быстрого наделения казаков землей по закону 1871 г.; независимо от устройства крестьян выделить станичные наделы отдельно от крестьянских наделов, а также возвратить казакам их войсковой строй; казачьим семействам, разбросанным мелкими группами в отдельных уездах, предложить переселиться на свободные приграничные земли, где можно было бы предоставить казачьему населению свободный запасной фонд и образовать новые станицы⁹.

Отсутствие у казаков Иркутской губ. собственной войсковой административной системы, которую име-

ник – 41 коп.; пара портянок холщевых – 18 коп.; пара шерстяных чулок или портянок – 35 коп.; пара перчаток теплых – 30 коп.; португепя – 72 коп.; пара сапог новых – 5 руб.; тепляк – 18 коп.; поясной ремень – 49 коп.; седло с прибором – 20 руб.; переметные суммы – 6 руб.; недоуздок – 1 руб.; нагайка – 1 руб.; тренога – 80 коп.; скребница и щетка – 1 р. 25 к.; фуражный аркан – 25 коп.; сетки для сна – 2 р. 25 к.; саквы: сахарная – 25 коп., крупяная – 60 коп., соляная – 40 коп., для чаю и сахару – 40 коп., овсяная – 35 коп.; щетки (платяная и две сапожных) – 1 руб.

⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 8. Д. 128. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 18.

⁹ Там же. Оп. 10. Д. 235. Л. 3.

ли все казачьи войска империи, и подчинение их гражданским властям было связано с тем, что царское правительство рассматривало этих казаков не как войско, а как казачье население, учитывая их крайнюю малочисленность.

Таким образом, казаки, находясь в трудном экономическом положении, рассчитывали не только на государственную социальную поддержку, но и общественную помощь со стороны казачьих обществ. Государственная социальная поддержка выражалась в совместных действиях правительства и генерал-губернатора. Государство, принимая во внимание ходатайства, прошения генерал-губернатора, старалось всячески содействовать в предоставлении земельного надела казачьим семьям. Приоритетной все же оставалась социальная поддержка населения. Казаки, имея свой собственный капитал, могли распоряжаться им, предоставляя средства малообеспеченным семьям. Безусловно, через государственные формы социальной поддержки не могла быть оказана всесторонняя помощь. Это обуславливалось социально-экономическими, политическими кризисными явлениями первого десятилетия XX в.

Наиболее крепкую в экономическом положении группу крестьянского населения представляли крестьяне-старожилы. Они жили в больших селах либо на уединенных хуторах. Старожилы имели в пользовании по 15 дес. земли и 3 дес. леса на душу. Они сумели организовать свое хозяйство, научились вести сельскохозяйственные работы с учетом суровых природно-климатических условий, собирали неплохой урожай. Эта категория крестьян жила безбедно. Благополучие их выражалось в обилии хлеба, скота, в лучших постройках, хорошем питании. Они имели свой дом и участок земли, который был сравнительно больше, чем в европейской части страны. Жизнь иркутских старожилов тесно переплеталась с жизнью переселенцев. По отношению к старожилам социальная защита государства выражалась в ограждении их поселений от переселенцев и ссыльных¹⁰. Местные власти систематически должны были проводить обследование необжитых пространств Сибири с целью поселения на этих землях переселенцев. Переселенцы, несмотря на предоставленные ссуды на строительство дома, приобретение рабочего инвентаря и скота, а также семена, не желали селиться в таежных массивах, предпочитали обжитые крестьянские общины. Нередко они захватывали земли у «иногородцев»-крестьян. Из-за наплыва переселенцев благополучие старожилов снижалось, так как прежде они неограниченно пользовались землей и другими угодьями.

С целью организации поселения переселенцев в губернии была создана структура органов управления по переселенческим вопросам – это Переселенческое управление, переселенческие участки или пункты. Наделение крестьян-переселенцев землей, освоение свободных земель в лесном массиве входило в компе-

¹⁰ ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. Д. 123. Л. 18.

тенцию Переселенческого управления. Каждый год переселенческие управления составляли планы работ по поземельному устройству и образованию переселенческих участков в Иркутской губ. В выделяемые наделы попадала и земля казаков. Так, в планах часто встречаются пункты по проектированию земельных наделов, в которых оговаривалось: «...отвести лесной участок из состава земельного надела казаков»¹¹. Социальная политика государства в таких условиях была противоречивой: с одной стороны, государство содействовало переселенцам, с другой – разоряло казаков.

Помимо вышеуказанных мероприятий правительство предоставляло переселенцам ссуды на основании высочайше утвержденных «Правил о выдаче ссуд крестьянам на переселение в Сибирь» от 29 июня 1899 г. Полученные денежные средства расходовались на обустройство и семена. Государство предоставляло займы на постройку мельниц и магазинов (в основном хлебных). Ссуды выдавались в размере от 20 руб. и свыше 100, а также предоставлялись ссуды на устройство жилищ¹². Постоянно увеличивавшееся число переселенцев требовало все больших расходов. В 1900 г. таких ссуд было выдано 276 233 руб., а в 1901 г. – 253 742 руб., уменьшение ассигнований выделяемых переселенцам свидетельствует о том, что размеры ссуды уменьшались или не выплачивались вовремя¹³. Местные власти выделяли 20 тыс. руб. на работы по расчистке таежных участков для поселения, этой суммы было явно недостаточно¹⁴. Переселенцам также необходимо было приобрести орудия труда, рабочий скот. Генерал-губернатор ежегодно отправлял отчет в Министерство внутренних дел о материальном положении переселенцев и выдаче ссуд за последний год. В отчетных ведомостях указывалось: год поселения, жилищные условия (постоянное жилье или временное), лошади, КРС, МРС, наличие земледельческих орудий труда, количество десятин посевной земли, число семей, получавших ссуды¹⁵.

Министерство внутренних дел обращалось к иркутскому генерал-губернатору с тем, чтобы он внес новые предложения в Правила о пособиях, предоставляемых переселенцам. «Правила о выдаче ссуд крестьянам на переселение в Сибирь», утвержденные 29 июня 1899 г. положением Комитета Сибирской железной дороги, носили временный характер, рассчитанный на три года. Необходимость изменения этих правил была связана с тем, что старые правила уже не соответствовали действительности. Новые предложения касались увеличения размера ссуды на устройство жилищ¹⁶.

Старожилы меньше нуждались в заботе государства. Значительное место в их жизни занимала сель-

ская община. Сельский мир помогал оставшимся без кормильца, больным и др. Государство было заинтересовано в стабилизации экономического положения крестьян-старожилов. Работая в тесном взаимодействии с различными общественными структурами, властные структуры осуществляли социальную политику, направленную на улучшение благосостояния крестьянского населения.

Помимо вышеупомянутых групп крестьянского населения в Иркутской губ. насчитывалось около 200 тыс. «инородцев», или 22,6 % [1, с. 5]. Проводилась большая работа по упорядочению норм их земельных наделов. Основным занятием аборигенного населения было скотоводство, что требовало более значительных земельных наделов по сравнению с казаками и другими группами крестьян. В результате земельной и административной реформ «инородцы» лишились части своих земель, которые распределялись между другими группами крестьянского населения. Русификаторское направление царской политики ограничивало социальные, политические и культурные права аборигенного населения. Государство проводило активную политику ассимиляции бурятского населения. Оно неохотно отзывалось на установление каких-либо льгот для семейных и других категорий аборигенного населения. Преимущественным направлением социальной политики государства в отношении «инородцев» было освобождение от воинской повинности. В связи с этим существовали льготы по отсрочке от военной службы. Льготы распространялись на многодетные семьи, согласно ст. 50 Устава о воинской повинности. В начале XX в. возникла необходимость привлечения инородцев к службе в войсках. И все же мобилизационный отдел считал, что некоторые «инородческие» племена нежелательно привлекать к воинской повинности, вследствие малочисленности этих племен, их отдаленности от прочего населения. Например, освобождались от воинской повинности следующие группы: в Енисейской губ. – обитающие в Енисейском уезде, Туруханском крае, в Иркутской губ. – карагазы, сойоты и тунгусы Нижнеудинского и Киренского уездов¹⁷.

Особую группу в сибирских губерниях среди крестьянского населения составляли ссыльнопоселенцы. За 1900–1907 гг. в Иркутскую губ. было сослано 595 чел.¹⁸ Данную цифру можно считать условной, поскольку отбывшие наказание ссыльные возвращались на родину, а, кроме того, не велась регистрация ссыльных, бежавших с поселения¹⁹. Ссыльные, отбывшие наказание, имели право остаться в сибирских губерниях. Им предоставлялись земельные участки на основании ст. 163 Устава о ссыльных. Большинство ссыльнопоселенцев пыталось достать увольнительный билет на отхожие промыслы или же поселиться в се-

¹¹ Там же. Оп. 9. Д. 2177. Л. 2–13.

¹² ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 146. Л. 8.

¹³ Там же. Оп. 10. Д. 123. Л. 5.

¹⁴ Там же. Оп. 9. Д. 2760. Л. 2.

¹⁵ Там же. Д. 146. Л. 6.

¹⁶ Там же. Д. 709. Л. 1.

¹⁷ ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. Д. 2763. Л. 7.

¹⁸ Там же. Оп. 6. Д. 3702. Л. 1–10.

¹⁹ Там же. Л. 21.

лениях старожилов. Зачастую сельское общество откупалось от неблагонадежного поселенца, собрав и вручив ему некоторую сумму денег. В редких случаях ссыльнопоселенец получал от общества земельный участок. Первые три года они освобождались от уплаты повинностей. Ведь по прибытии к месту поселения ссыльнопоселенцы лишались казенного попечения. Не имея средств и возможности месяцами найти себе заработка, они шли просить милостыню или нередко совершали новые преступления. Местное население крайне враждебно относилось к ссыльнопоселенцам. Тяжелым бременем для края были дряхлые и неспособные к труду ссыльнопоселенцы, а расходы по их содержанию ложились в той или иной форме на местное население.

Таким образом, социальная политика Российской империи в Иркутской губ. была направлена на стабилизацию экономического положения крестьян, поскольку именно в них царское правительство видело социальную опору самодержавию. Учитывая, что крестьянское население губернии состояло из разных

социальных групп, государство стремилось по необходимости оказать социальную помощь каждой группе. Крестьянам требовались не только земельный надел, но и материальная поддержка. В зависимости от экономического положения различных социальных групп крестьянского населения Иркутской губ. социальная политика государства осуществлялась по принципу заявительности. На основании отчетов генерал-губернаторов правительство оказывало социальную помощь наименее обеспеченным слоям населения. Реализация социальной политики российского государства осуществлялась в сочетании с общественной и частной благотворительностью. В условиях кризиса и революционной ситуации общественная и частная помощь в начале XX в. были приоритетным направлением социальной политики государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1914.

С.М. ЦЫПЛАКОВА

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В МОСКОВСКОМ СИНОДАЛЬНОМ ХОРЕ И УЧИЛИЩЕ В КОНЦЕ XIX в.

Муниципальное образовательное учреждение
дополнительного образования детей
детская музыкальная школа № 10, г. Новосибирск
e-mail: tsypl@ngs.ru

В статье предпринята попытка охарактеризовать деятельность Московского Синодального хора и действовавшего при нем училища по возрождению древнерусской певческой традиции в конце XIX в. Анализ материалов издания «Русская духовная музыка в документах и материалах» позволяет проследить, каким образом композиторы А.Д. Кастальский, А.Т. Гречанинов, П.Г. Чесноков и другие разрабатывали принципы гармонизации древнерусских распевов, а Синодальный хор под управлением В.С. Орлова воплощал в жизнь их идеи, возрождая древнерусскую певческую традицию.

Ключевые слова: древнерусская певческая традиция, Синодальный хор, духовная музыка.

В современном обществе возрастает потребность рефлексии отечественного наследия, что, в частности, относится и к области русской духовной музыки. В этой связи представляется важным осветить процесс возрождения церковно-певческих традиций в Московском Синодальном хоре и действовавшем при нем училище в конце XIX в. Материалы серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» [1], первые два тома которой посвящены Синодальному хору и училищу церковного пения, дают возможность рассмотреть, как протекало возрождение древнерусских распевов в стенах Синодального училища.

Деятельность лучшего в России Синодального хора и училища, которое выпускало высокопрофессиональных регентов и учителей церковного пения, была

прервана в самом расцвете в 1918 г. В советской научно-исследовательской литературе упоминания о Синодальном хоре и училище были не часты. Благодаря публикации чудом сохранившихся переписки, воспоминаний и дневников «синодалов» и их потомков мы можем восстановить картину духовно-музыкальной жизни России XIX в.

Синодальный хор, организованный в Москве в 1721 г., вырос из хора патриарших певчих дьяков, основанного в XV в. по церковной певческой традиции как мужской хор и являвшегося хором киевских, владимирских, затем московских митрополитов [1, т. II, с. 38]. Самое раннее упоминание о нем содержится в чине поставления епископов 1456 г. Особое значение хор приобрел после учреждения в России пат-

риаршества в 1589 г., когда он получил статус патриаршего хора [Там же, с. 51]. Он пел во время богослужений в большом Успенском соборе Московского Кремля, при поставлении на царство, царских венчаниях, при переносе мощей святых, встречах иностранных гостей. После упразднения Петром I патриаршества хор получил название Синодального и продолжал петь в Успенском соборе Московского Кремля.

Знаменная нотация, которой в совершенстве владели певцы хора, обширный репертуар дают возможность предположить, что с самого основания, с XV в., в хор брали уже хорошо обученных певчих. В последней четверти XVII в. в хоровые коллективы стали вводиться голоса мальчиков, для обучения которых было открыто духовное училище. В 1886 г. на базе хора и духовного училища было создано Синодальное училище церковного пения – среднее специальное музыкальное заведение. В нем обучали регентов и учителей церковного пения.

На протяжении длительного периода, с XI по XVII в., ведущим певческим стилем в русской духовной музыке оставался знаменный распев, оказавший влияние на формирование национального вокально-певческого искусства России. К XVII в., развиваясь и совершенствуясь, знаменный распев достиг расцвета. Патриарший хор был одним из главных хоров, в котором искусство знаменного распева находилось на высочайшем профессиональном уровне [2, с. 15].

С середины XVII в. в истории церковного пения началась новая эпоха, коренным образом отличавшаяся от предыдущей. Было принято европейское четырехголосное, так называемое партесное пение, сформировавшееся под влиянием светской культуры. Более яркими стали музыкальный язык, мелодический и ритмический рисунок, гармония, фактура [3, с. 7]. Эти изменения привели к усилению художественного значения музыки в ущерб первоначальному значению текста. Надо отметить, что патриарший хор одним из первых освоил нотацию и партесное пение.

С середины XVIII в. влияние западной хоровой культуры на русскую церковную музыку становится определяющим. Вводятся линейная нотация, темперированный строй, рождается новый жанр – хоровой концерт. В хоровом концерте допускается свободное отношение композиторов к молитвенному тексту, разрешаются повторы слов и перестановка целых фраз. В звучании хоров появляются пышность и красочность. Знаменный распев как мелодическая основа уходит на второй план [4].

В XIX в. на церковную музыку обращают внимание такие композиторы «светского» направления, как А.А. Алябьев, А.Е. Варламов, М.А. Балакирев, М.И. Глинка, Н.А. Римский-Корсаков, П.И. Чайковский, С.В. Рахманинов. Переосмысление путей развития русской духовной музыки, рассмотрение многовековой традиции древнерусского церковного пения – знаменного распева – приводят многих композиторов, в первую

очередь П.И. Чайковского [5, с. 19], к выводу, что правильный путь дальнейшего развития русской духовной музыки лежит в направлении возрождения традиции знаменного пения.

Основополагающую роль в возрождении знаменного пения в виде гармонизаций и авторских сочинений, которые опирались на интонационную природу знаменных распевов, сыграли Московский Синодальный хор и действовавшее при нем училище.

В конце XIX в. в стенах Московского Синодального училища складывается так называемое новое направление русской духовной музыки, идеологом которого становится директор училища Степан Васильевич Смоленский – один из основоположников русской музыкальной медиэвистики, профессор Московской консерватории, председатель отдела разыскания и издания памятников певческого искусства Петербургского общества любителей древней письменности. Благодаря его археографическим трудам при училище была создана научно-музыкальная библиотека певческих рукописей. Он же выступил организатором первой научно-музыкальной экспедиции на Афон. Известен С.В. Смоленский и как публицист. По воспоминаниям его современников, статьи С.В. Смоленского печатались в «Русской музыкальной газете», «Московских ведомостях», журналах «Семья и школа», «Хоровое и регентское дело» и других изданиях [1, т. I, с. 38].

А.В. Никольский, друг и соратник С.В. Смоленского, вспоминал, что этот талантливый педагог и добросовестный администратор много сделал для совершенствования системы подготовки регентов и учителей церковного пения [Там же, с. 161]. Став в 1889 г. директором Синодального училища, он вместе с сотрудниками поднял пребывавшее в довольно бедственном положении училище для мальчиков-певчих до уровня высшего духовно-музыкального учебного заведения, выпускавшего высокопрофессиональных педагогов и регентов. Его соратник Преображенский вспоминает, что в замыслы С.В. Смоленского входило открытие общедоступного регентского училища в Петербурге и учреждение регентских съездов в Москве [там же, с. 153].

Авторитет, которым пользовался С.В. Смоленский в широких музыкальных кругах, способствовал обращению многих музыкантов и исследователей к древним пластам отечественной хоровой культуры. «Новое направление» в русской духовной музыке, вдохновителем которого в 1890-х гг. становится С.В. Смоленский, представлено широким кругом имен. Это С.В. Рахманинов, А.Д. Кастальский, А.Т. Гречанинов, П.Г. и А.Г. Чесноковы, А.В. Никольский, Вик. С. Калинин, М.М. Ипполитов-Иванов, К.Н. Шведов, Н.С. Голованов, Н.Н. и Н.П. Толстяковы, Д.В. Алеманов, Д.М. Яичков и многие другие.

А.В. Никольский в своих воспоминаниях ярко обрисовал, как воодушевлен был С.В. Смоленский делом возрождения древнерусских распевов. Твердая вера в правильность выбранного пути вдохновляла

окружавших его людей, преподавателей Синодального училища, композиторов, регента и певцов Синодального хора. Автор мемуаров подробно охарактеризовал взгляды С.В. Смоленского на возрождение древнерусской певческой традиции, которые тот высказывал в 1890-х гг. в тесном кругу работников и учеников Синодального хора и училища. Благодаря постоянным разговорам и проводимой С.В. Смоленским работе вокруг него создавалась атмосфера «великой жажды» к отысканию «новых берегов», готовности приобщиться к новому делу, к чему он так убедительно призывал [Там же, с. 158].

Рассуждая о переложениях древних распевов, С.В. Смоленский считал, что европейская гармоническая основа не подходит для этого по своей природе. Европейская гармония выросла на иной почве и, хотя была привита музыкальному вкусу русских людей, противоречит сущности и духу древнецерковных мелодий, которые имеют другие истоки [Там же, с. 157]. С.В. Смоленский полагал, что древнерусская церковная мелодия построена на своеобразном основании, ничего общего не имеющем с европейским мажором и минором. Знаменный распев – это иная музыкальная система, поэтому гармонизовать древнецерковные песнопения по законам европейской музыки – значит облачать их «в шубу с чужого плеча», исказить и обесцвечивать их подлинный смысл. Он призывал композиторов к творческому поиску нового пути возрождения древней традиции. Степан Васильевич крепко верил в силу русского творческого гения, как и в то, что русская церковная музыка дождет своего «Глинки», который укажет ей новый путь.

В 1894 г. С.В. Смоленский записал в «Дневнике», что на заседании педагогов-теоретиков «впервые высказался сполна об изменении... музыкальных программ в русском направлении» [Там же, с. 36]. Работа над формированием училища как «рассадника будущих знатоков древнего церковного пения» началась с первых же дней пребывания С.В. Смоленского в училище, так же как и совместная деятельность с регентом В.С. Орловым по преобразованию в «русском направлении» репертуара Синодального хора [Там же, с. 83].

Огромную роль в деле возрождения традиции древнерусских песнопений сыграла работа Синодального хора по разучиванию обширной программы цикла исторических духовных концертов в 1895 г. Ее целью было проследить ход развития русской духовной музыки [1, т. II, с. 197–214]. Это был необычный случай в истории русской духовной музыки. Под влиянием услышанных духовных произведений появились первые опыты в «новом направлении».

Одним из первых в области возрождения древнерусских распевов начал работать А.Д. Кастальский, выступив с переложениями церковных песнопений «Милость мира» и «Достойно есть» сербского распева. Неяркие, особенно по сравнению с последующими произведениями, первые работы Кастальского, хотя и встречены были хором с некоторым недоверием, однако дали возможность подметить в композиторе

талант, умение, многообещающую новизну письма. Поддержанный С.В. Смоленским и регентом Синодального хора В.С. Орловым, А.Д. Кастальский нашел свое призвание. В его сочинениях русская духовная музыка сделала крупный шаг вперед по пути новых находок в духе самобытности и церковности духовных произведений [1, т. I, с. 231].

Другой известный композитор – А.Т. Гречанинов – принес в Синодальный хор свое произведение – Литургию № 1. По решению С.В. Смоленского оно было разучено хором по рукописи и исполнено на закрытом концерте для приглашенных лиц. Естественно, в период репетиций у автора происходили частые разговоры со Смоленским, Орловым, Кастальским [Там же, с. 164]. Продолжением стало исполнение новых духовных произведений Гречанинова в программе Синодального хора: «Воскликните», «Свете тихий», «Хвалите» и др. В этих композициях слышались отголоски древних напевов в смелой и интересной обработке.

Успех сочинений А.Д. Кастальского и А.Т. Гречанинова был не только успехом исполнительского таланта В.С. Орлова, но и торжеством идей С.В. Смоленского, которые стали воплощаться в жизнь.

К «новому направлению» обратился и П.Г. Чесноков. К его сочинениям, написанным частично на ученической скамье, С.В. Смоленский относился с особым вниманием, развивая еще не оформившийся талант. Без критических замечаний и указаний Степан Васильевич не оставил ни строчки из созданных в то время сочинений П.Г. Чеснокова [Там же, с. 108].

Своими творческими поисками А.Д. Кастальский, А.Т. Гречанинов, П.Г. Чесноков способствовали возрождению традиции русской духовной музыки и воодушевили немало последователей – С.В. Рахманинова, А.В. Никольского, Н.С. Голованова, Викт.С. Калининкова, М.М. Ипполитова-Иванова, К.Н. Шведова.

В сочинениях «нового направления» уже не было прежнего господства законов западно-европейской гармонии, стереотипных имитационных форм. Напротив, проявляются особенности письма и изложения, характерные для русской народной песни и древнецерковных распевов и названные С.В. Смоленским, как свидетельствует А.В. Никольский, «русской контрапунктикой» [Там же, с. 159]. Под «контрапунктикой» понимается смешение элементов гармонии и собственно контрапункта, причем как гармония, так и контрапункт предстают в форме обновленных и пересозданных. Форма многих духовных сочинений новой школы изменяется в направлении большего соответствия духу и характеру церковного уставного пения.

По воспоминаниям А.В. Никольского, человеком, воплощавшим идеи «нового направления» на практике, был Василий Сергеевич Орлов. Он подал прошение на вакантное место регента Синодального хора 8 марта 1886 г. П.И. Чайковский, зная Орлова как талантливую директора и разделяя идеи «нового направления», отправил блестящие письменные отзывы об Орлове петербургскому и московскому началь-

ству. Авторитетное мнение композитора сыграло решающую роль при назначении нового регента.

Автор воспоминаний о Василии Сергеевиче Орлове справедливо разделяет двадцатилетний период его работы в Синодальном хоре на несколько этапов. Первый из них пришелся на 1886–1889 гг. Это период преодоления отрицательных последствий старой практики хора и внедрение новых принципов строгой дисциплины, отбора голосов, работы над хоровым ансамблем. Специально для концертов Синодального хора композитор и преподаватель училища А.Г. Полуэктова сделал несколько новых гармонизаций и переложений древних распевов, которые исполнялись в апреле 1888 г. В это время духовные концерты Синодального хора являлись музыкальной иллюстрацией лекций профессора Д.В. Разумовского. Тогда же в концертных программах появились сочинения П.И. Чайковского.

Следующий этап, с 1889 по 1899 г., был отмечен скачком в исполнительском мастерстве хора. Значительно расширился и его репертуар: на концертах духовной музыки звучали произведения Д.С. Бортнянского, П.И. Турчанинова, А.Ф. Львова, Г.И. Ломакина, А.А. Архангельского, А.Г. Полуэктова, Е.С. Азеева, М.А. Виноградова, С.В. Смоленского, П.И. Чайковского, С.И. Танеева, Н.А. Римского-Корсакова, М.А. Балакирева, А.А. Аренского, С.В. Рахманинова, исполнялись хоры славянских композиторов Г.В. Музическу, К.В. Станковича. Сочинения А.Д. Кастальского, П.Г. Чеснокова, А.Т. Гречанинова хор в это время начал исполнять не только на концертах, но и на службах в Успенском соборе [Там же, с. 168–169]. В эти годы, как пишет С.В. Смоленский, Синодальный хор был открыт для экспериментов, общения со слушателями и композиторами, учебы заинтересованных лиц из Москвы и провинции. На репетициях присутствовали в качестве гостей высокопоставленные лица, специалисты хорового дела, композиторы, учащаяся молодежь. Во второй половине 1890-х гг. хор выступал в России и за ее пределами. Концерты проходили с большим успехом, и репутация хорового коллектива достигла наивысших пределов. Это были исторические концерты в 1895 г., два концерта в Петербурге в 1896 г., поездка в Вену на освящение храма и концерт в Вене в 1899 г. После венской поездки в Европе заговорили о новом русском чуде – Синодальном хоре. Об этом свидетельствуют воспоминания самого С.В. Смоленского, письмо известного венского дирижера Ганса Рихтера своему другу доктору Батка и отзывы современников [Там же, с. 108–114, 140].

Последний период деятельности В.С. Орлова, 1899–1907 гг., был отмечен дальнейшим совершенствованием певческого искусства и утверждением подлинно национального репертуара. Появились сочинения М.М. Ипполитова-Иванова, Викт. С. Калининкова, С.В. Панченко, А.В. Никольского, Н.Н. Черепнина, Ю.С. Сахновского, Д.М. Яичкова, Н.Н. Толстякова, К.Н. Шведова. Службы и многочисленные концерты хора с разнообразными программами привлекали массу слушателей, обращали на себя внимание музы-

кантов, критиков. Одной из новых форм деятельности стали ежегодные концерты в Манеже, где под управлением Орлова певческие силы Москвы объединялись в коллектив, насчитывавший до двух тысяч исполнителей. При Орлове появились и работали с ним дирижеры нового поколения – П.Г. Чесноков, Н.М. Данилин, П.В. Власов, Н.Н. Толстяков. В.С. Орлов оказывал большое влияние на своих учеников: и на тех, кто пел в Синодальном хоре, и на тех, кто готовился стать регентом и учителем пения. Многие учились на примере Орлова, поэтому можно говорить о синодальной регентской школе, во главе которой он стоял до конца своих дней [Там же, с. 170].

Традиции пения Синодального хора частично продолжили свое существование и в СССР: основатели советской школы хорового пения М.М. Ипполитов-Иванов, А.В. Свешников, А.В. Александров были выпускниками Московского Синодального училища. Бывшие «синодалы» (Н.М. Данилин, П.Г. Чесноков, А.В. Никольский) работали на организованной в 1931 г. при Московской консерватории кафедре хорового дирижирования [Там же, с. 498–499, 520, 526].

Таким образом, знакомство с дневниками, воспоминаниями, исследованиями дает возможность проследить историю возрождения древнерусских певческих традиций в хоровом пении в конце XIX в. Благодаря деятельности С.В. Смоленского, В.С. Орлова, А.Д. Кастальского и многих других преподавателей, композиторов и музыкантов в стенах Московского Синодального училища возникло течение, которое дало новое дыхание древнерусским распевам, показало красоту, величие знаменных мелодий. Композиторы «нового направления», исходя из национальных истоков древнерусских распевов, нашли своеобразные приемы гармонизации, которые не искажали интонационную природу знаменного распева, а подчеркивали и раскрывали его глубину и самобытность. Синодальный хор на практике реализовывал мысли и труд людей, которые работали на ниве возрождения национального церковного пения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Синодальный хор и училище церковного пения: Воспоминания, дневники, письма / Сост., вступ. ст. и коммент. С.Г. Зверевой, А.А. Наумова, М.П. Рахмановой. М., 1998. Т. I, II.
2. Николаев Б. Знаменный распев и крюковая нотация как основа русского православно-церковного пения: Опыт исследования методики и нотации русского православного церковного пения. М., 1995.
3. Герасимова-Персидская Н.А. Русская музыка XVII века – встреча двух эпох. М., 1994.
4. Заболотная Н.В. Отношение мастеров партесного пения к проблеме творчества // Филевские чтения: К 300-летию памятника архитектуры XVII столетия «Церковь Покрова в Филах» (1690–1693г.): Русская культура второй половины XVII–XVIII в. (Матер. Всесоюз. науч. конф. 19–21 дек. 1988 г.). М., 1993.
5. Письмо П.И. Чайковского ректору Киевской духовной академии о состоянии церковного пения // Русский хоровой вестник. Прага, 1928. № 4.

Я.А. ПАРХОМЕНКО

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И КИНО (1917–1919)

Всероссийский государственный институт кинематографии
им С. Герасимова (ВГИК), г. Москва
e-mail: ivanna@yandex.ru

В статье на основе анализа широкого круга литературных произведений и периодической печати исследуется процесс национализации кинодела большевиками в Советской России в 1917–1919 гг. Автор делает вывод о преемственности политики царского правительства и большевиков в отношении кино, которое рассматривалось властями исключительно как средство мощного идеологического воздействия на массы. Оценив потенциал кино, большевистское руководство тем не менее в течение почти двух лет по тактическим соображениям было вынуждено мириться с существованием частного кинематографа, производившего преимущественно аполитичное кино. Окончательным толчком к национализации кинематографа большевиками осенью 1919 г. стало успешное развитие кинодела на территории, контролируемой белыми правительствами.

Ключевые слова: советская власть, кинематограф, агитационное кино, кинокомитеты, цензура, национализация.

Формирование взаимоотношений между самым молодым из искусств и советской властью было длительным и сложным процессом. Историки неоднократно обращались к ситуации в кинематографе в сталинскую эпоху [1–3]. Однако ситуация конца 1910-х гг. практически ими не исследовалась¹, тогда как именно в этот период закладывались основы взаимоотношений между властью и кино. Данная статья посвящена изучению истории перевода частного российского кинематографа на рельсы государственной монополии. Завершение этого процесса в 1919 г., собственно, и ознаменовало зарождение советского кинематографа.

Возможные дивиденды использования кинематографа в интересах государства были по достоинству оценены еще царским режимом. Даже такой популярный жанр советского кино, как «агитационное кино», на самом деле не являлся порождением нового режима. Агитационное кино тех лет было представлено преимущественно двумя типами – пропагандистское (воспитательное) и просветительское (разъяснительное). И тот и другой тип активно производился российским кинематографом уже в 1914 г. Так, 13 марта 1914 г. был торжественно открыт военно-кинематографический отдел Скобелевского комитета, который был призван производить фильмы военно-образовательного и воспитательного характера. Кроме данного комитета, производством подобных кинолент занимались многие студии, в том числе и провинциальные. Начав с бытовых и нравственных тем, агитационное кино достаточно скоро приходит к обслуживанию и политических интересов: 18 марта 1914 г. выпущен фильм «На что государству нужны деньги», 3 апреля

1914 г. – фильм «Патриотическое дело», пропагандирующие «военный заем».

В годы Первой мировой войны Скобелевский комитет, являвшийся фактически военно-государственным киноорганом, располагая поддержкой Военного министерства и императрицы Александры Федоровны, развернул кипучую деятельность по производству агитационных картин. В своих интересах он организовывал призыв режиссеров и операторов в армию и забирал их в свое ведомство для прохождения военной службы. Так, в 1915 г. Владислав Старевич, первый российский мультипликатор, был призван на военную службу и взят в военно-кинематографический отдел Скобелевского комитета, где он занимался в основном работой пропагандистского характера и съемками военной хроники.

Идея национализации российского кинематографа впервые публично была озвучена в 1915 г. в заказной брошюре «Кинематограф как правительственная регалия», заказчиком которой выступил Скобелевский комитет, а автором – военный инженер В. Деметьев. Автор сделал главный акцент на бессмысленность введения жесткой киноцензуры без применения радикальных мер по монополизации кинодела в руках государства. Эти меры должны были, по его мнению, способствовать возрождению русской национальной культуры и искоренению безнравственности в фильмах.

Несмотря на то, что идея национализации кинематографа нашла поддержку на самом высоком уровне, в частности, в лице министра внутренних дел А.Н. Хвостова, министра финансов П.Л. Барка, протопресвитера русской армии и флота о. Георгия (Щавельского) и самого Николая II [4, с. 570.], действия правительства ограничивались мерами, направленными на внедрение жесткой цензуры. В начале 1917 г. были опубликованы «Руководящие указания о поряд-

¹ В работах Н.М. Зоркой, С.С. Гинзбурга, В. Аксенова, И. Гращенковой и Н.А. Лебедева дан преимущественно анализ художественных особенностей первых советских кинокартин.

ке допуска на фронт частных фирм и предприятий для производства кинематографических снимков и по выполнению военной цензуры последних», но в действие они вступить не успели. Все эти мероприятия и проекты были сорваны Февральской революцией, а идея национализации кино выпала из внимания властей на целый год (как, собственно, и последовательное проведение цензурных мер).

Первым документом, характеризующим взаимоотношения советской власти и кинематографа, стала резолюция Петроградского военно-революционного комитета от 30 октября 1917 г.: «На просьбу кинооператора делать снимки – отказать» [5, с. 352]. Но уже 18 ноября 1917 г., осознав, что власть удержится в руках большевиков, ВРК выдал кинооператорам Модзелевскому и Новицкому удостоверения, предоставлявшие право производить кино съемки в Петрограде с целью «запечатления самых ярких моментов революции». Тем не менее в конце 1917 – начале 1918 г. российский кинематограф лишь фрагментарно попадал в поле зрения большевиков. Основная масса картин, вышедших на экраны в 1917 г., представляла собой будничные драмы в романсовом стиле (показательные сами названия: «В ее красе был смерти яд», «Ее влекло бушующее море», «Распятая любовь», «Люди знойных страстей», «Позабудь про камин – в нем погасли огни»). Упрощенные, слезливые, благостные киноистории, переполнявшие тогда экраны, на самом деле были адекватным откликом на социальный заказ: население страны, четвертый год переносившее тяготы войны, крайне нуждалось в средствах отвлечения и развлечения.

В это же время в прокат выходит постановочно-агитационная лента Скобелевского комитета «К народной власти», в которой на фоне незамысловатой лирической истории разъярился механизм проведения выборов в Учредительное собрание, что превращало кинокартину в наглядную инструкцию избирателя². Агитационный фильм «К народной власти», в котором были использованы кадры заснятой антибольшевистской демонстрации, вызвал ответные меры большевиков по отношению к кинематографу. В конце ноября 1917 г. в Петрограде был организован киноотдел под руководством Н.К. Крупской, следом – комиссия по проверке характера деятельности и личного состава кинопредприятий³.

1918-й год являет собой развитие двух противоположных тенденции. С одной стороны, частный российский кинематограф, имевший доступ к основному отраслевому производственному ресурсу – киноплёнке, выпускает одну за другой мистико-мелодраматические картины, упорно игнорируя их содержательную вторичность и отсутствие художественных достоинств. На экранах появлялась сугубо салонная продукция, к тому же фактически освобожденная от какой-либо цензуры (в том числе фильмы о масонах, раскольни-

ках, сектантах и коварных происках сатаны). Практически из проката исчезла кинохроника как жанр текущего момента. Вместе с тем, предпринимались попытки создания государственного кинематографа, стремившегося подчинить себе кинопроцесс, в первую очередь путем реквизиций частных киноателье и кинотеатров. 26 марта 1918 г. произошло знаковое событие – Скобелевский комитет был передан киноотделу Моссовета, что знаменовало первый этап национализации кинопромышленности. В результате, следуя примеру знаменитого режиссера Ханжонкова, частные производители один за другим начинали прятать пленку и вывозить оборудование в местности, не подконтрольные большевикам. Российский кинематограф вступил в фазу производственного кризиса.

13 апреля 1918 г. А.В. Луначарский в своем интервью постарался успокоить частных кинематографистов, заявив, что у советской власти нет намерений национализировать всю кинопромышленность, что их целью был исключительно Скобелевский комитет и что как только советские ученые разгадают секрет эмульсии, необходимой для производства пленки, сразу же начнется выпуск советской кинопродукции, которая составит честную конкуренцию частному кинобизнесу⁴.

Интервью Луначарского несколько успокоило кинопромышленников, но уже к концу апреля 1918 г. стало ясно, что нарком лукавил, а большевики будут последовательно и жестко осуществлять курс на полную государственную монополизацию киноиндустрии. 25 апреля Московский кинокомитет опубликовал постановление о монополизации кинохроникальных съемок и проката, а 29 апреля 1918 г. постановлением Президиума Моссовета было запрещено производить кино съемки без разрешения кинокомитета, и Петроградский кинокомитет 30 апреля 1918 г. подтвердил, что любые распоряжения и мероприятия в области кинематографии возможны исключительно с его санкции⁵. Тем самым кинопроцесс был передан под полный контроль кинокомитетов, которые энергично приступают к осуществлению новых полномочий.

В Москве 1 мая 1918 г. демонстрируются две первые советские документально-хроникальные киноленты – «Пролетарский праздник в Москве», где заснят В.И. Ленин, и «Разоружение московских анархистов», а 10 мая распоряжением Московского кинокомитета снят с показа фильм «Царь Иудейский», который ставился по пьесе великого князя Константина Романова⁶. После этого запрета, несмотря на то, что салонная продукция еще долгое время будет выходить на советские экраны, стало ясно, что происходило это исключительно по причине отсутствия альтернативы – других кинолент пока просто не производилось. В июне 1918 г. в Москве вводится жесткая предваритель-

⁴ Вечерняя жизнь. 1918. 13 апр.

⁵ Известия. 1918. № 86. 30 апр.; Известия Петроградского Совета. 1918. № 45. 14 мая.

⁶ Кино-газета. 1918. № 21.

² Проектор. 1917. № 17–18.

³ Кино. 1933. № 51. 6 нояб.; 1934. № 58. 16 дек.

ная цензура кинопродукции. Отныне авторы и режиссеры были обязаны предоставлять развернутое обоснование полезности их будущей картины советскому народу. Мерилом этой востребованности становился «идейный уровень» картины.

После введения идеологической цензуры начался массовый отток частных киноателье в Ялту, Одессу и на Кавказ. А. Ханжонков весной 1917 г. основал в Ялте первую в стране летнюю съемочную базу. Летом 1918 г. здесь же приступил к строительству павильона И. Ермолев, сюда же приезжают А. Дранков, С. Френкель, Н. Козловский и С. Юрьев. Под всевозможными предложениями из столиц вывозилось все кинооборудование и киноплёнка [6, с. 140]. Кинокомитеты неоднократно обращались к ВЧК с просьбами о пресечении вывоза, но у ВЧК на это не хватало времени и кадров. Южная киноэмиграция происходила фактически без препятствий. Пресса восторженно писала о рождении «крымского Голливуда». Но ожидаемого расцвета кинематографа на юге не произошло – не было системы проката, в кино приходили случайные, далекие от искусства люди. Качество кинопроизводства неизбежно падало. Ни одной художественно значимой картины в южных павильонах снято не было.

Кинокомитеты в это же время искали обоснование своего существования на фоне тотального советского бескартинья, и Наркомпрос принял решение не только подвергать цензуре новую кинопродукцию, но и пропустить через идеологическое сито ленты повторного показа, тщательно отсеивая все контрреволюционное, антихудожественное и порнографическое. Из 420 картин, отсмотренных за три месяца, запрещена была 41.

Помимо запретительных и цензурных мероприятий советские кинокомитеты пытались организовать съемки собственных фильмов. Так, Московский кинокомитет снял в это время первые советские документальные киноленты и запустил в постановку первый фильм для детей «Сигнал», а также участвовал в формировании первого состава агитпоезда ВЦИК имени Ленина. Московский кинокомитет организовал передвижную кинематографическую фабрику, где проявлялись и печатались пленки, монтировались и показывались хроникально-плакатные фильмы, призванные поддерживать моральный дух красноармейцев. Надо отметить, что первая советская кинопродукция имела весьма доморощенный характер: из 38 утвержденных в 1918 г. сценариев 22 были написаны служащими кинокомитетов [7]. Советский художественный кинематограф начал свою официальную историю картиной «Уплотнение», снятой по сценарию А.В. Луначарского режиссером Л. Пантелеевым. Эта картина, основанная на идиллически-пасторальном сюжете, знаменательна тем, что, будучи отнесена официально к жанру агитационного кино, она знаменовала собой начало эпохи жанра «политической сказки», где все благобно перевоспитываются в духе коммунистичес-

кой доктрины. Показ фильма состоялся в первую годовщину октябрьского переворота 7 ноября 1918 г.

К концу 1918 г. вопрос о национализации кинодела был уже решен, но власти не стремились его озвучить, надеясь на возвращение некоторых из «сбежавших» кинофабрик. Все операции по поставкам, продажам и использованию киносырья и кинопродукции находились под контролем, прокат и производство зависели от киноотделов, в столицах частного кинобизнеса уже не оставалось. До конца 1918 г. происходила национализация брошенных кинофабрик и бездействующих кинотеатров – только в Петрограде в ноябре их национализировано 64. До конца 1918 г. произошло еще несколько значимых событий. Петроградский кинокомитет вынес постановление о запрете иметь в личном пользовании киноаппараты и использовать их в любительских киносъемках без особого на то разрешения, вводится «военная цензура», заявляющая обязательность предварительного просмотра всех видов печатной продукции – текстов, рисунков, фотографий и киноснимков.

1919-й год характеризуется противостоянием большевистских и «белых» киноорганизаций. Советский кинематограф, не имея фактической возможности выпускать кинопродукцию, занимался реорганизацией своих контролирующих и курирующих органов. Московский кинокомитет был преобразован во Всероссийский фотокиноотдел Наркомпроса (ВФКО). Первым же удачным решением по выходу из ситуации бескартинья было образование перемонтажного отдела. ВФКО арендовал у частных студий картины научно-просветительского характера, а затем производил их перемонтаж в соответствии со своими целями и задачами. Позже именно эти фонды будут национализированы в первую очередь – отчасти по изнеможению необходимости вносить арендную плату. Один за другим объявлялись конкурсы на научно-популярные сценарии – ко второй годовщине Октябрьской революции, о сифилисе, холере и сыпном тифе, об охране трудящихся и значении всеобщего образования. Сценарии принимались к постановке, но почти все они так и остались неосуществленными из-за отсутствия пленки. Из киножанров на первый план выходят политпропаганда (агитки), научно-популярное кино и хроника. Издается приказ о съемках наиболее значимых событий из действий Красной Армии. Однако сырье для производства фильмов брать было неоткуда, хотя на учет взяли всю имеющуюся в городе пленку, включая использованную и бракованную.

ВФКО в феврале 1919 г. опубликовал обращение к частным кинофабрикам, предлагая им участвовать в съемке картин, приуроченных к дню Красной армии: «За что борется Красная Армия?», «Против кого она борется и как ей помочь?». В фирме «Нептун» был размещен заказ на шесть картин – «Красная звезда», «Последний патрон», «Над миром наше знамя веет», «Мы выше мести», «За красное знамя» и «Смельчак» по сценарию А.В. Луначарского; в фирме «Русь» – на «Сон Тараса» и «Чем ты был», в товариществе Ермо-

лева – на «Мечь еврея» и «Глаза открылись», в АО «А. Ханжонков и К» – на агитфильмы «Отец и сын» и «Дезертир». Эти действия киноотдела впоследствии отождествились самым лучшим образом – большинство кинооператоров и кинорежиссеров из этих фирм перейдут на работу в структуры ВФКО. Кроме того, руководители ВФКО продемонстрировали понимание того, что, несмотря на отсутствие достаточного количества кинокартин, необходимо обеспечить прокатный кинорепертуар, даже, возможно, и не вполне соответствующего содержания. В этих целях началась закупка картин за границей.

Заказанные в частных кинофирмах агитационные короткометражки выходили на экраны, но наладить самостоятельного производства художественных кинолент пока не удавалось. Однако деятельность агитпоездов и пароходов стремительно набирала обороты – приобретаются (или изымаются) киноустановки, ярко оформляются киновагоны, мобилизуется большое число деятелей культуры для участия в данных агитационных экспедициях. Поскольку их маршруты проходили главным образом по прифронтовым зонам, то и киноматериал был ориентирован на красноармейцев. Всего за три года деятельности агитпоездов состоялось около 2 тыс. киносеансов агитационного и просветительского характера [8, с. 16–19].

В феврале 1919 г. снимается первый фильм, положивший начало антирелигиозному направлению в советском агитационном кино – «Вскрытие мощей Тихона Задонского». Вторым стал фильм «Вскрытие мощей Сергия Радонежского», снятый 8 апреля 1919 г. Эта картина имела особый резонанс и в силу особой значимости фигуры Сергия Радонежского для православия, и в силу письменного распоряжения В.И. Ленина о наиболее быстром показе этой картины в Москве. Антирелигиозная пропаганда предполагала принести настолько солидные дивиденды, что Ленин предлагал даже снимать антирелигиозные фильмы за рубежом [9, с. 72].

К майским праздникам 1919 г. ВФКО выпустил на экраны новую порцию агитационной кинопродукции: «Мозг Советской России» Дзиги Вертова, «Культурная работа Советской России», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «День всеобщего военного обучения», «Детские колонии в России», «За красное знамя», «Власть тьмы», «Рабочий Швырев» и т. д. Поскольку эти ленты не сохранились, сейчас уже невозможно сказать, какие из этих фильмов были наскоро перемонтированы из старого киноматериала, а какие действительно отсняты.

На юге России белогвардейцы также активно стали использовать кинематограф в агитационных и разоблачительных целях. Снимается фильм «Сегодня на экране вожди Великой и Неделимой России генералы Корнилов и Деникин. Прибытие иностранных послов в Ростов-на-Дону». Белогвардейцами изымаются и уничтожаются все советские агитки и организуется торжественное освящение агитационного поезда имени атамана Каледина. Чуть позже в Царицыне начи-

нается подготовка белогвардейской агитационной баржи имени генерала А.И. Деникина. Белогвардейский киноотдел в это время базируется в Новочеркасске, где выпускает картину «Портрет Корнилова и его изречения, похороны жертв в Пятигорске, день 3 февраля в Новочеркасске». В Пятигорске и Грозном демонстрируются хроникальные ленты: «Взятие Харькова», «Победа партизан Семилетова на Донце» и «Поруган святой идеал». В Ростове-на-Дону запущен в производство фильм «Жизнь родине — честь никому» из предполагаемого цикла картин «За единую Россию». «Белое» кинодело стремительно набирало темп, о чем свидетельствует быстро увеличивающееся количество хроникальных кинокартин, демонстрируемых по всему югу России: «Прибытие английских танков в Ростов-на-Дону», «Парад студенческой боевой дружины», «Помощь Англии Добровольческой Армии», «Домик, где был убит ген. Л.Г. Корнилов», «Главкомандующий Вооруженными Силами Юга России ген. А.И. Деникин и представители английской миссии на Маньчестере». В производство была запущена первая художественная кинолента «В царстве красных».

Активное использование белыми потенциала кино и необходимость идеологического противостояния заставили СНК РСФСР поторопиться с проведением национализации. Всероссийский профессиональный союз работников искусства образовал комиссию для подготовки декрета о национализации кинематографа. ВФКО выступал за жесткие цензурные меры: все картины делились на 1) революционного содержания, 2) недопустимые к показу с политической точки зрения, 3) вредные в силу демонстрации низких страстей человека. Заявляется о необходимости цензурного просмотра всех картин перед показом.

27 августа 1919 г. В.И. Ленин подписал декрет о переходе кинематографической и фотографической промышленности и торговли в ведение Наркомпроса. Декрет опубликован 2 сентября 1919 г. [10, т. 4, с. 289–290; т. 6, с. 75–76]. В соответствии с ним вся фотографическая и кинематографическая торговля и промышленность передавалась на всей территории РСФСР в ведение Наркомпроса. Последнему давалось право национализации по соглашению с ВСНХ как отдельных фотокинопредприятий, так и всей фотокинопромышленности, реквизиции предприятий и фотокино товаров, материалов и инструментов, установления твердых цен на фотокиносырье и фабрикат, учета и контроля фотокиноторговли и промышленности и регулирования всей фотокиноторговли и промышленности. Таким образом, 1919 г. стал для кинопроцесса в Советской России годом глобальных изменений во всех отраслях киноотрасли, была проведена национализация кинодела и заложены основы для создания «пролетарского кинематографа».

ЛИТЕРАТУРА

1. Громов Е.С. Сталин: власть и искусство. М., 1998.
2. Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М., 1997.

3. *Марьямов Г.Б.* Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М., 1992.
4. Дневники императора Николая II. М., 1991.
5. Петроградский Военно-Революционный комитет: В 3 т. М., 1966. Т. 1.
6. *Герасценкова И.* Кино серебряного века. М., 2005.
7. *Белова Л.* Сквозь время: Очерки истории советской кинодраматургии. М., 1978.
8. *Астафьева М.* Декрет, прочитанный архитектором // Искусство кино. 1969. № 3.
9. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Изд- 5-ое. Т. 40.
10. Декреты Советской власти. М., 1968, 1973.

Д. Г. СИМОНОВ

МОБИЛИЗАЦИИ СИБИРСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В БЕЛУЮ АРМИЮ В 1918–1919 гг. *

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: simonov_dg@mail.ru

В статье рассматривается законодательная база, ход и результаты призывов в белую армию лиц с образовательным цензом в период Гражданской войны в Сибири. Делается вывод о том, что просчеты и ошибки государственных и военных лидеров белой Сибири в вопросах комплектования вооруженных сил идейно близкими слоями населения стали одной из важнейших причин, способствовавших поражению Белого движения на востоке России. В то же время анализ мобилизации в армию лиц с образовательным цензом весной 1919 г. показывает, что сибирская интеллигенция, призванная стать опорой власти, в значительной своей части не оказала активной поддержки режиму адмирала А.В. Колчака

Ключевые слова: Гражданская война, Временное Сибирское правительство, Российское правительство, белая армия, интеллигенция, мобилизации.

В условиях Гражданской войны и красные, и белые формировали свои армии преимущественно из насильно мобилизованных крестьян, составлявших тогда подавляющее большинство населения России. Эта огромная масса малограмотных людей в солдатских шинелях слабо представляла себе цели войны и не отличалась политической благонадежностью с точки зрения руководителей обеих противоборствующих сторон. Поэтому и тем, и другим необходимо было создать в своих армиях надежный костяк из родственных в политико-идеологическом отношении слоев населения.

Проблема комплектования личным составом антибольшевистских вооруженных сил является одной из наименее разработанных в отечественной историографии Гражданской войны в России. Самое общее представление о системе комплектования белых армий и мобилизационных усилиях в Сибири дают публикации Г.Х. Эйхе [1] и Д.Г. Симонова [2; 3]. В их исследованиях также нашел отражение вопрос о призывах в войска интеллигенции – социального слоя, считавшегося опорой белого движения в России. Под термином «интеллигенция» в данном контексте мы имеем в виду совокупность лиц, имевших тот или иной образовательный ценз. В этом смысле данный термин употреблялся руководителями Белого движения в Сибири в ходе подготовки и проведения мобилизаций в армию.

Как известно, в конце мая – начале июня 1918 г. на территории Сибири и Урала произошло антибольшевистское выступление Чехословацкого корпуса, создавшее условия для прихода к власти в регионе Временного Сибирского правительства и формирования белой Сибирской армии. Первоначально она состояла из офицеров и казаков, подлежавших обязательной мобилизации, и относительно небольшого количества добровольцев из числа «интеллигентной» молодежи, всего около 40 тыс. чел. Позднее, в сентябре 1918 г., ряды армии пополнили около 175 тыс. новобранцев 1898–1899 гг. рождения, в большинстве своем крестьян, призванные по указу Временного Сибирского правительства.

В связи со слабым притоком добровольцев в Сибирскую армию и накануне призыва новобранцев, летом 1918 г. командующий Восточным фронтом полковник Р. Гайда, командир Средне-Сибирского корпуса полковник А.Н. Пепеляев и главный начальник Восточно-Сибирского (Иркутского) военного округа полковник А.В. Эллерц-Усов выступили с инициативой о пополнении армии путем мобилизации лиц, имевших образовательный ценз. Это предложение не встретило поддержки руководителей Временного Сибирского правительства, но тем не менее было частично реализовано на территории Восточной Сибири.

22 июля 1918 г. полковник А.В. Эллерц-Усов приказал всем гражданам в возрасте от 18 до 25 лет, имевшим высшее или среднее образование, а также закончившим четыре класса средних учебных заведений и получившим права вольноопределяющихся 2-го раз-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00551 а.

ряда, явиться в семидневный срок в управление иркутского уездного воинского начальника для постановки на учет. Первым днем явки назначалось 23 июля. Приказом от 9 августа Эллерц-Усов объявил призыв на военную службу всех вышеперечисленных категорий граждан. 10 августа им следовало явиться в управление воинского начальника для зачисления в войска. Данный контингент был направлен на укомплектование Иркутского кадрового полка особого назначения (командир – полковник П.А. Курчин)¹.

Объявление призыва в армию неказачьего населения являлось компетенцией Временного Сибирского правительства, и полковник Эллерц-Усов, осуществив самочинную мобилизацию, превысил свои полномочия. Его мероприятия вызвали в Омске негативную оценку. 23 августа 1918 г. временно управляющий Военным министерством генерал М.К. Менде направил иркутскому военному прокурору телеграмму с требованием привлечь Эллерц-Усова к ответственности, поскольку в его действиях были обнаружены «признаки преступных деяний». В телеграмме указывалось также, что на время следствия мерой пресечения в отношении Эллерц-Усова может быть избрано и устранение его от должности².

К тому времени, когда телеграмма генерала Менде достигла Иркутска, мобилизация уже завершилась, и полковник Эллерц-Усов не считал возможным сразу распустить всех мобилизованных по домам. Следственная комиссия не решилась поставить вопрос о его устранении. Генерал П.П. Иванов-Ринов, в начале сентября занявший посты управляющего военным министерством Временного Сибирского правительства и командующего Сибирской армией, отнесся к самостоятельности своего подчиненного весьма благосклонно. По крайней мере, самоуправство Эллерц-Усова не стало препятствием для назначения его командиром IV Восточно-Сибирского армейского корпуса и производства в генерал-майоры.

Тем не менее призыв в войска лиц с образовательным цензом являлся незаконным, и Эллерц-Усов, в конце концов, был вынужден принять решение о демобилизации данного контингента. В приказе от 18 октября 1918 г. он сообщил, что молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет, призванные и зачисленные в войска в августе 1918 г., подлежат освобождению от службы начиная с 1 ноября 1918 г. В первую очередь подлежало освободить 18-летних, а затем и других, кроме родившихся в 1898 и 1899 гг., как подлежавших обязательному призыву³. В это время, по состоянию на 16 октября 1918 г., в полку числилось 52 офицера и 1332 солдата⁴. Не подлежавший демобилизации личный состав полка в составе трех рот и музыкантской команды 15 октября был направлен на Дальний Восток в качестве конвоя при командующем Сибирской

армией генерале Иванове-Ринове. Однако и после возвращения командарма в Омск подразделения полка оставались на Дальнем Востоке. С 20 ноября по 6 декабря 1918 г. Иркутский полк особого назначения, согласно приказам Верховного уполномоченного Российского правительства на Дальнем Востоке генерала Д.Л. Хорвата, официально находился в составе войск Владивостокского гарнизона с расквартированием во Владивостоке⁵.

Расширение масштабов военных операций на восточном театре Гражданской войны вынудило Российское правительство адмирала А.В. Колчака, пришедшее на смену Временному Сибирскому и Временному Всероссийскому правительствам, провести целый ряд мобилизаций, в том числе вернуться к вопросу о призыве в армию интеллигенции. 4 марта 1919 г. Совет министров Российского правительства, «признавая необходимость увеличить боевую мощь армии путем пополнения ее новыми войсками, созданием сильного корпуса офицеров и формированием необходимого числа войск технического и специального назначения, а также в видах облегчения тягот сельского населения...» постановил призвать в войска мужское городское население в возрасте от 18 до 35 лет с образованием не ниже четырех классов средних учебных заведений. От призыва освобождались священнослужители всех вероисповеданий, лица, занимавшие должности первых пяти классов в правительственных учреждениях, вдовцы-одинокки, имевшие одного или нескольких родных детей, и в особо исключительных случаях, по ходатайствам заинтересованных учреждений и предприятий, служащие и общественные деятели, замена которых не могла быть произведена без ущерба для дела.

Согласно постановлению проверка и окончательное определение образовательного ценза возлагались на специальные комиссии, формируемые при каждом воинском присутствии. В функцию комиссий входило также рассмотрение ходатайств об освобождении от призыва. Такого рода ходатайства с мотивированными заключениями комиссии следовало представлять в Омск начальнику Главного штаба, который, в свою очередь, вносил их для окончательного разрешения в Особое совещание, состоявшее из представителей всех министерств, главных управлений и управления делами Верховного правителя и Совета министров, – по одному от каждого⁶.

Указом от 8 марта А.В. Колчак распорядился произвести учет всех лиц, подлежавших призыву. Согласно специальной инструкции комиссии формировались управляющими уездов и работали под их председательством. В состав каждой комиссии включались уездный воинский начальник, начальник городской и уездной милиции, местный представитель Министерства народного просвещения и по одному представителю от земского и городского самоуправления. Комиссии следо-

¹ РГВА. Ф. 39515. Оп. 1. Д. 2. Л. 10, 65, 66.

² ГА РФ. Ф. 182. Оп. 1. Д. 4. Л. 112, 212.

³ РГВА. Ф. 39513. Оп. 1. Д. 17. Л. 45.

⁴ РГВА. Ф. 39617. Оп. 1. Д. 151. Л. 59.

⁵ РГВА. Ф. 40446. Оп. 1. Д. 1. Л. 9; Д. 2. Л. 7.

⁶ ГАНО. Ф.П. 5. Оп. 2. Д. 1506. Л. 9.

вало сформировать в течение трех суток со дня получения инструкции; на учет отводилось четыре дня⁷.

Мобилизация осуществлялась в два этапа. Для лиц, родившихся в 1887 и 1897–1900 гг., первым днем мобилизации назначалось 21 марта, для родившихся в 1888–1896 гг. – 5 апреля. Призванным давалось три дня на устройство домашних дел, после чего им следовало явиться к ближайшим воинским начальникам или начальникам местных команд для зачисления в войска⁸.

Как явствует из доклада военного министра генерал-майора Н.А. Степанова, сделанного 3 апреля 1919 г. на заседании Совета министров Российского правительства, регистрация и призыв лиц городского населения, имевшего образовательный ценз не ниже средне-учебных заведений, дали ничтожные результаты: вместо 30–40 тыс. удалось зарегистрировать всего 10–12 тыс. чел.

«Не подлежит сомнению, – отмечал Н.А. Степанов, что причина такого печального явления кроется главным образом в уклонении призываемых от явки к учету путем сознательного отрицания полученного образования. Скрыть документы, удостоверяющие степень образования, весьма легко, если данное лицо не служит где-либо в правительственном учреждении; обнаружение уклоняющихся представляется невыполнимой задачей, ибо даже занимающиеся интеллигентным трудом, требующим известного умственного развития, не могут привлекаться к призыву без документальных данных в смысле образовательного ценза. Наличие указанного обстоятельства, в связи с полным нежеланием интеллигентного и имущего классов, не смотря на их заинтересованность в скорейшей ликвидации большевизма, пойти навстречу предначертаниям правительства, вынуждает отказаться от того принципа, на основании которого проводится призыв городского населения, и выработать новые основы привлечения интеллигенции в ряды войск, и безотлагательно провести их в жизнь <...> Понижение образовательного ценза и призыв горожан, занимающихся интеллигентным трудом даст возможность привлечь в войска ту часть интеллигенции, которая уклонилась от призыва по закону 4 марта...»⁹.

Согласно постановлению, принятому Советом министров 3 апреля 1919 г., призыву в войска подлежали те же возрастные категории городского населения, но теперь уже с образованием не ниже курса высших начальных уездных и городских училищ или низших технических, промышленных, ремесленных и других специальных школ, а также имевшие более низкий образовательный ценз или получившие домашнее образование, если они к 4 марта 1919 г. состояли на службе в каком-либо предприятии или учреждении, но при этом не занимались физическим трудом¹⁰. Первым

днем мобилизации для лиц, подлежавших призыву в армию на основании этого постановления, назначалось 23 апреля¹¹.

Всего на основании постановлений от 4 марта и 3 апреля 1919 г. на учет было поставлено, по разным данным, 20,5–22,3 тыс. чел.¹² Если расчеты генерала Н.А. Степанова об общей численности подлежавших учету соответствуют действительности, то получается, что примерно 9–19 тыс. «интеллигентов» удалось избежать учета. Из числа лиц, явившихся к учету, на военную службу поступили 12 711 чел., или 57–62 % (см. таблицу). Остальные получили освобождение от службы или отсрочку призыва по ходатайствам учреждений и предприятий или же по состоянию здоровья. Призванный в войска контингент был направлен на укомплектование вновь формируемых на территории Омского, Иркутского и Приамурского военных округов 8-й, 9-й, 11-й, 12-й и 13-й Сибирских стрелковых и 1-й кавалерийской дивизии, а также военных училищ и учебно-инструкторских школ.

Рассматривая вопрос о призывах сибирской интеллигенции в белую армию, следует высказать ряд соображений. По нашему мнению, Временное Сибирское правительство не воспользовалось в полной мере благоприятной социально-политической обстановкой в Сибири для увеличения численности своих войск за счет интеллигентных слоев населения. Данный контингент можно было с успехом использовать для укомплектования инженерно-технических и артиллерийских частей, требующих от личного состава известного образовательного уровня. Кроме того, часть призванных следовало направить на формирование в Сибири широкой сети военно-учебных заведений для подготовки офицерских и унтер-офицерских кадров, острая нехватка которых начала ощущаться уже осенью 1918 г. По подсчетам эмигрантского историка А. Еленевского, всего на протяжении 1918–1920 гг. через военные училища и школы Сибири и Урала «прошло около 6,5 тыс. юнкеров, а могло быть взято до 20 тысяч, при создании же общеобразовательных курсов число это можно было довести и до 40–45 тысяч. Это была бы та необходимая тыловая армия, которая бы и без чехов обеспечила города, а политически показывала бы остальному населению, что, с нашей стороны, нет укрывательства белоручкам, что вся тяжесть борьбы не перекладывается на плечи только крестьян...» [4, с. 19].

Руководители Временного Сибирского и Российского правительств не совсем адекватно оценивали военно-политическую ситуацию, сложившуюся в России во второй половине 1918 г. Относительная легкость, с которой была ликвидирована советская власть в Сибири и на Дальнем Востоке летом – осенью 1918 г., создала у них благодушную уверенность в том, что задача окончательного разгрома Красной армии почти решена и не потребует дальнейших серьезных

⁷ ГАКК. Ф. 24. Оп. 2. Д. 78. Л.29, 32–41.

⁸ Там же. Л. 49, 131.

⁹ ГА РФ. Ф. 176. Оп. 3. Д. 69. Л. 1.

¹⁰ Правительственный вестник (Омск). 1919. 6 апр.

¹¹ ГАКК. Ф. 24. Оп. 2. Д. 78. Л. 246–247.

¹² РГВА. Ф. 39597. Оп. 1. Д. 148. Л. 15; ГАРФ. Ф. 182. Оп. 4. Д. 6. Л. 5.

**Численность лиц городского населения, призванных и принятых в войска
на основании постановлений Совета министров Российского правительства
от 4 марта и 3 апреля 1919 г., по данным на 19 сентября 1919 г. (чел.)***

Омский военный округ – 6048			
Омский уезд	2162	Каинский и Татарский уезды	343
Томский уезд	1031	Славгородский уезд	126
Новониколаевский уезд	683	Тюкалинский уезд	258
Барнаульский уезд	663	Тарский уезд	71
Бийский и Каракорумский уезды	342	Каменский уезд	95
Кузнецкий и Щегловский уезды	141	Сургутский уезд	–
Мариинский уезд	108	Змеиногорский уезд	24
Кроме того, в Томской и Алтайской губерниях призвано 512 чел			
Иркутский военный округ – 2469			
Иркутский уезд	1275	Канский уезд	86
Красноярский уезд	601	Минусинский уезд	134
Ачинский уезд	129	Якутский уезд	124
Нижеудинский уезд	65	Киренский уезд	55
Приамурский военный округ – 3683			
Хабаровский уезд	329	Сахалинский уезд	13
Никольск-Уссурийский уезд	174	Камчатский уезд	25
Владивостокский уезд	1478	Читинский уезд	180
Харбинский уезд	365	Нерчинский уезд	25
Николаевский на Амуре уезд	103	Амурский уезд	991

* Составлена по: ГА РФ. Ф. 182. Оп. 4. Д. 6. Л. 102–102 об.

усилий. Поэтому формированию антибольшевистских вооруженных сил, на уровне детальной проработки тех или иных его вопросов, не уделялось должного внимания. Не осознавался в полной мере классовый характер Гражданской войны и вытекающая отсюда необходимость целенаправленного привлечения в ряды армии тех слоев населения, которые в идейно-политическом отношении составляли опору белых режимов.

Сражения, решившие исход Гражданской войны на востоке России, произошли весной – летом 1919 г. Именно в этот короткий отрезок времени от белой армии требовалось максимальное напряжение сил, но к нему она оказалась не готова. Массовый призыв интеллигенции, способный не только численно, но и идейно укрепить армию, был завершен в условиях наметившейся катастрофы на фронте. Ко времени приведения данного контингента в боевую готовность исход борьбы уже был предрешен, а власть и общество охватила глубокая апатия. В условиях начавшегося отступления вглубь Сибири и дезорганизации системы управления вооруженными силами пополнение действующей армии даже относительно надежными в политическом отношении контингентами уже не могло дать должного эффекта.

Более того, массовый призыв интеллигенции создал к лету 1919 г. угрозу дезорганизации всей системы власти на местах. Приведем несколько примеров такого рода применительно к Енисейской губернии. В

канцелярии управляющего Красноярским уездом после призыва остались только две женщины – машинистка и писец, которые, естественно, не могли обеспечить решения всей массы дел, связанных с управлением уездом. Призыв в армию служащих Красноярского окружного суда при том, что многие должности товарищей прокуроров и мировых судей округа оставались незамещенными из-за отсутствия специалистов, привел к перспективе «почти полного прекращения на местах деятельности судебной власти». Енисейский губернский союз кооперативов лишился более 40 своих сотрудников, что поставило кооперацию в губернии на грань «прямой катастрофы»¹³. Подобные трудности имели место и в других губерниях и областях Сибири и Дальнего Востока.

Возможно, в случае мобилизации интеллигенции в белую армию летом 1918 г. такая же проблема возникла бы и у Временного Сибирского правительства. Но тогда управленческий аппарат в центре и на местах еще только формировался и не успел разрастись до общероссийского масштаба. Кроме того, призыв в армию лиц, имевших образование, создал бы в Сибири объективные предпосылки для привлечения к активному сотрудничеству с властью представителей из «неинтеллигентных» слоев населения. В 1918 г., когда большая часть сибирского населения враждебно

¹³ ГАКК. Ф. 24. Оп. 2. Д. 78. Л. 152, 197, 219.

или нейтрально относилась к советской власти, это было вполне возможно.

Указанные выше просчеты и ошибки, явившиеся результатом недальновидности государственных и военных лидеров, стали одной из причин поражения Белого движения на востоке России. В то же время анализ мобилизации в армию лиц с образовательным цензом весной 1919 г. со всей очевидностью показывает, что сибирская интеллигенция, призванная стать опорой власти, в значительной своей части не оказала активной поддержки режиму адмирала А.В. Колчака.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. М., 1966.
2. *Симонов Д.Г.* Призыв городского населения в армию А.В. Колчака в Енисейской губернии весной 1919 года // Архивный фонд Красноярского края: вопросы научного и практического использования документов. Красноярск, 1995.
3. *Симонов Д.Г.* К вопросу о военном строительстве в тыловых округах колчаковской армии // Гражданская война на Востоке России. Проблемы истории. Новосибирск, 2001.
4. *Еленевский А.* Военные училища Сибири. 1918–1922 // Военная быль. Париж, 1964. № 67. С. 19.

В.М. РЫНКОВ

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ПРАВ В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1918 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1919 г.: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА*

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: agro@history.nsc.ru

В статье анализируются нормативно-правовые акты Временного Сибирского правительства о восстановлении права земельной собственности и их реализации на востоке России. Автор обосновывает вывод о том, что законодательство было лишено духа реставрации дореволюционных порядков, а его применение привело к «замораживанию» некоторых аграрных конфликтов, но не к массовому возвращению земель прежним владельцам.

Ключевые слова: крестьянство, Временное Сибирское правительство, Российское правительство, земства, землевладение.

Одним из последствий революции и Гражданской войны в России стала ломка аграрного строя. Она была связана с национализацией земли, которая сопровождалась ликвидацией различных видов собственности. Земельные преобразования происходили на протяжении нескольких лет, причем их планомерная организация и проведение государственной властью сочетались со стихийными действиями крестьян на местах, а скорость, соотношение организованности и стихийности существенно различались в разных регионах страны. Спецификой Сибири во второй половине 1918–1919 гг. стало утверждение у власти антибольшевистских правительств. Как и на других окраинах бывшей Российской империи, это привело к прекращению революционных преобразований, попытке развязать узел накопившихся аграрных противоречий. Для настоящей темы принципиальное значение имеет деятельность Временного Сибирского правительства (июль – октябрь 1918 г.) и Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 г. – январь 1919 г.).

Исследуемый аспект внутренней политики сибирской контрреволюции неоднократно привлекал внимание советских исследователей [1, с. 27–28; 2; 3, с. 146–147; 4, с. 43–44]. Они с небольшими акцентами в це-

лом склонялись к единой концепции: Временное Сибирское правительство действовало в интересах земельных собственников. Земли, изъятые при советской власти у собственников и крупных арендаторов самолично крестьянами или по постановлениям Советов, подлежали немедленному возвращению. Эти действия вызывали возмущения крестьян и стали одной из причин, подтолкнувших деревню к борьбе против контрреволюции.

В современной историографии оценки проблемы не столь однозначны. С точки зрения Ю.Д. Гражданова, Временное Сибирское правительство взяло курс на реставрацию дореволюционных земельных отношений. Но эта линия в апреле 1919 г. была прервана. Российское правительство взяло курс на поддержку мелких земельных хозяев в противовес крупным собственникам, позволило временно оставить земли в руках захвативших их крестьян [5, с. 53]. Ю.Г. Лончаков отмечал, что земельное законодательство лета 1918 г. предполагало не реставрацию прежних земельных отношений, а компромисс между интересами захватчиков земли и пострадавшей от захватов стороной. Но оно носило декларативный характер и редко применялось [6, с. 72; 7, с. 68; 8]. К похожему выводу пришел С.В. Расторгуев [9, с. 30–32]. Детали разработки законодательства о возвращении частновладельческих имений были проанализированы автором настоящей

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00435 а.

статьи [10]. Значительный фрагмент публикации В.М. Рынкова, касающийся именно рассматриваемого вопроса, был вскоре дословно воспроизведен В.Г. Соловьевым [11, с. 43–47]. О.В. Гордеев основное внимание уделил почти полному изложению статьи В. Аверьева и нормативных актов [12, с. 69–70; 13, с. 11–12], приведя лишь несколько отдельных примеров реализации рассмотренных законов [14, с. 243–248; 15, с. 125–126]. Он сделал предположение, что «по мере отдаления от Омска реализация документа становилась все более проблематичной» [15, с. 126].

Обильная историография темы целиком ограничивается спорами вокруг интерпретации законодательных источников, в том числе с привлечением архивных документов, раскрывающих обстоятельства и мотивы появления того или нормативно-правового акта. Исследователи до сих пор почти не обращались к анализу практики реализации законов, за исключением Ю.Г. Лончакова [7, с. 128–131].

Основные территории «белого» востока России располагались за Уралом, где частные землевладельцы не стали основной жертвой земельных захватов. По фрагментарным данным, которыми располагают историки, даже в местах наибольшего в Сибири скопления частного землевладения, оно составляло не более 1/3 земель, переданных в пользование крестьянам при советской власти [10, с. 109–108], а 2/3 приходилось на казенные земли и внутринадельные захваты.

6 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство приняло постановление «О возвращении владельцам их имений», согласно которому все имения, принадлежащие отдельным лицам, товариществам и обществам, находящиеся на землях собственных и арендованных, возвращаются прежним владельцам со всем инвентарем впредь до решения вопроса о земле Учредительным собранием¹ [16, с. 132]. Передача имений возлагалась на губернские и уездные земства.

Позже была опубликована специальная инструкция о порядке исполнения этого постановления² [16, с. 692–694]. Она предписывала, во-первых, создать при земствах специальные комиссии для возвращения частновладельческих имений в составе представителя от земства и Министерства земледелия и колонизации. Во-вторых, в ней описана процессуальная сторона работы комиссий, которые должны были приступать к рассмотрению дел только на основании заявлений владельца или его представителя. Комиссии сами проверяли состояние имения и права собственника, а принимая решение, должны были составить опись подлежащего возвращению имущества. Наконец, предусматривалась компенсация затрат и убытков не только потерпевшей стороне, но и захватчикам. Причем, если захватившие землю успели засеять поля, то им предоставлялось право сбора урожая. В случае если владелец проводил в текущем сезоне работы по под-

готовке своих полей к посеву, ему компенсировались эти затраты. В остальных случаях захватчики уплачивали только налоговые или арендные платежи. Если поля были подготовлены, но не засеяны захватчиками, то, наоборот, владелец имел право на посев, но компенсировал захватчикам их затраты на обработку своей земли. Аналогичным образом инструкция рассматривала возможные варианты спорящих сторон и по отношению к пастбищам, лугам, лесным наделам, скоту. Такие указания не очень-то напоминали реванш земельных собственников.

Организация комиссий по возвращению имений растянулась на несколько месяцев. К началу сентября 1918 г. на территории Сибирского казачьего войска их было образовано семь. Но работать они начали только в конце месяца ввиду позднего назначения представителей от Министерства земледелия и колонизации³. В Тобольской губ. в октябре – ноябре комиссии действовали во всех уездах, кроме Березовского и Сургутского, где в них не было необходимости⁴. В Забайкалье только 29 сентября 1918 г. областное земство приняло постановление о создании комиссий. Состав комиссии определялся земством совместно с Бурятским национальным комитетом, что противоречило законодательству⁵. В Томской губ. 27 июля 1918 г. собралась комиссия по возвращению конных заводов, находившихся ранее в ведении земств. Ее работа длилась всего один день⁶. Другие комиссии в ноябре 1918 г. только собирались образовывать, объясняя задержку тем, что до сих пор с заявлениями о возвращении имений никто не обращался⁷. В Алтайской губ. уездные комиссии приступили к работе только в декабре 1918 г. [8, с. 203]. В Енисейской губ. всего было образовано две комиссии – Красноярская и Минусинская⁸. Одни комиссии завершили свою работу уже в первые месяцы 1919 г., деятельность других продолжалась до лета.

Но начало работы комиссий не гарантировало четкого исполнения правительственных инструкций. Ряд земств (Забайкальское областное, Иркутское губернское, Ялуторовское уездное) указали на то, что постановления Временного Сибирского правительства противоречат закону о социализации земли, которому земства в своей практике собираются отвести приоритетную роль⁹. На этом основании земства Приморья неоднократно отказывались проводить в жизнь земельное законодательство Временного Сибирского и Российского правительств¹⁰.

³ ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 50. Л. 4, 6–8, 11, 13.

⁴ Там же. Д. 85. Л. 120–120 об.

⁵ Там же. Д. 204. Л. 2 об.–3.

⁶ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 353. Л. 2–4.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 50. Л. 2.

⁸ Там же. Д. 85. Л. 121 об.

⁹ Там же. Д. 35. Л. 102–102 об.; ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 61 об.; Д. 138. Л. 20; Ф. Р-45. Оп. 1. Д. 17. Л. 1–4.

¹⁰ Земская жизнь Приморья (Владивосток). 1918. № 4. С. 23; Приамурье (Хабаровск). 1919. 2 февр.; ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 34. Л. 171–172 об.

¹ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства (Омск). 1918. № 2. Ст. 22.

² Собрание узаконений... № 4. Ст. 41.

Нельзя не отметить, что в отдельных наиболее земледельчески освоенных и густонаселенных районах юга Западной Сибири усилиями земских и правительственных органов удалось установить относительный правопорядок в сфере земельных отношений¹¹. Владелец частного имения «Отрадное» под Каргатом Татарского уезда М.А. Красильников сообщал, что ему были возвращены почти весь инвентарь и большая часть лошадей, распределенных при советской власти между крестьянами и переданных на казенный хутор Михайловский. И только с начавшимися с попустительства советской власти порубками своего леса он не мог справиться даже осенью 1918 г.¹² Но в целом земства не стремились к уважению прав собственников и арендаторов. Многие земства предупредили население, что сдаваемые ранее в аренду земли, а также школьные и церковные участки не подлежат возвращению. Курганский уездный по земельным делам совет постановил, что в 1919 г. за владельцами остаются только те части их участков, которые они сами обрабатывали в предыдущем году. Остальные земли сохранялись за теми обществами или посевицами, которые фактически засеивали эти участки¹³. В Татарском уезде весной 1919 г. все владельцы согласились передать свои имения в ведение земства с тем, чтобы излишки взысканной с захватчиков арендной платы (если таковые останутся после уплаты поземельных налогов) выдать владельцам¹⁴.

До распространения юрисдикции Временного Сибирского правительства на ряд уральских уездов местные власти успели утвердить собственные нормы регулирования земельных захватов, впрочем, похожие на практику сибирских земств. Так, Челябинская уездная земская управа в инструкции от 27 июля 1918 г. объявила все частновладельческие земли уезда государственным земельным фондом. Части поместий, превышавшие трудовую норму, отводились для дополнительного наделения местного населения. В руках бывших владельцев церковных и монастырских земель также оставляли только трудовую норму, а остальное подлежало передаче в фонд крестьянских надельных земель¹⁵. Аналогичные нормы были приняты земствами в Екатеринбургском уезде¹⁶.

Большинство земств считало, что имеет право диктовать владельцам, как им поступать со своим хозяйством. В Тобольской губ. владелец или арендатор должен был доказать, что собирается самостоятельно обрабатывать участок, на возвращение которого претендует. В свою очередь отказ вести хозяйство на арендованной земле давал право аннулировать аренду и передать участки в другие руки. Иркутская земельная

управа, руководствуясь той же логикой, в августе 1918 г. постановила сдаваемые в аренду церковные и монастырские земли распределить между малоземельными крестьянами. При этом интересы арендаторов первоначально не учитывались. Лишь губернский комиссар П.Д. Яковлев настоял, что им необходимо компенсировать арендную плату. Интересно, что другой случай с монастырской землей иркутские земцы решили в пользу Вознесенского монастыря в связи с тем, что монахи сами вели хозяйство. Земельная управа постановила крестьянам-захватчикам землю освободить и компенсировать монастырю убытки¹⁷. Енисейская уездная комиссия по возвращении владельцам имений отклоняла ходатайства владельцев о вознаграждении в том случае, если они не производили затрат на обработку захваченного участка в текущем сельскохозяйственном году. В праве же получения владельцами арендных платежей с захватчиков уездные власти отказывали, хотя циркуляр Министерства земледелия четко предписывал учитывать арендные платежи при определении размера компенсации владельцам¹⁸.

Земские управы широко ограничивали коммерческое использование владельцами своих земельных и лесных угодий. При этом земства настолько активно применяли предоставленное законом право объявлять имения «культурными», устанавливая контроль над ними, что Министерство земледелия решило даже разработать общие критерии отнесения к культурным имениям, чтобы исключить злоупотребления земств. Но, с другой стороны, документы земских органов свидетельствуют, что в большинстве случаев главной целью перевода имений в ведение земств являлось не столько стремление ограничить права владельцев, сколько желание спасти ценные угодья от разграбления крестьянами соседних деревень¹⁹.

Такая нестабильность, неурегулированность многих правовых вопросов и элементарное бессилие власти вели к тому, что владельцы часто даже не обращались в комиссии. Так, во все уездные комиссии Тобольской губ., где была сосредоточена значительная часть частновладельческих имений Сибири, поступило 38 прошений о возвращении имений. Из них 12 было удовлетворено; шесть имений передано под охрану земства (видимо, признаны культурными). Остальные прошения в феврале 1919 г. находились в стадии рассмотрения²⁰. Щегловская уездная комиссия к январю 1919 г. приняла 10 заявлений на возврат имений, но ни по одному из них не вынесла окончательного решения. И лишь 16 июня 1919 г. одно из имений было возвращено²¹. Минусинская комиссия тоже осуществи-

¹¹ ГАТО. Ф. И-722. Оп. 1. Д. 13. Л. 3 об.

¹² ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 35. Л. 26.

¹³ Там же. Д. 86. Л. 5.

¹⁴ Русь (Омск). 1919. 9 авг.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 34. Л. 12.

¹⁶ Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 3 мая.

¹⁷ ГАИО. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 45. Л. 22, 31–31 об.

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-159, Оп. 1. Д. 196. Л. 1–1 об.; Д. 218. Л. 23–23 об.

¹⁹ Там же. Д. 35. Л. 65, 67–68, 104–105; ГАТО. Ф. И-278. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–1 об.; Д. 50. Л. 37, 42.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 85. Л. 120 об.

²¹ ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 366. Л. 2–37; Д. 376. Л. 95.

ла единственный возврат – лесного надела Покровскому женскому монастырю. Ходатайство С.И. Четверикова о возвращении ему «экономии» (крупного овцеводческого хозяйства) не удовлетворили ввиду отсутствия у него доверенности от пайщиков, находящихся в основном в Москве. Правда, его допустили к управлению своим предприятием под контролем земства. Еще несколько владельцев захваченных крестьянами земельных участков не обратились в комиссию, поэтому ее работу решили 1 февраля 1919 г. закрыть²².

Между тем было очевидно, что основная часть земельных конфликтов разворачивается в связи с захватами казенных угодий или в борьбе за обладание надельными землями. Министерство земледелия дало разъяснения, что закон 6 июля 1918 г. на них не распространяется. Все споры об использовании надельных земель должны решаться земельными отделами земств с учетом специфики каждой ситуации²³. Конфликты на землях казны подлежали ведению начальников местных управлений земледелия и государственных имуществ или заведующих переселенческими районами²⁴. Однако юристы полагали, что нормативные акты неточно отразили первоначальный замысел законодателей. Намереваясь восстанавливать права земельных собственников и владельцев после советского самоуправления и анархии, в инструкции к закону от 6 июля 1918 г. законодатели ограничили круг земель частновладельческими имениями, не подумав о том, как важно четко оговорить алгоритм решения земельных споров по отношению к землям других категорий. Обычный же судебный порядок, предполагавшийся в остальных случаях, опирался на дореволюционное гражданское законодательство. Он не позволял учесть специфику революционной эпохи²⁵. Более того, оставалось много вопросов в отношении арендованных казенных и надельных земель, которые по форме собственности не являлись частными, но имели частного пользователя.

Итак, издание Временным Сибирским правительством постановления 6 июля 1918 г. о возвращении владельцам их имений не привело к восстановлению дореволюционных имущественных отношений в аграрной сфере. Оно лишь несколько приостановило земельные захваты и ввело относительную регламентацию взаимоотношений бывших владельцев и захватчиков. Данное постановление затрагивало только небольшую часть земельных угодий, распределенных между сельским населением в предшествующие месяцы, оставляя за пределами своего регулирования основную массу земельных захватов. Но даже в рам-

ках этой категории земель полностью или частично были восстановлены собственнические права лишь небольшой части владельцев и арендаторов, главным образом тех, кто сам вел хозяйство потребительского типа. Большую роль сыграло отнесение дела о возвращении имений к компетенции земских органов, которые сами в 1917 – начале 1918 гг. занимались изъятием земель собственников и арендаторов. Естественно, земцы крайне осторожно подошли к восстановлению имущественных прав на землю, старались максимально учесть интересы пользователей, лично возделывавших землю, независимо от их юридического статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверьев А.* Аграрная политика колчаковщины // На аграрном фронте. 1929. № 6.
2. *Роцевский П.И.* Борьба крестьян Тобольской губернии против контрреволюции летом–осенью 1918 г. // Уч. зап. Тюменского ГПИ. Тюмень, 1958. Т. V., вып. 2.
3. *Роцевский П.И.* Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966.
4. *Журов Ю.В.* Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск. 1986.
5. *Гражданов Ю.Д.* Аграрное законодательство режима А.В. Колчака // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995.
6. *Лончаков Ю.Г.* Аграрная политика временных государственных образований на территории Сибири // История «белой» Сибири. Кемерово, 1994.
7. *Лончаков Ю.Г.* Аграрная политика временных государственных образований на территории Сибири в 1918–1919 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1997.
8. *Лончаков Ю.Г.* Аграрная политика антисоветских правительств в Омске и изменение государственного статуса Сибири в ноябре 1918 г. // Сибирь – мой край. Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999.
9. *Расторгуев С.В.* Аграрная политика колчаковского правительства: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.
10. *Рынков В.М.* Между Сциллой и Харидой: аграрное законодательство антибольшевистских правительств на востоке России (июнь 1918–1919 г.) // Актуальные проблемы социально-политической истории Сибири (XVII–XX вв.). Новосибирск, 2001.
11. *Соловов В.Г.* Сибирское крестьянство и антибольшевистские правительства (середина 1918–1919 г.) // Актуальные проблемы политической истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 2004.
12. *Гордеев О.Ф.* Аграрные проблемы в Сибири и пути их решения (февраль 1917 – январь 1920 г.). Красноярск, 1997.
13. *Гордеев О.Ф.* Аграрная политика А.В. Колчака. Красноярск, 1998.
14. *Гордеев О.Ф.* Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в годы гражданской войны (конец 1917–1920 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2003.
15. *Гордеев О.Ф.* Аграрная политика временных государственных образований в Сибири в период гражданской войны (1918–1920 гг.). Красноярск, 2005.
16. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): Сб. документов и материалов / Сост. и науч. редактор В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007.

²² ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 86. Л. 122 об.

²³ Там же. Д. 196. Л. 8.

²⁴ Русская армия (Омск). 1919. 29 мая; ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 135. Л. 172–172 об.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 218. Л. 32–33 об.

Е.В. ЯЦКЕВИЧ

**КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА ЮЖНОГО УРАЛА В 1920-е гг.:
ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ, ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ**Оренбургский государственный
педагогический университет
e-mail: evyats@mail.ru

В статье на обширном архивном и статистическом материале предпринята попытка анализа коллективных хозяйств Южного Урала в 1920-е гг. Рассмотрена эволюция ведущих типов коллективных хозяйств (коммун, сельскохозяйственных артелей, товариществ по совместной обработке земли), сопоставлены параметры развития крестьянских хозяйств различных форм собственности, освещена проблема лжеколхозов.

Ключевые слова: колхоз, Южный Урал, коммуна, сельхозартель, экономика сельского хозяйства.

Образование первых коллективных хозяйств, преимущественно коммун, началось в России уже в 1918 г., но на большей части территории страны данный процесс был прерван из-за начавшейся Гражданской войны. Вновь к колхозному строительству большевики приступали по мере освобождения тех или иных регионов от белых.

На Южном Урале колхозное строительство стало развиваться во второй половине 1919 г. До 1922 г. здесь наблюдался бурный рост колхозов, который объяснялся стремлением бедноты объединить свой производственный потенциал на свободных помещичьих землях. Точных данных о количестве колхозов завершающего периода Гражданской войны и в начале нэпа не сохранилось, поскольку их возникновение было в большинстве случаев стихийным и протекло они недолго.

Для коллективных хозяйств этого времени характерны две особенности:

– до введения нэпа артели и коммуны состояли на государственном снабжении, что привлекало в их состав наименее обеспеченную в экономическом отношении часть сельского населения (бедняков);

– пестрый состав первых коммунаров и членов артелей (бедняки и маргиналы) приводил к тому, что такие коллективы были неустойчивы как в организационных (выборы правления, председателей и т. д.), так и в экономических (оплата труда, имущественные взносы и распределение продуктов питания и т. д.) вопросах. В конечном счете невозможность рационального решения перечисленных проблем приводила к распаду первых колхозов, даже несмотря на указанные выше преимущества.

Подобные обстоятельства четко проявляются при анализе состояния коллективных хозяйств в Уфимской губ. К 1 января 1921 г., по неполным данным, на учете губколхоза состояло 36 коммун, 121 артель и 3 товарищества (общая площадь земли – 38,3 тыс. дес.) с

общим количеством едоков 14,2 тыс. чел., из которых трудоспособных – 7,3 тыс. В течение первого полугодия из числа зарегистрированных в это время колхозов часть была ликвидирована: коммуны, созданные беднейшей частью населения, распались, а артели, часто образованные фиктивно, были закрыты¹. Аналогичные процессы происходили в Оренбургской губ.²

К числу сдерживающих создание колхозов факторов следует отнести отмену государственных инвестиций и голод 1921/22 г. О том, что 1921 г. будет тяжелым в продовольственном отношении, региональные власти знали, но они не смогли верно оценить масштабы надвигающейся опасности. К осени 1921 г. продовольствия на Южном Урале не оказалось. Челябинская, Оренбургская губернии и Башкирская АССР были объявлены голодающими [1, с. 41]. Эта ситуация не могла не сказаться на численности и экономическом положении первых колхозов Южного Урала.

Так, в наиболее развитом сельскохозяйственном районе губернии – Уфимском уезде, в коммунах 1 лошадь приходилась на 6 чел., 1 корова – на 6 чел., 1 плуг – на 20 чел., 1 сеялка – на 58 чел. Чуть лучше обстояли дела с оснащенностью тягловой силой и оборудованием в артелях и товариществах. Анализ данных, характеризующих энерговооруженность и обеспеченность сельскохозяйственным инвентарем во всех видах производственных кооперативов, показывает, что в начале 1920-х гг. в колхозы шла та часть аграрного населения, которая не могла в рамках индивидуального хозяйства выполнить полный цикл сельскохозяйственных работ³.

Разразившийся голод и переход на новые условия хозяйствования показали, что и среди существующих колхозов большинство лишь «номинально чис-

¹ ЦГИАРБ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 629. Л. 122–124.

² ГАОО. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.

³ ЦГИАРБ. Ф. Р-161. Оп. 1. Д. 622. Л. 123.

Таблица 1

Коллективные хозяйства Южного Урала в (1922–1928 гг.)*

Колхозы	Башкирская АССР							Оренбургская губерния						
	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Количество														
Коммуны	58	24	21	21	12	8	14	20	17	8	40	28	22	27
Сельскохозяйственные артели	209	24	97	121	79	35	83	153	42	25	166	96	86	268
Товарищества по совместной обработке земли				14	29	28	361	180	140	53	15	77	95	804
Итого	267	48	118	156	120	71	458	353	199	86	221	201	203	1099
Удельный вес, %														
Коммуны	–	100	87,5	87,5	50	33,3	58,3	–	100	47,1	235,3	164,1	129,4	158,8
Сельскохозяйственные артели	–	100	461,1	504,1	329,2	145,8	345,8	–	100	53,1	395,2	228,6	204,8	638,1
Товарищества по совместной обработке земли	–	–	–	100	207,1	200	1504	–	100	37,9	10,7	55	67,9	574,3

* Составлена по: ГАОО. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 111. Л. 2; Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 430. Л. 152 об.; ЦГИАРБ. Ф. Р-164. Оп. 4. Д. 67. Л. 43; Д. 132. Л. 52. Удельный вес подсчитан автором: за 100 % для коммун и артелей принят 1923 г., для товариществ – 1925 г.

лились таковыми, являясь балластом в кооперативном движении, и не содержали в себе ничего коллективного»⁴. Возникли они, как правило, под влиянием крайней нужды, при полном отсутствии материальной базы. Как отмечается в документах тех лет, крестьянство объединялось в основном для того, «чтобы иметь больше возможностей для получения от государства всякого рода льгот (семсуды, рабочего скота, денежных кредитов и т. д.)»⁵.

Особенно четко данная тенденция проявилась среди национальных коллективных объединений. Так, архивные документы свидетельствуют, что в Оренбургской губ. в 1922 г. артели и коммуны были преимущественно киргизскими (казахскими) – 262 из 267 существовавших⁶. По мере ликвидации последствий голода положение колхозов стабилизировалось.

Данные о динамике колхозного движения в 1922–1928 гг. представлены в табл. 1. Ее материалы свидетельствуют о том, что 1923-й год стал «рекордным» по минимальным показателям численности колхозов в Башкирской АССР. Для Оренбургской губ. таким стал 1924-й год.

⁴ ГАОО. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 111. Л. 19.

⁵ Там же.

Темпы роста числа различных видов коллективных хозяйств были неустойчивыми, а количество коммун в Оренбургской губернии росло гораздо более быстрыми темпами, чем в Башкирской АССР. В численности сельскохозяйственных артелей наблюдается обратная закономерность: в губернии их рост происходил медленнее, чем в республике. Число ТОЗов в Башкирской АССР в 1928 г. почти в 3 раза превышало количество подобных объединений в Оренбургской губ. Таким образом, темпы роста основных видов производственных объединений оказались неодинаковыми. Как показал анализ архивных документов, такое различие может объясняться следующими причинами:

1. Несмотря на активную агитационную работу, крестьянство страны и региона по-прежнему связывало перспективы своего развития с индивидуальным хозяйством и весьма неохотно (по крайней мере та часть сельских производителей, которая была в состоянии самостоятельно осуществить полный цикл полевых работ) шло в любые виды колхозов, особенно в коммуны. Подобное обстоятельство не случайно, поскольку данный вид кооперативного объединения требовал полного обобществления имевшегося имущества. К таким шагам крестьянство исследуемого региона было не готово.

Т а б л и ц а 2

Структура коллективного сектора аграрного производства Южного Урала в 1927–1928 гг., %*

Колхозы	Башкирская АССР							Оренбургская губерния						
	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1922	1923	1924	1925	1926	1927	1928
Коммуны	21,7	50	17,8	13,5	10	11,3	3,1	5,7	8,5	9,3	18,1	13,9	10,8	2,5
Сельскохозяйственные артели	78,3	50	82,2	77,5	65,8	49,3	18,1	43,3	21,1	29,1	75,1	47,8	42,4	24,4
Товарищества по совместной обработке земли	–	–	–	9	24,2	39,4	78,8	51	70,4	61,6	6,8	38,3	46,8	73,1

* Составлена по: ГАОО. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 111. Л. 2; Ф. Р-1/2. Оп. 1. Д. 430. Л. 152 об.; ЦГИАРБ. Ф. Р-164. Оп. 4. Д. 67. Л. 43; Д. 132. Л. 52.

2. Региональные власти Башкирии объясняли слабый рост численности коммун «отсутствием организационного и производственного обслуживания как со стороны союзов сельскохозяйственной кооперации, так и земельных органов»⁷. Подобное положение дел было повсеместным на всей территории региона. В Оренбургской губ. в 1927 г. сельскохозяйственной секцией Оренбургской губРКИ был обследован ряд коммун, сельскохозяйственных артелей и ТОЗов. В резолюции, принятой по итогам проверки, заинтересованным органам, в частности губземуправлению и Сельпродсоюзу, было предложено «усилить работу по выявлению «лжеколхозов», «учесть в работе причины распада» и «всячески стимулировать рост коммун»⁸.

Все известные нам документы о состоянии колхозного движения в годы нэпа с тревогой отмечают сокращение числа наиболее перспективных, с точки зрения большевиков, коммун и сельскохозяйственных артелей: «за 5 лет [с 1922 г. – Е.Я.] коммуны уменьшились в 7 раз, сельскохозяйственные артели за этот же период уменьшились в 6 раз»⁹.

Подобный вывод, причем не только по Башкирской АССР, но и по Оренбургской губ. подтверждает табл. 2, содержащая данные об удельном весе основных видов коллективных хозяйств Южного Урала.

Коммуны и артели к началу сплошной коллективизации на всей рассматриваемой территории численно сократились, уступив место более простым коллективам и специальным кооперативным образованиям. В Оренбургской губ. в 1925 г. количество коммун по сравнению с предыдущим периодом сократилось на 43 %, артелей – на 51 %¹⁰. Вместе с тем,

число ТОЗов увеличилось на 74 хозяйства, или на 60 %¹¹.

Товарищества в наибольшей мере отвечали запросам крестьян. Не случайно кооперативные и земельные органы подчеркивали, что «идея полного обобществления средств и орудий производства оказалась доступна лишь небольшой части крестьянского населения», зато «идея частичного кооперирования отдельных производственных моментов по своей простоте оказалась ясной и понятной каждому»¹².

В этой связи определенный интерес представляет сравнение средних показателей коллективной и единоличной семьи. Данные об экономической мощности хозяйств в момент их вступления в коллектив в сравнении со средней мощностью крестьянского хозяйства приведены в табл. 3.

Сравнение показателей приводит к достаточно неожиданным выводам. Сопоставление данных по хозяйствам, коммунам и артелям со средними показателями крестьянских хозяйств за 1924 г. показывает, что в коммуны и артели организовались хозяйства с меньшим составом семьи. Состав семьи коммун в среднем насчитывал 3,3 души, земледельческой артели – 4,4, тогда как средняя крестьянская семья состояла из 5,01 души. В составе животноводческих коммун и артелей преобладали женщины. Во-вторых, в коммуны и артели объединялись хозяйства с недостаточным количеством скота. Средняя численность скота в крестьянских хозяйствах в 1924 г. составляла в 8,99 головы, в том числе 1,19 рабочего; хозяйства, вошедшие в коммуны, в среднем имели 0,8 головы рабочего скота, а всего 5,65 головы; в земледельческих артелях насчитывалось 2,7, в том числе рабочего – 0,4 головы.

Таким образом, низкие показатели обеспеченности скотом для среднего коллективного хозяйства оче-

⁶ Там же. Л. 19 об.

⁷ ЦГИАРБ. Ф. Р-164. Оп. 4. Д. 132. Л. 52.

⁸ ГАОО. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 111. Л. 2.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 20.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

Таблица 3

**Сравнительные данные хозяйств различной формы собственности в Оренбургской губ. в 1924 г.
(в среднем на одно хозяйство)***

В среднем на хозяйство	Коммуна	Сельхозартель	В среднем крестьянском хозяйстве
Душ	3,3	4,4	5,01
В том числе			
муж.	1,5	2,3	–
жен.	1,8	2,1	–
Наличие скота			
Лошадей рабочих	0,3	0,4	0,9
Лошадей до рабочего возраста	0,05	0,01	0,4
Верблюдов	0,1	0,06	0,09
Волов рабочих	0,4	0,08	0,2
Коров	0,5	0,8	1,2
Молодняка крупного рогатого скота	0,6	0,6	2
Овец и коз	3,2	0,8	3,9
Свиней	0,5	–	0,3
Всего рабочего скота	0,8	0,49	1,19
Всего голов скота	5,65	2,7	8,99
Наличие сельскохозяйственных машин и орудий			
Плугов	0,3	0,2	Нет сведений
Буккеров	0,2	0,01	
Борон	0,6	0,3	
Сеялок	0,1	–	
Жнеек	0,2	0,058	
Косилок	0,03	0,03	
Конных граблей	0,03	–	
Молотилок	0,05	–	
Веялок	0,11	0,02	
Тракторов	0		

* ГАОО. Ф. Р-186. Оп. 1. Д. 111. Л. 41.

видны. Незначительные отклонения в сторону увеличения имелись лишь у хозяйств, объединенных в коммуны, относительно наличия верблюдов и рабочих волов, а в животноводческих и артелях – верблюдов.

Артели также имели сравнительно низкую обеспеченность сельскохозяйственными машинами и орудиями, а хозяйства-коммуны – большую обеспеченность машинами, что, как указывалось выше, стало следствием получения членами коммун «мертвого» инвентаря помещиков.

Таким образом, в изучаемый период в коммуны и артели было организовано маломощное крестьянство губернии, которое, даже объединившись, по целому ряду причин не смогло создать привлекательный образ колхоза как нового вида хозяйствования.

В 1920-х гг. серьезной проблемой являлись так называемые лжеколхозы. Анализ документов, констатирующих наличие лжеколхозов до сплошной кол-

лективизации, выявил следующие причины их образования:

1. Получение льгот при землеустройстве и отвод участков лучших земель. Данную ситуацию тщательно проанализировал В.А. Лабузов, выяснивший следующее: пользуясь тем, что при равных условиях Земельный кодекс РСФСР 1922 г. отдавал предпочтение коллективным хозяйствам, состоятельная часть южно-уральского села объединялась, включив в состав вновь образованного коллектива небольшую часть беднейших хозяйств, и тем самым получала возможность отвода лучших земель земельного общества. При этом бедняки в данном коллективе выполняли роль социального щита [2, с. 318].

2. К числу лжеколхозов, особенно в Башкирии, следует отнести артели на базе хозяйств монастырей, образованные из бывших послушников данного религиозного учреждения. В 1924 г. местные власти, в ча-

стности Башкирский земельный комитет, организовали массовую проверку коллективных хозяйств, в ходе которой такого рода объединения священнослужителей и обнаружили¹³.

3. Исследователи, изучавшие колхозное движение в годы нэпа, называли еще одну достаточно специфическую причину образования лжеколхозов. В среде киргизского (казахского) населения были достаточно сильны родовые отношения. Пользуясь этим, старейшины родов образовывали под своим началом лжеколхозы, ничего общего с коллективизацией сельскохозяйственного производства не имевшие [2, с. 320].

И наконец, последняя и, пожалуй, самая основная причина образования лжеколхозов и распада коллективных хозяйств. Определенная часть крестьянства, по всей вероятности, верила в перспективность объединения имевшегося производственного потенциала, но, будучи в организационном плане беспомощной, «никакую работу с момента организации не проводила»¹⁴.

Крестьянство региона в период нэпа, несомненно, осознало выгоды от вступления в коллективные хозяйства и использовало колхозы для получения льгот

от государства и местных властей, фактически ничего не делая для создания работоспособного коллектива. Не лучшим образом проявляли себя в этот период партийные и советские органы Южного Урала. Сам факт появления лжеколхозов (а в отдельных районах данное явление носило массовый характер) свидетельствовал о неспособности региональных властей возглавить колхозное движение. Исходя из анализа ситуации в колхозном движении в годы нэпа, можно предположить, что объективных условий для проведения массовой коллективизации на Южном Урале не сложилось. Большая часть южноуральского крестьянства по-прежнему связывала перспективы своего развития с индивидуальным хозяйством. А это и предопределило, на наш взгляд, насильственный характер сплошной коллективизации сельского хозяйства в стране и в регионе в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лабузов В., Сафонов Д.* Оренбургская губерния на завершающем этапе Гражданской войны. Оренбург, 2002.
2. *Лабузов В.А.* Аграрные отношения на Южном Урале в первые десятилетия Советской власти. Оренбург, 2004.

А.М. ИМИНОХОЕВ

ПРОБЛЕМА ДОСУГА И ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО БЫТА ГОРОЖАН ВЕРХНЕУДИНСКА/УЛАН-УДЭ В 1920–1930-е гг.

Бурятский филиал
Сибирского государственного университета
телекоммуникаций и информации, г. Улан-Удэ
e-mail: aleksadrim@mail.ru

Статья посвящена проблеме формирования культурной среды нового социалистического общества на примере преобразования быта и развития досуга жителей Верхнеудинска/Улан-Удэ в 1920–1930-е гг.

Ключевые слова: культурная революция, социалистический быт, досуг горожан.

Трансформация всех сторон жизни советского общества в 1920–1930-х гг. привела к изменению социокультурной ситуации в области досуга. В 1920-е гг. в СССР была провозглашена новая политика в культуре, получившая название «культурная революция». Данная политика предусматривала целый комплекс мер и мероприятий по формированию нового мышления, нового поведения. Перед новой властью стояла задача воспитания новых людей, и не последнюю роль в этом должны были сыграть новый быт и досуг. Если сегодня с понятием «досуг» связывается чаще всего представление о частной жизни, ее уединенности, устроенности, о домашнем очаге, общении с род-

ными и друзьями, то в 1920–1930-е гг. широкое распространение получило другое толкование свободного времени: в большевистской формуле оно означало нечто большее, чем домашняя жизнь, и даже представляло ее антитезой. Будучи одной из важнейших составляющих жизни, досуг давал возможность в более завуалированной форме делать гражданина объектом политического воздействия. Подчинение досуга задачам коммунистического воспитания на многие годы определило характер работы большинства культурных учреждений, связанных с организацией свободного времени. Объем, структура, содержание свободного времени являются показателями культурных ориентиров населения, оказывают немаловажное влияние на представления и поведенческие реакции людей. Свободное время – это наиболее ценные периоды повсед-

¹³ ЦГИАРБ. Ф. Р-164. Оп. 4. Д. 75. Л. 55.

¹⁴ Там же. Д. 137. Л. 89 об.

невной деятельности людей, поскольку, в отличие от несвободного времени, здесь протекают такие процессы и действия, которые нужны человеку, как правило, не для достижения тех или иных результатов, а сами по себе.

Большевики подразделяли досуг на негативный (гуляния, походы в гости) и позитивный (чтение, посещение рабочих клубов, участие в кружках, спорт и др.). Разумеется, власть прикладывала всевозможные усилия к тому, чтобы развивались преимущественно последние виды досуга. Обследование бюджета времени рабочих в Бурят-Монгольской АССР однозначно подтвердило, что на первом месте в рабочей среде находились такие формы досуга, как гуляния, игра на музыкальных инструментах (гармони, балалайке), прием гостей и походы в гости. Последние, как правило, сопровождалась употреблением спиртного.

Из-за возростающей потребности производства в рабочих руках проводилась политика максимального «освобождения» людей, особенно женщин, для работы в общественном производстве. Весь быт перестраивался на коллективистских началах. За теоретическими обоснованиями «социалистического быта» лежала вполне экономическая подоплека: расходы на строительство «поселений при заводах» (соцгородков) предполагалось определять, исходя из численности занятого на них населения. Вовлечение женщин в производство за счет «освобождения» от домашнего хозяйства вело к экономии средств в социальной сфере, а также к «коллективизации» быта.

Становление нового социалистического быта стало для государства делом первоочередной важности. 16 мая 1930 г. вышло постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке быта». Данное постановление и решения июньского (1931) Пленума ЦК ВКП(б) определили основные направления развития этой сферы в дальнейшем – увеличение свободного времени трудящихся, равенство мужчин и женщин, перестройка быта на социалистических принципах коллективизма и взаимопомощи. На практике это привело к созданию сети учреждений по обслуживанию быта в виде системы «общепита», организаций дошкольного воспитания. В системе «общепита» к 1936 г. в республике было занято 1030 работников, а затраты жителей Верхнеудинска на питание вне дома увеличились с 1,5 % в 1924 г. до 7 % в 1934 г. Еще одним направлением в формировании нового быта была организация бытовых коммун. Чаще всего они организовывались в рабочих общежитиях, бараках, существовали и в многоквартирных домах.

Появившееся у населения свободное время власти стремились использовать для воспитания человека нового, социалистического типа. В этот период городской досуг приобретал все больше публичности. Домашние (семейные и индивидуальные) формы его проведения все активнее вытеснялись общественными. Особое внимание партия обращала на воспитание у народа социалистического отношения к труду, чувства патриотизма и пролетарского интернационализма че-

рез такие традиционные формы досуга, как чтение, театр, кино.

Чтение было одной из популярных форм проведения досуга. Для чтения книг, газет и журналов горожане предпочитали отправляться в публичные заведения: клубы, библиотеки, читальни. Если в первые послереволюционные годы в большей мере переиздавались уже имевшиеся книги, то с конца 1920-х гг. все больше стали выпускать книг новых авторов, выполнявших те идейные установки, которые формулировала власть. Отдельные произведения печатались в первых органах периодической печати на бурятском языке в газетах «Уур» («Заря»), «Шэнэ байдал» («Новая жизнь») и журнале «Голос бурят-монгола», издававшимся на двух языках. В качестве бесплатного приложения к газете «Буряад Монголо Унэн» выходили сборники стихов рабселькоров.

Постепенно увеличивалось количество общественно-политических и художественных журналов, на страницах которых со своими произведениями и публицистическими статьями активно выступали писатели. С особым энтузиазмом и творческим подъемом приветствовало новую жизнь поколение начинающих писателей, среди которых были студенты, красноармейцы, народные певцы и улигершины, начавшие активную творческую работу в первые годы революции (А. Балдаев, Ц. Будаев, М. Гордеев, Ц. Дашиев, И. Дадуйев, Х. Намсараев и А. Тороев).

Постепенно закреплялись первые успехи на пути к овладению культурой, достигнутые на пунктах ликбеза, в ходе громких чтоток и бесед в избах-читальнях. В связи с введением всеобщего обучения и увеличением темпов ликвидации неграмотности большое внимание обращалось на усиление работы библиотек. Важную роль в организации внеадресного времени в 1920–1930-е гг. играли клубы, которые призваны были также заниматься политическим воспитанием рабочих. Кроме того, в своей работе они должны были ориентироваться на определенную отрасль производства, вести борьбу с имевшимися недостатками, подготавливать актив ударников. В 1927 г. в Верхнеудинске было восемь народных домов и клубов, в 1929 г. – 12 [1, с. 458]. Довольно часто при клубах создавались кружки политграмоты, приобщавшие сограждан к вопросам текущей политики, что было важно с точки зрения политического просвещения и воспитания. Особенностью клубной работы в Бурят-Монголии было создание «домов бурятки», красных юрт. Дом бурятки в Верхнеудинске выпускал по 20 курсанток каждые полгода. Красные юрты занимались политпросветительской работой, вопросами охраны материнства и младенчества, здоровья детей. При юртах организовывались кружки домоводства: кройки и шитья, стирки, выпечки, а также ликвидации неграмотности.

Работа с женщинами тесно переплеталась с переустройством быта кочевых народов, переводом их на оседлый образ жизни. Женщин обучали ведению домашнего хозяйства в стационарных условиях. Основной формой этой работы были делегатские со-

брания женщин, где они слушали лекции на различные темы, например, о гигиене, о вреде раннего замужества. Важным аспектом их проведения являлась популяризация задач охраны материнства и младенчества, а также разъяснения законодательства по бытовым преступлениям¹.

Массовое перемещение сельских жителей в город не сопровождалось быстрым развертыванием социальной инфраструктуры. Потеряв связь с деревенской жизнью, переселенцы не получили возможности полноценно включиться в городскую жизнь. Так возникла типично маргинальная – промежуточная, так называемая барачная субкультура. Обломки сельских традиций причудливо переплетались с наспех усвоенными «ценностями» городской цивилизации.

В апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) было заявлено, что партия приступает к постановке «систематической антирелигиозной пропаганды и агитации как одного из действительных средств расширения партийного влияния на широкие трудящиеся массы». На первых порах ставилась задача мирного, постепенного изживания религиозных предрассудков в сознании масс путем атеистического воспитания населения и распространения научных знаний. Наступление на религию велось и по линии внедрения вместо церковных новых советских обрядов, основанных на революционных ценностях и идеалах: празднование дня рождения вместо именин, наречение новорожденных не по святым, а новыми именами, символизирующими новые факты, события и идеи: Октябрина, Рэм (Революция, электрификация, мир), Нинель (Ленин наоборот), Ким, Владлен, Сталина, Даздраперма и др.

2 декабря 1926 г. в Верхнеудинске было создано Общество воинствующих безбожников, ставившее «своей задачей объединение всех трудящихся для организации активной борьбы против религии во всех ее видах и формах». Официально Устав областного союза безбожников был зарегистрирован в Центральном совете ССБ 27 января 1927 г., 29 января 1927 г. утвержден НКВД Бурят-Монгольской республики².

Стремясь сохранить свой внутренний мир, многие люди упорно держались за традиционные религиозные верования, несмотря на то, что в 1930-е гг. борьба с ними стала носить более агрессивный характер. Если в 1920-е гг. власти призывали «избегать всякого оскорбления чувств верующих», то в следующем десятилетии становятся все более заметными вспышки антирелигиозного экстремизма. В это время унижение верующего словом и действием становится правилом антирелигиозной работы.

Значительная роль в воспитании человека советского типа отводилась таким формам досуга, как кино и театр, которые в свою очередь также были превращены в мощное идеологическое орудие партии. Еще до революции кинематограф был доступен различным

слоям населения. Популярность данного вида досуга, а также его способность оказывать сильное образное и эмоциональное воздействие на зрителей побудили большевиков к активному его включению в процесс воспитания населения. Советское киноискусство быстро развивалось. Появилось большое количество кинофильмов, способствовавших углублению «классового самосознания рабочих» и укреплению советской мифологии в сознании населения. Иллюзорный мир, существовавший в большинстве советских кинокартин, был далек от реальности, однако это не раздражало зрителя. Поскольку технологическая оснащенность даже крупных городов продолжала оставаться низкой, кино воспринималось как чудо, от которого не требовалось правды. Мифологизированная, сказочная форма изложения являлась вполне подходящей, особенно для крестьянского сознания. Текущее социалистическое строительство нуждалось в эмоциональном подкреплении, требовало «одухотворения задачи».

Кино, таким образом, в отличие от чтения, довольно прочно вошло в повседневную жизнь населения, прежде всего городского. Распространение кинематографа происходило по всей стране, хотя с разной долей интенсивности. В 1923 г. в БМАССР было два кинотеатра, в 1938 г. – 35 киноустановок и 53 кинопередвижки [2, с. 8]. В Верхнеудинске в 1929 г. насчитывалось семь киноустановок [1, с. 458]. Просмотр кинокартин становился нормой проведения досуга для большинства городских жителей. В 1929 г. впервые в Верхнеудинске начала работать небольшая радиовещательная станция.

Что касается театра, то в систему политики советского государства в 1930-е гг. входила задача формирования нового слоя рабочей аристократии путем вручения бесплатных театральных билетов передовикам производства. В результате поход в театр стал восприниматься населением не как развлекательное мероприятие, а как норма жизни привилегированных слоев советского общества. С 1927 г. начал свою профессиональную деятельность первый в Верхнеудинске стационарный театр. В 1932 г. был открыт Бурятский театр драмы. А с середины 1930-х гг. театр постепенно входит в быт горожан. Два театра – русский и бурятский – пользовались большой популярностью, однако театр как вид искусства еще какое-то время оставался элитарным.

Таким образом, период 1920-х гг. является временем формирования новой государственной идеологии, определившей и организацию системы советской культуры. Типичная повседневная жизнь рядовых граждан довольно четко делилась на производственную и бытовую составляющую.

Реализуя намеченную программу, государство начало разработку основ индустрии быта: столовых и ресторанов, фабрик-кухонь, прачечных, различных ремонтных мастерских и т. д. С целью освобождения женщины-матери для производства государство занялось развитием сети дошкольных детских учреждений: яслей, детских садов и приютов.

¹ НА РБ. Ф. Р-251. Оп. 1. Д. 12. Л. 106.

² Там же. Д. 4. Л. 2.

Провозглашение курса на построение коммунистического общества требовало от государства создания общества единомышленников, той человеческой общности, объединенными усилиями которой было возможно создать прекрасное коммунистическое «завтра». С этой целью власть развернула активную кампанию по утверждению в народном сознании коммунистической идеологии. При этом, утверждая новые принципы и идеалы, власть изымала целые пласты традиционной культуры. Велась беспощадная и беспринципная война с религией как основой прежней дореволюционной морали, подвергались пересмотру с точки зрения идейно-революционной целесообразности такие формы бытия, как семья и брак. Однако чрезмерная деморализация общества заставила вернуться к традиционному характеру семейно-брачных отношений. Широкая пропаганда примата коллектив-

ного над индивидуальным должна была способствовать разрушению приватности семейной жизни. В результате проведения масштабной образовательной и воспитательной работы государство обеспечило себе социальную поддержку в лице молодежи. Именно эта часть населения активно воспринимала новые идеалы социализма, противопоставляя себя старшему поколению и идентифицируясь с новым поколением людей, объединенных чувством единства собственной судьбы с судьбой всего государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы по статистике Бурятии. Верхнеудинск, 1931. Вып. II.
2. 15 лет Бурят-Монгольской АССР: Политико-экономический сборник. Улан-Удэ, 1938.

А.П. ШЕКШЕЕВ

АНТИСОВЕТСКИЕ ЛИСТОВКИ ЕНИСЕЙСКИХ КРЕСТЬЯН КОНЦА 1920-Х ГГ.

Хакасский государственный университет, г. Абакан
e-mail: Turan47@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению одного из специфических явлений в жизни сибирской деревни конца 1920-х гг. – обращения крестьян с листовками и воззваниями к населению Приенисейского региона. Прослежена эволюция содержания прокламаций, обусловленная характером государственной политики, выявлено их значение для отношений крестьянства с коммунистическим режимом.

Ключевые слова: листовки, воззвания, письма, крестьянство, деревня, власть, коммунисты.

Политика советской власти вызывала сопротивление крестьян, что выражалось не только в активных действиях его участников, но и в распространении по деревням анонимных листовок, воззваний и манифестов. Это явление в жизни сибирской деревни освещалось в трудах советских историков как одна из форм классовой борьбы. Но в современной региональной исторической науке исследование данной темы фактически отсутствует. Значимость глубокого освещения протестного поведения крестьян одной из сибирских провинций совершенно очевидна.

Введение государством в конце 1920-х гг. чрезвычайных мер по изъятию в деревне сельхозпродукции и денежных средств сопровождалось произволом местных функционеров, стремившихся выполнить правительственные задания любой ценой, и, соответственно, усилением крестьянского сопротивления. Листовки и воззвания, игравшие роль индикаторов общественного мнения и заключавшие прямые требования к государству, являлись предметом особой озабоченности властей, в частности, спецслужб. Информация об их обнаружении и содержании отражалась в сводках ОГПУ наравне с сообщениями о реальных событиях – волнениях, покушениях на сельских активистов.

Поток листовок и воззваний в енисейской деревне в рассматриваемое время резко усилился. С ноября 1927 г. по декабрь 1929 г. органы ОГПУ зафиксировали 16 случаев обнаружения подобных обращений, 10 из них – в 1929 г. В основном листовки являлись ответом на «чрезвычайщину» в налоговой и хлебозаготовительной политике государства. С целью усиления воздействия на крестьян они порой подписывались мифическими «комитетами». Листовки и воззвания призывали крестьян не поддаваться «уловкам» коммунистов и ОГПУ, содержали угрозы в адрес активистов, склоняли к саботажу правительственных заданий, подготовке к войне против советской власти.

Эти обращения распространялись на территории всех пяти округов приенисейского региона. Объявление с требованием к пяти активистам, названным по фамилии и «мешающим работать», уехать из района к концу 1927 г. (иначе «будет хуже вам») было расклеено в с. Балахта Красноярского округа¹. В январе 1928 г. листовки появились в селениях Канского округа, а в феврале от имени подпольного комитета «Правда» с обращением к крестьянам не подписывать

¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 278. Л. 111.

ся на крестьянский заем и игнорировать самообложение – в Ачинском округе. Объявление, призывающее жителей не сдавать государству хлеб, организовываться, было вывешено в с. Березовка того же округа. Там же 6 февраля, на другой день после ареста «кулака» Провоторова, появилась листовка, предупреждающая население об опасности приобретения облигаций госзайма, призывающая беречь пшеничные запасы и голосовать против самообложения, а главное, подчеркивалось, что «молчать нельзя, перетаскают всех»². В дер. Устрялово Абаканского района Минусинского округа было обнаружено воззвание за подписью некоего Зарубинского следующего содержания: «Товарищи – крестьяне, не стойте на краю гибели, которую <...> готовят вам коммунисты, они хотят вас лишить всего того, что вы имеете, они решают уже накладывать непосильные налоги, но и еще добавочные. Они стараются, чтобы скорее лишить вас имущественного состояния, они хотят вас сделать рабами, а сами сделаться господами. Товарищи, становитесь в ряды непобедимого фронта против затей коммунистов»³ [1, с. 199; 2, с. 694]. В этих же местах в феврале 1928 г. распространялась листовка с названием «Мечь» и призывом убивать бюрократов и грабителей⁴. От имени комитета «Народная воля» шесть листовок было расклеено в ночь на 24 июня того же года в с. Каратуз Минусинского округа. Они содержали следующие призывы и лозунги: «Все на борьбу против дармоедов-коммунистов, да здравствует народная воля», «Смерть паразитам кровопийцам-коммунистам, да здравствует народная воля», «Долой коммунистов-угнетателей, да здравствует народная воля». Власти в ответ, назвав «Народную волю» «черносотенной» организацией, командировали для борьбы с нею специальных сотрудников ОГПУ и уголовного розыска⁵.

Предвыборная борьба за места в советские органы отразилась, например, в выпущенной 6 января 1929 г. «кулаками» с. Ястребово Ачинского округа листовке, в которой излагалось требование отмены экономических ограничений и предоставления права голоса. В Тайшетском районе в марте того же года на стене избы-читальни было наклеено письмо следующего содержания: «Бросьте отбирать хлеб у крестьян, а если будете продолжать отбирать хлеб, то перебьем всех служащих и коммунистов». Эта угроза почти воплотилась в жизнь: ночью неизвестные стреляли в избача-коммуниста⁶ [2, с. 188]. Появившийся с целью срыва хлебозаготовок призыв «бить» коммунистов и

свергнуть советскую власть содержался в прокламации, выпущенной в ночь на 8 апреля «кулаками-лишенцами» М. Желтыниным и Д. Исаевым из дер. Ново-Рождественки Каратузского района Минусинского округа. В ней же они угрожали смертью председателю райисполкома Вертопрахову и местным коммунистам за изъятие хлеба. В анонимке крестьян дер. Парной Чебаковского района Хакасского округа от 24 апреля также содержалась угроза смертельной расправы с председателем сельского рабочкома коммунистом Кривоноговым и бедняком-активистом Барановым. 11 июня у посотины дер. Казанки Ачинского округа обнаружили прокламацию, в которой крестьян призывали готовиться к войне⁷.

В канун принятия высшим руководством страны решения о коллективизации и «раскулачивании» крестьяне, как бы понимая неотвратимость своей судьбы, пытались анонимными обращениями подтолкнуть друг друга к активным действиям. С сентября по декабрь 1929 г. на территории Минусинского округа спецслужбами было зафиксировано появление девяти антисоветских воззваний. В них продолжались угрозы активистам. Например, в конце сентября бедняком-комсомолец А. Лаврушек из дер. Ентауль Большемуртинского района Красноярского округа обнаружил прибитыми на воротах своего двора две листовки с угрозами в адрес «Антоси» и других местных комсомольцев. Эти листовки, как правило, заканчивались повторяющимся призывом к борьбе против власти. 4 октября 1929 г. чекисты обнаружили на ачинском базаре переходящую из рук в руки прокламацию, в которой мифический ВЦИК партии социал-демократов выступал с призывом «Долой Советскую власть!». В дер. Черчет Шиткинского района Канского округа административно-ссылный Черенковский 7 ноября обнаружил листовку «Долой Советскую власть, да здравствует Временное правительство!». Наконец, 11 декабря 1929 г. в с. Шало Манского района Красноярского округа в пяти местах были вывешены прокламации, выполненные печатным способом, с заявлением: «Мы, противники Советской власти, хотим добиться крестьянам свободы, но мы одни ничего сделать не можем, потому что нас мало, нам надо помощь от крестьян и рабочих <...> Кто желает в белую банду вступить – подготовьтесь. Да здравствует белая банда». Другая листовка призывала и информировала: «Долой Советскую власть! В 1930 г. ее не будет. 13 тысяч человек перешли границу, идут сюда, готовьтесь вступить в банду»⁸.

Однако крестьянство, застигнутое массовым «раскулачиванием» врасплох, не оказало ему мощного сопротивления. Письменный протест крестьян был, вероятно, незначительным. Более того, в силу разных обстоятельств листовки и воззвания, появлявшиеся в

² Здесь и далее в подобных документах сохранена орфография подлинника.

³ ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 180. Л. 43.

⁴ Там же.

⁵ ЦХИДНИ КК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 614. Л. 5; МГГА (Минусинский городской государственный архив). Ф. 369. Оп. 1. Д. 40. Л. 245.

⁶ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 721. Л. 134; МГГА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 35. Л. 351.

⁷ ГАРХ (Государственный архив Республики Хакасия). Ф. 16. Оп. 3с. Д. 1. Л. 110.

⁸ ЦХИДНИ КК. Ф. 60. Оп. 1. Д. 1019. Л. 126; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 5а. Д. 41; МГГА. Ф. 369. Оп. 1. Д. 59. Л. 7, 571 а.

это время, часто до своих адресатов – широких крестьянских масс – так и не доходили. По свидетельству С.А. Красильникова, например, листовка, обнаруженная 2 марта 1930 г. абаканским крестьянином по дороге в г. Минусинск, была им частично использована на курево, а наклеенная 5 марта в красном уголке с. Дубенского Ермаковского района Минусинского (а не Красноярского, как у автора. – А.Ш.) округа оказалась тут же снятой коммунарком, распространитель же с трудом, бросив лошадь и скрывшись в лесу, ушел от погони [3, с. 41–42].

Письменных обращений крестьян к населению во время массовой коллективизации сохранилось немного, но все же они имели место. Например, 1 февраля 1930 г. по г. Минусинску от имени мифического Штаба рабоче-крестьянской организации распространялись пять листовок с призывом «организоваться против палачей, нанести им удар». В том же месяце их появление было отмечено в дер. Черная Кома Красноярского округа. На дереве вблизи дороги из с. Тырданово Верхне-Ербинского куста Хакасского округа, где разваливался колхоз, проезжавшие в марте 1930 г. читали надпись: «Товарищи бедняки и середняки! Правительство и Коммунистическая партия стараются затянуть вас в колхозы. Не идите, не давайте в руки коммунистов, ибо вы там, в колхозах, превратитесь в вечных рабов». Тогда же в с. Тюхтет Ачинского округа «кулацким» сыном Д. Михневичем (позднее арестованным) было написано стихотворение антисоветского характера по поводу выселения крестьян, оно зачитывалось населению⁹ [3, с. 45–47; 4].

Среди антиправительственных сочинений обращают на себя внимание религиозно окрашенные воззвания, а также с весьма эклектичной символикой. Так, распространение листовок, на обороте которых были изображены крест, фашистская свастика и двуглавый орел, отмечалось 11 и 23 марта 1930 г. в Красноярске и его пригороде, население которого тогда пополнялось беглецами из деревни. 28 апреля учительница дер. Игнатово Перовского района Красноярского округа на воротах посёлка обнаружила прибитую доску со следующей надписью: «Акафист Советской власти радуется народ советским дурманом отравлен радуется народ по тюрьмам отправлен радуется народ Советской работой сытый ты же за это руженным прикладом битый радуется советским дурманом обвороженный и ты же зимою замороженный никогда не было вашей радости за 12 лет Советской власти и не будя» [3, с. 42].

Появившиеся после первой волны «раскулачивания» листовки свидетельствовали об отчаянии, охватившем часть населения, а также о монархических настроениях, периодически возникавших в постреволюционной деревенской среде под влиянием острых коллизий, и даже о созревшем у крестьян желании идти «войной» на советскую власть. Об этом говорят, например, прокламации, написанные неким

«вашим стариком-защитником» и обнаруженные 3 мая 1930 г. в помещении сельсовета с. Большого Барандата Ачинского округа. Жалуясь на свою судьбу «гражданам» («мы погибаем»), рассказывая о ней («ограбили нас, хлеб и семена забрали, оставили голодными, насильно загоняют в колхозы, заставляют сеять, а сеять нечем, будут судить») и сравнивая свое существование с жизнью дореволюционной деревни («при батюшке-царе нам хорошо было жить, хлеба было много, всем хватало»), он вопрошал «когда стогрит Советская власть?» и призывал к вооруженной борьбе с нею («чего еще будем смотреть, давайте бить руководителей, организовывать банду и брать наших товарищей, которых невинно выслали, не дайте им погибнуть. Долой эту власть! Да здравствует война!») [5, с. 233–234].

Подлинным манифестом крестьянских настроений является документ, переданный 22 мая того же года «неизвестными лицами», вооруженными винтовками и охотничьими ружьями, сотрудникам Сиблестреста, работавшим в тайге Тасеевского района Канского округа. Полученный повстанцами от якобы «приезжавшего полковника из Москвы с целью поднять восстание против Соввласти» и подписанный «Союзом освобождения трудового крестьянства», он, в частности, гласил: «Но не суждено было сбыться нашим желаниям, над нами нависла еще более темная туча – коммунистическая партия, которая путем обмана и невыполнения обещаний укрепила свою власть и, как паук из своей жертвы, начала тянуть наши соки, не щадя ни стариков, ни детей <...> Настало время, когда у нас не осталось ничего». Авторы призывали крестьян: «Довольно терпеть все эти издевательства и гонения, которым мы подвергаемся <...> Дело освобождения крестьян есть дело наших же рук <...> Свергнем иго ненавистных кровопийц коммунистов. Пусть через наши трупы, через нашу кровь воссияет немеркнущее солнце свободы <...> Долой диктатуру коммунистов <...> Умрем или победим» [3, с. 48–50]. Порой подобные обращения находили отклик в крестьянской среде: накануне «раскулачивания» крестьяне, бросая нажитое и вооружаясь, бежали в тайгу, где объединялись в «банды». Но чаще всего такие призывы оказывали влияние лишь на настроения людей, обоглотивших на власть.

В конце 1920-х гг. распространение письменных обращений крестьян к общественности в форме листовок, воззваний и манифестов в ответ на использование властями «чрезвычайщины» и «раскулачивания» резко возросло и стало явлением повсеместным. Как свидетельствуют сохранившиеся прокламации, главным в их направленности являлся призыв бороться с советской властью. Распространение листовок и воззваний формировало в деревне антисоветские настроения и подталкивало население к активным действиям. Прямой же связи письменных обращений с фактами неповиновения крестьянства властям наблюдалось немного. Но обнаружение анонимок, сви-

⁹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1167. Л. 62, 67.

детельствующих о нелояльности населения и наличии скрытых врагов, вносило тревогу в среду коммунистов и их сторонников, служило сигналом опасности и вызывало очередные репрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: В 5 т.: 1927–1939. М., 1999. Т. 1.

2. Гуцин Н.Я., Ильиных В.А. Классовая борьба в сибирской деревне. 1920-е – середина 1930-х гг. Новосибирск, 1987.

3. Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

4. За сплошную коллективизацию. 1930. 30 марта.

5. Величинская Л.Е. Источники личного происхождения о системе снабжения сельской местности Красноярского края в 1930 году // Материалы межвуз. науч.-практ. конф. 26 апр. 2002 г. Красноярск, 2002. Вып. VII.

С.А. КРАСИЛЬНИКОВ

ШАХТИНСКИЙ ПРОЦЕСС КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКАЗ

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: orlova@history.nsc.ru

В статье на основе документальных источников реконструируются условия, причины и механизм принятия высшим политическим руководством страны в марте – апреле 1928 г. решения о проведении открытого судебного процесса над группой управленцев и специалистов угольной промышленности Донбаса. Данное решение обострило конфликт в Политбюро между группами И. Сталина и Н. Бухарина. Шахтинский процесс рассматривается в контексте обострения политических и социально-культурных противоречий в СССР как проявление интеллигентофобии сверху и снизу.

Ключевые слова: Шахтинский процесс, интеллигенция, репрессии.

Шахтинский судебный процесс (18 мая – 6 июля 1928 г.), проходивший в Москве над группой обвиняемых в «экономической контрреволюции» хозяйственных руководителей, отечественных и иностранных специалистов, работавших в угольной промышленности, явился знаковым событием в постреволюционной истории нашей страны. Его значение и последствия позволяют говорить о том, что процесс стал своего рода поворотным моментом, обозначившим начало новой полосы советской внутренней и отчасти внешней политики. В широком контексте он в сочетании с так называемым кризисом хлебозаготовок положил начало целой эпохе радикальной трансформации модели политического и социально-экономического развития страны, ломки социальной структуры, связей и отношений в обществе – всего того, что в совокупности получило название «Великого перелома» (в других терминах – сталинская «революция сверху», «чрезвычайщина» и т. д.). Вне зависимости от прежних и ныне используемых историками определений данного явления, Шахтинский процесс сыграл здесь свою значимую роль в качестве социального индикатора и катализатора кризисных явлений и конфликтов, существовавших на тот момент времени как внутри системы власти, так и в ее взаимоотношениях с базовыми группами общества (рабочие, крестьяне, городские средние слои).

По своим базовым параметрам (количеству обвиняемых – 53 чел., длительности – около 1,5 месяцев, интенсивности пропаганды, международному резонансу и т. д.) он сравним только с другим московским процессом – 1922 г. над лидерами и ренегатами партии социалистов-революционеров. Однако если эсеровский процесс был прежде всего своеобразным эпило-

гом эпохи войн и революций и имел своим предназначением установление политической гегемонии большевизма в обществе, с одной стороны, и полную дискредитацию его оппонентов – с другой, то Шахтинский процесс как первый в ряду однотипных с ним «вредительских» процессов являлся прологом новой эпохи, предпосылкой перехода политики большевистского режима в новую стадию своего утверждения как режима тоталитарного типа, утверждения через кризисы и конфликты, частью реально существовавшие, частью искусственно нагнетавшиеся, «рукотворные». В данном контексте судебный процесс следует рассматривать двояко – и как обозначение подлинных социальных противоречий, требовавших своего разрешения, и как обозначение стратегии и тактики выхода из кризиса. «Шахтинский узел» сигнализировал о наличии ряда кризисных явлений: в самой системе власти (оппозиционное движение внутри правящей партии, бюрократизм и разложение номенклатуры, низведение профсоюзов до придатков административных аппаратов), ее взаимоотношениях со своей основной социальной опорой – рабочими (недовольство, выражавшееся последними в форме трудовых конфликтов, забастовок, пассивности на производстве), а также взаимоотношениях со «старой» технической интеллигенцией (подозрительность и недоверие в сочетании с невозможностью обойтись без использования «спецов»), отражающих социокультурное напряжение между группами, занятыми физическим и умственным трудом (интеллигентофобия, «спецеество»).

В росте «спецеества», последовавшего весной – летом 1928 г. в связи с началом Шахтинского судебного процесса, партийно-государственные органы об-

виняли «низы», рабочую массу. Фактически же кампания была развязана и поддерживалась номенклатурой, и речь поэтому идет о феномене смыкания стихийного «спецедействия» «снизу» и управляемого «спецедействия» «сверху». В данном случае можно говорить об устойчивости и повторяемости рассматриваемого феномена применительно к более широким хронологическим рамкам, включающим первую половину XX в., когда власть и общество в России/СССР оказывались в условиях системного кризиса и общесоциальный кризис совпадал с кризисом власти. Так было в годы Первой российской революции, в период революционных потрясений 1917–1920 гг., в годы «Великого перелома», «Большого Трора» и в позднесталинский период («борьба с космополитизмом», «дело врачей» и т. д.). Во все отмеченные кризисные периоды обострялись и находили выход в открытой форме и значительных масштабах антиинтеллигентские настроения социальных «низов», поощряемые практическими действиями институтов власти. Общая причина данного феномена очевидна, и коренится она в противоречии, намного более глубоком, нежели политическая сфера, – в противоречии социально-культурного характера между представителями физического и умственного труда. При этом во всех антиинтеллигентских «выбросах» отчетливо присутствовали и проявляли себя интересы бюрократии/номенклатуры как силы, использовавшей или развязывавшей такого рода кампании/акции «спецедействия» для достижения собственных корпоративных целей завоевания/удержания/укрепления власти. Интеллигентофобия, как правило, выступала средством канализирования социального недовольства масс своим положением, благодаря чему номенклатура отводила общественное недовольство от своих ошибок и просчетов. Интеллигентофобия выступала также и условием, и инструментом осуществления большевистской властью мобилизационных идеолого-пропагандистских кампаний конфронтационного типа, где «спецы-вредители» являлись частью собирательного образа «врага народа».

Как и большинство социальных фобий, интеллигентофобия (и, шире, культуурофобия) имела свои корни и основания в постреволюционной действительности, в ее противоречиях и конфликтах. Применительно к феномену «спецедействия» 1920-х гг. необходимо учитывать наличие и действие целого комплекса факторов, которые его постоянно питали. Базовыми среди них выступали отмеченные выше социально-культурные антагонизмы, обострившиеся в революционную эпоху, когда государственные регуляторы были парализованы или подверглись трансформации. Катализаторами социокультурных конфликтов выступили и процессы социальной мобильности, главным образом негативные по вектору их направленности и последствиям (разрушение прежних статусных отношений и тотальная маргинализация общества), затронувшие различные страты интеллигенции. Практически тотальное огосударствление сферы умственного труда и мобилизационная форма трудовых/служебных

отношений между государством и специалистами не исчезла с окончанием Гражданской войны, перейдя лишь в более «мягкие» формы (наем вместо принуждения). Другим же социально-политическим последствием данной этатизации и нисходящей мобильности явилось то, что группы служащих и специалистов стали пополняться в массовых масштабах всевозможными категориями лишившихся своих привилегированных статусов так называемых бывших («старое» чиновничество, офицерство, дворянство и др.), культурный и образовательный уровень которых позволял выполнять функции работников умственного труда. Такого рода социальное пополнение превращало интеллигенцию в «группу риска», объект дискриминаций и репрессий со стороны институтов власти. Еще одним осложнявшим положение интеллигенции в постреволюционном обществе фактором выступала инерционность социально-экономических отношений в производственной сфере. Несмотря на радикальные политические сдвиги, ролевые функции рабочих и специалистов оставались прежними, на большинстве предприятий сохранялись и воспроизводились иерархические отношения между управленцами и рабочими. Возникло противоречие между декларированными политическими предпочтениями в пользу рабочих («гегемония пролетариата») и их реальным статусом наемных рабочих, находившихся в зависимом положении от «буржуазных спецов», обладавших, очевидно, более высоким уровнем жизни (в середине 1925 г. средняя зарплата высококвалифицированных специалистов в металлургии в 5–6 раз превосходила зарплату квалифицированного рабочего и в 10 раз заработок чернорабочего) [1, с. 296]. В данной ситуации взятый руководством страны курс на форсированную индустриализацию, требовавший социальных жертв и издержек, ложившихся на все слои общества, в том числе на рабочий класс (рост производственных норм при сохранении расценок, заключение новых коллективных договоров, ударявших по интересам рабочих и т. д.), сопровождался ростом социальной напряженности, забастовочного протестного движения на производстве и, соответственно, «спецедействия» «снизу».

«Спецедействие» «сверху» также имело свои причины и динамику. Если «ядро» новой советской правящей бюрократии составили вчерашние политические маргиналы, среди которых ведущее положение занимала радикальная интеллигенция, то в основной своей массе управленческие кадры рекрутировались из социальных маргиналов с достаточно невысоким культурным уровнем. Будучи маргинальной по источникам своего пополнения и социокультурным характеристикам, формировавшаяся политическая бюрократия/номенклатура на стадии своего утверждения не могла не прибегнуть к социально-политической мимикрии, встраивая себя в собирательную категорию «служащие», внутри которых советские переписи выделяли в качестве особой группы «руководящий персонал». Среди последнего, составившего по переписи 1926 г. 328 тыс. чел., половина имела возраст до

30 лет [2, с. 168–169]. Не обладая достаточным опытом для принятия и реализации управленческих решений, номенклатура не могла обойтись без специалистов, составлявших управленческую «периферию». В кризисных ситуациях, первой из которых после окончания Гражданской войны стал системный кризис 1927–1928 гг., бюрократия без сожаления жертвовала частью своей «периферии», переводя массовое социальное недовольство «низов» в русло интеллигентофобии.

В литературе в целом описана последовательность шагов, которая привела к превращению достаточно рядового по тем временам периферийного расследования ОГПУ факта «вредительства» в угольной промышленности в масштабный и громкий судебный политический процесс. 27 февраля 1928 г. на имя И. Сталина поступила телеграмма секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А. Андреева, незадолго до этого избранного на XV съезде партии кандидатом в члены Политбюро, с информацией о раскрытом крупном «заговоре», сведения о котором должен был доложить ждавший выезда в Москву чекист Е. Евдокимов. Андреев поступал в данном случае как опытный и расчетливый бюрократ, давший понять, что расследование вышло за пределы Северного Кавказа и затрагивает лиц, работавших в аппаратах Донугля (Украина) и ВСНХ (Москва). Тем самым региональный руководитель передавал на высший уровень информацию, оценить которую предстояло сталинскому руководству. В случае отрицательной реакции Евдокимов остался бы в Ростове, а «дело» решилось бы во внесудебном порядке, не выходя за пределы региона.

Однако опрос 28 февраля членов Политбюро дал результат, ожидавшийся Андреевым: он получил телеграмму из Москвы о том, что данное «дело» получит судебную перспективу и приобретает политическое значение. Осторожное недоверие такому ходу событий выразил только В. Куйбышев в форме особого мнения: «Считаю преждевременной передачу этого дела в руки судебных органов. В этом деле нити ведут в аппарат ВСНХ и Донугля, а с передачей дела в руки судебных органов мы много не сумеем узнать. Лучше оставить пока ведение дела в руках ОГПУ, чтобы раскопать все до конца.

Поэтому считаю нецелесообразной посылку такой телеграммы. В. Куйбышев»¹. Из позиции Куйбышева очевидно его желание не допустить перерастание чекистского расследования в политическое «дело». Это диктовалось сложившейся в Политбюро практикой представительства и защиты той или иной структуры членом высшего политического руководства, а в данном случае расследованием затрагивались интересы возглавляемого самим Куйбышевым аппарата ВСНХ СССР.

Дальнейшее развитие событий выявило активную роль в данном вопросе И. Сталина и В. Молотова, принявших 2 марта с докладом группу чекистов (зам.

председателя ОГПУ Г. Ягоду, полпреда ОГПУ по Северному Кавказу Е. Евдокимова и начальника Экономического управления ПП ОГПУ по Северному Кавказу К. Зоннова) и по итогам встречи предложивших придать «делу» не только политическую гласность, но и международный резонанс: «Группа связана с русскими контрреволюционерами в эмиграции, с немецкими капиталистами и польскими контрреволюционерами... дело может принять интереснейший оборот, если организовать соответствующее судебное разбирательство к моменту выборов в Германии». Для решения всех последующих вопросов по данному «делу» учреждалась комиссия Политбюро, за состав которой в тот же день солидарно проголосовали члены высшего партийного органа: А. Рыков (председатель), Г. Орджоникидзе, И. Сталин (с заменой В. Молотовым) и В. Куйбышев².

Затем первоначальный состав комиссии был расширен. 5 марта также путем опроса тех же лиц в нее были включены представители от ОГПУ (В. Менжинский с заменой Г. Ягодой) и НКЮста (Н. Янсон)³. Тем же путем опроса определялся порядок дифференцированного оповещения различных категорий общества о предстоящем процессе. Официальное заявление прокурора СССР П. Красикова от 9 марта о привлечении к суду лиц, арестованных в связи с Шахтинским «делом», появилось в газете «Правда» 10 марта. Однако днем ранее первым эту информацию публично озвучил А. Рыков в ходе своего выступления на заседании Моссовета. Наряду с этим Н.И. Бухарин получил задание подготовить закрытое обращение ЦК ВКП(б) по данному вопросу для номенклатурных работников, которое рассылалось наряду со сводкой материалов предварительного следствия, представленных 2 марта ростовскими чекистами И. Сталину и В. Молотову. Оперативность подготовки письма/обращения была настолько высокой, что написанный 5 марта Бухариным текст был тотчас не просто отредактирован, но и в отдельных частях существенно дополнен И. Сталиным и В. Молотовым и появился в типографском виде уже 7 марта⁴.

Сравнение исходного бухаринского проекта обращения с переработанным и расширенным сталинско-молотовским текстом, ставшим итоговым, дает основание считать, что внутри большевистской верхушки, несмотря на традиции «коллективного руководства» и согласованности действий, существовали и давали о себе знать отнюдь не единые оценки современной внутренней и внешнеполитической ситуации в стране, приоритетов и прогнозирования последствий принимаемых решений. Структурно проект Н. Бухарина остался тем же: преамбула, в которой «вредительство технической интеллигенции» определялась как новая форма классовой борьбы; далее шел краткий анализ ситуации («кто виноват?»), где перечислялись группы

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л. 9.

⁴ Там же. Л. 11.

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 328. Л. 2.

и структуры, проглядевшие это явление, – коммунисты-хозяйственники, профсоюзные и партийные организации, органы РКИ и ОГПУ; завершился документ перечислением программы действий («что делать?»). В частности, Н. Бухарин предлагал следующую трактовку вины коммунистов-управленцев:

«Совершенно очевидно, что хозяйственники-коммунисты оказались в значительной мере в плену у спецов, превратившись в молчаливых регистраторов всех планов, предложений, всей политики этих злостных саботажников. То, что вскрывается документами[,] выходит, однако, за пределы Шахтинского района и сигнализирует известную общую опасность. ЦК обращает сугубое внимание руководящих партийных органов на необходимость выработки и принятия ряда мер, которые обеспечивали бы действительный контроль хозяйственников – коммунистов над специалистами всех видов.

С другой стороны, ЦК считает необходимой борьбу с могущим возникнуть спецееством, притом в особо ожесточенной форме этого последнего. Данное обстоятельство необходимо всемерно учесть»⁵.

После сталинско-молотовской правки это место приняло следующий вид:

«Совершенно очевидно, что хозяйственники-коммунисты Шахтинского района оказались в значительной мере в плену у буржуазных спецов, превратившись в молчаливых регистраторов всех планов, предложений и затей этих злостных саботажников. Коммунисты-хозяйственники, видимо, забыли, что буржуазные спецы и, прежде всего, бывшие акционеры бывших капиталистических компаний, представляют чуждую рабочему классу прослойку, что руководить такого рода спецами невозможно без систематического контроля над ними, что систематический контроль над такого рода спецами предлагает известный минимум коммунистического недоверия ко всей этой прослойке, что без такого недоверия коммунист-хозяйственник рискует неминуемо превратиться в хвостик буржуазных спецов. Понятно, что это обстоятельство не может служить оправданием т. н. спецеества, которое не различает между честными работниками специалистами и саботажниками социалистического строительства, против которых необходима систематическая и упорная борьба. Но борясь со спецееством и участь у спецов, стремясь все более и более привлечь их на свою сторону, хозяйственник – коммунист должен вместе с тем иметь бдительный и действительный контроль над работой буржуазных спецов, ни на минуту не забывая, что он сам, в конце концов должен стать настоящим руководителем данного хозяйственного организма и овладеть не только административной, но и производственно-технической стороной дела. Курс партии теперь более чем когда бы то ни было должен быть курсом на замену чуждых пролетарскому делу элементов из среды буржуазных спецов красными пролетарскими спецами по всему фрон-

ту работы, и по административно-организаторской, и по чисто технической линии»⁶.

Приведенные выше тексты свидетельствуют о том, что их авторы, исходя из одной посылки (коммунисты стали инструментом в руках «саботажников»), совсем по-иному расставляли акценты того, с чем предстояло столкнуться в будущем большевикам, преодолевая «вредительство спецов». Н. Бухарин был крайне осторожен в своих определениях: в его тексте упоминается только термин «спецы». Предвидя возможные социальные последствия начинавшейся кампании, Н. Бухарин позднее формулировал прогноз-предостережение: судебный процесс чреват всплеском «спецеества» в обществе «в особо ожесточенной форме». И. Сталин и В. Молотов реконструировали ситуацию «вредительства» в совершенно ином свете. Спецы представлены здесь практически как однородная масса с определением «буржуазные». Опасность «спецеества» низведена до незначительного фактора, приоритетной установкой в отношении спецов назван «известный минимум коммунистического недоверия ко всей этой прослойке», а целью – вытеснение последней из управленческого и производственного процесса с заменой «красными спецами».

Состоявшийся через месяц объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), рассматривавший наряду с проблемой хлебозаготовок и Шахтинский инцидент, принял 11 апреля резолюцию по докладу комиссии Политбюро «Шахтинское дело и практические задачи в деле борьбы с недостатками хозяйственного строительства», которая являла собой своеобразный компромисс, где «правые» в известной степени смягчили сталинско-молотовский радикализм в отношении «старой» производственно-технической интеллигенции. В разделе об отношении к специалистам определение «буржуазные спецы» отсутствовало, а формулировалась достаточно сбалансированная установка: «Беспощадно карая злостных саботажников и вредителей, необходимо вместе с тем улучшить условия работы подавляющей массы честных, преданных своему делу работников-специалистов. Всемерному привлечению к производственно-технической работе добросовестно работающих квалифицированных специалистов ни в коем случае не должно мешать наличие в их среде таких слоев и предрассудков, которые все еще являются неизбежным наследием прошлого, пережитками буржуазного строя. Борьба со спецееством, хотя и значительно ослабленным работой партии и профсоюзов, должна и впредь вестись со всей последовательностью и твердостью» [3, с. 385].

ЛИТЕРАТУРА

1. Федюкин С.А. Великий октябрь и интеллигенция. Из истории вовлечения старой интеллигенции в строительство социализма. М., 1972.
2. Изменения социальной структуры советского общества (1921 – середина 1930-х годов). М., 1979.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1953. Ч. II.

⁵ Там же. Л. 13.

⁶ Там же. Л. 12.

С.А. РАФИКОВА

**НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ**Сибирский государственный технологический
университет (СибГТУ), г. Красноярск
e-mail: svet4786@yandex.ru

В статье анализируется нетрадиционный вид источника по истории повседневности – народные мемуары. Основное внимание обращается на специфику источника. В частности, выделяются такие характерные его особенности, как возможность создания в режиме реального времени, массовость, гуманистичность, информативность, «субъективная объективность» и т. д. Подчеркивая уникальность источника, автор формулирует и основные проблемы, связанные со сбором и обработкой мемуарных материалов.

Ключевые слова: мемуары, повседневность, источниковедческий анализ.

Одним из наиболее актуальных направлений в мировой исторической науке является ретроспективное исследование жизни обычных людей, их бытовой деятельности, ментальности, культуры. В настоящее время «история повседневности» очень популярна на Западе, в России также появляются интересные работы. Большую роль в становлении такого подхода к изучению истории сыграли еще в 1930-е гг. основоположники школы «Анналов» М. Блок и Л. Февр, ратовавшие за воссоздание полной картины человеческого бытия и эмоционального фона прошлых эпох [1]. Многие их идеи были использованы и развиты представителями антропологической и феноменологической школ.

Возможность и необходимость изучения «истории снизу» получили надежное философско-методологическое обоснование. Так, французский социолог Пьер Бурдьё провозгласил манифест «теории практики» или «практической теории», призвав социальные науки преодолеть фиктивную альтернативу «объективизм – субъективизм», стереть искусственную границу между теорией и эмпирией, попытаться увидеть ситуации изнутри, глазами их непосредственных участников, а не подстраивать живой материал под имеющиеся схемы [2].

Представляется интересным взгляд на историю и через философское осмысление «социального времени» как времени человеческого бытия и человеческой деятельности. При этом изучение истории предполагает знание и времени индивида, как первоэлемента, и времени поколения, как основного звена в системе социального времени [3, с. 13].

Отрадно констатировать, что на нынешнем этапе ретроспективное изучение повседневности все более освобождается от вульгарно-социологических схем и формально-статистического подхода, в рамках которого исследования велись в основном через категории народного благосостояния и материальных условий

жизни отдельных социальных групп, бытовой инфраструктуры. Постепенно история перестает быть ареной лишь политических баталий или результатом действия безликих экономических факторов. Она превращается в реконструкцию судеб людей, чьи жизненные стратегии оказываются порой даже более значимыми, чем политика правительств. Но по-прежнему актуальной и далекой от своего решения остается проблема поиска источников, адекватно ее отражающих.

Традиционные источники (документы партийных, советских, общественных организаций, статистические сведения и т. п.) не позволяют исследовать проблему во всей ее многоаспектности. Особенно проблематично воссоздать хозяйственно-бытовую, семейную, эмоциональную и культурную жизнь субъекта. Быденная сторона жизнедеятельности советского общества изучена довольно слабо, а на уровне человека, семьи практически не исследована.

Все чаще и активнее историки пытаются ввести в научный оборот новые виды источников. Показательно, что в начале третьего тысячелетия редакция ведущего профессионального журнала российских историков «Отечественная история» приоритетным и долгосрочным направлением своей работы обозначила именно «выявление и анализ нетрадиционных источников понимания отечественной истории нового и новейшего времени» [4, с. 4]. В качестве резервов исследований на страницах этого издания уже рассматривались кино, художественная литература. Этот ряд может быть продолжен. Своеобразным и мало изученным историческим источником является мемуаристика.

Мемуары (от *лат.* «*memoria*» – память) – это написанные от первого лица воспоминания автора о минувших событиях, участником или очевидцем которых он был [5, с. 343; 6, с. 348]. Мемуарный жанр квалифицируется источниковедами как исторический документ, но до недавнего времени этот документ принято было рассматривать как второстепенный, достаточ-

но специфический, способный лишь дополнить общую картину, подчеркнуть общий колорит эпохи. В советских учебниках по источниковедению мемуары традиционно занимали последние места в «табели о рангах» после партийных, законодательных, статистических, делопроизводственных и других видов документации [7]. В последнее время они оказались окончательно и публично реабилитированы и значительно повышены в рейтинговой шкале [8; 9]. Субъективность мемуаров, ранее расцениваемая как изъян, теперь рассматривается как их имманентное состояние и возводится в ранг достоинств. Более того, за приоритетное право использования мемуаров развернулись настоящие баталии между представителями различных социальных дисциплин. Конкуренцию историкам готовы составить социологи, психологи, педагоги и даже... философы.

Например, Н.Н. Козлова в последние годы своей жизни занялась, казалось бы, совершенно не свойственным философу делом. Теоретически изучая советские повседневные практики, она обратилась к «низовым» источникам знаний о советской действительности: «Я ощущала, – писала Наталья Никитична, – ограниченность только методологических занятий проблемами повседневности. Мне явно не хватало “мяса” истории... Отчего реальный человек, в особенности “маленький человек” оказывается неинтересным для отечественного исследователя?» [10, с. 11, 21]. Философу хотелось вернуть человека в историю! В результате появился замечательный, на наш взгляд, труд, поставивший под сомнение однозначно-одномерную концепцию тоталитаризма советского общества.

Психологи, изучая проблемы личности, также обращаются к воспоминаниям. Выделяется даже особая разновидность памяти – автобиографическая, как «субъективное отражение пройденного человеком отрезка жизненного пути, состоящее в фиксации, сохранении, интерпретации и актуализации автобиографически значимых событий и состояний, которыми определяется самоидентичность личности» [11, с. 26–27; 12]. При этом особо подчеркивается: поскольку личность – исторический феномен, постольку ее изучение неизбежно становится историческим исследованием, а автобиография есть не что иное, как естественная история прожитой жизни [13, 14, 15]. Гуманистическая психология рассматривает жизнь человека в контексте пройденного им «жизненного пути» («life course»). Изучением жизненных путей и судеб людей занимаются также педагогика, педагогическая антропология, социология. Но в любом случае речь идет о развитии индивида* в изменяющемся мире [16, с. 477; 17; 18; 19].

Больше внимания источникам мемуарного характера стали уделять и историки. Вторую половину

ушедшего столетия можно условно назвать временем возрождения на новом уровне «устной истории» («oral history»). Целью данного направления исторических исследований провозглашается преодоление исключительно объясняющего подхода к истории, ее демократизация, обращение за интерпретацией исторических событий к «безмолвствующему большинству».

Таким образом, представители различных гуманитарных дисциплин обращаются к мемуаристике как к ценному, но недостаточно специфическому источнику информации. Совместными их усилиями накоплен значительный методологический опыт и богатый фактический материал. Думается, что оптимальный вариант изучения мемуарных источников требует глубокого междисциплинарного подхода, творческого содружества представителей всех социальных наук, обращенных к человеку, его судьбе. А чтобы услышать голос «безмолвствующего большинства», необходимо обратиться к воспоминаниям обычных людей о былом.

В рамках авторского проекта «Живая история: повседневная жизнь сибиряков в 1960-е годы», реализующегося уже четвертый год в Красноярске, в настоящее время собрано более 300 народных мемуаров. И этот арсенал продолжает активно пополняться. Возникла потребность осмысления накопленного материала, а также постановки в качестве самостоятельного вопроса о специфике самого источника. Проблемы методики сбора и обработки материала являются темой отдельного исследования.

Народные мемуары – особая разновидность мемуаристики. Их потенциальные авторы – те, кто жил в недавние исторические времена и способен сказать о них «правду жизни». Мемуары условно делятся на «спонтанные» и «провоцированные». Первые пишутся по каким-либо внутренним побудительным мотивам, что свидетельствует о достаточно высоком уровне самосознания личности. Для появления вторых необходимо побуждение извне. Народные мемуары в подавляющем большинстве относятся к «провоцированным».

Проблема заключается в том, что, по справедливому утверждению А.И. Солженицына, «простой народ мемуаров не пишет». Хотя прецеденты были. Так, в первые годы советской власти издавались даже периодические сборники воспоминаний, в основном посвященные революции и Гражданской войне, выходили специальные журналы «Былое», «Голос минувшего». Заметный всплеск мемуаристики произошел в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Тогда появилась целая серия военных мемуаров, причем не только вышедших из-под пера видных военачальников, но и написанных рядовыми солдатами, партизанами, тружениками тыла. По всей видимости, этот пласт народных мемуаров остается до сих пор наиболее полным, информативным и правдивым, но не лишенным идеологического налета.

Предпринимались также попытки «создать» воспоминания рабочих: передовиков производства, победителей соцсоревнования, участников бригад комму-

* Книга одного из основоположников данного подхода Шарлотты Бюлер, написанная на основе изучения биографий десятков людей и материалов психотерапевтических наблюдений, называлась «Жизненный путь человека как психологическая проблема».

нистического труда. Яркий пример – воспоминания рабочего-новатора, одного из зачинателей стахановского движения И.И. Гудова [20]. Посвящены они в основном производственной жизни 1930–1960-х гг.; выводы, как правило, запрограммированы: труд в социалистическом обществе – радость, советский рабочий – не шестеренка в производственном механизме, а личность и т. п. Поскольку подобного рода мемуары за рабочих уже фактически были написаны, особой ценности для исследователей они не представляют. В связи с этим появились специфические термины – «псевдомемуары», «квазимемуары» и даже «антиавтобиографии» [21]. Один из наиболее известных специалистов в области устной истории Пол Томпсон прямо пишет: «В России при коммунистах возник целый пропагандистский жанр оптимистических, славящих героизм рабочих брошюр, которые теперь выглядят пародией на устную историю» [22].

В реальной жизни обычные люди, на самом деле, мемуаров не пишут. Первая ожидаемая реакция на просьбу поделиться воспоминаниями – вполне предсказуема: «Да что там рассказывать, жили как все». Для подавляющей массы людей характерно убеждение, что воспоминания «слесаря Тюпкина» вряд ли кого заинтересуют. В лучшем случае их не заметят, а то и обвинят автора в мании величия. Но если к этим воспоминаниям добавить свидетельства десятков и сотен людей (рабочих, учителей, инженеров, пионеров, матерей и т. п.), тогда, словно из кусочков смальты, может сложиться цельная мозаика реальной повседневности: яркой, многогранной, колоритной, подвижной.

Главное – подвигнуть людей мысленно обратиться к прошлому, дать четкую мотивацию значимости этой работы для потомков. И тогда, как показывает опыт, многие с готовностью мысленно возвращаются на несколько десятилетий назад, в годы своего детства, молодости, зрелости. И если такого рода «провокация» оказалась выполнена организационно, методически, психологически и этически правильно, историк получает уникальный источник, о котором можно только мечтать.

В отличие от других источников, кропотливо извлекаемых бытописцами из архивов, народные мемуары могут создаваться **в режиме реального времени**. Прошлое, находящееся от нас на расстоянии, как минимум, одного-трех поколений – еще вполне доступно для современной рефлексии. При этом сама теоретическая рефлексия исследователя подвергается испытанию конкретными практиками, существует определенный соблазн выдать за объективную и универсальную точку зрения личное видение. Недаром на сложность изучения близкого прошлого указывают многие ученые-гуманитарии. Оно живо в памяти людей и почти всегда субъективно окрашено, о нем многие знают не понаслышке и вне зависимости от исторических экскурсов имеют собственное мнение, отношение, оценку. «Узнавания хочется... Хочется живых людей. Воздуха, света, хочется адекватности своих ощущений сорокалетней давности пространству исто-

рического исследования – чуда, короче говоря» [23]. Однако воссоздание реальной жизни «простых людей», по крайней мере 40–50-летней давности, – это то чудо, которое можно попытаться сделать явью, так как люди, помнящие его, имеются «в неограниченном пока еще количестве».

Следовательно, поскольку число потенциальных авторов мемуарных произведений пока «не ограничено», произведения эти могут стать сколь угодно **массовыми** (по крайней мере, по послевоенному периоду), в отличие от воспоминаний «замечательных людей»: представителей общественной элиты, видных государственных и культурных деятелей, военачальников, которые, по определению, единичны. Известный российский драматург А. Гладков призывал писать как можно больше мемуаров, поскольку все незаписанное исчезает в небытии истории, и безмемуарные эпохи кажутся молчаливыми. Нужно было иметь личное мужество, чтобы в разгар «развитого социализма» заявить, что официальные документы и дела архивных хранилищ «говорят мало, иногда невнятно и часто лживо», а мемуары – «раскрытые окна в прошлое». Можно полностью согласиться с ним, что **все** воспоминания имеют право на существование, в том числе «даже плохо написанные мемуары, бесцветные, но правдивые», поскольку именно они в своей совокупности создают цельную картину жизни [24, с. 252–257].

При этом большей ценностью для историков может явиться то, что самому автору воспоминаний кажется мало важным. Особенно актуально данное замечание применительно к народным мемуарам, в большинстве своем не отвечающим критериям высокой художественности. Но в простоватой речи, безыскусных выражениях запечатлена наивная искренность, правдивость и память сердца.

Следует также выделить максимальную **информативность** народных мемуаров, их способность дать необходимую исследователю информацию, зачастую не нашедшую отражения в других источниках по истории повседневности; тем самым существенно расширяется источниковая база. Народные мемуары – уникальный источник, способный работать по принципу «вызов – ответ». В зависимости от исследовательской программы можно не только сформулировать общую тему («мемуары на заданную тему»), но и скорректировать поток воспоминаний с помощью уточняющих и детализирующих вопросов, очертить определенные хронологические рамки, выделить какой-либо блок проблем. Такой подход повышает надежность и полноту автобиографического материала, но он должен быть корректным, а сам «вызов» не должен быть односторонней установкой исследователя.

Отметим и **«субъективную объективность»** народных мемуаров. При всей своей личностной окраске они более объективны по сравнению с прочими источниками данного типа. Конечно, необходимо учитывать особенность человеческой памяти, ее стремление к мифологизации даже недавнего прошлого, избирательность, тенденциозность, способность нос-

талгировать по молодым годам, слабость хронологии (недаром мемуары называют жанром литературы, страдающим склерозом) и т. п. Следует также понимать, что мемуарист имеет право на собственную точку зрения и интерпретацию. Наконец, важно учесть и психологический фактор, ведь фактически на страницах мемуаров минувшее оживает, заставляя многие моменты жизни – веселые и грустные, радостные и трагические, общественные и интимные – пережить заново. Но при этом воспоминания простых людей лишены недостатка мемуарной литературы в общепринятом ее обозначении. А именно, они не являются средством политической и идейной борьбы, способом достижения своекорыстных целей или корректировки исторических реалий, возможностью вынести на обозрение чужое «грязное белье».

Дополнительным гарантом достоверности информации является **возможная анонимность** мемуаров. На первый взгляд звучит парадоксально: зачем писать мемуары, если имя автора останется неизвестным? Подчеркнем, анонимность – добровольная. Человек должен иметь выбор: кто-то захочет сохранить свое имя в истории, кому-то проще высказаться, оставаясь инкогнито. Это очень важный момент, скорее психологический. Из личного опыта можно сказать, что большинство авторов указывают фамилии и конкретно-биографические данные, охотно присовокупляя к текстам личные фотографии, некоторые даже сообщают свои адреса. Но есть и такие, кому не хочется приватную жизнь выставлять напоказ. В некоторых респондентах, в основном из числа представителей старшего поколения, еще живет внушенный им когда-то страх. Наличие или отсутствие полного имени автора народных мемуаров не принципиально, поскольку в данном случае главная цель исследователя – полнота и искренность воспоминаний, а не получение паспортных данных.

Рассказ людей о себе и своей судьбе делает народные мемуары, пожалуй, самым **гуманистичным** историческим источником. Человек – единственное живое существо на Земле, осознающее конечность своего существования и пытающееся найти его смысл, при этом для него важно передать прожитое и прочувствованное последующим поколениям. Для потомков же воспоминания старших могут стать действенным способом изучения истории, причем как ее конкретных событий, отразившихся на судьбах близких им людей, так и в глобальном понимании: человеческая история потому имеет смысл, что смысл имеет человеческая жизнь. Мемуарная литература – одна из важных форм осознания ценности человеческой личности, ее роли в истории и места в общественной жизни.

Народные мемуары являются своеобразным выражением общественного мнения, поскольку представляют собой взгляд в прошлое с позиций настоящего. Следовательно, проблему модернизации восприятия прошлого можно также использовать в научных целях и попытаться оценить настоящее через призму про-

шлого, что позволяет **индицировать ускользающую ментальность** изменяющегося общества.

Однако нельзя не сказать и о том, что огромный труд по сбору народных мемуаров оказывается несоизмеримо мал по сравнению со **сложностью их обработки**. Работа с «живым материалом» – процесс чрезвычайно непростой и трудозатратный. Например, в ходе реализации масштабного международного проекта большой авторский коллектив изучил истории 68 семей, относящихся к различным социальным strатам, оценив свой опыт как экспериментальную попытку описания и анализа индивидуальных человеческих стратегий (одну из первых и в целом, на наш взгляд, удачную) [25].

Историки используют чаще всего иллюстративный метод, поскольку он является наиболее простым. Но не совсем научным. На семинаре Всероссийского общества устной истории, состоявшемся в 2006 г., был сделан вывод о том, что в настоящее время в основном завершен накопительный этап ее развития в России, но на повестку дня встают вопросы обработки информации источников и их включения в научные исторические повествования [26].

Вопросы эти еще далеки от своего решения. Автором настоящей статьи предпринимались скромные попытки с помощью народных мемуаров взглянуть на типичное с позиций уникального человеческого опыта, например, на проблему миграции и адаптации городского населения, организацию досуга [27; 28]. Но логика научного познания диктует необходимость увидеть **типичное – в уникальном**.

И чем больше погружаешься в лавину воспоминаний, тем более пестрой и многоцветной предстает повседневность. Кажется, в принципе невозможно привести многообразие жизненных судеб к какому-то общему знаменателю. Но вглядываясь пристальнее, начинаешь усматривать все более определенные контуры эпохи. Процесс этот напоминает знакомство с картиной импрессиониста. Если смотреть слишком близко – видны лишь отдельные «мазки», слишком далеко – изображенное кажется размытым цветовым пятном. Чтобы пережить впечатление («impression»), нужно выбрать правильное расстояние и ракурс, тогда отдельные мазки способны сложиться в цельную картину. Поэтому наиболее актуальной проблемой научного использования народных мемуаров является необходимость перехода от микроуровня к макроуровню исследований, выявление закономерностей жизненных стратегий, что позволит в первоначальном многоголосье услышать слаженный хор.

Таким образом, мемуаристика, и особенно народная мемуаристика как особое направление этого жанра, является ценнейшим пластом для междисциплинарного исследования на основе взаимообогащения методик, оказываясь поистине неисчерпаемым ресурсом информации, позволяющим корректировать исследовательские программы с целью воссоздания полной картины исторической повседневности. При

этом народные мемуары – специфический источник, что мы и попытались показать.

Народные мемуары позволяют дополнить академически написанную историю – государственную, общественную, классовую, статистически-выверенную, событийно-объясняющую, признающую безусловный авторитет официальных письменных источников, – историей личной, индивидуальной, приватной, дающей цельное представление о повседневной жизни людей конкретной эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986; Февр Л. Бои за историю. М., 1991.
2. Бурдые П. Практический смысл / Пер. с фр. М., 2001; СПб., 2001.
3. Яковлев В.П. Социальное время. Ростов н/Д., 1980.
4. Отечественная история. 2002. № 1.
5. Советская историческая энциклопедия. Т. 9.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1990.
7. Черноморский М.Н. Источниковедение истории СССР. Советский период: Учеб. пособие. М., 1976.
8. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика: Учебник / А.К. Соколов, Ю.П. Бокарев, Л.В. Борисова и др.; под ред. А.К. Соколова. М., 2004.
9. Кабанов В.В. Источниковедение истории советского общества. Курс лекций. М., 1997.
10. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005.
11. Нуркова В.В. Автобиографическая память как проблема психологического исследования // Психологический журн. 1996. Т. 17. № 2.
12. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М., 2000.
13. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
14. Рыбников Н.А. Автобиографии рабочих и их изучение: Материалы к истории автобиографии как психологического документа. М.; Л., 1930.
15. Рыбников Н.А. Психология и изучение биографий // Психология. 1929. Т. 11. Вып. 2.
16. Кон И.С. Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования // Человек в системе наук. М., 1989.
17. Жизненный путь личности. Киев, 1987.
18. Коган Л.М. Человек и его судьба. М., 1988.
19. Крошник А.А. Life-line и другие новые методы в психологии жизненного пути. М., 1993.
20. Гудов П. Судьба рабочего. М., 1970.
21. Педагогическая антропология: феномен детства в воспоминаниях: Учеб.-метод. пособие / Под общ. ред. Б.М. Бим-Бада. М., 2001.
22. Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / Пер. с англ. М., 2003.
23. Левандовский А.А. Последняя застава: Фильмы Марлена Хуциева «Застава Ильича» и «Июльский дождь» как источник для изучения исчезающей ментальности // Отечественная история. 2003. № 6.
24. Гладков А. Мемуары – окна в прошлое // Гладков А. Поздние вечера: Воспоминания, статьи, заметки. М., 1986.
25. Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семенова, Е. Фотева. М., 1996.
26. Щеглова Т.К. Всероссийский научный семинар «Устная история: теория и практика» // Вестн. НГУ. 2006. Т. 5, вып. 3 (Сер. История, филология).
27. Рафикова С.А. Городские миграции в Красноярском крае в 1960-е годы: проблемы динамики, типологии, адаптации // Формирование и адаптация населения в районах индустриального освоения Сибири: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2006. Вып. 1.
28. Рафикова С.А. Повседневная культурная жизнь рабочей семьи Западной Сибири в 1960-е гг. // Социальная сфера и повседневность сибирского города (XX – начало XXI в.): Сб. науч. тр. Новосибирск, 2007. Вып. 2.

В.В. БАБАШКИН

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАК ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ВАРИАНТ МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНЫХ ОБЩЕСТВ

Академия народного хозяйства
при Правительстве РФ, г. Москва
e-mail: vbabashkin@anx.ru

В статье говорится о том, что поворот к коллективизации был ожидаем как в партийном руководстве, так и в крестьянской деревне. Однако то, чем этот поворот обернулся на практике, оказалось во многом неожиданным для обеих сторон, вынуждая и крестьян, и руководство так или иначе приспосабливаться к действительности.

Ключевые слова: коллективизация, «бухаринская альтернатива», государственно-централистское сознание крестьянства, ожидания крестьянства, приспособительные стратегии крестьянства.

Коллективизация крестьянской деревни – главное событие в российской истории XX в., поскольку оно отразилось на жизни и судьбах подавляющего большинства людей, населявших тогда страну, отразилось прямо, непосредственно, весьма радикально и в самый

короткий срок. Что это было? Вопрос по праву является одним из наиболее трудных, деликатных, болезненных в современной историографии. Советским историкам алгоритм был задан четко: «Это был глущайший революционный переворот, скачок из ста-

рого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 г. Своеобразие этой революции состояло в том, что она была проведена *сверху*, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке *снизу* со стороны миллионов масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь» [1, с. 205].

Тезис о прямой массовой поддержке со стороны крестьян, мягко говоря, вызывал сомнение, но тоталитарная идеология не оставляла историкам выбора. С горбачевской перестройкой и гласностью открылись новые архивные данные, усугубившие сомнение. Казалось, нужно поскорее восполнить эту брешь в нашем историческом познании, восстановить историческую справедливость. Но торопливость здесь оказалась чревата большой опасностью: на данных о негативных последствиях политики коллективизации для крестьянского хозяйства и о сопротивлении жителей деревни этой политике тут же стала выстраиваться соответствующая идеологическая трактовка, созвучная выводам и убеждениям большинства зарубежных советологов [2; 3, р. 189–195]. Мол, колхозно-совхозная система была нехороша по определению, обрекала сельское хозяйство на неэффективность и стагнацию, и очень жаль, что в истории страны была упущена реальная возможность развивать сельское хозяйство по нэповско-рыночному пути кооперации и многоукладности. О том, что без форсированной коллективизации «вклад деревни в общественное развитие мог быть намного значительнее и не стоить ей так дорого» [4], писал В.П. Данилов. Историки стали развивать идею о том, что могла реализоваться так называемая бухаринская альтернатива коллективизации [5–7].

Американский историк Г. Хантер предельно конкретизировал это представление. Он создал компьютерную модель альтернативной экономической истории СССР с конца 1920-х по 1940 г. [8; 9], из которой следовало, что если бы страна в этот период развивала свою экономику в логике предшествующих нэповских лет, то вклад сельского хозяйства в другие отрасли экономики мог быть более весомым. При этом крестьянская деревня могла бы обеспечивать уровень продовольственного потребления 1928 г. всему населению страны, которое было бы примерно на 15 млн чел. больше, поскольку демографической катастрофы, связанной с раскулачиванием и голодом 1933 г., удалось бы избежать. А экспорт зерна, составивший в 1930-е гг. 12 млн т, можно было оставить на том же уровне, но вывозить основную массу его на мировой рынок следовало не в 1930 и 1931 гг., а во второй половине 1930-х гг. Мировой рынок был в начале 1930-х гг. поражен депрессией, и хлеб из нашей страны вывозился по невыгодным ценам, в то время как внутренняя потребность в связи с не слишком удачными урожаями 1931 и 1932 гг. была высока. Стратегический продовольственный запас страны, к январю 1941 г. составивший в реальной истории 6,162 млн т зерна и муки,

в рамках ее альтернативной модели мог быть даже несколько выше [9, с. 160, 163].

Математические модели возможного будущего советского крестьянства создавал и Л.И. Бородин, получая результаты, во многом аналогичные выводам Г. Хантера [10; 11, с. 70, 76–77]. Его коллега М.А. Свищев резюмирует итоги этих исследований так: «И в экономическом, и в социальном плане объективно было возможно относительно длительное сохранение тенденций развития, присущих периоду нэпа. При этом продолжение политики, проводившейся в 20-е годы, означало более или менее безболезненный для непосредственного производителя путь. ... Это был вариант медленного экстенсивного роста сельского хозяйства, которое поглощало бы практически все трудовые ресурсы страны. Незначительным бы оказался отток населения из деревни, замедлился бы процесс урбанизации. В городе развивались бы главным образом те производства, которые не требуют больших капиталовложений, сложной техники, быстро дают отдачу. В такой ситуации «прыжок» к индустриальному обществу был бы, вероятно, невозможен. Возникает вопрос, почему же объективно возможная политика, которая *по логике вещей должна пользоваться поддержкой массы мелких производителей, и прежде всего крестьянства* [курсив мой. – В.Б.], была отброшена» [12, с. 18].

У меня в этой связи возникают, как минимум, еще два вопроса. Во-первых, та ли это логика вещей, и должна ли была масса российских крестьян поддерживать такой политический курс? Во-вторых, кто из сталинского окружения, включая и самого Сталина, и его оппонентов, как слева, так и справа, был внутренне готов смириться с описанной выше «объективной возможностью»?

Начнем со второго. Кто из вчерашних победителей в Гражданской войне*, остро помнящих, что такое победа кавалерийской атакой [13], готов был признать: у России впереди примерно тот же путь, по которому пошел Китай в конце 1970-х гг.? Думается, что ни те, кого накануне знаменитого XV съезда ВКП(б) клеймили как «левых», ни даже те, кого впоследствии заклеили как «правых». «Правизна» последних была гипертрофирована в политической риторике внутрипартийной борьбы 1920–1930-х гг. и, похоже, сильно преувеличена затем историками и публицистами в 1990-е гг. А.В. Чаянов, без ссылок на которого немислимы современные споры о «бухаринской альтернативе», 15 февраля 1929 г., т. е. задолго до погромной конференции аграрников-марксистов, публикует «покаянное письмо» в газете «Экономическая жизнь» под названием «От классовой крестьянской кооперации к социалистической реконструкции сельского хозяйства». Он объясняет, почему он, известный «апологет»

* Речь идет о войне с белой гвардией – о поражении в позорной войне с собственным народом тогда в партийно-государственном руководстве старались не вспоминать, а точнее, помнили до поры.

крестьянского хозяйства, перешел в 1928 г. к разработке проблематики совхозов и колхозов. В условиях взятого партийным руководством курса на ломку прежних экономических форм и организацию новой структуры всего народного хозяйства, пишет Чаянов, «теряет всякий смысл вопрос о какой-либо конкуренции различных форм организации сельского хозяйства, ... так как все они, а в том числе и крестьянское хозяйство, становились не более как исходным материалом для планового строительства новых форм земледелия, ... реорганизуемого в последовательно-социалистической форме... Будущие формы организации сельского хозяйства мною мыслятся не в виде конгломерата совхозов, колхозов, кооперативов и оставшихся индивидуальных хозяйств, а в виде единого общественного хозяйства, детали организации которого мы, конечно, еще не в силах предусмотреть» (цит. по: [14, с. 224]).

А.М. Никулин считает, что чаяновские «покаяния» внешне, по форме, были предназначены прежде всего «для прокуроров от генеральной линии, но их главный, глубинный смысл – объяснить ситуацию, дать правильную линию поведения честным, самостоятельным, трезво мыслящим ученым, старым квалифицированным кадрам экономистов, агрономов и тем самым сохранить их от избиения в процессе коллективизации» [14, с. 222]. Фактически А.В. Чаянов, крупнейший специалист в области аграрной экономики и активный участник советской политики, авторитетно свидетельствовал: для реализации той линии аграрного развития, которую он всю жизнь изучал, обосновывал, в разумность которой глубоко верил, в стране не существует перспективы ни в ближайшем, ни в обозримом будущем.

Что касается позиции Н.И. Бухарина, то она была крайне противоречива и далека от адекватного анализа реальности. С одной стороны, он был против форсирования в организации колхозов, с другой, – в статье «Заметки экономиста» осенью 1928 г. отмечал, что партия уже опоздала с постановкой вопроса о создании колхозов и совхозов. Бухарин решительно выступал за ограничение «кулака» и отказывался видеть, что середняцкое хозяйство не в состоянии решить продовольственную и сырьевую проблему страны в складывающейся внутриполитической и внешнеполитической ситуации. «Могла ли быть осуществлена “бухаринская альтернатива”? – риторически спрашивает в своем докладе на конференции по сталинизму С.А. Есиков, как бы подводя итог романтическому увлечению историков этой захватывающей ретроспективой. – Из-за серьезных изъянов в самих построениях Бухарина и в связи со сложившейся обстановкой в стране и в партии эта альтернатива вряд ли имела шансы на успех. В условиях отсутствия внутрипартийной демократии руководство партии успешно могло вести борьбу с любыми оппозиционными выступлениями. Большой личный вклад в создание подобной ситуации внес сам Бухарин. ВКП(б), выросшая численно, более чем наполовину неграмотная, люмпенизированная, усвои-

ла одно свое право – слепо исполнять то, что спускалось сверху и крепить единство своих рядов» [15].

В теоретических построениях Сталина к апрелю 1929 г., когда после решающей схватки с Бухариным на XVI партконференции он стал единоличным лидером государства, было меньше серьезных изъянов в силу незамысловатости самих построений. Они в основном сводились к идее обострения классовой борьбы по мере строительства социализма [16, с. 342–343], необходимости в этой связи широко использовать урало-сибирский метод хлебозаготовок для преодоления текущего заготовительного кризиса [17], а также все к тем же смутным представлениям о том, что давно пора ставить вопрос о создании колхозов и совхозов. С. Коэн довольно давно обнаружил глубокое убеждение, что выбор партии между Бухариным и Сталиным на той конференции был отнюдь не столь радикальным, как принято считать [18, р. 268]. Кроме прочего, Сталин был, по-видимому, куда более талантлив в непростом искусстве спускать сверху на уровень партийной массы ясные и четкие задачи, облеченные в научнообразную форму. Не случайно его знаменитое выступление о своевременности перехода к раскулачиванию на конференции аграрников-марксистов [19, с. 167–170] было с большими выдержками включено в «Краткий курс истории ВКП(б)».

Перейдем к первому из поставленных выше вопросов: так ли уж абсурдна была претензия Краткого курса на «прямую поддержку *снизу* со стороны миллионных масс крестьян» политики коллективизации? Отвечая на данный вопрос, хотелось бы все же выйти за рамки категорического «да!», которое звучит в большинстве отечественных публикаций на эту тему в последние два десятилетия. С принятием в декабре 1922 г. Земельного кодекса РСФСР крестьяне получили законодательное закрепление своего права хозяйствовать по своему разумению на земле, формально полученной от советской власти еще в 1917–1918 гг. Об этом сейчас пишут как о победе крестьянской революции 1902–1922 гг. в России [20, с. 319]. Налогообложение деревни в первые нэповские годы, осуществлявшееся советской властью в соответствии с ее коммунистическими принципами, в целом устраивало жителей деревни, отвечая их базовым представлениям о справедливости [21, с. 186–189]. Контент-анализ огромного массива крестьянских писем в журнал «Крестьянка» и «Крестьянскую газету» в 1923–1924 гг. зафиксировал своеобразную «государственно-централистскую» направленность крестьянского сознания, «характерной чертой которой является ориентация не на собственные силы, а на помощь “сверху”, при этом обращение к “власть имущим” рассматривается как единственно возможное средство разрешения проблем». Блок основных понятий, «раскрывающий механизм функционирования «государственно-централистского» пласта в структуре сознания сельского населения [курсив автора. – В.Б.], представлял собой к 1923–1924 гг. уже сложившуюся и самовоспроизводящуюся систему». В письмах в крестьянские издания

выражаются положительная оценка социальных мероприятий советской власти в деревне и большие надежды авторов в этой связи [22, с. 68–69, 71, 83–84].

Уже сам факт мощного потока жалоб и предложений с мест в различные органы власти, включая массу писем лично Ленину, Сталину, Калинину, свидетельствует не просто о преобладании в традиционной практике петиций и крестьянских наказов, но и о том, что с поворотом к нэпу советская власть стала восприниматься крестьянством как своя, в целом справедливая, хотя и нуждающаяся в дальнейшем усовершенствовании. Только в «Крестьянскую газету», созданную по решению XII съезда РКП(б), за 10 лет, с 1923 по 1933, поступило 5 млн писем из села. В своих письмах-проектах усовершенствования общества, число которых в 1925 г. достигает 23,6 % от общего потока писем этого года, селькоры декларируют, что «только рабочие и крестьяне своею собственной рукой построят рай земной», «...только при коммунизме народ будет жить, как в раю», что необходимо «раскрыть всю ту ложь и весь тот обман, который творится в церкви мракобесами-попами» с целью помешать этому строительству земного рая. Как пишет Н.Е. Шаповалова, «марксистская терминология осваивалась в традиционно христианских смыслах. Образовался синонимический ряд, в котором «социализм», «коммунизм» и «рай» оказались тождествами» [23, с. 34, 46, 56–57].

Специалисты по контент-анализу отмечают, что с каждым годом нэпа в деревенском мировоззрении происходили постепенные изменения: прежние рефлексивно-позитивные оценки действий центрального правительства и советской власти все более разбавляются анализом негатива, и в 1926 г. критика и отрицательные характеристики центральной власти возобладали над ее поддержкой и над одобрением ее политики. Разные слои сельского населения критиковали разные стороны деятельности центральной администрации. И если читатели из зажиточных слоев чаще всего утверждали, что социализм «противен деревне», а хорош лишь для лентяев и пьяниц и что надо широко обсудить, «нужен ли нам социализм», то основная масса корреспондентов все же придерживалась того мнения, что «крестьянам станет хорошо при социализме», поскольку социализм – «это когда люди не будут иметь ничего собственного, когда будут жить такой жизнью, как муравьи, то есть общей, дружной» [24, с. 200]. Широкою поддержку в деревне, судя по всему, имела идея о необходимости «сделать крестьян как рабочих», т. е. провести тотальное огосударствление земли, чтобы не допустить концентрации ее в частных руках, и организовать производство по типу городского промышленного предприятия – за зарплату. В одном из писем, пришедших в «Крестьянскую газету» в 1927 г., автор убежденно заявляет, что выражает мнение всех крестьян: «Крестьянин согласится. Так возьмите всю землю в казну и платите как рабочему. А крестьянин будет обрабатывать. И вы берите себе хлеб, и мы бу-

дем покупать. И все равны будем, как рабочий, так и крестьянин. Тогда не будет никому обидно» [24].

О внутренней готовности крестьян к переменам может свидетельствовать и такой факт. В 1926 г. в деревнях был проведен опрос на тему, почему земледельцы не переходят к прогрессивным севооборотам, а держатся за чересполосицу. С удивительным единодушием крестьяне отвечали, что, мол, жаль полосы переделывать, а вот грядет всеобщая социализация – тогда чему быть, того не миновать. «Начиная с 1917 г., – подчеркивал в этой связи В.П. Данилов, – большевистская пропаганда твердила об этой социализации, и нельзя говорить, что крестьяне ее совершенно не ждали. Другое дело, что она приняла такие формы, которых не ожидали не только крестьяне, но и сами большевики, даже накануне коллективизации» [25, с. 28].

Если анализировать статистику по 1930-м гг. [9, с. 154, 155], даже с поправкой на упущенные альтернативные возможности, нельзя все же не отметить, что валовые показатели сельского хозяйства обнаруживают тенденцию к росту, несмотря на резкое сокращение занятых в производстве. Можно говорить и о сокращении фатальной зависимости этих валовых показателей от погодных условий. Темпы замены конной тяги на машинную можно объяснить вынужденным напряжением сил государства в ответ на массовый убой скота в условиях бескормицы, но все же эти темпы впечатляют. Конечно, очень многое в реальной жизни пошло вразрез с ожиданиями и надеждами как крестьянской деревни, так и большевистского руководства страны. Обе стороны вынуждены были прибегать к весьма разнообразным стратегиям приспособления к колхозной реальности [26]. И эти стратегии заслуживают отдельного и очень тщательного исследования для лучшего понимания, как и за счет чего осуществлялась реальная, а не потенциально возможная советская модернизация.

ЛИТЕРАТУРА

1. История ВКП(б): Краткий курс. М., 1938.
2. Hunter H. Soviet Agriculture with and without Collectivization // *Slavic Review*. 1988. № 2 (Summer).
3. Tucker R. Stalin in Power. Revolution from Above, 1929–1941. N. Y.; L., 1990.
4. Данилов В.П., Ильин А., Тепцов Н.В. Коллективизация: как это было // *Правда*. 1988. 26 авг., 16 сент.
5. Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990.
6. Наумов В.П. Возвращение к правде // Бухарин: человек, политик, ученый. М., 1990.
7. Бородюгов Г.А., Козлов В.А. Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // *Вопр. истории КПСС*. 1988. № 8.
8. Hunter H., Szyrmer J.M. Faulty Foundations. Soviet Economic Policies, 1928–1940. Princeton, 1992.
9. Отечественная история. 1995. № 6.
10. Бородкин Л.И., Свищев М.А. Социальная мобильность крестьянства в период нэпа // *Вестн. сельскохозяйственных наук*. 1992. № 2.
11. Отечественная история. 1994. № 4–5.

12. Свищев М.А. Мелкое производство в 20-е годы // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
13. Бабашкин В.В. Кто и за что воевал в гражданской войне? // Общественные науки и современность. 2005. № 4.
14. Никулин А.М. Чайновская версия коллективизации // Отечественные записки. 2004. № 1.
15. Есиков С.А. «Бухаринская альтернатива» сталинскому аграрному курсу // История сталинизма: Итоги и проблемы изучения: Междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2008 г. М., 2008.
16. Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М., 1988.
17. Ильиных В.А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2.
18. Kohan S. Stalin's Revolution Reconsidered // Slavic Review. 1973 (June), Vol. 32. № 2.
19. Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Социология. Т. 12.
20. Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
21. Данилов В.П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство 1917–1927 гг. М., 1977.
22. Ибрагимова Д.Х. НЭП и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997.
23. Шаповалова Н.Е. Коммунистическая перспектива в представлениях крестьян европейской части России (1921–1927 гг.). Армавир, 2001.
24. Литвак К.Б. Жизнь крестьянина 20-х годов: современные мифы и исторические реалии // НЭП: приобретения и потери. М., 1994.
25. Отечественная история. 1993. № 2.
26. Поведенческие стратегии колхозного крестьянства. Конец 1930-х – начало 1940-х гг. // Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 2.

Д.Н. АЮШЕЕВ

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ВЕТЕРАНОВ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В БУРЯТИИ (1941–1950-е гг.)

Институт дополнительного профессионального образования и инноваций Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ
e-mail: adiman.83@mail.ru

Статья посвящена одному из социальных последствий Великой Отечественной войны – образованию новой социальной группы – фронтовиков, участников боевых действий, ветеранов войны. Особое внимание уделено опыту социальной адаптации ветеранов Великой Отечественной войны, используемому в процессе социальной интеграции участников современных военных конфликтов.

Ключевые слова: ветераны, адаптация, Бурятия, социум.

В многоуровневом сложном процессе социальной адаптации ветеранов Великой Отечественной войны в Бурятии можно выделить несколько проблемно-тематических блоков с маркерами, характеризующими условия и сам процесс социальной интеграции данной социальной группы: 1) социально-экономическое положение региона (помимо общих характеристик, состояние жилищного фонда, развитие образования и здравоохранения, наличие рабочих мест на предприятиях республики, развитие культуры); 2) демографическая ситуация в рассматриваемый период (уровень рождаемости и смертности, половозрастная структура населения); 3) трудовое и семейно-бытовое устройство бывших военнослужащих (занятость, правовой и социальный статус), 4) социально-психологическая адаптация (модели и группы адаптации, девиантность).

Из всех маркеров состояния и развития социальной группы ветеранов войны в Бурятии рабочими и

самыми информативными являются социальный и правовой статус, а также характеристика адаптационных групп ветеранов. Такой подход призван в первую очередь систематизировать данные о многокомпонентном процессе адаптации, но не решает проблемы.

Обобщая опыт приспособительного процесса этой социальной категории в Бурятии в 1941–1950-е гг., важно отметить изменение административно-правового статуса и уровня социальной интеграции ветеранов в республике.

Организационно-правовое положение военнослужащих в период Великой Отечественной войны было закреплено в Конституции СССР 1936 г. [1, с. 16], Законе СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 1 сентября 1939 г. [2, с. 351–366], общевоинских уставах и нормативных правовых актах военного времени. Конституция 1936 г. закрепляла социальные права военнослужащих, как и всех граждан страны, на труд, отдых, материальное обеспечение в старости

сти, а также в случае болезни и потери трудоспособности. Кроме того, ЗОВС распространял на личный состав армии и флота ряд льгот социального порядка, в частности, денежное довольствие освобождалось от обложения всеми налогами и сборами, военнослужащие и их семьи не подлежали выселению из жилых помещений в административном порядке, начальствующий состав и военнослужащие сверхсрочной службы оплачивали жилую площадь по льготным ставкам, письма красноармейцев и младших командиров срочной службы и адресуемые им пересылались бесплатно, начальствующий состав и их семьи при переездах по железным дорогам, водным, автомобильным и воздушными путями сообщений пользовались льготами, согласно положению о воинских перевозках, утвержденному СНК СССР [2, с. 20–21].

В соответствии с Законом «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» от 23 июня 1945 г. местные власти, руководители предприятий, учреждений и организаций должны были предоставить работу участникам войны не позднее месячного срока со дня прибытия их к месту жительства, с учетом приобретенного ими опыта и специальности в Красной армии, но не ниже выполнявшейся ими работы до ухода в армию. Последующие нормативно-правовые акты распространили действие этого закона и на другие очереди демобилизации [2, с. 32].

Социальный статус группы фронтовиков можно определить как выше среднего «унифицированного социального статуса», существовавшего в тоталитарном государстве. Это было вызвано официальной идеологией, определявшей положение всех категорий населения страны. В годы войны мобилизационная стратегия потребовала огромной концентрации ресурсов, сил и полномочий под лозунгом «Все для фронта, все для Победы!»; для населения абстрактное в определенной степени понятие фронта олицетворялось с фронтовиками, возвращавшимися с фронта.

При выделении адаптационных групп ветеранов учитывались несколько базовых характеристик: возраст, образование, национальность, партийность, инвалидность, ранения, награды, звание и такой немаловажный критерий, как год демобилизации. В отдельную группу можно выделить офицеров и сержантов, которые после демобилизации оказались в Бурятии. Часть из них не имела необходимой гражданской квалификации, что затрудняло трудоустройство. Фактором, положительно влиявшим на их трудоустройство и дальнейший карьерный рост, выступала принадлежность к коммунистической партии, позволявшая реализоваться в партийной и общественной работе.

Особую категорию представляли участники войны, не имевшие профессии и нуждавшиеся в обучении гражданским специальностям. Постановление ЦК

ВКП(б) от 25 августа 1945 г. предполагало организацию их индивидуального и бригадного производственно-технического обучения на специальных курсах и в учебно-производственных цехах предприятий. Так, в 1946 г. из 1 тыс. демобилизованных военнослужащих разных годов рождения 14 % не имели гражданской специальности, 7 % не работали по разным причинам. В ряды рабочих и служащих влились инвалиды войны. Многие из них, имевшие производственную квалификацию, возвращались на прежние места работы. Трудоустраивались инвалиды II–III групп. С ноября 1942 г. по март 1945 г. в Бурят-Монгольской АССР было трудоустроено и прошло производственное обучение 13 885 чел.¹

Еще одна группа – фронтовики, прибывшие в Бурятию после демобилизации по направлениям и призывам из других районов страны. С одной стороны, их трудоустройство не вызывало проблем, так как в большинстве своем они были уже состоявшимися специалистами, которых не хватало в регионе. С другой стороны, их адаптация к мирной жизни осложнялась необходимостью приспособиться к специфическим условиям жизнедеятельности традиционного общества [3, с. 18].

Инвалидов войны следует выделить в специальную группу, поскольку их трудоустройство во многом зависело от состояния здоровья. Большинству из них для жизнедеятельности требовались особые условия, которые не всегда, в силу объективных и субъективных причин, удавалось создать. К объективным причинам следует отнести преобладание трудоемких отраслей производства; недостаточный уровень медицинского обслуживания; приоритетную установку на реализацию государственных интересов, а к субъективным – тяжесть и специфику ранений, невнимательное отношение к ним со стороны руководителей предприятий и др. На основании постановления СНК СССР от 6 мая 1942 г. «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны» СНК Бурят-Монгольской АССР издал 12 июня 1942 г. постановление № 267 о создании постоянной республиканской комиссии по трудовому устройству инвалидов войны. Между тем в Бурятию инвалидами войны разных категорий вернулось около 6,5 тыс. чел. [4, с. 18].

Периодизация процесса социальной адаптации и разделение его на этапы весьма условны, но для большего обобщения и выявления основных тенденций очень показательны. В развитии этого процесса мы выделяем три этапа. Первый этап – адаптивный, социальная группа фронтовиков вступает в первичные межличностные и социальные отношения; длительность этого этапа незначительная. Второй этап – включение в хозяйственную и общественную деятельность: члены социальной группы позиционируются как герои-победители не только для отдельной страны, но

¹ НАРБ. Ф. Р-831. Оп. 1. Д. 25. Л. 14.

для общества в целом; через данное положение происходит репрезентация социальной группы фронтовиков по всем социальным категориям. Заключительный этап – функциональной активности социализантов на полученных социальных позициях; на этом этапе наблюдался наиболее динамичный процесс социальной мобильности.

Процесс трудоустройства участников войны обуславливало сочетание разнообразных факторов – негативных (отсутствие гражданской специальности, характер ранений, потребности региона в определенной рабочей силе, ограниченность возможностей в осуществлении индивидуального подхода на уровне предприятий, ситуативное разрешение кадровых вопросов местными властями, несоответствие ожиданий и реальности) и позитивных (наличие образования и гражданской специальности, партийность, контроль и координация трудоустройства региональными советско-партийными органами и другие факторы). В силу объективных и субъективных причин в послевоенные годы в регионе не была создана система действенных мер по оказанию помощи участникам войны в адаптации к условиям мирной жизни.

Социально-экономическое развитие республики во многом определило сущность и условия процесса адаптации, четко обозначились как внешние (социально-экономические условия), так и внутренние (качества адаптанта) барьеры адаптации, определившие выбор моделей приспособления, условно выделенные «этнический» и «социальный» типы адаптации наиболее распространены. Так, «этнический» тип адаптации наиболее характерен для традиционных регионов республики, где компактно проживает национально однородное население (буряты, «семейские»); «социальный» тип характерен для многонациональных, густонаселенных регионов республики (города, пригород, районные центры и т. д.).

Сокращение населения трудоспособного и брачного возраста также привело к изменению возможностей адаптации, изменению самого общества: дефицит мужчин брачного возраста определил две противоречивые тенденции. С одной стороны, в сравнении с довоенным периодом возросла доля браков, с другой – увеличилось количество разводов, происходили качественные изменения в институте семьи, отмечалось многообразие форм ее дезорганизации. Все это не способствовало положительному результату адаптации.

Идеализация предстоящей мирной жизни, отсутствие на том этапе общественных организаций, объединявших участников войны, затрудняли процесс адаптации. Среди ветеранов республики наблюдались потеря прежних социальных связей и поиск новой идентичности: часть их потеряла родных и близких, связь с прежним местом работы или учебы и даже проживания. В этой ситуации обретение новых социальных связей, самоопределение в социуме становились важной частью адаптационного процесса. Победа в Великой Отечественной войне породила надежды на либерализацию общественной жизни.

Социальная и национальная неоднородность, различие в стартовых условиях адаптации не привели к моральному разобщению ветеранов, а, напротив, усилились тенденции к объединению этой социальной группы. Участников любых боевых действий объединяет и то, что все они находились под воздействием военного стресса, который определил психологические особенности этой группы людей, что существенно сказывалось на процессах взаимодействия с ними.

Рассмотренный в контексте исторических событий опыт социальной адаптации участников Великой Отечественной войны в условиях Бурятии позволяет прийти к выводу о необходимости создания системы действенных мер по оказанию помощи в адаптации участников современных военных конфликтов. Эта система должна включать использование интегративных возможностей всех уровней социума, научных, информационных, управленческих и финансовых ресурсов, предполагать изучение адаптивного потенциала личности, оказание психологической помощи как самим участникам боевых действий, так и их семьям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938–1975: В 4 т. М., 1975. Т. 1.
2. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1961. М., 1961. Т. 1.
3. Ульянова М.В. Опыт адаптации участников Второй мировой войны к условиям мирной жизни на Дальнем Востоке СССР: 1945–1953 гг.: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 2006.
4. Книга памяти: В 8 т. Улан-Удэ, 2005. Т. 8.

Р.С. БИКМЕТОВ

**ЛАГЕРНЫЙ СЕКТОР В ЭКОНОМИКЕ КУЗБАССА В ПЕРВЫЕ
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (1945–1947):
ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ**

Кузбасский государственный технический университет,
г. Кемерово
e-mail: brs.sait@mail.ru

В статье прослеживаются структурные изменения в составе лагерного сектора экономики Кузбасса. Анализируется производственная деятельность лагерных подразделений в различных отраслях экономики Кузбасса. Особое внимание уделяется вопросам эффективности их труда в важнейших отраслях экономики региона, определению значимости их труда в развитии региона. Статья написана на основе широкого круга источников, часть которых впервые введена в научный оборот. Показано, что в экономике Кузбасса труд заключенных использовался в послевоенные годы в виде контрагентских работ (поставки рабочей силы на производственные объекты хозорганов) и как самостоятельных специализированных производственных объединений с полным циклом изготовления продукции.

Ключевые слова: заключенные, лагподразделения, хозорганы, государственные задания, изделия, производственная деятельность, строительство, шахты.

В отечественной истории есть определенные страницы, тщательное изучение и осмысление которых в силу закрытости источниковой базы находит отражение в исторической науке много лет спустя. К таким малоизученным вопросам можно отнести изучение производственной деятельности лагерного сектора в экономике Кузбасса в первые послевоенные годы. Массовое пополнение рабочих кадров региона за счет различных категорий спецконтингента привело к существенному изменению и самого лагерного сектора. В настоящей статье дается анализ этих перемен в его производственной деятельности и структуре.

Плановые поступления в Кузбасс дополнительной рабочей силы, массовая демобилизация армии, перестройка экономики на мирный лад внесли существенные коррективы в производственную деятельность и структуру ИТУ региона. Сократилась численность заключенных в связи с амнистией по Указу Верховного Совета СССР от 7 июля 1945 г. На 1 января 1945 г. в лагерях ОИТК УНКВД по Кемеровской обл. содержалось 16 532 чел. (в СибЛАГ – 39 455 чел.) [1, с. 315]. За весь 1945 г. поступило 10 844 чел., убыло – 17 619 чел.; из них освобождено по амнистии 9203 чел., часть из них завербовалась на старательные работы в составе треста «Запсибзолото». Кроме того, в военкоматы и в военную промышленность было передано 2,3 тыс. чел., освобождено по окончании срока 4339 чел., вывезено за пределы области 1358, умерло 354 чел. На 1 января 1946 г. в лагподразделениях значилось 9748 заключенных. В течение 1945 г. лагерное население сократилось на 6775 чел.¹

В соответствии с Указом Совета министров СССР от 10 января 1947 г. в промышленность и другие лагеря было передано 8179 чел., что привело к резкому снижению численности работоспособных заключенных. Пополнение же из местных тюрем и поступивших этапов почти на 40 % состояло из физически ослабленных людей и инвалидов. Поэтому лагподразделения были вынуждены отправлять на работы хозорганов ослабленных заключенных, что вело к резкому снижению выполнения норм выработки. Вывод людей на работу сдерживался в значительной степени отсутствием вещевого довольствия. Несмотря на неоднократные обращения в адрес 3-го управления ГУ-ЛАГ, зимнее вещевое довольствие для контингента было получено только в январе – феврале 1948 г.

В связи с сокращением лагерного населения были закрыты три контрагентские колонии (Юргинская, Старокузнецкая, Апхунская, всего – на 5,5 тыс. чел.) и четыре участка в других колониях (на 1 тыс. чел.). В первую очередь закрытию подлежали колонии хозорганов, которые систематически не выполняли договорные обязательства. Для возможного притока контингента было зарезервировано 4 тыс. кв. м жилья².

В соответствии с приказом НКВД СССР № 00699 от 15 июня 1945 г. лагподразделения ОИТК УМВД Кемеровской обл. были переименованы в колонии. Яйское отделение, в состав которого входила швейная фабрика, стало называться промышленной ИТК № 1, Тайгинский ОЛП – промышленной ИТК № 2. Аналогично были переименованы все ОЛП: Юргинский – в ИТК № 3, Кемеровский ОЛП № 1 – в ИТК № 4, Кеме-

¹ Архив ИЦ УВД Кемеровской области. Ф. 11. ОИТК. 1947.

² Там же.

ровский ОЛП № 2 – в ИТК 5, Гурьевский – в ИТК № 6, Новокузнецкий – в ИТК № 7, Старокузнецкий – в ИТК № 8, Ахпунский – в ИТК № 9³. На основании приказа УМВД по Кемеровской обл. № 85с от 30 декабря 1946 г. из состава Беловской ИТК № 6 выделилась самостоятельная Гурьевская ИТК.

Сократились объемы лагерного производства в составе лагподразделений ОИТК УМВД Кузбасса. Так, если в 1944 г. удельный вес продукции швейной фабрики составлял 80,5 % от всей продукции Яйской промышленной ИТК, то в 1945–1946 гг. – значительно меньше. Это связано с тем, что в III квартале 1944 г. у фабрики было изъято и отправлено в Рязань 300 швейных машин, а в I квартале 1945 г. – еще 150 отправлено в Иваново. Оставшийся машинный парк в результате многолетней напряженной работы (по 18–22 ч в сут) пришел почти в полную негодность. Износ машин составлял 75 %. После окончания войны резко сократились заказы на пошив обмундирования. Основным ассортиментом продукции фабрики вновь стал пошив вещдоловствия для ГУЛАГ МВД СССР, а также летнего обмундирования для нужд МВД СССР, летней и ватной спецодежды по линии Минторга СССР. А сама Яйская колония в соответствии с приказом МВД СССР № 0231 от 28 апреля 1947 г. была передана Севкузбаслагу.

Серьезные трудности в обеспечении лесом стала испытывать Тайгинская промышленная ИТК № 2, поскольку основной массив лесов в радиусе до 10 км был вырублен. Основным ассортиментом ее изделий стали стройдетали для домов, деревянные кадки емкостью 5–7 ведер, сапожные шпильки, шахматные доски и фигуры, домино в пеналах, конторские счеты, стулья, столы, табуретки, тарная дощечка. Некачественная древесина (большая сучковатость, несоответствие диаметру) явились причинами образования больших отходов. Вывоз леса с дальних отведенных участков сильно затруднялся плохим состоянием узкоколейки, изношенностью мотовоза и подвижного состава. Сказывалось и отсутствие вблизи ИТК необходимых лесосек и дефицит квалифицированных мебельщиков. В итоге отмечалось значительное недовыполнение плана по производству мебели и по лесоэксплуатации в 1946–1947 гг. Все попытки изменить профиль производства колонии, перевести ее на металлообработку, не дали должных результатов из-за отсутствия необходимого оборудования. Кроме того, значительная часть жилых, производственных и служебных помещений на территории ИТК, построенных еще в 1928–1933 гг., пришла в полную негодность или подлежала сносу. Отсутствие перспектив развития, необеспеченность сырьевой базой лагерного производства привели к закрытию промышленной ИТК, в ее лагподразделениях стал содержаться инвалидный состав.

Низкая производительность труда заключенных, сокращение лагерного производства и другие причины не позволили ОИТК УМВД Кемеровской обл. вы-

полнить производственный план 1947 г. Его работа была признана неудовлетворительной⁴.

Летом 1945 г. на ряде предприятий и шахт из-за наличия других категорий спецконтингента начинает угасать интерес к использованию труда заключенных. Несмотря на имеющиеся договоры, руководители как промышленных предприятий и шахт, так и лаготделений стали постоянно нарушать их условия, всячески затягивая своевременный ремонт и подготовку жилья к зимним условиям, задерживая вывод на работу или сокращая численность рабочих, обслуживающих предприятия Кузбасса⁵.

Особенно ярко это проявилось в угольной отрасли региона. Учитывая неэффективность труда заключенных, руководство комбината «Кузбассуголь» и треста «Куйбышевуголь» уже в 1946 г., надеясь получить рабочую силу в лице других категорий спецконтингента, представило в УНКВД Кузбасса заявление о расторжении договора на содержание и трудовое использование заключенных, в частности на шахте «Байдаевская». Но в силу ряда обстоятельств не получив обещанной ранее рабочей силы, руководство комбината 8 июня 1945 г. объявило о том, что поданное ими заявление утратило силу. Руководству УНКВД было предложено заменить находящихся в заключении Байдаевского лагеря 155 женщин физически здоровыми мужчинами, годными для подземной работы. Для поддержания работоспособности людей комбинат «Кузбассуголь» обязался выдавать дополнительное питание в виде второго горячего блюда и хлеба всему работающему в шахте спецконтингенту⁶. По его же инициативе в августе 1945 г. началось переоборудование лаготделения при шахте «Северная» треста «Кемеровоуголь», обслуживавшего подземную угледобычу. Помимо строительства культурно-бытовых объектов лагеря рабочие получили даже чистое постельное белье⁷. Данная инициатива и дополнительное питание для людей нашли отклик. Бригады заключенных, работавшие на угледобыче, стали победителями соревнования, дав сверх плана 9434 т угля⁸.

Из-за нерентабельности лагерного производства основное внимание стало уделяться контрагентским работам на основе заключения договоров с хозорганами. В августе 1946 г. был открыт лагпункт на прокопьевской шахте «Смычка», где на угледобыче уже работало 200 чел. [1]⁹. А на протяжении 1947 г. с разрешения ГУЛАГ было организовано уже шесть таких пунктов. Для работы на строительных объектах треста «Сталинскпромстрой» были созданы ОЛП № 1 (г. Таштагол) и ОЛП № 9 (г. Сталинск); на Гурьевском металлургическом заводе – самостоятельный ОЛП

⁴ ГА РФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2139. Л. 35.

⁵ ГАКО. Ф. Р-456. Оп. 5. Д. 4. Л. 15, 121, 140, 160, 236, 252 и др.

⁶ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 205. Л. 108.

⁷ ГАКО. Ф. Р-210. Оп. 6. Д. 46. Л. 234.

⁸ Архив ИЦ УВД Кемеровской области. Ф. 11. ОИТК. 1945.

⁹ Там же. 1945–1946.

³ Архив ИЦ УВД Кемеровской области. Ф. 11. ОИТК. 1945.

№ 7; для ведения работ на строительстве Южно-Кузбасской ГРЭС – ОЛП № 10 (г. Калтан); в пос. Артышта для обеспечения рабочей силой треста «Сибстройпуть» – ОЛП № 11; в Сталинске для треста № 3 Министерства строительства промышленных объектов – ОЛП № 12¹⁰.

Изменился характер использования труда заключенных и на металлургических предприятиях. В годы войны из-за недостатка рабочей силы на КМК, Гурьевском металлургическом заводе спецконтингент использовался на рабочих местах у станков и агрегатов в цехах. После окончания войны его привлекают только на разгрузочно-погрузочные, земляные и другие работы вне цехов, на строительство и в подсобное хозяйство – в основном крайне трудоемкий, физически тяжелый и низкооплачиваемый труд. Здесь требовался здоровый полноценный контингент 1–2-й категорий трудоспособности. На 1 января 1946 г. в контрагентских колониях находился 4601 заключенный, их них 2054 чел. 3-й категории и 372 чел. на индивидуальном труде. Использование их на указанных работах было весьма проблематичным¹¹.

В рассматриваемый период в Кузбассе появились новые, уже специализированные лагеря, их продукция предназначалась населению Кузбасса. Это было связано с тем, что в военные годы в области резко обострилась проблема жилья. Так, в 1946 г. в общежитиях комбината «Кузбассуголь» проживало 36,9 тыс. рабочих (84 % от общего числа работающих), а комбината «Кемеровоуголь» – 15,5 тыс. чел. (62 %)¹². Ситуация усугубилась и тем, что работающим мобилизованным немцам, репатриантам, «власовцам» разрешили вызывать семьи для совместного проживания.

Для устранения возникшей ситуации руководством области была разработана программа жилищного строительства, предусматривавшая ввод жилья в 1947 г. довести до 130–140 тыс. кв. м. Определенная роль в ней отводилась лагерному сектору, в промышленных подразделениях которого планировалось изготовление частей сборных домов. Особые задания отводились спецлагерям, организованным при трестах «Кемеровожилстрой» (г. Кемерово) и «Кузбассжилстрой» (г. Сталинск). В совокупности им надлежало построить и сдать в эксплуатацию 30 тыс. кв. м жилья для шахтеров, металлургов и химиков Кузбасса.

Деятельность этих лагерей началась практически с нуля. Почти весь I квартал 1947 г. ушел на создание подсобно-вспомогательных предприятий и цехов, комплектование небольших лагпунктов и стройучастков. Так, на 1 января 1947 г. в «Кемеровожилстрое» содержался 331 заключенный, а в «Кузбассжилстрое» – 2874. По мере развития строительства эти предприятия стали оснащаться строительной техникой и пополняться рабочей силой из числа заключенных. На

1 января 1948 г. их численность, соответственно, достигла 5109 и 10 184 чел. [1, с. 194, 214].

В своей производственной деятельности оба лагеря столкнулись с серьезными проблемами, особенно в обеспечении строительства лесом, другими стройматериалами. Освоение ряда стройплощадок пришлось прекратить из-за отсутствия документов на отвод земли. В результате сократились темпы и объемы строительства жилья. Часть рабочей силы, производственные мощности и строительная техника стали простаивать, резко снизилась производительность труда и качество выполненных работ, снизился заработок рабочих. Руководство лагеря требовало пересмотра заключенных договоров. Аналогичная ситуация сложилась и в «Кемеровожилстрое»¹³, поэтому оба лагеря были вскоре закрыты в соответствии с приказом МВД СССР № 0557 от 15 сентября 1948 г.

Вся их производственная база вместе с автопарком и строительной техникой передавалась в ведение стройорганизаций угольной, металлургической и химической промышленности региона. По итогам работы только Кузбасского ИТЛ для шахтеров и металлургов было построено более 2,2 тыс. индивидуальных домов и снята острота жилищной проблемы в регионе.

Тогда же были созданы и специализированные лесозаготовительные лагеря «Севкузбаслаг» и «Южкузбаслаг». Их появление вызвано тем, что действовавшие на территории региона лесозаготовительные тресты, имея слабую производственную базу и дефицит рабочих кадров, не могли в должной мере организовать снабжение лесом строящихся шахт. Отдаленность лесозаготовительных участков, ветхость жилья, плохие социально-бытовые условия, отсутствие квалифицированной медицинской помощи, недостаточно развитая школьная сеть, задержки выплаты зарплаты, тяжелый труд лесоруба – таков далеко не полный перечень причин, характеризующих большую текучесть рабочих кадров. Так, в отдельные годы она достигала, например, на Шушталепском лесокомбинате 1140 чел.¹⁴

Еще в 1945 г. силами заключенных началось строительство хозяйственной автодороги для доставки грузов к местам будущих лесозаготовительных участков. Дорога должна была простираться до тракта Тяжин–Центральный рудник и далее до устья р. Шалтырь – Кийский через Первомайский рудник и до устья р. Безымянка общей протяженностью 100 км. А затем предполагалось начать активное строительство рабочих поселков, служебных зданий и производственных помещений лесозаготовительных пунктов¹⁵.

Исходя из этого для полного и бесперебойного обеспечения шахт Кузбасса крепёжным лесом в соответствии с постановлением Совета министров СССР № 409 от 1 марта 1947 г. и приказом МВД СССР № 00241 от 4 марта 1947 г. на базе лесозаготовитель-

¹⁰ Архив ИЦ УВД Кемеровской области. Ф. 11. ОИТК. 1947.

¹¹ Там же. 1946.

¹² ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 201. Л. 122.

¹³ ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 173. Л. 345–345.

¹⁴ ТА ГУ ФСИН России по Кемеровской области. «Южкузбаслес». Годовые отчеты. 1938–1946 гг.

¹⁵ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 303. Л. 10.

ного треста «Южкузбасслес» 1 апреля 1947 г. был создан Южнокузбасский ИТЛ НКВД СССР («Южкузбасслаг»), а на базе треста «Севкузбасслес» и Анжерского механизированного лесопункта 10 апреля 1947 г. – Северокузбасский ИТЛ НКВД СССР («Севкузбасслаг»). В их ведение были переданы производственные мощности трестов, вся техника и оборудование, автомобильный и гужевой транспорт, рабочие кадры. Перед ними была поставлена задача в сезон осенне-зимних лесозаготовок вывезти 1620 тыс. куб. м леса, что на 61 % превышало заготовки сезона 1946/47 г. [3–5].

Таким образом, вся производственная деятельность лагподразделений УИТЛК Кузбасса в 1945–1947 гг. строилась на широком использовании труда заключенных в различных отраслях экономики региона как в виде контрагентской деятельности, связан-

ной с поставками рабочей силы хозорганам, так и самостоятельных специализированных производственных единиц, осуществлявших полный цикл изготовления продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник / Об-во «Мемориал». ГА РФ / Сост. М.Б. Смирнов, под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М., 1998.
2. Бужак В. Сиблоновская зона / Кузбасс. 1999. 13 апр.
3. Гвоздкова Л.И. История репрессии и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997.
4. Гвоздкова Л.И. Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30–40-е годы). Кемерово, 1994.
5. Муть А.А. Численность и состав заключенных Сибирского исправительно-трудового лагеря (1942–1960). Кемерово, 1997.

С.Н. АНДРЕЕНКОВ

ЦЕНОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА В 1953–1964 гг. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЭКОНОМИКУ КОЛХОЗОВ СИБИРИ*

Институт истории СО РАН, Новосибирск
e-mail: agro@history.nsc.ru

В статье рассмотрены предпосылки, этапы и особенности произошедших в 1953–1964 гг. изменений в системе и уровне государственных цен на заготавливаемую колхозную продукцию, а также результаты влияния ценовой политики на финансово-экономическую и производственную деятельность колхозов Сибири. Автор делает вывод о том, что пересмотр подходов к определению цен в целом позитивно отразился на колхозной экономике, однако не привел к ожидаемому росту объемов сельхозпроизводства во многом из-за слабой заинтересованности колхозников в труде в общественном хозяйстве.

Ключевые слова: колхозы, цены, ценообразование, заготовки, сельское хозяйство, Сибирь.

Интерес к обозначенной проблеме обусловлен необходимостью детализации процесса трансформации экономических отношений государства с колхозами, до конца 1950-х гг. являвшимися базовым типом сельхозпредприятий, а также определения особенностей функционирования аграрного строя Сибири. К изучению темы побуждает ее весьма фрагментарное отражение в современной историографии. Работы советских экономистов (К.И. Могильницкой, Т.И. Заславской, В.Р. Боева и др.) представляют значительную научную ценность, однако нуждаются в глубоком переосмыслении.

С момента создания и до начала 1950-х гг. колхозы развивались в условиях неэквивалентного обмена и являлись основной ресурсной базой для индустриального сектора. Сталинский режим стремился максимизировать количество получаемой в свои руки сельхозпродукции и минимизировать ее заготовительную цену. Уровень цен на продовольственные продук-

ты не обеспечивал восполнения и 15 % производственных затрат. Заготовительные цены на технические культуры покрывали в среднем 40 % себестоимости, на шерсть – 33 % (табл. 1). Обязательные поставки, являвшиеся основным каналом поступления колхозной продукции в государственные фонды, дополнялись ее фактически принудительной продажей по предельным закупочным ценам, которые на 20–25 % превышали заготовительные. Основной задачей госзакупа было изъятие «излишков» зерна, появившихся в деревне в урожайные годы. В 1952 г. более половины колхозного хлеба изымалось в порядке натуроплаты за услуги машинно-тракторных станций (МТС), размеры которой зависели от урожайности зерновых [1, с. 16–17; 2, с. 111].

Для того чтобы рассчитаться с государством по обязательным поставкам, колхозы до минимума сокращали фонды оплаты труда своих работников, обрекая их на полуголодное существование. Лучше обстояли дела в тех колхозах, которые в большом объеме производили технические культуры. Их можно было реализовывать в порядке контрактации по более высоким

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 07-01-00435 а.

Т а б л и ц а 1

**Динамика и уровень заготовительных цен на продукцию колхозов в СССР в 1929–1952 гг.
(без премий-надбавок, руб./ц)***

Продукция	1929 г.	1940 г.	1952 г.	1952 г. в % к 1929 г.	Доля производственных затрат, возмещаемых от ре- ализации продукции по це- нам в 1952 г., %
Зерно	8,0	9,0	9,7	121	7
Картофель	4,0	4,0	4,7	117	12
Подсолнечник	8,0	14,0	19,2	240	Нет свед.
Сах. свекла	1,0	2,0	6,0	600	21
Льноволокно	49	74	414	844	35
Хлопок-сырец	28	114	226	807	63
Молоко	7,0	14,0	27,0	385	11
Говядина	43,0	38,0	38,0	88	2
Свинина	Нет свед.		67,2	160	3
Баранина			Нет свед.	90	3
Яйца, тыс. шт.			199,0	550	15
Шерсть			1068,0	1050	33

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1605. Л. 6, 8, 11, 13, 21; Д. 1561. Л. 29, 32.

ценам. С 1950 г. за сверхплановые поставки этой продукции стали выплачиваться премии-надбавки. Основной объем натуральных и денежных средств колхозники получали от личных подсобных хозяйств (ЛПХ), которые имели мизерные размеры и облагались натуральными податями и денежным налогом [2, с. 59–78, 129–159].

В силу принудительного характера труда и крайне низкого уровня его оплаты колхозная система отличалась невысоким уровнем производительности. Тем не менее в чрезвычайных условиях Великой Отечественной войны она в целом показала свою эффективность, выполнив задачи тотальной мобилизации ресурсов для нужд обороны. За счет средств колхозов происходило и восстановление ослабленного войной народного хозяйства. Подъем сельхозпроизводства достигался путем мобилизации внутренних резервов колхозов без какой-либо существенной помощи государства. Вследствие этого в начале 1950-х гг. сельское хозяйство, исчерпав восстановительный потенциал, вступило в полосу стагнации. Кризис сельхозпроизводства стал перерастать в продовольственный.

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 г. привела к смене политического руководства в стране, а вместе с тем и к изменению подходов к проблемам развития аграрного сектора. Унаследовавшие верховную власть руководители намеревались повысить его производительность с помощью экономических стимулов. Первым и наиболее важным шагом на пути реализации этого курса, определенного на V сессии Верховного

Совета СССР в августе и на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1953 г., было увеличение заготовительных цен на колхозную продукцию. Вновь введенные цены дифференцировались по климатическим зонам. Повышение заинтересованности колхозов в увеличении объемов производства связывалось с использованием системы государственных закупок, которые стали проводиться по ценам, в 2–2,5 раза превышавшим уровень заготовительных цен (табл. 2).

Стимулирующее действие новых цен усиливалось снижением размеров обязательных госпоставок сельхозпродукции. В 1954 г. правительство установило для колхозов постоянные, значительно сниженные нормы сдачи животноводческой продукции и уменьшило погоктарные нормы зернопоставок. В этом году изменился механизм определения размеров натуроплаты за работы МТС. Она стала начисляться не по разрядам урожайности, а по твердым ставкам – за каждый вид работ [3, с. 36–37]. Эти меры должны были привести к увеличению количества продукции, которую колхозы могли реализовывать государству по закупочным ценам.

Повышение цен на сельхозпродукцию и снижение нормативов ее госпоставок способствовали росту доходности колхозного сектора. В 1953 г. дополнительный доход колхозов СССР от сдачи и продажи государству сельхозпродукции составил 8,1 млрд руб., в 1954 г. – 22,7 млрд, в 1955 г. – 25,3 млрд руб. Суммы вырученных средств, хотя и были намного выше уровня доходов в предшествующие годы, однако оказались недостаточно большими для того, чтобы экономика

Таблица 2

Заготовительные, закупочные и средние реализационные цены на продовольственную продукцию колхозов в СССР в 1954–1956 гг., руб./ц*

Продукция	Заготовительные			Закупочные			Средние реализационные		
	1954	1955	1956	1954	1955	1956	1954	1955	1956
Зерно	10		25	Нет свед.		80	Нет свед.		42
Картофель		10	34		30	51		20	40
Овощи		34	52		45	73		35	60
Молоко			55	120	129	144	78	85	98
Говядина	Нет свед.	131	150	Нет свед.	409	487	Нет свед.	220	260
Свинина	320	333	350	800	798	860	665	512	690
Мясо птицы		500			984			841	
Яйца, тыс. шт.		200			500			230	

* Составлена по: РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1605. Л. 41–42; Д. 1630. Л. 15, 16, 113; Д. 1561. Л. 5, 39.

хозяйств могла эффективно функционировать. Если реализация технических культур позволяла колхозам улучшить финансовое положение (себестоимость производства 1 ц семян подсолнечника в целом по стране составляла 65 руб., а средняя реализационная цена на него с учетом премий-надбавок – 163 руб.), то уровень цен на продовольственную продукцию все еще не обеспечивал восполнения производственных затрат. В 1955 г. в колхозах СССР сумма выручки от сдачи зерна возмещала только 23 % издержек, картофеля – 30, мяса – 14, молока – 22, яиц – 15, шерсти – 45 %. Из-за невысоких объемов производства сельхозпродукции большинство колхозов страны не имело возможности реализовывать ее по закупочным ценам¹.

Существенную долю урожая зерна колхозы по-прежнему поставляли МТС, ставки натуроплаты за услуги которых оказывались завышенными, поскольку рассчитывались от высоких показателей валового сбора. МТС стремились к увеличению натуроплаты за счет выполнения как можно большего объема работ, независимо от их необходимости. Излишки хлеба, появлявшиеся преимущественно у хозяйств целинных районов, изымались в порядке сверхплановых госзакупок. Например, в 1954 г. в Новосибирской обл. план хлебозакупа был увеличен на 24 %. Большую часть доходов, полученных от реализации сельхозпродукции, колхозы направляли на погашение задолженностей и осуществление обязательных платежей. При этом многим хозяйствам не удалось рассчитаться с долгами. По данным на 1 января 1955 г., колхозы СССР задолжали государству, различным организациям и своим работникам 22,7 млрд руб., на 1 января 1956 г. – 25,6 млрд руб. В 1954 г. колхозы РСФСР начислили каждому трудоспособному колхознику на трудодни в

среднем по 2120 руб., тогда как выплатили только по 737 руб. (в 1952 г. – 262 руб.). Самый высокий в РСФСР денежный доход от работы в общественном хозяйстве получили колхозники целинных районов Западной Сибири, где в связи с ростом объемов зернового производства значительная доля собранного хлеба поставлялась в порядке планового и сверхпланового госзакупа. В 1954 г. в Алтайском крае, Омской и Новосибирской областях каждому трудоспособному колхознику было выдано в среднем по 2019 руб. (в 1952 г. – по 290 руб.). Существенными оказались и размеры натуральных выплат. В этих регионах объемы выдачи зерна на трудодни были в 3 раза выше, чем в целом по республике. В остальных районах Сибири в 1954 г. отмеченные показатели также превышали общероссийский уровень, но не так существенно².

Более трети всех средств колхозники получали от ЛПХ, производственный потенциал которых заметно увеличился. В Алтайском крае в 1953–1955 гг. численность крупного рогатого скота в ЛПХ колхозников увеличилась на 21 %, свиней – в 9,4 раза, тогда как в колхозах поголовье этих животных сократилось, соответственно, на 7 и 2 %. В середине 1950-х гг. в Сибири ЛПХ населения производили 76 % всего картофеля, 56 % овощей, 54 % мяса и молока [4, с. 59, 65–66; 5, с. 235, 238, 240, 243].

В конце 1955 г. правительство, признав темпы развития колхозного сектора в 1953–1955 гг. неудовлетворительными, указало на необходимость принятия срочных мер по их ускорению. Сотрудники Планово-экономического управления при Министерстве сельского хозяйства СССР предложили в 1956 г. установить новые, более высокие цены на производимые колхозами продовольственные продукты. Вмес-

¹ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 32; Д. 1630. Л. 92–93, 109.

² РГАЭ. Д. 1561. Л. 27; Д. 1605. Л. 63; Д. 1630. Л. 35–36; Оп. 7. Д. 1326. Л. 75, 77; ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 6623. Л. 212; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1524. Л. 19, 25.

то нескольких каналов поступления продукции рекомендовалось использовать один канал – государственные закупки, осуществляемые по ценам, обеспечивающим не только возмещение производственных затрат, но и накопление средств для расширения хозяйства. Плата за услуги МТС должна была производиться в денежной форме и покрывать себестоимость работ³.

Отмеченные рекомендации в 1956 г. в полной мере не реализовались. Предложения по реформированию системы заготовок были отклонены как преждевременные. Принцип возмещения затрат и создания накопительных фондов соблюдался только при установлении заготовительных и закупочных цен на картофель и овощи, уровень которых был существенно повышен (см. табл. 2). Размеры натуроплаты за услуги МТС по возделыванию этих культур рассчитывались исходя из себестоимости⁴. Цены на другие продовольственные продукты в этом и следующем году существенно не изменились. Использование указанного принципа ценообразования при определении цен на всю колхозную продукцию было признано несвоевременным в связи с еще пока высокой себестоимостью ее производства. Введение экономически обоснованных цен в этой ситуации потребовало бы расходования больших финансовых ресурсов, возместить которые при существовавшем уровне розничных цен на продовольствие не представлялось возможным. Возвращению данных средств в госбюджет могло способствовать повышение розничных цен, однако вопрос о принятии этой меры на повестку дня не ставился, поскольку низкие и твердые розничные цены считались важным «завоеванием социализма». К тому же их увеличение заставило бы потребителей приобретать продукты питания у частных производителей. В связи с этим важнейшей задачей называлось повышение производительности труда колхозников и обеспечение за счет этого снижения производственных затрат до уровня действовавших заготовительных цен. В первую очередь производственные затраты следовало снизить в животноводстве⁵.

В рамках реализации этой установки правительство приняло ряд стимулирующих мер. В марте 1956 г. в целях повышения заинтересованности колхозников в высокопроизводительном труде правлениям колхозов было рекомендовано более широко использовать систему авансирования и выплат за перевыполнение планов. Для этого им следовало создавать специальные фонды, пополняемые за счет отчуждения четвертой части натуральных и денежных доходов хозяйства [6, с. 603–605]. Чтобы колхозы смогли реализовать данную задачу, а также располагать большими сред-

ствами для повышения уровня механизации производства, в марте этого года с них были списаны почти все задолженности⁶.

Проведение этих и других мероприятий по стимулированию труда и производства не привело к ожидаемым результатам. Заработок колхозника от работы в общественном хозяйстве оставался недостаточно высоким для того, чтобы вызвать у него заинтересованность в расширении производства. За несколько лет реформ он существенно не увеличился. Например, в колхозах Новосибирской обл. в 1954 г. сумма денежных начислений на оплату трудодней и дополнительных выплат колхозникам составила 410 млн руб., в 1956 г. – 419 млн, в 1957 г. – 356 млн руб.⁷ Плата за работу в колхозе была меньше зарплаты совхозного рабочего в 2–2,5 раза. Из-за этого производительность труда в совхозах была выше, чем в колхозном хозяйстве. В 1957 г. в совхозном секторе Сибири на производство 1 ц молока затрачивалось 1,9 человекодня, в колхозах – 2,5 [5, с. 444, 448]. Среднегодовой удой молока от одной коровы составлял, соответственно, 1848 и 1441 кг⁸. В связи с этим в колхозную систему стали более активно имплантироваться элементы совхозной формы организации производства (крупный размер хозяйства, централизованное управление, гарантированная денежная оплата труда). Безнадежно отстававшие колхозы с 1957 г. в массовом порядке преобразовывались в совхозы.

В 1958 г. правительство считало целесообразным осуществить ранее разработанные планы реформирования системы цен и заготовок. С этого года продукция колхозов стала поставляться только в порядке госзакупок. Обязательные госпоставки и натуроплата МТС были отменены. Установленные летом 1958 г. новые закупочные цены имели зональную и сезонную дифференциацию, могли повышаться или понижаться в зависимости от качества и сорта продукции, а также уровня урожайности. Они были выше средних реализационных цен (табл. 3), однако по-прежнему не обеспечивали полного возмещения затрат. Введение новых цен сделало выгодным производство зерна и технических культур, тогда как животноводство оставалось нерентабельным. В 1958 г. в РСФСР отношение выручки от реализации продукции растениеводства к ее себестоимости составляло 196,0 %, животноводства – 75,3 %, в Западной Сибири – соответственно, 221,7 и 75,3 % [7, с. 34–35]. Уровень рентабельности растениеводства мог оказаться выше, если бы вслед за повышением цен на его продукцию не последовало их понижение. В сентябре 1958 г. цены на зерно уменьшились в среднем на 13 %, на семена

³ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 4. Д. 1561. Л. 1–3, 6–7; Д. 1630. Л. 109–110.

⁴ Там же. Д. 1630. Л. 14–18.

⁵ Там же. Д. 1561. Л. 41.

⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 1630. Л. 21–24; Д. 2097. Л. 7 об.; Д. 2213. Л. 7 об.

⁷ Там же. Ф. Р-1406. Оп. 1. Д. 1917. Л. 8.

⁸ ГА РФ. Ф. А-310. Оп. 1. Д. 3179. Л. 27.

⁹ ГАНО. Сб. постановлений Совета министров СССР. 1958 г. С. 109.

Средние реализационные цены в 1954–1956 гг. и закупочные цены, установленные 1 августа 1958 г. для колхозов Западной Сибири (руб./ц)*

Продукция	Средние реализационные			Закупочные
	1954	1955	1956	
Зерно	84	57	62	73
Молоко	72	80	81	101–122**
Говядина	310	300	322	610–710**
Свинина	672	651	633	710–845**

* Могильницкая К.И. Роль цены в развитии экономики колхозов. Томск, 1965. С. 33.

** В зависимости от сроков продажи.

подсолнечника – на 15, на сахарную свеклу и картофель – на 10 %⁹.

Повышение уровня цен создало условия для роста производительности хозяйств. Однако из-за осуществленной в сжатые сроки передачи им техники МТС позитивный эффект от данной меры был сведен к минимуму. Колхозам пришлось направлять значительные средства на оплату стоимости и обслуживания полученных машин, цены на топливо и запчасти к которым возросли. В результате сложилось несоответствие между денежными затратами колхозов и количеством финансовых ресурсов, выделяемых государством для закупки их продукции. В связи с этим средства для расширения производства хозяйства черпали из фондов оплаты труда. Если в 1957 г. в колхозах Кемеровской обл. на трудодни распределялось 38,7 % всех доходов, то в 1958 г. – только 28,1 %¹⁰. Ситуацию усугубляла необходимость выполнения сверхплановых производственных и заготовительных заданий. Все это обусловило падение заинтересованности колхозников в работе на общественных полях и фермах, что в свою очередь стало одной из причин начавшегося в 1960 г. снижения показателей производства важнейших сельхозпродуктов. В 1960–1962 гг. средняя урожайность зерновых в хозяйствах Сибири была ниже уровня 1957–1959 гг. на 11,7 %, удой молока в Западной Сибири – ниже на 7 %. Сельское хозяйство было не в состоянии удовлетворить спрос на продовольствие. В Омской обл. в 1961 г. объемы централизованных продаж мяса к показателям 1960 г. составили 88 %, в 1962 г. – 107, молока – соответственно 97 и 100, животного масла – 96 и 76 % [5, с. 214, 371; 8, с. 156, 325; 9, с. 198].

Выход из тупика правительство увидело в повышении заготовительных цен на животноводческую продукцию колхозов. Убытки, которые вследствие этого должно было понести государство, решили возместить за счет доходов потребителей – путем повышения розничных цен. В мае 1962 г. заготовительная цена на мясо увеличилась на 35 %, на животное масло – на

10, на сливки – на 5 %. Розничные цены на мясомолочные продукты возросли на 25–30 % [10]. Эта мера кардинально не улучшила ситуацию в колхозном животноводстве, зато возмутила основную массу горожан и спровоцировала кровавые события в Новочеркасске летом 1962 г. Банкротство экономической политики в сельском хозяйстве послужило толчком к разработке в 1963–1964 гг. комплексной программы интенсификации отрасли.

Таким образом, произошедшие в 1953–1964 гг. изменения в системе и уровне цен на колхозную продукцию не привели к ожидаемому росту сельхозпроизводства по причине слабой заинтересованности колхозников в высокопроизводительном труде и непрочной экономической базы хозяйств. В то же время связанное с пересмотром принципов ценообразования увеличение уровня эквивалентности обмена между государством и колхозами, а также ликвидация механизмов внеэкономического принуждения к труду в целом позитивно отразились на доходах колхозников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Политика раскрестьянивания в Сибири. Новосибирск, 2003. Вып. 3.
2. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
3. Андреевков С.Н. Аграрные преобразования в Западной Сибири в 1953–1964 гг. Новосибирск, 2007.
4. Народное хозяйство Алтайского края: Стат. сб. Барнаул, 1958.
5. Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1960.
6. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. М., 1958. Т. 4.
7. Могильницкая К.И. Роль цены в развитии экономики колхозов. Томск, 1965.
8. Сельское хозяйство СССР: Стат. сб. М., 1971.
9. Народное хозяйство Омской области: Стат. сб. Омск, 1969.
10. Правда. 1962. 1 июня.

¹⁰ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 8. Д. 333. Л. 133.

С.Б. СУТУРИН

**ОПЫТ РЕФОРМИРОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1960–1980-е гг.**

Филиал Федерального государственного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
Сибирского федерального университета, г. Усть-Илимск
e-mail: uitgfu@mail.ru

Статья посвящена изучению исторического опыта реализации отдельных направлений последней советской хозяйственной реформы 1965 г. в промышленности Восточной Сибири в период до конца 1980-х гг. Предпринята попытка провести некоторые параллели с нынешним состоянием российской экономики в условиях перехода ее на рыночные отношения. Особый акцент сделан на таких проблемах, как пропорциональное развитие народного хозяйства, оптимальное размещение производительных сил, соблюдение комплексности в создании производственной сферы и социальной инфраструктуры в районах хозяйственного освоения, социальные и экологические последствия интенсивной индустриализации Ангаро-Енисейского региона.

Ключевые слова: размещение производительных сил, хозяйственная реформа, комплексное планирование.

Практика реформирования постсоветской России наглядно подтверждает, что для определения реальных перспектив, путей, форм и методов осуществления радикальных преобразований необходимо усвоение уроков из нашей истории, знание как позитивных, так и негативных явлений общественно-политической и социально-экономической жизни недавнего прошлого. Особый интерес в этом плане представляют изучение и осмысление опыта хозяйствования в районах Восточной Сибири, ставшей в рассматриваемый период регионом интенсивного индустриального освоения. Последняя четверть века советского периода, начиная с экономической реформы 1965 г. и заканчивая перестройкой второй половины 1980-х гг., характеризовалась попытками коренных переломов в механизме хозяйствования. Среди разноплановых факторов на промышленное развитие Сибири в целом решающее влияние оказывали два момента: с одной стороны, политическое давление, оказываемое правящей КПСС, а с другой – односторонний технократический подход министерств и ведомств к освоению природных ресурсов. Именно они привели к огромным диспропорциям в размещении производства и социальной сферы, способствовали возникновению механизма торможения в дальнейшем развитии производительных сил. Чрезмерное наращивание производственных мощностей, расточительное природопользование в регионе породили большое количество социальных, экологических, демографических и других проблем.

Центральным звеном советской планово-распорядительной экономики и ее системы управления являлось планирование, считавшееся главным рычагом и регулятором обеспечения и совершенствования основных пропорций народного хозяйства, улучшения размещения производства на территории страны и комп-

лексного развития экономических районов. Новая система планирования и экономического стимулирования, предусмотренная реформой 1965 г., должна была обеспечить оптимальное сочетание централизованного государственного планирования с широкой хозяйственной инициативой предприятий, стабильность плановых заданий, тщательную увязку всех показателей плана с необходимыми ресурсами. В связи с этим намечалось проведение в жизнь таких принципов и методов планирования, как компетентность и объективность, учет всех условий, включая субъективные факторы и местные условия, соблюдение последовательности в развитии, планирование не от достигнутого, а с учетом общественных потребностей и экономических возможностей, кроме того, планирование в показателях, связанных с потребностями и интересами общества, обеспечение максимального использования всех резервов производства с соблюдением социальных условий – все это и представляло собой комплексное планирование.

Анализ реализации данного направления реформы показывает, что с самого начала имели место самые разнообразные нарушения бесперебойности функционирования предприятий. Это и слабая ответственность смежников, приводящая в конечном счете к нарушениям сроков выпуска запланированной продукции, и перегруженность производственных планов самих предприятий, и недостатки в планировании и управлении как по вертикали, так и горизонтали, и другие факторы объективного и субъективного порядка. Так, планирование себестоимости по проектным показателям с первого же дня работы предприятия стало чуть ли не нормой в деятельности центральных органов управления, хотя логика подсказывала, что в период освоения производства затраты и себестои-

мость продукции более высокие, чем на освоенном. То же касается и планирования, опирающегося на неотработанные технологии. Именно об этом свидетельствует пример Селенгинского целлюлозно-бумажного комплекса, где не могли получить полуцеллюлозу с добавлением в сырье до 40 % лиственной древесины. Как результат – несбывшиеся в 1973 г. надежды предприятий-потребителей, связанных с данным производителем, на равномерные, обоснованные поставки картона [1].

Несоблюдение принципа комплексности в планировании и развитии сильно ударило по сооружаемым в Восточной Сибири индустриальным гигантам. Яркой иллюстрацией такого «близорукого» подхода давно уже служит Братский лесопромышленный комплекс (ЛПК) и весь Братско-Усть-Илимский территориально-производственный комплекс (БИТПК). Так, при сооружении Братского ЛПК вначале запустили в «оборот» основное производство (целлюлозно-бумажное) и лишь на заключительной стадии – предприятия первичного производства (лесопильный и фанерный заводы). В итоге введенные еще во второй половине 1960-х гг. начальные мощности использовались на рубеже 1970–1980-х гг. в среднем на 75–95 %, что ежегодно приносило убытки в 100 млн руб. [2]. Вместе с тем, чрезмерная концентрация на одной площадке крупных производств с быстро устаревавшими физически и морально технологиями вследствие затянувшегося освоения мощностей ЛПК создавало чрезвычайно напряженную экологическую ситуацию. Наконец, формирование социальной инфраструктуры (строительство жилищного комплекса с необходимыми культурно-бытовыми объектами, включая дошкольные учреждения, больницы, школы и т. д.) значительно отставало от темпов промышленного строительства. И это при том, что хозяйственное освоение северных и других районов Восточной Сибири представляло собой всесоюзные ударные комсомольские стройки, накладывавшие свой отпечаток на возрастную и социальную структуру рабочей силы. Ее молодежный состав требовал больше и жилья, и детских учреждений, и культурно-бытовых объектов, и спортивных сооружений. Самым молодежным городом в 1979 г. являлся Усть-Илимск, где доля молодежи в возрасте 24–29 лет составляла 40,1 %; в Братске и Железногорске-Илимском – третью часть населения [3, с. 463]. Мощные промышленные узлы требовали постоянного притока дополнительной рабочей силы, а жилищная проблема на протяжении всего периода формирования БИТПК оставалась наиболее острой и трудноразрешимой. Острота социальных проблем привела к резкому оттоку в первую очередь молодых трудовых ресурсов, и уже к концу 1980-х гг. доля молодежи, например в структуре северных городов Приангарья, сравнялась с областным показателем и составила в среднем около 24 % [3, с. 463]. В данном случае мы солидарны с мнением исследователей сибирских ТПК: их экономические и социальные «болевы точки» были заложены еще на этапе проектирования размещения основ-

ных и вспомогательных производств, когда в планах создания промышленных узлов уже проглядывался существенный разрыв между уровнем развития индустриального потенциала и социальной сферы.

Тем не менее в рассматриваемый период перспективное планирование перешло в более высокую стадию, что вылилось в составление комплексных планов социально-экономического развития предприятий, производственных объединений, районов, городов, областей и даже целых регионов. Коснулось это и Восточной Сибири. На местах региональные партийные органы приступили к активной реализации данной установки Центра. Так, при Читинском обкоме КПСС в начале 1972 г. был создан Совет по социальному планированию, а при горкомах и райкомах партии, а также на предприятиях – рабочие группы, которые осуществляли практическую работу по составлению комплексных планов развития коллективов¹. Например, после областной научно-практической конференции, посвященной данному вопросу, Ингодинским райкомом партии г. Читы стал изучаться опыт Ленинграда, Харькова, Новосибирска и Свердловска. Одновременно велся сбор и обработка фактического материала по району, организовывалась учеба партийного, советского аппаратов и хозяйственных руководителей. При составлении плана социально-экономического развития района на 1970-е гг. использовались материалы городской плановой комиссии и областного статуправления; обобщенные критические замечания, высказанные как на партийных собраниях, так и на собраниях трудовых коллективов (беспартийных в основной массе), Днях райкома и райисполкома. Кроме того, учитывались результаты анкетирования, которое провел горком ВЛКСМ на конференции молодых специалистов, а также анализ планов социально-экономического развития коллективов предприятий района. Следует отдать должное тому, что, несмотря на известный формализм, при планировании предпринималась попытка учесть ряд важнейших факторов. Среди них особое место занимали повышение роли трудовых коллективов в управлении производством, новые требования, вытекавшие из условий развернувшейся НТР, возросшие экономические возможности в результате расширения и углубления хозяйственной реформы. Все это определяло, в конечном итоге, структуру, содержание и главные направления плана.

Такого рода мероприятия по разработке планов претворения в жизнь реформы воспринимались на местах как истинное начало перемен в экономической политике. Поэтому трудовые коллективы возлагали большие надежды на то, что благодаря реформе появятся огромные возможности для изменения положения дел на предприятиях к лучшему. Отсюда понятен тот энтузиазм, который они проявили в самом начале ее осуществления. Неслучайно из всех советских пятилеток наивысшие показатели приходятся на 1966–1975 гг., т. е. на восьмую и девятую пятилетки. Отме-

¹ ГАЧО. Ф. 3 п. Оп. 21. Д. 20. Л. 15.

ченные выше моменты были характерны не только для Читинской обл., но и для Красноярского края, Бурятии, Тувы, Иркутской обл. В Ингодинском районе г. Читы произошли разительные перемены в промышленном развитии. В течение восьмой пятилетки выпуск промышленной продукции за счет роста производительности труда составлял 50 %, но уже в 1971 г. – 91, в 1972 г. – 98 %, а в 1973 г. – весь прирост продукции².

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР (февраль 1971 г.) «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971–1980 годах производительных сил Красноярского края» [4, с. 7] здесь перспективное планирование вошло в историю сначала как «первая красноярская десятилетка»; затем была принята вторая десятилетка, рассчитанная на 1981–1990 гг. На их основе разрабатывались пятилетние и годовые планы экономического и социального развития предприятий, районов, городов. Трудовые коллективы добивались решения разнообразных задач: улучшения производственных показателей, условий труда и роста его производительности, совершенствования системы планирования и управления предприятиями, развития социальной инфраструктуры.

Одной из важнейших проблем, связанных с реализацией хозяйственной реформы, являлась (и продолжает оставаться острой и в настоящее время) проблема планирования и управления рациональным использованием природных ресурсов. По расчетам специалистов, комплексная переработка только минерального сырья при сравнительно небольших затратах позволяет увеличить потенциал добывающих отраслей более чем на 25 %. За годы 11-й пятилетки (1981–1985 гг.), например, общий экономический эффект такой переработки оценивался в несколько миллиардов рублей [5, с. 100–103]. Вместе с тем до сих пор далеко не везде применяются ресурсосберегающие технологии, слабо утилизируются отходы производства. Существовавшая в 1960–1980-е гг. система планирования и капитального строительства не побуждала отраслевые министерства как добывающей, так и перерабатывающей индустрии комплексно использовать сырье и производственные отходы, поскольку капиталовложения выделялись министерствами в расчете на прирост и восполнение мощностей по основным видам продукции. Отсюда – отрасль вынуждена была расходовать средства прежде всего по прямому назначению, а работа с отходами приобретала второстепенное значение.

По данным ВНИПИЭЛеспром, в 10-й пятилетке в стране образовывалось 95–100 млн куб. м древесных отходов, а для технологических целей использовалось только 30 % отходов лесопиления [6, с. 95–96]. Иркутский филиал Гипролестранса Министерства лесобумажной промышленности разработал проекты восьми сооружаемых леспромхозов, входивших в лесосырьевую базу Усть-Илимского ЛПК (вывозка с ле-

сосек таких отходов, как вершины, ветви и кроны деревьев). Но только в одном из них (Эдучанском ЛПК) в начале 1980-х гг. предусматривались сбор и переработка лесосечных отходов с поставкой полученной технологической щепы на ЛПК, однако и здесь сбор отходов не был организован. Причина проста: с самого начала в Усть-Илимском ЛПК оказалась нарушенной технологическая последовательность ввода в действие сопряженных мощностей. В 1980–1982 гг. введены мощности по производству 550 тыс. т товарной целлюлозы, сырьем для которой по проекту должны были служить низкосортная древесина и отходы лесопильно-деревообрабатывающего комбината с вводом его в действие в 1985 г. Таким образом, целлюлозу получали из высококачественной древесины, а вопрос комплексной переработки сырья откладывался на отдаленную перспективу. Аналогичная ситуация имела место и на лесопильных предприятиях Братского ЛПК, где ежегодно получалось до 300 тыс. куб. м опилок. В соответствии с проектом данные отходы предполагалось использовать в качестве сырья для гидролизного завода, сооружение которого также затянулось: при сметной стоимости 45,3 млн руб. на 1 января 1983 г. было освоено лишь 1,1 млн руб., а ввод первого пускового комплекса планировался в 1984 г. [6, с. 100–101]. Почти все опилки вывозились на свалку и сжигались, то же происходило и в Усть-Илимске.

Реализация крупномасштабной программы развития производительных сил Ангаро-Енисейского региона требовала увязки многих вопросов с природоохранной деятельностью. Однако сложившаяся командно-административная и ведомственная система ориентировалась на дополнительное вовлечение в общественное производство природных ресурсов без предварительной комплексной экспертизы оценки последствий реализации грандиозных народнохозяйственных планов и методики определения экономического и иного ущерба от воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду. Строительство мощных гидроэлектростанций и энергоемких промышленных комплексов, создание лесохимической индустрии и предприятий цветной металлургии и всемерное развитие сырьевой базы – вот далеко не полный перечень основных направлений директив, исходивших от ЦК КПСС и советского правительства в последнюю четверть века существования СССР. Восточной Сибири принадлежали (и продолжают принадлежать) ведущие позиции в развитии лесного хозяйства, в размещении здесь основных в стране лесодобывающих и перерабатывающих предприятий, включая лесохимическую индустрию. На долю Иркутской обл. и Красноярского края приходится 72 % лесного фонда Восточно-Сибирского экономического района, а самой высокой лесистостью среди других субъектов отличается Иркутская обл. – 78 % [7, с. 109, 111]. Такая концентрация лесных ресурсов выделяла лесопромышленный комплекс не только по объемам производства, но и по масштабам воздействия на природную среду. С интенсификацией индустриализации лесные богатства рас-

² ГАЧО. Ф. 3 п. Оп. 25. Д. 24. Л. 37.

считались в основном с технократической точки зрения, с позиции использования их в народнохозяйственном обороте, а это приводило, с одной стороны, к резкому их сокращению (вплоть до варварской вырубки лесов), а с другой – к нарушению экологического равновесия. Анализ состояния рек Приангарья за 20 лет интенсивного освоения лесов (1957–1976 гг.) показал уменьшение их водоносности; более 40 водоемов потеряли рыбохозяйственное значение; уловы рыбы в 1968–1976 гг. сократились в 3 раза, а хариуса – почти в 70 раз [8, с. 432].

Безудержная эксплуатация богатейших ресурсов Восточной Сибири, неоправданная концентрация вредных отраслей крупного промышленного производства на небольших территориях (в частности, в малых городах территорий нового хозяйственного освоения) привели к обострению экологической проблемы, связанной со значительным загрязнением и деформацией окружающей среды. Только в Братске в 1990 г. насчитывалось более 600 источников вредных выбросов [9, с. 172]. Несмотря на то, что основными загрязнителями воздушной атмосферы и водоемов (лесопромышленным комплексом и алюминиевым заводом) постоянно осуществлялись мероприятия по очистке выбросов, существенного оздоровления окружающей среды не произошло – как и прежде, ежедневный сброс промышленных стоков в Ангару через Вихоревку исчислялся тоннами. А в Красноярске, крупнейшем индустриальном центре Восточной Сибири, концентрация вредных веществ в воздухе в зоне действия предприятий превышала санитарные нормы от 6 до 50 раз [10, с. 112].

Строительство городских водоканализационных систем также значительно отставало от темпов промышленного развития, что вело к их перегрузке и загрязнению водоемов. В результате создания Братского водохранилища старые водоканализационные коммуникации Черемхово и Свирска подверглись затоплению; строительство новой сети, как обычно, затянулось, и в 1966 г. они оказались перегруженными на 40–49 %³. В Иркутске городские очистные сооружения в середине 1960-х гг. были перегружены на 144,4 %, что приводило к регулярным аварийным сбросам⁴. Основные причины такого положения дел крылись не только в недостаточном финансировании данных объектов, но и в нецелевом использовании выделяемых капиталовложений. В Иркутске, например, в 1960–1980-е гг. в среднем на строительстве и модернизации очистных сооружений осваивалось от 45 до 61 % финансовых средств⁵, т. е. более половины их «экономилось». Все это отражалось на состоянии водоемов, увеличивая с каждым годом их загрязненность. По сравнению с промышленными предприятиями доля коммунального хозяйства в загрязнении водоемов выглядела «по-детски». Министерства и ве-

домства на природоохранные мероприятия, строительство и реконструкцию очистных сооружений, создание систем оборотного водоснабжения в районах формирования промышленных узлов выделяли довольно-таки солидные капиталовложения. В Красноярском крае, например, на эти цели за годы 9-й пятилетки было израсходовано 114,5 млн руб., а в 10-й пятилетке – 220,1 млн руб. Однако из 108 природоохранных мероприятий, запланированных в 9-й пятилетке, полностью было выполнено лишь 46, а в 10-й – соответственно из 178 лишь 82 [10, с. 119]. Таким образом, направляемые средства не всегда использовались по назначению, не приносили должной отдачи и не приводили к радикальному изменению экологической обстановки.

Поднятые в настоящей статье сюжеты далеко не исчерпывают весь круг проблем, которые спустя почти 20 лет снова стоят на повестке дня в условиях «рыночной» России. Новые государственные структуры, начиная с приватизации и разгосударствления в 1990-е гг., по существу переняли, а затем и передали «по наследству» авторитарную модель управления новым бизнесменам-предпринимателям, причем по некоторым параметрам еще в более радикальной, а то и криминальной форме. По данным М.А. Шабановой, управленцы советского периода составляют в регионах 60 % губернаторского корпуса [11, с. 41]. Исторический опыт недавнего прошлого ничему не научил современных руководителей разного ранга и уровня, что подтверждает, в частности, обострение ситуации в связи с завершением строительства Богучанской ГЭС. Тех, кто обладает властными и финансовыми рычагами управления, давления и воздействия, мало волнуют и экологические последствия воздействия ГЭС на природную среду, социальные проблемы местного населения Красноярского края и Иркутской обл., не интересуют их сохранение археологических и исторических памятников общенационального достояния, альтернативные варианты реализации проекта и другие вопросы. Местные власти уже не пытаются бороться за «народные интересы» и «общечеловеческие ценности», а заняты решением самого большого для них вопроса: сумеют ли они «выбить» какую-нибудь компенсацию за все негативные «издержки производства» [12, с. 385–386].

ЛИТЕРАТУРА

1. Социалистическая индустрия. 1974. 15 янв.
2. Цыкунов Г.А. Братско-Усть-Илимский комплекс: история, проблемы и перспективы. Братск, 1995.
3. Кудряшова А.Р. Социальная структура населения молодых городов Восточной Сибири в годы перестройки // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2008.
4. Федирко П.С. Из опыта краевой партийной организации по руководству комплексным развитием производительных сил // Вопр. истории КПСС. 1981. № 3.
5. Левзнер М.Е. Недра необходимо использовать рационально // ЭКО. 1985. № 7.
6. Иваненко А.И., Суханов Г.Я. И это – плановое использование древесины? // ЭКО. 1984. № 1.

³ ГАИО. Ф. Р-1933. Оп. 6. Д. 41. Л. 45.

⁴ Там же. Ф. Р-1827. Оп. 1. Д. 29. Л. 82.

⁵ ГАНИО. Ф. 127. Оп. 109. Д. 57. Л. 6.

7. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Иркутской области: В 2 т. Иркутск, 1998. Т. 1.

8. Паиков К.И. Некоторые особенности лесопользования и их влияние на окружающую среду в Байкальском регионе в 1950–1970 гг. // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2008.

9. Букин С.С., Долголюк А.А., Цыкунов Г.А. Экология и общественное сознание жителей современного города // Социальная

сфера Сибири: тенденции и проблемы развития: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1992.

10. Цыкунов Г.А. Ангаро-Енисейские ТПК: проблемы и опыт (исторический аспект). Иркутск, 1991.

11. Шабанова М.А. Проблемы встраивания рынка в «нерыночное» общество // СОЦИС. 2005. № 12.

12. См.: Сутурин С.Б. К вопросу об управлении развитием промышленности в Восточной Сибири: исторический ас-

С.С. БУКИН, А.И. ТИМОШЕНКО

ФОРМИРОВАНИЕ ТПК СИБИРИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ*

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: bss@history.nsc.ru

В статье дается ретроспективная оценка территориально-производственных комплексов как специфической формы организации производительных сил. Определяется их роль в освоении восточных районов страны на различных исторических этапах, в решении общегосударственных социально-экономических и политических задач.

Ключевые слова: территориально-производственный комплекс (ТПК), региональная политика, механизмы реализации.

Территориально-производственные комплексы (ТПК) как специфическая форма организации производительных сил в последнее столетие и наукой, и практикой экономической жизни оценивается высоко. Считается, что ее использование дает возможность создавать эффективные территориально-производственные образования, в составе которых могут успешно функционировать и взаимодействовать элементы различных, но взаимосвязанных глобальных систем: экономической, демографической, природной и социальной. Формирование ТПК происходит на конкретной территории, в конкретное время, в результате достигается наибольший социальный и экономический эффект за счет комплексного и рационального развития всей производственной инфраструктуры, использования локальных природных (земельных, водных, сырьевых) и трудовых ресурсов. В отличие от отраслевого подхода к хозяйственному развитию, создание ТПК является пространственной формой организации производительных сил, в которой реализуются преимущества специализации, кооперирования, комбинирования различных элементов хозяйственной системы. Благодаря этому в идеале может быть достигнута комплексность во взаимодействии пространства, природы и человека.

Комплексный подход к организации производства и жизни населения на определенной территории крайне актуален для России. Он обусловлен обширностью ее пространств, удивительным природно-климатическим и цивилизационно-культурным разнообразием

районов, а также особым характером и значимостью взаимоотношений Центра и периферии, государственной власти и местного самоуправления. Эти факторы всегда активно влияли на региональную политику государства, которая наиболее ярко стала проявляться в последнее столетие с усилением внимания к развитию производительных сил регионов для решения важнейших стратегических задач страны.

В конце XIX в. российское правительство, возглавляемое С.Ю. Витте, пришло к выводу, что для будущего благополучия России необходимо комплексное развитие не только ее центральных и обжитых районов, но и периферийных, еще слабо вовлеченных в хозяйственную деятельность. В значительной степени это касалось восточных районов, которые составляли большую часть страны и были обильно наделены уже разведанными природными богатствами. Именно здесь для обеспечения устойчивого геополитического положения государства и его перспективного социально-экономического роста необходимо вести активное транспортное строительство, развивать хозяйственную жизнь, заселять русскими самые отдаленные районы [1, с. 338–340].

Последующие составы российских правительств продолжали рассматривать восточные районы как важный экономический и военно-стратегический ресурс государства. Советское правительство приняло эту эстафету. Идеи комплексного развития восточных районов нашли отражение в плане ГОЭЛРО, который разрабатывался в непосредственной связи с экономическим районированием, развернувшимся в стране в начале 1920-х гг. Такая работа, охватившая буквально все регионы, проводилась с целью учета местных возмож-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФГФ, проект № 08-01-00508 а.

ностей развития производительных сил СССР для того, чтобы наметить текущие и перспективные планы в условиях централизованного управления национализированной экономикой.

Эти намерения получили продолжение при разработке первых пятилетних планов и в Генеральном плане, рассчитанном на пятнадцатилетний период (1926–1941 гг.). В них отмечалось, что восточные регионы имеют все основания для комплексного подхода к социально-экономическому развитию, которое рассматривалось исключительно с точки зрения создания разного рода производств при обилии и разнообразии природных и сырьевых ресурсов.

Из всех идей перспективного производственного строительства в Сибири, высказывавшихся в этот период, выделялись два направления. Одно из них было более тесно связано с региональным развитием, так как предлагало переработку на месте различных продуктов сельскохозяйственного производства и обслуживание аграрной отрасли, вплоть до создания сельскохозяйственного машиностроения. Другое наметило обеспечить значительный прирост промышленной продукции (угля, металла, продуктов лесопереработки и лесохимии) для всесоюзных потребностей.

Реальным проектом, способным удовлетворить сторонников как первого, так и второго направлений, стала идея создания Урало-Кузнецкого комбината, которая разрабатывалась в течение ряда лет и была реализована в 1930-е гг. Она основывалась на комплексном использовании в хозяйственных проектах природных и минерально-сырьевых ресурсов Урала и Сибири и представляла первую попытку организовать в рамках двух регионов единый производственный комплекс. Его сибирская часть стала основой создания Кузнецкого ТПК, доказавшего свою эффективность в годы Великой Отечественной войны и в последующие десятилетия.

В предвоенные и военные годы проблемы комплексности отошли на второй план. На первый выдвинулось обеспечение на востоке СССР военно-стратегического тыла, строительство предприятий-дублеров военной промышленности, находящихся в европейской части страны, а затем введение в строй эвакуированных оборонных заводов. Задачам обороны было подчинено также формирование и развитие Урало-Кузнецкого комбината. И только в 1950-е гг. снова вернулись к проблемам комплексного освоения Сибири.

В это время еще с большей силой проявилась тенденция движения производительных сил на восток. В государственной политике по-прежнему преследовалась цель подчинить региональное развитие общегосударственным интересам, но сами регионы также накапливали социально-экономический и политический потенциал и начинали активно проявлять свою самостоятельность. Этому способствовали изменения в общем государственном управлении СССР и подходах к региональной политике.

Конкретно для краев и областей Сибири большое значение имел совнархозовский период (1958–1964 гг.), когда по инициативе партийных и советских

органов начали активно разрабатываться региональные социально-экономические программы. Руководители сибирских обкомов и крайкомов КПСС стремились обосновать необходимость комплексного развития своих регионов, всячески способствовали проведению в них научных изысканий, организации конференций по изучению производительных сил, а также старались добиться строительства на подведомственных территориях крупных промышленных предприятий союзного значения.

Крайкомы и обкомы КПСС в сотрудничестве с научными и проектными организациями выступали за организацию мощных территориально-производственных комплексов, активно взаимодействовали с отраслевыми министерствами, советами народного хозяйства административных экономических районов. С упразднением совнархозов эта тенденция не была утрачена. После возвращения к централизованно-отраслевому принципу управления партийные комитеты пытались по-прежнему влиять на формирование перспективных планов для своих территорий, входить с предложениями в правительство, министерства и особенно в Совет по изучению производительных сил при Госплане СССР (СОПС). Во второй половине 1960-х – начале 1970-х гг. от партийных и советских органов практически всех регионов Сибири в Госплан СССР были направлены обстоятельные записки о развитии производительных сил на перспективу, разработке генеральных схем развития народного хозяйства краев и областей [2, с. 71].

Существенное влияние на формирование принципов региональной политики в Сибири стало оказывать с конца 1950-х гг. Сибирское отделение АН СССР, научно-исследовательские институты которого активно включились в разработку сибирских проблем. В этом отношении примечательна роль Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП), который изначально, как и другие институты СО АН, создавался для решения фундаментальных проблем науки. Тематика его исследований связывалась с использованием в управлении экономикой приоритетных достижений кибернетики и математического моделирования. Однако уже в начальный период деятельности института стала проявляться потребность в разработке задач так называемого прикладного характера.

Создание ИЭиОПП СО АН СССР совпало с совнархозовской реформой, переходом к территориальному принципу управления экономикой. Руководство сибирских совнархозов и обкомов КПСС обращалось в правительственные структуры и научные учреждения с инициативой проведения комплексных социально-экономических исследований для разработки как перспективных планов развития своих регионов, так и совершенствования текущего народнохозяйственного управления, которое с проведением совнархозовской реформы требовало более ответственных и самостоятельных решений на местах.

Особое внимание уделялось районам нового индустриального освоения Сибири и Дальнего Востока,

где разворачивалось крупное энергетическое и промышленное строительство, а затем и производство. Вместе с тем материально-технические и особенно трудовые ресурсы здесь были крайне ограниченными. В этих условиях требовались другие методы и способы организации производства и управления.

Коллективом ИЭиОПП изучались основные проблемы эффективного хозяйственного и в целом социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока. Сотрудники института кооперировали свою работу с деятельностью других научных организаций, прежде всего СОПС, Центрального научно-исследовательского экономического института при Госплане РСФСР. Такая кооперация позволяла более успешно решать животрепещущие проблемы промышленного производства, а также вопросы перспективного развития производительных сил восточных районов страны, которые с методической и методологической стороны требовали других подходов по сравнению с европейской частью СССР, значительных по масштабам предплановых обоснований.

Результаты исследований нашли отражение в работе конференции по развитию производительных сил Сибири в мае 1969 г. в Новосибирске, в подготовке и проведении которой Сибирское отделение приняло самое активное участие. К этому времени за десятилетие, прошедшее после его создания, многое изменилось, произошла своеобразная переоценка ценностей. С открытием в Западной Сибири значительных запасов нефти и газа сюда переместился центр тяжести региональной социально-экономической политики, ибо в интересах народнохозяйственного комплекса страны в короткие сроки необходимо было создать в природно-климатических условиях Севера, с его малонаселенностью и неразвитостью производственной и транспортной инфраструктуры, новый крупный нефтегазодобывающий район.

Изучение ресурсного и социально-экономического потенциала Сибири принесло немало открытий и новых сведений, которые требовали новых стратегических решений и схем развития и размещения производства на территории Сибирского региона. На конференции в основных докладах, сделанных академиками М.А. Лаврентьевым, А.А. Трофимуком, А.Г. Аганбегяном и другими видными учеными СО АН СССР, рассматривались важнейшие проблемы развития и размещения производительных сил Сибири, которые рекомендовалось учесть правительственным органам при определении генеральной схемы социально-экономического развития СССР на длительную перспективу.

В ходе коллективного обсуждения подчеркивалось, что в стратегии освоения Сибири необходимо менять устоявшиеся стереотипы управления экономикой, активно использовать новые методы организации промышленности и строительства, технические и технологические решения, которые к минимуму сводили бы затраты живого труда, способствовали масштабному вовлечению в хозяйственный оборот природных ресурсов на основе комплексного подхода к их использова-

нию. Естественно, возникает вопрос: как предложения конференции реализовывались на практике? Историкам и экономистам в этом отношении еще предстоит провести исследования. Тем не менее можно заключить, что рекомендации ученых стали серьезно влиять на социально-экономическую политику. Так, определение и планирование более высоких темпов развития сибирской промышленности, особенно ее топливно-энергетического комплекса, по сравнению с другими регионами страны, нашло отражение в важнейших государственных решениях и документах в 1970–1980 гг.

На самом высоком государственном уровне было признано, что в районах нового индустриального освоения Сибири наиболее эффективно формирование территориально-производственных комплексов, прежде всего в районах масштабного энергетического строительства. Еще в 1930-е гг. высказывались идеи создания одновременно со строительством мощнейших сибирских ГЭС комплексов энергоемких предприятий – своеобразных производственно-энергетических комбинатов. Теперь, в связи с началом реализации Ангаро-Енисейской программы, эти идеи претворялись в жизнь. Научные расчеты и производственная практика доказывали, что в Сибири эффективно не только строительство крупных энергетических объектов, но и развитие энергоемких производств, включая электрометаллургию, химическую и лесохимическую промышленность. Доказательством являлось формирование и успешное развитие Иркутско-Черемховского и Братско-Усть-Илимского ТПК, несколько позже Саянского, продолжалась на новом уровне деятельность Кузбасского и Центрально-Красноярского производственных комплексов, которые получали дополнительные импульсы развития в связи с изменениями в государственной социально-экономической политике и усилением лоббирования местных интересов со стороны региональной политической элиты.

С открытием нефтегазовых месторождений в Западной Сибири стал рассматриваться вопрос о формировании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК). Это была масштабная и очень сложная задача для всего народного хозяйства страны. Для ее решения требовались огромные материальные и трудовые ресурсы, капитальные вложения, удваивавшиеся практически каждую пятилетку, коренное преобразование хозяйственной жизни Тюменской и отчасти Томской областей. Здесь с созданием ЗСНГК планировалось крупномасштабное хозяйственное строительство на обширной территории, неоднородной по своим социально-экономическим и природно-климатическим признакам. Формирование ЗСНГК охватывало территории четырех географических зон: Арктической, Ближнего Севера, Дальнего Севера и Южной. Причем стоимость строительных работ и жизни в Арктике в 3–4 раза отличалась от таких же показателей на юге.

Решение поставленных задач разделялось на несколько этапов, которые определялись эволюцией производственной структуры комплекса, начиная от геологической подготовки месторождений углеводород-

ного сырья к освоению, затем к его добыче, транспортировке и по возможности переработке. В 1966–1980 гг. сформировались две первые производственные зоны ЗСНГК – Средне-Обская и Северо-Тюменская. На их территории тогда осваивалось до 70 % капитальных вложений, расходуемых в ЗСНГК. Здесь в 1980 г. было добыто 92 % нефти и газа от общего объема добычи на территории комплекса¹.

Новый этап строительства Байкало-Амурской магистрали в 1970-е гг. поставил задачу формирования в прилегающих регионах целого ряда ТПК, первоочередным из которых планировался Южно-Якутский, что позволяло создать на востоке страны новую топливно-энергетическую базу благодаря вовлечению в эксплуатацию месторождений коксующихся углей и строительства Нерюнгринской ГРЭС. В 1976 г. стал строиться Нерюнгринский разрез мощностью 13 млн т угля в год, в 1977 г. – обогатительная фабрика по ежегодной переработке 9 млн т угля. В решениях XXV съезда КПСС было утверждено первоочередное в рамках сооружения Байкало-Амурской магистрали строительство железной дороги Тынды–Беркамит–Нерюнгри.

Создание Южно-Якутского ТПК имело огромное значение как для народного хозяйства СССР, так и для социально-экономического развития Якутии и всего северо-востока страны. Здесь не только образовался угольный комплекс производств, но и формировалась вся производственная инфраструктура, включая транспорт, энергетику, строительную индустрию. В ранее необжитых и слабо освоенных районах стали появляться сложные инженерно-технические сооружения, современные высокоэффективные предприятия, в том числе сельскохозяйственные, объекты коммунального хозяйства, связи, радио-телевещания и т. п. В суровых природно-климатических условиях в короткие исторические сроки возникли новые города и рабочие поселки.

В 1960–1970-е гг. создание ТПК органично вписывалось как в общегосударственную стратегию укрепления единого народнохозяйственного комплекса СССР, так и в политику развития регионов, которая в государственных политических декларациях того времени направлялась на выравнивание социально-экономических различий между ними.

На XXIII съезде КПСС (1966 г.), вскоре после упразднения совнархозов, был поставлен вопрос о необходимости рационального сочетания отраслевого и территориального управления экономикой, а также о совершенствовании экономического районирования, в основе которого должны находиться эффективные, с точки зрения развития единого народнохозяйственного комплекса СССР, территориально-производственные сочетания, жестко не связанные с границами административно-территориальных образований. Отмечалась также целесообразность перспективного планирования по отдельным ТПК, независимо от

отраслевой и административно-территориальной принадлежности их предприятий.

Эти важные вопросы совершенствования планирования и управления народным хозяйством обсуждались также на XXIV и XXV съездах партии, на которых ТПК получили признание как прогрессивная форма пространственной организации производительных сил, один из самых эффективных путей дальнейшего развития народного хозяйства. В выступлении председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина на XXV съезде КПСС говорилось, что в предстоящее пятилетие в решении региональных проблем главное стратегическое направление государственной политики связано с развитием ТПК, которые в ближайшей перспективе будут определять «лицо отдельных районов страны» [3, с. 56].

Наиболее значимыми признавались разработка и реализация программ ТПК в Сибири, где намечалось решение задач, важнейших для всего народнохозяйственного комплекса СССР. В специальных постановлениях ЦК КПСС и Совета министров СССР были даны поручения Госплану СССР разработать с участием советов министров союзных республик, министерств и ведомств, АН СССР программы по решению крупных региональных проблем, формированию и развитию важнейших ТПК. Сибирские ТПК обозначались отдельной строкой в планах на девятую и десятую пятилетки, в которых планировалось ускоренное развитие районов нового промышленного освоения по сравнению не только с показателями для всей Сибири, но и для европейской территории СССР.

В исторической ретроспективе сибирские ТПК, безусловно, показали свою социально-экономическую значимость, сыграли важную геополитическую роль. Они продемонстрировали возможности поэтапного, «очагового» хозяйственного освоения и обживания такой обширной и разнообразной по своим природно-климатическим характеристикам территории, как Сибирь. В последние десятилетия XX в. сибирские ТПК давали основной прирост производственного потенциала и промышленной продукции в регионе, имели более высокую производительность труда по сравнению со старопромышленными районами страны. Они достойно выдержали испытание временем. В 1990-е кризисные годы за счет углеводородов и металлов, произведенных на предприятиях ТПК Сибири, решались социально-экономические и политические проблемы не только региона, но и всей страны. С ними и в современных условиях связываются перспективы развития Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Витте С.Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1, кн. 2, ч. 1.
2. Территориально-производственные комплексы: опыт и проблемы формирования. Л., 1990.
3. *Косыгин А.Н.* Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976–1980 гг. М., 1976.
4. *Коновалов А.Б.* Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006.

¹ См. напр.: Государственный пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1971–1975 гг. М., 1972. С. 23, 257–259.

А.А. ДОЛГОЛЮК

**СОЗДАНИЕ СТРОИТЕЛЬНЫХ КОЛЛЕКТИВОВ
В ФОРМИРУЮЩИХСЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ
КОМПЛЕКСАХ СИБИРИ ***Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: dolgalal@mail.ru

В статье прослеживаются особенности комплектования кадров строительных организаций, созданных в районах нового промышленного освоения, рассматривается динамика социальных источников и форм пополнения трудовых коллективов, анализируются основные факторы, влияющие на текучесть их кадров. Выявляется, как на стабильности строительных коллективов сказывались оплата труда работников, их обеспеченность жильем, уровень развития социально-бытовой сферы новых городов и поселков.

Ключевые слова: Сибирь, строители, трудовые коллективы, источники и формы пополнения, текучесть кадров.

С начала колонизации Сибири русскими на огромной территории осваивались отдельные ареалы: сначала в бассейнах крупнейших рек, позднее вдоль Московского тракта и Транссиба. Именно в этой зоне со временем сформировались относительно крупные промышленные узлы.

Новый импульс в своем развитии они получили в годы социалистической индустриализации. А начиная с 1950-х гг. советское правительство приступило к еще более широкомасштабному освоению сибирских природных ресурсов. При этом изменилась стратегия экономического развития новых районов. На относительно компактных территориях реализовывались крупные народнохозяйственные проекты, имеющие общегосударственное значение. На основе использования основных видов природных ресурсов создавалась совокупность устойчиво взаимосвязанных производств различных отраслей экономики. Вслед за Кузбасским, Центральным-Красноярским и Иркутско-Черемховским территориально-производственными комплексами (ТПК) были сформированы Братско-Усть-Илимский, Средне-Обский, Северо-Тюменский, Нижне-Ангарский и Верхне-Ленский ТПК. В их развитие вложены многомиллиардные инвестиции, для освоения которых организованы сотни трудовых коллективов.

Комплектование кадров новых строительных подразделений в этих районах протекало на основе общих закономерностей, имевших место в стране. Вместе с тем проявлялись и особенности, характерные прежде всего для неосвоенных территорий Сибири и Севера. Если крупные промышленные объекты сооружались в таких местах, то строители часто оказывались в роли пионеров. Так было в Братске и Усть-Илимске, позднее повторилось при сооружении объек-

тов Байкало-Амурской магистрали, нефтепромыслов и трубопроводов Западной и Восточной Сибири. На местные трудовые ресурсы в районах нового промышленного освоения (РНПО) особо рассчитывать не приходилось. Поэтому строительные коллективы комплектовались преимущественно за счет мигрантов. При формировании ТПК в более обжитой местности руководство строительных управлений и трестов стремилось полнее использовать наличный кадровый потенциал, как это было в Иркутско-Черемховском и Саянском ТПК.

Формирование новых трудовых коллективов начиналось с создания крепкого профессионального ядра. В его состав входили, как правило, высококвалифицированные рабочие и инженерно-технические работники с большим производственным опытом, прибывшие с аналогичных строек. Многие опытные работники с Иркутской ГЭС переехали на строительство Братской ГЭС. Позднее Братскгэсстрой осуществлял организованную передислокацию части своих кадров на Усть-Илимскую и Богучанскую площадки. В конце 1960-х гг. среди строителей промышленных объектов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (ЗСНГК) оказалось много тех, кто ранее уже возводил сооружения нефтегазовой промышленности в Татарии и Башкирии.

Значительная часть высококвалифицированных работников прибывала на новостройки по переводу. Широкое использование этой формы пополнения кадров позволяло обеспечивать преемственность между давно сложившимися и создаваемыми трудовыми коллективами, особенно в тех случаях, когда в пределах отрасли планомерно перераспределялись большие группы трудящихся. Опыт, накопленный в этом отношении на сибирских новостройках, свидетельствовал о больших преимуществах такого способа пополнения новых коллективов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00508 а.

Помимо данного канала для комплектования кадров использовались и многие другие. Для новых производственных коллективов особо важное значение имели организованные формы пополнения персонала: оргнабор, общественный призыв, направление выпускников, окончивших профтехучилища, в высшие и средние специальные учебные заведения. Оргнабор широко использовался в 1930–1960-х гг., причем в строительстве даже в больших масштабах, чем в промышленности, поскольку в первой из этих отраслей доля неквалифицированного труда более высока.

Пришедший на смену оргнабору общественный призыв позволял получать кадры более квалифицированные, с довольно высоким общеобразовательным уровнем. В 1970-е гг. в организации общественного призыва произошли некоторые изменения. Комсомольско-молодежные отряды стали формироваться с учетом специфики трудовой деятельности, с организацией подготовки новых рабочих на местах комплектования этих отрядов. На место назначения прибывали уже слаженные производственные подразделения. Примерами таких коллективов были всесоюзные ударные отряды – имени XVIII съезда ВЛКСМ, прибывший на стройку Усть-Илимска в мае 1978 г., и имени Ю.А. Гагарина, направленный в Главсибтрубопроводстрой в 1983 г. Созданные на их основе бригады успешно трудились на новостройках.

Для сооружения промышленных и транспортных объектов Средне-Обского и Северо-Тюменского ТПК с конца 1970-х гг. использовался так называемый вахтовый метод. Тысячи рабочих, по преимуществу из других районов страны, доставлялись на объекты ЗСНГК. Численность вахтовиков росла до конца 1980-х гг., пока не наметилась тенденция снижения уровня добычи газа и нефти. В это время только в Тюменской обл. работала 81 тыс. чел., поступивших в регион по этому каналу. Пятуую часть из них составляли строители [1, с. 164].

Основной же формой комплектования кадров являлся вольный наем, по которому в коллективы вливалось, как правило, не менее половины всех пополнений. Причем его доля неуклонно повышалась по мере насыщения новых городов трудовыми ресурсами.

Строительные организации «черпали» ресурсы из всех социальных источников, значение которых со временем изменялось. На стройках Кузнецкого и Иркутско-Черемховского ТПК, начиная с 1930-х гг. трудились сотни тысяч заключенных и спецпереселенцев. В конце войны и в первые годы после ее окончания в качестве строителей использовались военнопленные западных армий, а позднее и японской армии.

После смерти И.В. Сталина масштабы применения принудительного труда в строительстве резко сократились. В трудовых коллективах быстро нарастала

доля вольнонаемных. В это же время резко возросла мобильность трудоспособного населения. Люди стали свободно и более активно перемещаться по стране, в том числе и в поисках работы.

Значение крестьянства, являвшегося в 1930–1950-х гг. основным источником пополнения индустрии, постепенно сокращалось. С каждым новым пятилетием крестьян становилось все меньше среди новичков строительных коллективов. Одновременно в их составе возрастал удельный вес бывших рабочих и служащих.

Важным источником комплектования кадров РНПО являлись военнослужащие, уволенные в запас из рядов Советской армии. Их роль особенно велика в пополнении коллективов всесоюзных ударных строек. Так, в 1970–1980-х гг. данный источник имел важное значение для комплектования кадров ЗСНГК. Например, для строительных организаций Главсибтрубопроводстрой его удельный вес с 4 % в 1971–1975 гг. вырос до 10 % в 1981–1985 гг. [2, с. 36].

Значение такого источника пополнения рабочих кадров, как учащиеся общеобразовательных школ, усиливалось в процессе освоения новых территорий и роста населения. Меньше, чем в освоенных районах, использовались выпускники профтехучилищ, поскольку сеть последних развивалась здесь медленно. Выпускники вузов и техникумов направлялись в основном для пополнения двух категорий работников – ИТР и служащих. Однако часто молодые специалисты из-за отсутствия вакансий или по каким-то иным причинам на некоторое время трудоустраивались на рабочие места.

Промышленные предприятия, возводимые в осваиваемых районах, отличались большими размерами, создавались для решения важных народнохозяйственных проблем. Для их сооружения требовались многотысячные коллективы. Как правило, коллективы предприятий росли очень быстро, несмотря на то, что формировались в труднедостаточных регионах. Численность строителей Братской ГЭС в течение первого, 1955-го, года достигла 6 тыс. чел. А еще через пять лет она составляла уже 30 тыс. чел. В Тюменской обл. за 1966–1970 гг. численность строителей увеличилась на 60 %, составив 83 тыс. чел. [3, с. 254]. Такой стремительный рост работников отрасли в значительной мере определялся развертыванием строительно-монтажных работ на нефтепромыслах Среднего Приобья.

Создаваемому в осваиваемых районах Сибири строительному производству требовались квалифицированные рабочие. Однако большинство в составе новичков, приезжавших на сибирские новостройки, составляла молодежь, не имевшая достаточной квалификации и опыта. Возникла необходимость в кратчайшие сроки организовать ее обучение по широкому кругу профессий. В условиях недостаточно развитой сети профтехучилищ основной формой

обеспечения строек квалифицированными кадрами стала их подготовка непосредственно на производстве. Система обучения в строительных трестах складывалась одновременно с формированием трудовых коллективов. Сложность ее создания заключалась в необходимости подготовки новых рабочих по самым разным специальностям. Так, на строительстве Братской ГЭС их обучение велось по 135 профессиям. Количество рабочих, ежегодно подготавливаемых на строительстве сибирских гидроэлектростанций, магистральных нефте- и газопроводов, исчислялось тысячами человек. Только в Братскгэсстрое за 1956–1970 гг. было обучено 79 тыс. чел. [4, с. 139].

Новостройки сибирских ТПК активно популяризировались средствами массовой информации, что позволяло в короткие сроки решать проблему привлечения трудовых ресурсов в эти районы. Однако использовались они здесь крайне нерационально. В условиях дефицита местных трудовых ресурсов сюда привлекалось значительно больше рабочей силы, чем требовалось. Среди важнейших причин завышенного спроса следует назвать относительно низкую квалификацию новых пополнений, их высокую подвижность, неэффективное использование персонала в связи с имевшимися недостатками в организации производства и труда. Особенно высокая текучесть наблюдалась в начальные периоды существования коллективов. В строительных организациях в первые годы она составляла, как правило, от 25 до 60 %. Затем текучесть постепенно снижалась и все же превышала общесоюзные показатели. Так, управлением Братскгэсстроя за первые 20 лет его существования было принято рабочих почти в 7 раз больше их максимальной численности на предприятиях и стройках в 1975 г. [2, с. 84; 4, с. 208].

Обратный отток кадров зависел и от объективных причин, таких как крайне неблагоприятные природно-климатические условия, и от субъективных. Очень часто строители принимали решение об увольнении из-за недостатков в организации труда. Но все же преобладающее влияние на текучесть кадров оказывали причины, связанные с удовлетворением материальных и культурных потребностей трудящихся, со слабым развитием социально-бытовой сферы новых поселений.

Непроизводительное строительство во всех формирующихся сибирских ТПК отставало от сооружения промышленных объектов. Это ощущали на себе геологи и строители-первопроходцы при освоении нефтегазовых месторождений Западной Сибири. Их обеспеченность жильем в 1966–1970 гг. не превышала и половины от действовавшей в стране нормы. Низким было качество возводимых домов, строилось много зданий временного типа. До середины 1966 г. в нефтяных и газовых городах – Урае, Нефтеюганске, Мегионе, Нижневартовске, Пунге, Игриме – не было ни одного капитально построенного дома, отсутствовали водопровод и канализация [5]. В Главсибтрубопроводстрое в середине 1970-х гг. основная часть жи-

лья располагалась в вагон-домах. Строители проживали в тесноте, в плохо обустроенных поселках. Немного лучшими были жилищные условия у строителей Главтюменьнефтегазстроя. Объемы ввода жилья здесь каждое пятилетие удваивались. В 1966 г. построено 101 тыс. м², в 1970 г. – 263, в 1975 г. – 512, в 1980 г. – 1 192 тыс. м². Постепенно росла обеспеченность жильем. В 1966 г. она составляла в главке 28 % от потребности, а к 1980 г. поднялась до 89 %, т.е. все-таки не достигла действовавшей стандартной нормы [6, с. 144]. Столь же острой оставалась в это время жилищная проблема в зоне Байкало-Амурской магистрали. Обеспеченность местного населения жильем была на четверть ниже, чем в целом по РСФСР. Плохим здесь было и качество жилого фонда. Примерно половина его располагалась во временках [7, с. 62].

Строители оказывались в худшем положении и после того, как начинали функционировать возведенные ими градообразующие промышленные предприятия. Значительная дифференциация в обеспечении жильем работников различных предприятий и отраслей становилась серьезным препятствием для стабилизации коллективов. Это объяснялось как размером средств, выделяемых для предприятий из централизованных источников, так и эффективностью их производственной деятельности, оказывающей прямое влияние на размеры фонда социально-культурных мероприятий и жилищного строительства. Так, по данным социологического обследования, проведенного сотрудниками Института истории, филологии и философии СО АН СССР в 1979 г., энергетики Братской, Усть-Илимской и Саяно-Шушенской ГЭС имели более благоприятные жилищные условия, чем строители Саяно-Шушенской ГЭС и сотрудники управления «Братскгэсстрой». Среди первых была значительно большей доля тех, кто проживал в отдельных квартирах, и соответственно меньшим процент арендаторов жилплощади в частных домах и живущих в общежитиях [8, с. 98]. Степень обеспеченности жильем очень заметно влияла на закрепляемость кадров. Так, в управлении строительства Братска потенциальная текучесть среди удовлетворенных жилищными условиями была в 2 раза ниже, чем у тех, кто ими не удовлетворен.

На закрепляемости кадров сказывалась и обеспеченность работников детскими учреждениями. Демографическая структура новых городов Сибири такова, что в них значителен удельный вес молодежи. Это определяло более высокий, чем в целом по стране, уровень заключения браков, а следовательно, и рождаемости. Показатели рождаемости в 1960–1980-х гг. в новых сибирских городах примерно в 1,5 раза превышали средние по стране. Такое положение приводило к тому, что именно на начальном этапе формирования городов и строительных коллективов ощущалась большая потребность в детских садах и яслях. Однако их в это время и не хватало. В дальнейшем нарастание темпов сооружения детских дошкольных учреждений в какой-то степени снижало остроту этой проблемы.

На строительстве Саяно-Шушенской ГЭС в 1967 г. детские дошкольные учреждения посещал лишь каждый третий ребенок, а в 1978 г. – уже две трети. Аналогичное положение наблюдалось в городах ЗСНГК. Здесь также ежегодно увеличивалось количество детских садов и яслей. Однако темпы прироста мест заметно отставали от быстро повышающейся потребности населения в них. Действующие на территории комплекса детские дошкольные учреждения оказывались перегруженными. В 1985 г. около 30 % рабочих Главсибтрубопроводстроя нуждались в устройстве своих детей в дошкольные учреждения. Недостаток детских учреждений ограничивал возможности использования женского труда. Часто невозможность устроить ребенка в ясли или детский сад вынуждала одного из родителей, чаще всего мать, оставлять работу.

На закрепляемость кадров в трудовых коллективах немаловажное влияние оказывало развитие других звеньев социально-бытовой инфраструктуры, поскольку лишь наличие полного комплекса условий для нормальной жизни гарантирует своевременное обеспечение рабочей силой и высокую приживаемость новоселов. Отставание в развитии непродуцированной сферы было главным препятствием в деле стабилизации строительных коллективов. По данным экономистов, 70 % покидавших Тюменский Север не устраивало что-либо в сфере социального обслуживания.

Важная роль в деле закрепления кадров отводилась заработной плате. На крупных сибирских новостройках размеры оплаты труда были, как правило, выше средних по отрасли показателей. Государственная политика в данной сфере предполагала установление такого уровня заработной платы, который позволял компенсировать удорожание жизни, социально-бытовые неудобства людей, их работу в неблагоприятных природно-климатических условиях. Материальное вознаграждение регулировалось доплатами по районному коэффициенту, северными надбавками за стаж непрерывной работы в организации, выплатами за мобильный характер деятельности и др. В целом выплачиваемые суммы были вполне достаточными для выполнения одной из важных функций – привлечения кадров в строительные тресты. На выполнение другой – повышение стабильности трудовых коллективов – они большого воздействия все же не оказывали.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство, связанное с доходами строителей. Повышенный уровень номинальной заработной платы в районах формирования ТПК не полностью обеспечивался необходимым запасом товаров народного по-

требления и бытовых услуг. Это существенно снижало ее стимулирующую роль. Несмотря на наличие удорожающих факторов, более высокие цены, объем товарооборота на душу населения оказывался сравнительно невысоким, что являлось следствием прежде всего недостаточного потребления основных продовольственных товаров. Так, в ЗСНГК потребление мясных и молочных продуктов, свежих овощей и фруктов было в 1,5–2 раза ниже норм, рекомендованных органами здравоохранения для этих районов. Сказывалось на уровне товарооборота слабое развитие сети торговли и общественного питания, сферы бытового обслуживания. В таких условиях большая часть денежных доходов трудящихся выступала в виде неудовлетворенного платежеспособного спроса.

Таким образом, многолетняя практика формирования строительных коллективов в осваиваемых районах Сибири свидетельствует о том, что государственная кадровая политика, проводившаяся в СССР в 1950–1980-е гг., оказалась недостаточно эффективной. В отношении районов нового промышленного освоения ее порочность заключалась в отсутствии существенных отличий от той, что реализовывалась в обжитых районах страны. Недостатки этой политики особенно заметно сказывались на решении проблемы стабилизации трудовых коллективов. Главным препятствием являлось медленное, не успевавшее за темпами увеличения численности населения жилищное строительство, а также развитие всех других сфер социальной инфраструктуры новых поселений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ямал в панораме российской истории. Салехард; Екатеринбург, 2004.
2. Алексеев В.В., Логунов Е.В., Шабанов П.П. Опыт решения кадровых проблем в нефтегазовом строительстве Сибири (на материалах Главсибтрубопроводстроя). Свердловск, 1987.
3. Капитальное строительство в РСФСР в 1966–1970 гг.: Стат. сб. М., 1971.
4. Долголюк А.А. Формирование трудовых коллективов Братско-Усть-Илимского ТПК. 1955–1980. Новосибирск, 1988.
5. Экономическая газета. 1966. № 47.
6. Паиков Н.М. Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1963–1980 гг. Томск, 1988.
7. Региональные особенности формирования и использования трудовых ресурсов. М., 1987.
8. Трудовые коллективы Сибири: проблемы формирования и развития. Новосибирск, 1985.

М.В. КОТЛЯРОВ

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА КПСС В ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ**Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: generationMK@yandex.ru

В статье изучается кадровая политика в организациях КПСС Западной Сибири в 1985–1991 гг. Автор делает вывод, что первоначально парторганизации пытались решить кадровые проблемы путем применения прежних номенклатурных методов. С 1987 г. начали распространяться выборы секретарей партийных комитетов на альтернативной основе. Демократические инициативы руководства КПСС были поддержаны «снизу», что стало важным фактором управляемости политическими процессами со стороны организаций КПСС.

Ключевые слова: кадровая политика КПСС, перестройка, Западная Сибирь.

Одним из важных направлений перестройки стало изменение кадровой политики КПСС. В номенклатурную систему управления партийными кадрами была внедрена норма избрания секретарей комитетов КПСС на альтернативной основе, что стало важным фактором развития демократических процессов в стране. Проблемы кадровой политики и реализации демократических новаций в кадровой сфере в партийных организациях обращали на себя повышенное внимание исследователей в конце 1980-х – начале 1990-х гг. [1–5]. И в настоящее время историки не обходят стороной данные проблемы. Заметный вклад в их изучение внес А.Б. Коновалов [6, с. 61–79, 136–165]. Новые факты, выявленные в центральных и западно-сибирских архивах, вместе с введенными в научный оборот материалами, позволяют представить целостную картину развития демократических процессов в партийных организациях.

А.Б. Коновалов отмечает, что к середине 1980-х гг. в номенклатурной системе управления кадрами развились многие негативные тенденции: обозначилось старение руководящих партийных кадров, чрезмерно увеличился их стаж работы в занимаемых должностях, утрачивалась управляемость номенклатурой вследствие постепенного расширения списков утверждаемых должностей [там же, с. 62].

Номенклатурная система дискредитировалась и по другим причинам. При подборе кадров, когда решения о назначениях принимал очень узкий круг людей, создавались условия для распространения таких явлений, как протекционизм, землячество, подбор на основе личной преданности. В среде партийных функционеров развились аппаратная иерархичность и чиновничество. Конформистское поведение в отношении вышестоящих партийных функционеров являлось характерным признаком профессионального партийного работника. В условиях атрофии внутривнутрипартийной критики и распространения политического конформизма среди рядовых коммунистов секретарский корпус превращался в группу лиц, «закрытых» для критики.

Первые годы перестройки (1985–1986) не принесли в кадровую политику КПСС значительных изменений. Решения пленумов ЦК этих лет, XXVII съезда КПСС (25 февраля – 6 марта 1986 г.), изменения в Уставе партии, принятые на съезде, не содержали реформистских императивов. Первоначально М.С. Горбачев не занимался проблемой реформирования партии, игнорируя различные инициативы своих помощников.

Тем не менее в 1985–1986 гг., когда была выдвинута задача осуществления стремительной социально-экономической модернизации, высшее руководство КПСС нацелилось на борьбу с рядом «пороков» в среде руководящих работников, которые, как казалось, угрожали затормозить преобразования. Административные меры были приняты в отношении пьянства. По другим проблемам был нанесен сильный пропагандистский удар. Генеральный секретарь ЦК КПСС часто призывал бороться со злоупотреблениями в среде руководящих работников, протекционизмом при подборе кадров, бюрократизмом в практике работы, развивать критику и самокритику. Одновременно ЦК КПСС инициировал обсуждение этих проблем в местных партийных организациях.

В 1985 г. состоялись пленумы Алтайского крайкома, Кемеровского, Новосибирского, Омского, Томского и Тюменского обкомов, посвященные вопросам работы с кадрами. На пленумах подверглись критике многие негативные тенденции в сфере подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров: слабая исполнительская дисциплина, увод от ответственности провинившихся руководителей, злоупотребление спиртными напитками, взяточничество, хищения, отсутствие коллегиальности при принятии важных решений.

Партийные организации Западной Сибири после этих пленумов активизировали работу с кадрами, усилили контроль над соблюдением норм партийного Устава. Чаще стали практиковаться отчеты на пленумах и бюро партийных комитетов, проведение собраний и аттестаций партийных кадров. Больше внимания уде-

лялось практике обсуждения кандидатов на ответственные должности и утверждения характеристик руководителей в первичных партийных организациях.

Однако усиление контроля над кадрами имело спорадический характер. На пленумах партийных комитетов, в отчетах партийных комиссий приводились примеры, которые показывали, что во многих местах не происходило положительных сдвигов в этом направлении. Активизация прежних форм работы с кадрами не улучшила функционирование номенклатурной системы. Основной причиной такого положения было то, что использовавшиеся методы носили аппаратно-бюрократический характер. Они не могли обеспечить повсеместное и жесткое усиление контроля, так как не нарушали сложившуюся систему взаимоотношений внутри номенклатуры.

Осенью 1986 г. М.С. Горбачев решил поддержать социально-экономические преобразования демократическими инициативами внутри самой партии. На пленуме ЦК КПСС 27–28 января 1987 г. были обозначены три направления демократизации кадровой политики. Во-первых, вводилась норма выборов на альтернативной основе руководящих кадров на предприятиях. Во-вторых, было выдвинуто требование усилить контроль над кадрами «снизу», путем развития гласности в работе руководящих органов. В-третьих, М.С. Горбачев в своем докладе высказал идею о конкурсном замещении секретарских должностей в партийных комитетах, которая, правда, не вошла в текст постановления пленума¹. Идея выборов секретарей местных партийных комитетов на альтернативной основе начинает реализовываться практически сразу после январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС.

Впервые выборы секретаря партийного комитета на альтернативной основе состоялись в Кемеровской обл. В начале февраля 1987 г. были проведены выборы из двух кандидатов на должность первого секретаря Ижморского райкома КПСС. Первым условием, позволившем реализовать новую норму, стало наличие в резерве на эту должность двух человек – председателя Ижморского райисполкома И.В. Малкова и директора совхоза «Ижморский» Г.В. Седых. Члены бюро Кемеровского обкома не смогли прийти к единому мнению в вопросе о том, какую кандидатуру нужно выдвинуть. Решающим фактором стала позиция первого секретаря обкома Н.С. Ермакова, который положительно отнесся к идее проведения выборов на альтернативной основе [7, с. 32–33]. Непривычность процедуры потребовала, чтобы пленум райкома вел первый секретарь обкома. В ходе пленума выступили несколько членов райкома, которые выразили свое отношение к кандидатам. Была сформирована счетная комиссия из 5 чел., членам райкома раздали бюллетени для голосования. В бюллетене нужно было оставить одну кандидатуру. При этом было оговорено условие, что если голосующий вычеркивал обе канди-

датуры, то был обязан вписать свою. Голосование прошло без проблем. За И.В. Малкова отдали свои голоса 29 членов райкома, за Г.В. Седых – 20. И.В. Малков стал первым секретарем Ижморского райкома².

Внедрение альтернативных выборов в партийных организациях Западной Сибири осуществлялось медленно. В Кемеровской обл. после успешно проведенного «ижморского эксперимента» за полтора года на альтернативной основе было избрано только два вторых секретаря в горкоме и райкоме области³, тогда как в 1987 г. сменилось 16 секретарей, в 1988 г. – 20⁴. В Томской обл. в течение 1987 г. на альтернативной основе был избран всего один первый секретарь райкома⁵, а сменилось за этот год семь секретарей⁶. В Новосибирской обл. процесс шел несколько быстрее: в 1987 г. на альтернативной основе было избрано четыре секретаря партийных комитетов, в 1988 г. – 19, при этом сменилось соответственно 37 и 30 секретарей⁷.

Можно назвать несколько причин, которые сдерживали распространение выборов на альтернативной основе в партийных комитетах. В первую очередь сказались противоречивость политики в отношении руководящих партийных кадров. На январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС требование выборов на альтернативной основе не было закреплено в постановлении. Первоначально альтернативные выборы не предусматривались в отношении секретарей ЦК КПСС. Без этого демократическое нововведение представляло собой некий политический и организационный паллиатив. Помимо этого, распространение выборов на альтернативной основе сдерживала значительная кадровая ротация. За 1985–1988 гг. в регионах Западной Сибири сменилось от 58 до 70 % секретарей горкомов и райкомов. Ротация, которую также инициировал М.С. Горбачев, как казалось, обеспечивала приток свежих сил. При этом она уменьшила поле для проведения выборов на альтернативной основе, так как в секретарском корпусе оставалось все меньше лиц, «засидевшихся» на своих должностях. Наконец, немаловажным был социально-психологический фактор. Лица, потенциально способные занять секретарскую должность в партийном комитете, часто отказывались от нее, так как не хотели идти на временную работу, терять свою квалификацию, значительную часть заработной платы. Играла свою роль боязнь лишиться расположения работников вышестоящих партийных органов, если кандидатуры не были с ними согласованы.

Вместе с внедрением выборов на альтернативной основе начал снижаться конформизм в отношениях между партийными работниками разного уровня и рядовыми коммунистами. Усиление критики в отношении руководящих кадров стало особенно заметно при про-

² Кузбасс. 1987. 8 февр.

³ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 63. Д. 10. Л. 27.

⁴ Там же. Оп. 60. Д. 91. Л. 60–75; Оп. 63. Д. 84. Л. 15–25.

⁵ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 26. Д. 154. Л. 6.

⁶ Там же. Л. 6–48.

⁷ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 108. Д. 121. Л. 1.

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС 27–28 января 1987 г. М., 1987. С. 31–34, 78.

ведении отчетов бюро и комитетов «по руководству перестройкой» на пленумах и собраниях, которые проходили осенью–зимой 1987 г. В ходе отчетов коммунисты гораздо чаще и жестче, чем прежде, критиковали бюро партийных комитетов, их секретарей, в том числе первых. В основном выражалось недовольство «командным» стилем работы и личными качествами секретарей – грубостью и нетерпимостью к возражениям.

Очередным этапом демократизации кадровой политики стала XIX Всесоюзная партийная конференция (28 июня – 2 июля 1988 г.), в резолюции которой было четко зафиксировано требование обеспечить выборы на альтернативной основе членов и секретарей партийных комитетов – вплоть до ЦК КПСС. После этого форума на выборах секретарей партийных комитетов начало прорываться недовольство местного партийного актива практикой назначения «сверху» партийных руководителей.

Подобное недовольство отчетливо проявилось на выборах первого секретаря Кемеровского обкома 17 ноября 1988 г. Политбюро ЦК КПСС рекомендовало пленуму обкома избрать первым секретарем А.Г. Мельникова, который занимал до этого должность первого секретаря Томского обкома. Он был избран, но из 123 членов обкома, участвовавших в голосовании, за его кандидатуру проголосовало всего 77 чел., против – 46. Некоторые голосовавшие «против» вписывали в бюллетень другие кандидатуры⁸.

Осенью–зимой 1988 г. произошло дальнейшее усиление критического нажима на руководящих партийных работников (в этот период как раз проводилась отчетно-выборная кампания в партийных организациях). Показательным стало то, что на областных и краевых отчетно-выборных партийных конференциях, которые проходили в декабре 1988 г., вектор критики повернулся в сторону регионального партийного руководства.

Особенно острая ситуация сложилась в Алтайской парторганизации. На краевой партийной конференции, проходившей 16–17 декабря 1988 г., первый секретарь крайкома Ф.В. Попов столкнулся не просто с критикой в свой адрес, а с проявлением оппозиции. Первый заместитель председателя исполкома краевого Совета народных депутатов, председатель совета краевого агропромышленного объединения В.И. Бивалькевич выступил против включения кандидатуры Ф.В. Попова в список членов Алтайского крайкома, за который должны были проголосовать делегаты конференции. Это предложение не прошло, но в ходе голосования за кандидатуру Ф.В. Попова было подано всего 305 голосов из 805 возможных⁹. Исследователь В.В. Сорокин считает, что В.И. Бивалькевич выражал мнение секретарей сельских райкомов Алтайского края [8, с. 241–245].

В 1989 г. противоречия между демократическими и номенклатурными принципами в кадровой политике проявились еще сильнее. Процедура выборов секретарей горкомов, райкомов и региональной партий-

ной элиты сильно усложнилась, так как приходилось согласовывать кандидатуры, которые выдвигали партийные комитеты разного уровня. Но если выборы на уровне горкомов и райкомов не приводили к серьезным конфликтам – возникавшие противоречия в процессе предварительного согласования удавалось сглаживать, то избрание региональных партийных руководителей часто вызывало недовольство коммунистов.

Многих членов партии не устраивали короткие сроки проведения выборов, некоторые требовали подробного ознакомления с программами кандидатов. Высказывалось предложение проводить выборы не на пленумах партийных комитетов, а на партийных конференциях или организовывать прямые выборы, в которых бы принимали участие все коммунисты той или иной области. Подобные требования возникли перед проведением выборов первого секретаря Новосибирского обкома, состоявшихся 30 октября 1989 г. (избран В.П. Муха), второго секретаря Омского обкома, первого секретаря Омского обкома, проходивших соответственно 4 ноября и 16 декабря 1989 г. (избраны соответственно Н.В. Журавлев и А.П. Леонтьев).

Беспрецедентная ситуация сложилась в конце 1989 – начале 1990 г. вокруг фигуры первого секретаря Тюменского обкома Г.П. Богомякова. На выборах народных депутатов СССР 4 марта 1989 г. Г.П. Богомяков, возглавлявший Тюменский обком с 1973 г., не получил мандат, что сильно подорвало его авторитет как руководителя областной парторганизации. Пленумом Ханты-Мансийского горкома КПСС, некоторыми первичными партийными организациями был поставлен вопрос о целесообразности пребывания Г.П. Богомякова в должности первого секретаря обкома¹⁰. Жесткая критика первого секретаря с требованием его отставки появилась в местной печати¹¹. Под давлением недовольства Г.П. Богомяков написал заявление об освобождении его от должности первого секретаря обкома. Пленум обкома, собравшийся 18 января 1990 г. для рассмотрения заявления, выявил глубокий раскол в областной парторганизации. Участники пленума разделились на две группы: тех, которые защищали Г.П. Богомякова и возглавляемое им бюро обкома, и тех, кто осуждал практику деятельности лично первого секретаря и бюро обкома. Возобладала последняя позиция, что в итоге привело к отставке всего состава обкома, включая членов бюро и секретарей. Исполнение обязанностей бюро было возложено на временное бюро. На областной партконференции 26 апреля 1990 г. работа обкома КПСС за отчетный период была признана неудовлетворительной¹².

В течение 1990 г. демократизация процесса избрания секретарей обкомов и крайкома сильно изменила прежде крайне формализованную процедуру. Расширился круг коммунистов, которые участвовали в обсуждении кандидатов на должность первого секретаря

⁸ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 66. Д. 67. Л. 25.

⁹ ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 148. Д. 57.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 158. Д. 931. Л. 92–99.

¹¹ Тюменская правда. 1990. 6 янв.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 159. Д. 1067. Л. 86.

ря регионального комитета. Обсуждение кандидатов шло в районных и городских парторганизациях, изучалось мнение коммунистов-депутатов областных и краевого Советов, членов местных и региональных парткомов старого и нового созывов. В результате вовлечения в обсуждение большого числа коммунистов количество кандидатов возросло. Процесс выбора первых секретарей региональных партийных комитетов сильно затянулся, так как выборы, как правило, проходили на региональных партконференциях. Наконец, новым явлением стало требование для кандидатов делать выступления, в которых они характеризовали свои профессиональные качества и взгляды по политическим вопросам [6, с. 240-241].

Подобное изменение процедуры избрания партийных руководителей ознаменовало пик развития демократических процессов в парторганизациях Западной Сибири. Однако демократизация избрания партийных руководителей, значительно увеличив участие местного партийного актива в принятии важных кадровых решений, не смогла повысить общую политическую активность коммунистов. Уже с осени 1990 г. характерными чертами партийной жизни стали отстраненность коммунистов от проблем местных парторганизаций и пассивное участие в партийных собраниях и пленумах партийных комитетов.

Таким образом, первоначально парторганизации пытались решить накопившиеся проблемы в сфере подбора, расстановки и воспитания руководящих кадров при помощи прежних номенклатурных методов. Но это не принесло значительных улучшений. С 1987 г. начали распространяться выборы на альтернативной основе секретарей партийных комитетов. Если в 1987–1988 гг. проведение выборов еще сильно контролиро-

валось со стороны вышестоящих партийных комитетов, то со второй половины 1989 г. на выборах стало проявляться недовольство партийного актива сохранением номенклатурных принципов расстановки кадров. Как уже было сказано, к концу 1989 г. в Тюменской обл. авторитет областного партийного руководства снизился настолько, что местный партийный актив смог инициировать его отставку. Тем самым демократические инициативы руководства КПСС были поддержаны «снизу». Однако в итоге это привело к снижению партийной дисциплины и уменьшению управленности политическими процессами со стороны местных организаций КПСС.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сажин А.И. Кадровая политика КПСС: история и современность. М., 1989.
2. Жданов Н.И. Демократизация кадровой политики КПСС в условиях перестройки: Опыт и проблемы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
3. Зенин Ю.Ф. Проблемы формирования партийного работника в современных условиях: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990.
4. Ризаев С.Р. Подбор, выдвижение и воспитание руководящих партийных кадров в условиях перестройки (на материалах КП Узбекистана): дис. в форме науч. докл. ... д-ра ист. наук. М., 1991.
5. Чадаев Е.Н. Работа с партийными кадрами в условиях обновления КПСС (1985–1990 гг.) (на материалах Приморской и Хабаровской краевых партийных организаций): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1991.
6. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово, 2006.
7. Костюковский В. Секретарь обкома // Николай Спиридонович Ермаков. Штрихи к портрету. Новокузнецк, 1999.
8. Сорокин В.В. Гибель громады. Барнаул, 2005.

О.Л. ЧЕРНОБАЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В 1990-е гг.

Сибирский институт международных отношений
и регионоведения, г. Новосибирск

Статья посвящена международному сотрудничеству Новосибирской обл. в 1990-е гг. Особое внимание уделено ее внешнеэкономическим связям в период либерализации внешнеэкономической сферы страны и активной интеграции регионов в международные связи с субъектами других государств ближнего и дальнего зарубежья. Обозначены основные направления заинтересованности иностранных государств в Новосибирской обл., а также крупные экономические и социальные проекты, выполнявшиеся областью и городом в содружестве со странами ближнего и дальнего зарубежья. Международные связи Новосибирской обл. в 1990-е гг. отличались высоким динамизмом. В структуре иностранных инвестиций преобладающая часть приходилась на прямые инвестиции. Сотрудничество осуществлялось с использованием разных форм, таких как товарообмен (экспорт/импорт), открытие совместных предприятий и представительства иностранных фирм и компаний, разработка различных инвестиционных проектов, участие и проведение торговых, строительных и других видов международных ярмарок.

Ключевые слова: международное сотрудничество, Новосибирская область, интеграция.

Международная деятельность на территории Новосибирской обл. в 1990-е гг. отличалась высоким динамизмом. Торговые отношения поддерживались более чем с 80 странами мира. Объем иностранных ка-

питаловложений в экономику до конца 1990-х гг. возрастал: в 1996 г. он составил, по данным областного государственного комитета статистики, 71,7 млн, в 1997 г. – 103,6, в 1998 г. – 186 млн долл. США.

В структуре иностранных инвестиций преобладающая часть приходилась на прямые инвестиции – наиболее эффективные для развития экономики. Большая часть вложений направлялась в пищевую промышленность, торговлю и общественное питание (90,3 % валютных и 92,3 % рублевых инвестиций соответственно), а также на поддержание объектов социальной сферы [1, с. 12].

Приоритет в рассматриваемый период получило развитие взаимовыгодных связей со странами дальнего зарубежья. На эти страны приходилось более 60 % объема внешнеторгового оборота области. В число лидеров входили США (внешнеторговый оборот в 1999 г. – 51 млн долл.), Германия (около 40 млн долл.), Китай (24,7 млн долл. в 1998 г.), Япония (более 12 млн долл.), Нидерланды, Франция, Италия. Достаточно активно развивалось сотрудничество с Канадой, Швецией, Норвегией, Израилем, КНДР и Республикой Корея, с Турцией, Индией, Австралией, Северной Ирландией, Монголией и др. [2].

В Новосибирской обл. функционировало более 600 совместных предприятий, в том числе 111 с участием инвесторов из КНР, 53 российско-американских, 42 с участием граждан и юридических лиц Германии и др. Были аккредитованы представительства десятков иностранных фирм и компаний (по данным 1998 г. – 38).

В сфере внешнеэкономической деятельности работало около тысячи организаций и предприятий Новосибирска и области, что составляло, по нашим оценкам, не более 10 % от общего их числа. Наибольший выигрыш от внешнеэкономической деятельности в дальнем зарубежье извлекали новосибирские предприятия и научные (научно-производственные) объединения Сибирский лазерный центр, Сибирский НИИ оптических систем, «ЭлСиб», завод «Труд», НовЭЗ, Новосибирский оловянный комбинат, Приборостроительный завод, Тяжстанкогидропресс, Сибэлектротяжмаш, «Электросигнал», АО «Металлические конструкции», стрелочный завод, Сиблитмаш, Сибэлектротерм, АО «НОВЗ-Союз», Новосибирский металлургический комбинат, Новосибирский авиаремонтный завод, завод «Экран», Сибтекстильмаш, Новосибирский лесокombинат, ОАО «Новосибирск-мебель», Институт ядерной физики, Институт катализа, Институт цитологии и генетики СО РАН, «Синар», строительная компания «Сибирь», обувная фабрика «Вестфалика», АО «ВИНАП» [3; 4; 5, с. 58; 6, с. 6, 25, 38].

Среди крупных экономических проектов, выполнявшихся нашей областью в содружестве со странами дальнего зарубежья, можно выделить программу строительства Новосибирской ТЭЦ-6 совместно с французским концерном «Буиг». Другой солидный проект, предполагавший укрепление продовольственной безопасности региона, был также разработан с участием французской стороны. Предусмотрен импорт в Новосибирскую область элитных высокопродуктив-

ных мясных пород скота в небольшом количестве, а также значительного (30–40 тыс. голов в год) племенного поголовья для укрепления генетической базы животноводческого хозяйства [7].

Менее значимые по социально-экономическому эффекту, но не менее важные в плане включения Новосибирской обл. в глобальную экономику совместные проекты – это изготовление турбогенератора мощностью 32 тыс. кВт ОАО «ЭЛСиб» при участии «Жемон Индустри» (Франция), выпуск современной упаковочной тары ОАО «Родина» и швейцарской фирмой «Элофф Ханссон АБ», производство ОАО «Бердский электромеханический завод» совместно с «Филипс» нового поколения электробритв и др. [8, с. 42].

Тесное сотрудничество в сфере экономики и международной торговли сложилось со странами ближнего зарубежья – Украиной, Белоруссией, Казахстаном, Молдавией, Узбекистаном.

В 1995 г. товарооборот составлял 4,3 % в общем объеме операций со странами СНГ, в 1997 г. он вырос до 13,1 %, а в 1998 г. достиг 15,9 %. За 9 месяцев 1999 г. товарооборот составил более 10 млн долл. США [9].

Важным дополнением торгово-экономического сотрудничества являлась разносторонняя гуманитарная помощь, получаемая Новосибирской обл. из различных зарубежных источников. Начиная с 1997 г. в рамках проекта совершенствования региональной социальной инфраструктуры Международный банк реконструкции и развития (МБРР) оказывал финансовую поддержку в восстановлении и строительстве 20 школ, четырех больниц, двух поликлиник, более 30 объектов водоснабжения и канализации, закупках оборудования для обезвоживания осадка на очистных сооружениях, приобретении ассенизационных и санитарных машин. Помимо кредитной помощи Всемирного Банка Новосибирская область получала регулярную поддержку со стороны Европейского Союза через комплекс разнонаправленных программ ТАСИС.

К 1999 г. в Новосибирской обл. было успешно завершено семь таких программ, еще 11 продолжают реализовываться. Среди них – проекты Энергетического центра, технической помощи государствам СНГ, содействия телекоммуникационному учебному центру, Образовательному центру по обучению лиц с физическими ограничениями, поддержки иностранных инвестиций (в том числе презентация Новосибирской обл. в престижном Европейском Деловом Клубе), реформы бухучета и аудита, учреждения факультета бизнеса в Сибирском независимом университете, программа «Инновационные центры и наукограды». О последней программе стоит дополнительно сказать то, что ядром ее выступает Инновационно-технологический центр (ИТЦ) технопарка «Новосибирск», созданный в 1997 г. Центру оказывалось покровительство со стороны Фонда Сороса [10; 5, с. 29; 4, 31 янв. 2001].

В течение ряда лет на территории нашей области осуществлялась программа «Помощь ради прогресса» под патронажем Департамента сельского хозяйства США. В 1999 г. жители области получили 5 тыс. т продовольствия. Продукты (растительное масло, рис, горох, сухое молоко и пр.) направлялись в стационарные учреждения социальной защиты, образования и здравоохранения – родильные и детские дома, больницы, дома ветеранов, школы-интернаты, а также частным лицам – в многодетные и неполные семьи, малообеспеченным и др. Кроме того, в план гуманитарной помощи были включены около 10 тыс. ученых и научных сотрудников СО РАН, преподавателей и студентов НГУ [11; 4, 18 окт. 2000].

В соответствии с инициативой правительства ФРГ управлением областного здравоохранения и «Обществом развития Новосибирск» в феврале 2000 г. было подписано соглашение о реализации пилотного проекта по выявлению и лечению больных туберкулезом в девяти городах и районах Новосибирской обл. В середине июля 2000 г. получены противотуберкулезные препараты на сумму более 270 тыс. марок.

Апрель 1994 г. ознаменовался тем, что АО «Транс-сибавиа» получило бизнес-план строительства в Новосибирске международного аэропорта, разработанный консорциумом американских компаний во главе с консалтинговой фирмой «Ernst & Young». Разработка проходила с апреля 1993 г., на что правительством США было выделено в общей сложности 270 тыс. долл.

11 апреля в Новосибирском аэропорту «Толмачево» было открыто представительство немецкой авиакомпании «Lufthansa», а его презентация была приурочена к началу регулярных рейсов из Новосибирска в Германию.

С 14 по 17 сентября 1994 г. в Новосибирске проходили международные выставки-ярмарки «Сиб-олимп-94», «Турсиб-94», «Сибдосуг-94», организованные «Сибирской ярмаркой», которая является официальным организатором промышленных выставок и ярмарок Всемирной ассоциации центров международной торговли [12, с. 14].

Универсальная ярмарка товаров для спорта «Сиб-олимп-94» была посвящена столетию олимпийского движения. В ней приняли участие более 60 поставщиков и дилеров из России, Германии, США, Швеции и др. Спектр предложений охватывал практически все, связанное со спортом. Выставка туристских и оздоровительных услуг «Турсиб-94» проводилась в четвертый раз, а большинство фирм было ориентировано на зарубежный туризм [13, с. 4].

С 20 по 22 сентября в Новосибирске прошли Дни немецкой экономики. Инициаторами проведения стали областная администрация и мэрия Новосибирска, а также правительство Германии. В состав немецкой делегации вошли сотрудники Министерства экономики, представители банков и консалтинговых фирм. В программу ярмарки включались семинары и консультации для участников и специалистов [14, с. 6].

В Новосибирске стал функционировать российско-немецкий дом, который способствует распространению немецкого языка и культуры. При Новосибирском государственном университете был создан немецкий исследовательский центр.

В мае 1995 г. Новосибирск посетил с визитом Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Дания в России господин Хенрик Рее Иверсен. Он встретился с главой администрации Новосибирской обл. И.И. Индинком. Состоялась деловая продолжительная беседа о перспективах сотрудничества датских и сибирских бизнесменов.

В июле 1995 г., по распоряжению администрации области, создается межвузовский совет по международному сотрудничеству при комитетах по внешнеэкономическим и межрегиональным связям и по науке, высшему и среднему профессиональному образованию, региональной научно-технической политике. Его задача – способствовать развитию дальнейшего сотрудничества и научной деятельности, интеграции новосибирских вузов. Совет анализирует состояние международного сотрудничества, координирует действия учреждений высшей школы и т. д.

В середине июля 1995 г. АО «Новосибирская городская телефонная сеть» (НГТС) подписала контракт с бельгийской фирмой Alcatel Bell о поставке телекоммуникационного оборудования на 35 тыс. номеров. Общая стоимость оценивается в 6,576 млн долл.

В том же году, с 12 по 14 сентября, в Новосибирске работала делегация ассоциации Корея – Россия – Дальний Восток – Сибирь. Цель визита – обсуждение вопросов экономического сотрудничества, укрепление научных связей. Новосибирская торгово-промышленная палата провела встречи делегации с заинтересованными представителями отечественного производства и науки. Тогда же в Новосибирске работали представители американского посольства. Цель – познакомиться с ситуацией в области и решить, нужно ли открывать в Новосибирске американское консульство. А с 22 по 26 сентября в городе находилась делегация бизнесменов 40 торговых фирм Тайваня.

В 1996 г. 11 фирм из США, Германии, Франции, Швеции открыли свои представительства в Новосибирске. Всего же в городе насчитывалось 38 отделений иностранных компаний из 14 стран [15, с. 23].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что международные связи Новосибирской обл. в 1990-е гг. развивались очень интенсивно. Международная деятельность отличалась высоким динамизмом. В структуре иностранных инвестиций преобладающая часть приходилась на прямые инвестиции.

Приоритетными направлениями сотрудничества оставались связи со странами дальнего зарубежья. В 1990-е гг. в Новосибирской обл. было открыто 600 совместных предприятий, аккредитовано 38 представительств иностранных фирм и компаний. В сфере внешнеэкономической деятельности работало около 1 тыс. предприятий Новосибирска и области.

Международное сотрудничество развивалось по целому ряду направлений, таких как экономическое сотрудничество, сотрудничество в области промышленности, сельского хозяйства, культуры, спорта, науки и образования. Сотрудничество осуществлялось с использованием разных форм, таких как товарообмен (экспорт/импорт), открытие совместных предприятий и представительств иностранных фирм и компаний, разработка различных инвестиционных проектов, участие и проведение торговых, строительных и других видов международных ярмарок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные показатели экономического и социального положения Новосибирской области 1995–1999 гг. Новосибирск, 2000.
2. Пресс-релизы Новосибирской областной администрации. Архив: 20.08.1998; 22.02.1999; 08.07.1999; 22.06.2000; 17.07.2000 / URL <http://www.nso.ru>
3. Пресс-релизы Новосибирской областной администрации. Архив: 26.10.1998; 18.03.1999; 28.10.1999; 06.03.2000; 13.06.2000 / URL <http://www.nso.ru>
4. Вечерний Новосибирск / URL <http://www.vn.ru>
5. Новосибирская область: Итоги и перспективы (1996–2001 гг.). Новосибирск, 1998.
6. Промышленность Новосибирской области: Статистический сборник, 1999 г. Новосибирск, 2000.
7. Ковалева Г.Д. Большой Новосибирск / URL <http://www.megansk.ru>
8. Новосибирская область: Итоги и перспективы (1996–2001 гг.). Новосибирск, 1998.
9. Пресс-релизы Новосибирской областной администрации. Архив: 10.02.1999; 23.09.1999; 17.12.1999 / URL <http://www.nso.ru>
10. Пресс-релизы Новосибирской областной администрации. Архив: 19.02.1999; 28.06.1999; 02.07.1999; 28.03.2000 / URL <http://www.nso.ru>
11. Пресс-релизы Новосибирской областной администрации. Архив: 22.06.1999 / URL <http://www.nso.ru>
12. Плотникова О.В. Новосибирск в системе международных отношений. Перспективы развития // Сибирский Международный. Новосибирск, 2001. № 3.
13. Бормотова Л. Саксония – Сибирь: прямой диалог бизнесменов // Деловая Сибирь. 1994. № 36.
14. Гамалей Т. Налоговые льготы привлекут иностранных инвесторов // Деловая Сибирь. 1994. № 37.
15. Шевцова М.А. Место и роль Новосибирской области в системе международных связей Сибири // Международное сотрудничество России и ее субъектов: история и современность. 2005. № 1.

Е.Г. ВОДИЧЕВ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.: ОПЫТ РЕТРОСПЕКТИВНОГО АНАЛИЗА*

Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: vodichev@history.nsc.ru

Статья посвящена истории научно-образовательного комплекса Сибири в период с 1950-х гг. до современности. В работе представлены ретроспектива академической, отраслевой и вузовской науки, а также сценарии их перспективного развития.

Ключевые слова: наука, образование, Сибирь.

Инновационная экономика, формирование которой стало официальным курсом стратегического развития страны, невозможна без оптимизации использования научно-образовательного потенциала. Однако такая задача вряд ли реализуема без «инвентаризации» особенностей его формирования и рефлексии в отношении реализованных в прошлом успешных сценариев развития, а также критической оценки неудач. Цель статьи заключается в исторической реконструкции ведущих трендов развития научно-образовательного потенциала Сибирского региона во второй половине XX в. в приложении к современным задачам, свя-

занным с формированием регионального сегмента экономики, основанной на личных знаниях.

В исторических и социологических исследованиях под научно-образовательным потенциалом понимается способность государства и общества обеспечить производство новых знаний, облеченных в форму, востребованную текущими и перспективными социально-экономическими, социокультурными и технико-технологическими практиками и стратегиями, а также трансляцию знаний, технологий и ноу-хау в системе образовательных институтов с учетом имеющихся ресурсов, возможностей и средств.

В данной статье основные акценты будут расставлены на оценке структурных и частично кадровых ресурсов. В исследовательское поле включены основные секторы советской системы организации науки – ака-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект 08-01-00506а. В основу статьи положен текст выступления на Научной сессии Общего собрания СО РАН 12 декабря 2008 г.

демического, отраслевой, вузовский, хотя и с различной степенью акцентировки.

К середине 1950-х гг. в СССР действовало более 4000 НИУ, из которых немногим более 50 % – в России. Вместе с тем, 1/3 НИУ (и более 60 % российских НИУ) были расположены в Центральном и Северо-Западном экономическом районах. Всего в Сибири к 1956 г. функционировало почти 250 НИУ различной ведомственной принадлежности, в которых было занято свыше 9,3 тыс. научных сотрудников, в том числе более 2,8 тыс. докторов и кандидатов наук [1, с. 122–133].

По числу учреждений доминировала отраслевая наука как гражданского, так и оборонного профиля. В отраслевых НИУ региона было занято около 82 % всех научных работников. В послевоенные годы толчок к развитию в СССР «большой науки» дала разработка новых видов вооружений. Именно в военно-технической сфере и начались изменения, приведшие впоследствии к смене акцентов в пользу формирования собственной технологической базы, основанной на полном цикле «наука – техника – технологии – производство» [2, с. 71–92]. Для решения военно-технических задач в СССР началось формирование системы территориально-производственных комплексов. Вокруг них создавались поселения специалистов и обслуживающего персонала. Подобные анклавные структуры, ответственные за подготовку специалистов, а также предприятия оборонных отраслей промышленности. В основе их организации лежала потребность в создании центров разработки опережающих технологий либо дублирующих научных комплексов и производств.

В конце 1940-х – 1960-е гг. на востоке страны научные комплексы такого рода особенно быстрыми темпами развивались в Уральском регионе. Что касается непосредственно Сибири, то образования подобного типа, включающие в себя крупные научно-исследовательские подразделения, формировались в Томске-7 (Северске), а также вблизи Красноярска – в Железногорске и Зеленогорске. Однако, несмотря на то, что такие центры существенно увеличивали вес восточных территорий в совокупном научном потенциале страны, они оказывались слабо включенными в систему экономических отношений регионов размещения. Помимо территориально замкнутых научных комплексов на востоке ускоренными темпами развивались и другие отраслевые НИУ оборонного характера. Как правило, они были «привязаны» к расположенным в этих же регионах базовым предприятиям ВПК.

Вместе с тем, в гражданских отраслях на востоке страны ощущался явный дефицит научного потенциала. Этот разрыв становился все более очевидным, поскольку удельный вес так называемых главных отраслей технического прогресса (машиностроения, электроэнергетики и химии) в структуре промышленности на востоке СССР быстро увеличивался. К рубежу 1950–1960-х гг. в стране в целом он составлял 32,1 %, а в Уральском, Западно-Сибирском и Восточ-

но-Сибирском регионах превышал эти показатели или приближался к ним [3, с. 20].

На востоке страны лишь академическая наука была представлена особой региональной подсистемой – филиалами Академии наук – Уральским, Западно-Сибирским, Восточно-Сибирским, Якутским, Дальневосточным и Сахалинским. Все филиалы с принципиальной точки зрения формировались и развивались в рамках единой научно-организационной парадигмы. В 1945 г. удельный вес восточных филиалов в общей численности научных сотрудников АН СССР составлял 6,7 %, а в 1955 г. – 7,7 %. В начале 1950-х гг. почти 90 % институтов АН СССР было сосредоточено в Москве и Ленинграде. К 1956 г. этот показатель сократился до 82 % за счет создания новых институтов в периферийных районах [4, с. 104]. В филиалах АН СССР на востоке страны велись не столько фундаментальные, сколько прикладные исследования. Тем самым академические филиалы хотя бы частично компенсировали недостаток научного обеспечения развития производительных сил восточных регионов.

Радикальное изменение парадигмы развития советской науки вообще и академической науки в частности было связано с формированием СО АН СССР. Итогом этого стало резкое снижение уровня централизации в структуре АН СССР. К середине 1960-х гг. доля Москвы и Ленинграда в общем количестве академических НИУ снизилась до 65 %, еще 15 лет спустя она составила лишь 40 %. Удельный вес Сибири (вместе с Якутией) по количеству НИУ АН СССР вырос более чем в 3 раза, достигнув уже к январю 1961 г. 20,5 %, а к середине 1960-х гг. – 28 % [5, с. 168]. В Сибири возник научный комплекс, превысивший по ряду характеристик научного потенциала ленинградскую группу институтов, бывшую до того второй по значимости в стране.

Опыт формирования комплексного научного центра АН СССР в Сибири подтолкнул процессы регионализации в отраслевых академиях наук. В 1970 г. было принято решение о создании Сибирского филиала АМН СССР с центром в Новосибирске. В 1979 г. филиал преобразован в Сибирское отделение АМН СССР (ныне – СО РАМН). В 1969 г. началось формирование Сибирского отделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина (ныне – СО РАСХН).

Региональные проекции в распределении сети высших учебных заведений оформились уже к середине 1950-х гг. К этому времени количество вузов на территории Сибири увеличилось до 58. Рост был впечатляющим – более чем на 75 % за 10 лет. Однако это не привело к радикальным изменениям территориальных пропорций. 50 % российских вузов действовали на территории Северо-Западного и Центрального экономических районов. В Сибири, в обеих частях региона, находилось не более 15 % от общего количества вузов [1, с. 104].

В размещении вузов в стране обращала на себя внимание центростремительная тенденция, хотя она

проявлялась не в столь резкой форме, как в академической или отраслевой науке. Логика территориального распределения вузов объясняется главным образом спецификой решаемых задач. Потребность в децентрации высшего образования проявилась раньше, чем в науке, и была выражена сильнее. Она определялась необходимостью насыщения территорий специалистами с высшим образованием. В особенности это касалось тех профессионалов, которые формировали общекультурную среду цивилизованной страны – учителей, врачей и т. п.

Общесибирские показатели структуры сети вузов были близки к средним по СССР и РСФСР, незначительно уступая им по доле вузов технического профиля и университетов, и значительно – по удельному весу вузов отрасли «экономика и право». Однако внутрирегиональное распределение вузов разного типа свидетельствовало о наличии больших лагун. Например, абсолютно преобладающая часть технических вузов располагалась в Западной Сибири, концентрируясь в таких городах, как Новосибирск, Томск, Омск. При этом уже с середины 1950-х гг. технические вузы становятся доминирующим сегментом в региональной системе высшей школы. И все же, хотя темпы роста технических вузов в Сибири обгоняли общесоюзные показатели, по ряду перспективных направлений подготовка кадров в 1960-х гг. существенно отставала от потребностей экономики. Освоение целинных земель дало толчок к развитию аграрных вузов. В 1950–1960-х гг. также заметно выросла сеть медицинских и педагогических институтов: они действовали почти во всех областных и краевых центрах Сибири.

Начиная со второй половины 1950-х гг. прилагаются усилия, направленные на повышение эффективности использования научного потенциала вузов. В 1956 г. принимается решение об открытии при ведущих вузах проблемных и отраслевых научных лабораторий. Они должны были стать основной формой организации научной деятельности в высшей школе. Количество специализированных НИУ в вузах региона быстро увеличивалось. Абсолютное большинство из них работало в вузах Западной Сибири, главным образом при ТГУ и ТПИ. При этих вузах, а также при Иркутском университете действовали и крупные НИИ, созданные еще в 1920–1930-е гг. Ярким примером взаимодействия «большой науки» и высшей школы стало сотрудничество НГУ и ННЦ СО АН СССР.

В 1960–1980-е гг. размещение вузов на территории Сибирского региона стало более линейным, особенно в Западно-Сибирском экономическом районе. Это произошло за счет снижения удельного веса старых вузовских центров Томска и Омска, а также Алтайского края, и быстрого роста новых – Кемерово и Тюмени. Сохранились и «пиковые» показатели Новосибирска в Западной Сибири, и Красноярского края, который существенно опередил прежнего лидера – Иркутскую обл. в Восточной Сибири. Но большая часть административных центров Восточной Сибири, таких как Кызыл, Улан-Удэ, Чита, Якутск, по-прежнему

представляла собой периферийный, с точки зрения развития вузовской сети, регион.

Обращает на себя внимание тот факт, что в 1970-е гг. университетское образование в Сибири развивалось быстрее, чем в стране в целом. В регионе открылось сразу пять университетов. Западная Сибирь стала единственным в стране регионом, где в каждой республике, области и крае имелись свои университеты. Они были призваны не только повышать имидж областного или краевого центра, но и способствовать комплексному развитию региона.

На рубеже 1991–1992 гг. в Российской Федерации действовали почти 2,8 тыс. НИУ. Всего же исследованиями и разработками были заняты около 4,6 тыс. организаций, большая часть из которых по-прежнему располагалась в Центральном и Северо-Западном экономических районах. Совокупная доля Сибирского региона в общем количестве организаций, выполняющих НИОКР, не достигала и 15 %. Однако по академическим НИИ она превышала 20 %; 3,6 % всех организаций, занятых исследованиями и разработками, приходилось на Новосибирскую обл., что выводило ее на лидирующие позиции по развитию научно-технического потенциала среди восточных регионов России.

Лидирующие позиции ряда восточных территорий в научно-технической сфере подтверждаются данными о доле персонала, занятого исследованиями и разработками, в общем количестве занятых в социально-экономическом комплексе страны. При средних для России показателях в 14 чел. на 1 тыс. занятых, в Новосибирской обл. в сфере НИОКР были заняты 23 чел., в Томской – 19 чел., хотя в целом в Западной Сибири этот показатель составлял 9 чел., на Урале – 7 (в Свердловской обл. – 10), в Восточно-Сибирском регионе – 5, на Дальнем Востоке – 6 чел. Таким образом, в территориальном разрезе в восточных регионах сформировался «островной» характер научно-технического потенциала [4. с. 142–143].

В 1990-е гг. наука и высшая школа региона пережили тяжелейший период, связанный с системным кризисом и формированием новых политических и экономических институтов. В начале 1990-х гг. наука фактически оказалась исключенной из системы государственных приоритетов. В 1992 г. по доле расходов на науку в ВВП Россия почти в 6 раз уступала всем развитым странам мира. С 1990 по 1996 г. численность работников, занятых в научных организациях, уменьшилась более чем в 2 раза [6, с. 324].

Самые значительные потери понесла отраслевая наука. Ее финансирование в связи с ликвидацией соответствующих ведомств фактически прекратилось. Большинство ведомственных НИИ было либо акционировано, либо закрыто. К середине 1990-х гг. отраслевая наука как особый сектор научного потенциала страны, за исключением отдельных сегментов, относившихся к приоритетным областям ВПК, фактически прекратила свое существование. Такая ситуация была в полной мере характерна и для Сибирского региона.

Значительные потери понесла и академическая наука. К 1992 г. лавинообразный характер приобрело сокращение кадрового потенциала СО РАН: за год общая численность работающих уменьшилась почти на 10 тыс. чел. Возникла проблема сохранения целостности Отделения в качестве единого научного комплекса. В таких условиях в Отделении была сформирована и реализована «стратегия выживания». Она принесла свои плоды, и к середине 1990-х гг. ситуация несколько стабилизировалась.

К середине 1990-х гг. разрушение научно-технического потенциала страны стало рассматриваться в качестве угрозы национальной безопасности. Однако существенные изменения в научной политике произошли лишь в начале 2000-х гг., когда была обоснована необходимость перехода страны на инновационный путь развития. В октябре 1996 г. на Общем собрании СО РАН констатировалось, что стратегия «выживания» должна быть заменена новой политикой, позволяющей Отделению не только функционировать, но и развиваться. В дальнейшем была оптимизирована внутренняя структура Отделения. К 2005 г. количество институтов сократилось на 30 % и в итоге на 1 января 2006 г. в состав СО РАН входило 75 научно-исследовательских и конструкторско-технологических учреждений [6, с. 390–392].

В 1992 г. в Западной Сибири функционировало 55 вузов, в Восточной Сибири – 32. Во многих сибирских городах (Томске, Новосибирске, Иркутске, Красноярске и др.) высшее профессиональное образование вошло в число ведущих отраслей специализации. При переходе к рынку высшая школа также понесла серьезные потери. Вместе с тем, как социальный институт она продемонстрировала более высокий уровень устойчивости. В 1992 г. был принят Закон «Об образовании», в котором провозглашалась ориентация на рыночную систему отношений и вузам предоставлялась гораздо большая степень свободы в разработке и реализации индивидуальных стратегий развития.

Итогом этого стал стремительный рост числа вузов: с 1990 по 1998 г. – почти в 2 раза (с 514 до 914), в основном за счет активного роста негосударственного сектора, а также расширения сети региональных филиалов центральных вузов. В дальнейшем увеличение количества вузов принимает более линейный характер, а к середине 2000 г. практически прекращается [7, с. 120].

В 1990-е гг. в России происходит массовое преобразование учебных институтов в университеты. Это явление определялось не столько интеграционными тенденциями в образовании, сколько заинтересованностью вузов в получении дополнительных бюджетных средств, а также стремлением повысить свою привлекательность для потенциальных потребителей образовательных услуг. Однако в целом «новые» университеты, как и частные вузы, значительно уступали «старым» по своему научному потенциалу. Наиболее динамично сектор высшей школы развивался в обладающих большими ресурсами Тюменской обл. и ее

автономных округах. Университетская система охватила практически все субъекты РФ на востоке.

Таким образом, в Сибири был накоплен колоссальный научно-образовательный потенциал, радикально повлиявший на изменение социально-экономического профиля и имиджа региона. Исторический опыт и экстраполяция тенденций последних лет позволяют сделать определенные предположения о логике дальнейшего развития регионального научно-образовательного комплекса.

Следует признать, что реконструкция советской модели организации науки и образования представляется практически невозможной. Мировой опыт свидетельствует, что будущее прикладных исследований и разработок связано с формированием научно-исследовательских, технико-технологических и опытно-конструкторских подразделений крупных корпораций как в государственном, так и в негосударственном секторах экономики. По-прежнему по большому счету «вакантно» место, занятое в развитых экономиках малыми инновационными предприятиями, деятельность которых носит венчурный характер. Вместе с тем, в Сибирском регионе (особенно в Новосибирской и Томской областях) имеются точки роста для дальнейшего развития таких предприятий как части наукоемкого бизнеса.

Для академической науки, в частности для СО РАН, актуальной представляется задача капитализации естественных преимуществ сибирского академического комплекса – формирования в отдельных научных центрах, прежде всего – в Новосибирском академгородке, а также в Томске и Красноярске – технопарковых зон и дальнейшая интеграция с системой высшей школы в части проведения исследований и подготовки специалистов для реального сектора экономики. Однако попытки реализации программы по созданию технопарка в Новосибирском академгородке демонстрируют, что такая задача решается крайне непросто, в том числе и по причинам, весьма отдаленно связанным с наукой.

Если говорить о региональной перспективе высшей школы, то здесь определились следующие тенденции. Во-первых, стимулирование процесса формирования федеральных университетов в ключевых регионах страны. Примером такого рода инициатив является создание Сибирского федерального университета в Красноярске. Цель данной политики прозрачна – объединение потенциала вузов и научных учреждений, расположенных на территории одного из приоритетных регионов, в интересах быстрого наращивания их научного потенциала и формирования региональных сегментов национальной инновационной системы.

Во-вторых, вероятно, материализуется стратегия на формирование сети исследовательских университетов, относящихся, как и федеральные университеты, к числу элитных вузов. Такие университеты будут создаваться на основе вузов, имеющих тесные связи с крупными научно-производственными комплексами в оборонной промышленности, в сфере высоких техно-

логий и с институтами РАН. Акценты будут расставляться на их использовании для подготовки специалистов с продвинутыми навыками исследователей, имеющих степени магистров и кандидатов наук, а также для реализации НИОКР. Экспертно представляется, что такая перспектива может быть интересна для НГУ, возможно, для НГТУ, ТГУ и ТПИ.

Вместе с тем, абсолютно большая часть вузов будет по-прежнему ориентироваться на подготовку специалистов массовых профессий, т.е. на реализацию образовательной функции. Возможно, это будет связано с массовой «деуниверситетизацией» вузов региона. Исторический опыт свидетельствует, что, несмотря на призывы к усилению научных исследований в высшей школе, в «рядовых» вузах вряд ли что-то изменится радикально, а в Сибири таких вузов абсолютное большинство.

Продолжится и продвижение в направлении интеграции в Болонский процесс, хотя это и вызывает крайне противоречивые оценки у руководства и профессуры высшей школы. При реализации данной задачи в крупнейших вузовских центрах Сибири, таких как Новосибирск, Томск и др., вполне возможно формирование вузовских консорциумов.

Таким образом, во всех секторах научно-образовательного потенциала Сибири будущее отнюдь не

безнадежно, а возникшие точки роста имеют определенную перспективу. Многое, если не все, будет зависеть от реализации политического курса на формирование инновационной экономики и сохранение экономической стабильности, что в условиях разворачивающегося мирового экономического кризиса обеспечить весьма не просто.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Водичев Е.Г.* Путь на восток: Формирование и развитие научного потенциала Сибири. Середина 50-х – 60-е гг. Новосибирск, 1994.
2. *Артемов Е.Т.* Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006.
3. *Лебедев В.Э.* Научно-техническая политика региона: Опыт формирования и реализации. Свердловск, 1991.
4. Советская культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе: очерки истории. Новосибирск, 2006.
5. *Беляев Е.А., Пышкова Н.С.* Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М., 1979.
6. Российская академия наук. Сибирское отделение. Исторический очерк. Новосибирск, 2007.
7. *Калинина О.Н.* Трансформационные процессы в российской высшей школе в «эпоху перемен» 1990-х гг. // Высшая школа в системе регионального научно-образовательного потенциала. Новосибирск, 2008.

И.В. ЛИЗУНОВА

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI вв.: ПЕРИОДИЗАЦИЯ И ЕЕ ТРАКТОВКИ (НА ПРИМЕРЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)*

Государственная публичная
научно-техническая библиотека, г. Новосибирск
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

В статье исследуется становление медиарынка России в постсоветские годы, раскрываются особенности трансформации СМИ. На основе изучения внутренней специфики и системных характеристик масс-медиа Сибири и Дальнего Востока проведен анализ российской медиаструктуры. Предложена периодизация новейшей истории СМИ, выявлены структурообразующие признаки каждого из периодов. Охарактеризовано современное состояние рынка периодики и электронных СМИ.

Ключевые слова: средства массовой информации, масс-медиа, медиарынок, информационное пространство, медиаструктура.

Начиная с рубежа XX–XXI вв. среди специалистов медиаотрасли ведутся активные дискуссии по вопросам периодизации новейшей истории российских СМИ, их современному состоянию, проблемах, достижениях и перспективах дальнейшего развития. Данная полемика более чем актуальна как в свете последних тенденций в отрасли, так и с позиций общемировых путей развития СМИ. Изучение трансформации медиасистемы страны интересно и с точки зре-

ния ее территориальной специфики, общего и особенного в процессе формирования общероссийского и региональных рынков СМИ. Эксперты медиаотрасли считают отечественный медиарынок начала XXI в. наиболее перспективным и динамично развивающимся вширь и вглубь, количественно и качественно. Собственно, периодизация новых постсоветских СМИ при разных подходах и оценках в целом связана с историей страны и теми политическими и экономическими событиями, которые в конечном итоге повлияли на трансформацию российской медиасистемы.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00277 а.

В зависимости от конкретных исторических событий, своеобразия радикальных перемен, которым подверглась российская отрасль СМИ, маститые ученые и эксперты предлагают свои варианты периодизации новейшей истории российских СМИ. Среди них можно выделить работы Я.Н. Засурского [1], А.А. Грабельникова [2], Е.Л. Вартановой [3], С.М. Гуревича [4] и др. В.Л. Цвик, например, в отличие от исследователей, предлагающих достаточно дробную периодизацию, склонен в истории постсоветских СМИ рассматривать всего два этапа: переходного периода 1991–2001 гг. и современного [5, С. 80].

Варианты трактовки событий в развитии СМИ, предлагаемые различными теоретиками и практиками, собственные доводы автора статьи позволяют условно разделить новейшую историю российской медиаотрасли на следующие этапы:

– 1990–1995 гг. – демонтаж и демонополизация сферы государственного управления и стихийное формирование рынка прессы и электронных СМИ в условиях нового информационного пространства;

– 1996–1999 гг. – концентрация медиакапитала, формирование олигархической схемы управления отраслью;

– 2000–2008 гг. – строительство сбалансированной государственно-монополистической системы управления медиасистемой; постепенное усиление влияния властных институтов на печатные и электронные СМИ; процесс «возврата независимых медиамагнатов в государственное лоно»;

– 2009 г. – возможное начало нового этапа, связанного с кризисным состоянием отечественных СМИ как следствия мирового финансового кризиса; сокращение числа медиаструктур; предполагаемое перераспределение «ролей и игроков».

Некоторые исследователи говорят о предыстории российской системы СМИ, находя ее корни в 1985–1990 гг., – о периоде гласности, характеризующемся стремительным ростом тиражей газет и журналов, переосмыслением советской истории, расцветом оппозиционной, полуправовой прессы при сохранении партийной монополии на средства производства СМИ.

Непродолжительный период эйфории от кажущейся вседозволенности, эпоха развенчания мифов и бунтарского романтизма заканчивается в 1990 г. с появлением Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», согласно которому право на создание СМИ закреплялось за партийными, общественными, коммерческими организациями либо отдельными гражданами.

После отмены официальной цензуры (упразднение Главлита – Главного управления по охране государственных тайн в печати), указа Президента СССР «О демократизации и развитии телевидения и радиовещания в СССР» последовала многоэтапная реорганизация государственных структур электронного вещания. Распад СССР закономерно привел к распаду системы Гостелерадио СССР. А с принятием 27 декаб-

ря 1991 г. Закона РФ о СМИ процесс изменений в отечественной медиасфере ускорился.

Некоторыми учеными начало 1990-х гг. определяется как «золотой век российской прессы», «начало первой приватизации СМИ» и даже как «медовый месяц взаимоотношений СМИ и власти» [6, с. 81–90]. По мнению исследователей, «это было время “бархатных” отношений бизнеса и СМИ. Бизнесмены и журналисты играли на одном поле, в одной команде, не замечая или не желая замечать, что их интересы по своей направленности противоположны» [7, С. 5]. Можно утверждать, что, собственно, в этот период СМИ стали ощущать себя «четвертой властью», сотрудничая с оппозиционными политическими силами, а также активно влияя на действия властных структур либо участвуя в их формировании.

Именно на эти годы пришлось видоизменение самих основ существования системы масс-медиа. Пресса из «вертикального» состояния приняла «горизонтальное»: рухнули иерархический порядок взаимозависимости и управленческая вертикаль советских средств массовой информации (от центральной газеты, например «Правды», до рядовой районки), трансформировались взаимоотношения печатных СМИ и власти [1, с. 183]. То же происходило и в области электронных медиа.

В регионах России наблюдался бурный процесс создания в областных центрах коммерческих радиостанций. Все это радикально меняло старую структуру радиовещания. К примеру, в 1992 г. в Новосибирске действовала всего одна негосударственная станция, спустя пять лет – 15.

Ослабление государственного диктата привело к тому, что повсеместно возникло множество мелких полуправовых студий кабельного ТВ. Одновременно начался процесс образования коммерческих телестудий и телекомпаний. Однако благодаря инфраструктуре, созданной в 1970–1980-е гг., в организации регионального телевидения еще длительное время ведущую роль играли государственные вещательные структуры.

Становление новой постсоветской системы СМИ на первом этапе (1990–1995 гг.) происходило в условиях жесткой конкуренции. И если ранее отечественная медиасистема делилась на центральную, республиканскую и местную, то к середине 1990-х гг. российская инфраструктура прессы, радио и телевидения приняла более сложные и динамично развивающиеся формы. Вместе с тем, именно в начальный сложный, кризисный период стали складываться новые отношения медиаструктур с бизнесом. По мнению экспертов, «подобное уравнивание журналистских коллективов с любыми другими субъектами рынка через комплекс законов, вышедших в 1991–1993 гг., привело к тому, что медиаиндустрия была взята крупнейшим бизнесом в свои руки без лишнего финансового и нравственного напряжения» [8, с. 8]. Некоторые историки считают, что именно в этот период Россия упустила исторический шанс сформировать независимую, по-на-

стоящему свободную медиаструктуру – так называемый демократический институт «четвертой власти» [1, с. 184]. К концу рассматриваемого периода – к середине 1990-х гг. отдельные СМИ, потеряв экономическую свободу и попав под контроль либо олигархических структур, либо финансовых корпораций, в угоду последним начали манипулировать общественным мнением.

Период 1996–1999 гг., выделяемый нами в новейшей истории СМИ России в отдельный, многие исследователи характеризуют как «период олигархического капитализма». Структурообразующим признаком этого времени является концентрация медиакапитала. Захват и частичный передел медийного рынка, в первую очередь центрального, а вслед за ним и региональных – другая типичная особенность этого периода.

В новых общественно-экономических условиях практически полностью исчезли или сократились до минимума существовавшие ранее источники финансирования (за счет госбюджета, подписки, розничной продажи). Резкое удорожание необходимых ресурсов, но, главное, ликвидация государственных дотаций фактически означали постановку вопроса о смене собственника. Медиаструктуры были вынуждены искать дополнительные источники финансирования. В регионах новые медийные компании изначально рассчитывали на помощь властей либо заручались поддержкой местных финансово-промышленных групп, бизнес-элит.

Несмотря на политизацию медиарынка страны, создание новых субъектов вещания в регионах происходило стремительно, с разной долей участия как государства, так и частных структур. О росте негосударственного вещания свидетельствуют такие цифры: Федеральная служба телевидения и радиовещания Российской Федерации выдала к 1998 г. более 1500 лицензий на право вещания, главным образом частным лицам. В сфере радиовещания ситуация была такова: в Москве вещали более 40 негосударственных радиостанций, в Новосибирске – 15, Иркутске – 11, Барнауле – 7, Владивостоке – 10, Томске – 12, Тюмени – 7, Улан-Удэ – 4, в Магадане – 2 коммерческие радиостанции.

На рубеже веков государство предпринимает решительные действия по усилению своего влияния в сфере электронных СМИ. И это становится отличительной чертой третьего периода развития СМИ.

Начало нового времени в новейшей истории российских СМИ целесообразнее отнести к 2000 г. Такое выделение связано в первую очередь с политическими событиями, происходившими в стране (со сменой персональной власти и, соответственно, изменением вектора государственной политики в отношении медиасферы). Пройдя сложный путь от формирования компаний в начале 1990-х гг., через период бурного роста до финансового кризиса 1998 г. и установившейся затем относительной стабильности, медиаконпании приступили с 2000 г. к упорядочению собственных предприятий. Этому способствовали результаты реорганизации, проведенной в ноябре 1998 г. По решению

правительства в России был создан холдинг, в который вошли Всероссийская государственная телерадиокомпания (ВГТРК), все региональные ГТРК, областные радиотелевизионные передающие центры и другие государственные теле- и радиовещательные предприятия. Включение местных ГТРК в качестве дочерних предприятий в холдинг – единый производственно-технологический комплекс вещания России – содействовало развитию и усилению роли централизованного государственного влияния в области телевидения в регионах. Так практически завершилось формирование государственно-монополистической системы функционирования медиаотрасли. Государству предстояло упрочить свои позиции и вернуть утраченный в предыдущий период контроль, прежде всего над ведущими федеральными СМИ. Примечательно высказывание относительно контроля государства над электронным вещанием президента ТВЦ О. Попцова: «ТВ – это оружие, которое нельзя выпускать из рук. Но государство его едва не потеряло, также как и печатные СМИ» [8, с. 7].

В 2002 г. началась новая крупная реорганизация ВГТРК: все ее 85 дочерних предприятий преобразовывались из унитарных предприятий в филиалы и лишались независимости. Самостоятельные (с юридической точки зрения) региональные телекомпании становились, по сути, отделениями ВГТРК. В результате перемен государственный медийный холдинг лишь укрепился.

По данным Госкомстата, в 2002 г. 98 % населения страны имело возможность принять хотя бы один телевизионный канал, 96 % – как минимум, одну радиостанцию. Телевидение являлось единственным сегментом медиарынка, где государство сохраняло доминирующие позиции (50 % телесмотрения, 70 % рекламных доходов) [9, с. 7].

Вместе с тем, реалией медиаотрасли в начале XXI в. стало существование мощного частного сектора, прежде всего в области электронных СМИ. Более того, во многих экономически развитых регионах он превалировал как по объему вещания, так и по содержанию программ.

Однако, несмотря на бурное развитие электронных медиа и постепенное восстановление утраченных позиций рынком прессы, информационная наполняемость и потенциал технических средств регионов России формировались неравномерно. Информационное пространство печатных СМИ оказалось структурированным в зависимости от экономических, географических и демографических факторов. Наибольшего развития рынок прессы с точки зрения конкурентной среды, наполненности, сочетания местных и сетевых СМИ достиг в городах с миллионным населением. Так, медиарынок столицы Сибирского федерального округа считается одним из самых заполненных в стране, достаточно структурированным, конкурентным и одновременно емким [10, с. 63]. По состоянию на начало 2008 г. в Новосибирской обл. было зарегистрировано около 1,5 тыс. СМИ, более 80 % из них являлись пе-

чатными средствами массовой информации. В их числе свыше 670 газет и 460 журналов [11].

Медиарынки городов с населением от 500 тыс. чел. мало чем отличаются от рынков городов-миллионников. В этом смысле географически далекие от центра Красноярск, Барнаул, Иркутск, Новокузнецк, Владивосток, Хабаровск при всех сибирско-дальневосточных особенностях вписываются в общую картину развития регионального рынка печатных СМИ. В городах с населением от 250 до 500 тыс. крайности в развитии СМИ встречаются чаще. В данном случае оказывают огромное влияние удаленность от центра, развитость и богатство региона и другие факторы. Издателей, рекламодателей, медиамагнатов в первую очередь интересуют города с населением от 500 тыс. Аналитики считают, что период становления медиарынков малых городов еще впереди.

Закономерности подобного формирования информационного пространства российских регионов – от центра в регионы, от более крупных городов к средним и небольшим – свойственны всей истории постсоветского развития рынков печати и электронных СМИ. Так, в области аудиовизуальной медиасферы основные силы сосредоточились в областных и краевых центрах. В крупных торгово-промышленных, научно-образовательных и культурных центрах, в городах с миллионным населением действующие телекомпании различных форм собственности предоставляют пользователям от 15 до 50 программ. В других городах вещание представлено парой-тройкой частных теле- и радиостудий и государственными структурами электронных СМИ.

Так, по данным службы изучения аудитории ВГТРК, к 2001 г. (за предшествующее десятилетие) потенциальная аудитория проводного радио сократилась примерно вдвое и составляла менее половины населения страны. При этом возросло число приемников, работающих в FM-диапазоне. Охват населения коммерческим радио составлял всего 45 % [8, с. 5]. Это объясняется тем, что из 140 тыс. населенных пунктов России лишь 90 городов располагают численностью свыше 200 тыс. чел. Вполне объяснимо, что без государственных электронных СМИ значительная часть их жителей оказалась бы без телевидения и радиовещания.

Местные негосударственные телекомпании, возникнув в абсолютном большинстве краев и областей Сибири и Дальнего Востока, образовали уникальный и подчас парадоксальный симбиоз: развлекательные программы федерального канала дополняются в них информационными передачами местного (как, например, СТС и «Мир» в Новосибирске, ТНТ и «Антенна-7» в Омске, «ТВ-2» и Ren-TV в Томске). Нетрудно заметить и наличие в таких дуэтах разных идеологических подходов в отборе информации (как Ren-TV и его региональный партнер ОРТРК «12-й канал» в Омске).

Сетевой принцип организации вещания стал весьма популярным для сибирско-дальневосточных медиакомпаний. Стратегии, направленной на постоянный рост зон влияния, следуют все холдинги и высокорей-

тинговые станции, проникшие в регионы страны и удерживающие здесь лидирующие позиции. Среди них столичные сетевики: государственные – «Радио России», «Маяк» и коммерческие – «Русское радио» (700 городов России и зарубежья), «Европа Плюс» (300 городов страны), «Наше радио» (130 городов России), «Эхо Москвы» (70 городов страны и зарубежья), «Шансон» (37 городов) [12, с. 331].

Рынок масс-медиа страны, в том числе Сибири и Дальнего Востока, расширяется и диверсифицируется. Вместо единой централизованной системы вещания здесь в начале XXI в. формируется комплекс государственных федеральных и региональных, муниципальных, частных, общественных СМИ, различающихся по охвату аудитории, направленности и формам вещания, использованию новейших технологий, сферам влияния на рынке услуг. Вместе с тем «...новую структуру медиасистемы России можно считать если не законченным зданием, то, во всяком случае, базовой конструкцией, которая в дальнейшем будет улучшаться, обустриваться, расширяться...» [3, с. 24].

Серьезным испытанием для российского медийного рынка стал мировой экономический кризис, развившийся в конце 2008 г. Сфера печатной прессы одной из первых ощутила на себе последствия оттока капитала. Рынок периодической печати стал стремительным образом меняться, крупнейшие издательские дома были вынуждены пойти на крайние меры: сократить объем и полосность некоторой периодики, закрыть те или иные проекты, собственные представительства в регионах, прекратить выпуск наиболее затратных и нерентабельных изданий либо полностью перевести их в режим онлайн. По данным пресс-службы Ассоциации распространителей печатной продукции, в первые дни 2009 г. диапазон повышения цен на газеты и журналы составил от 5 до 140 % [11].

В целом аналитики ожидают сокращения числа нерентабельных, затратных печатных СМИ, уменьшения рекламных бюджетов изданий с небольшой рыночной долей, не имеющих четкого позиционирования и молодых СМИ без серьезной финансовой поддержки. Что изменится в сфере печатной прессы, каковы в целом перспективы развития медийного рынка страны и Сибирско-Дальневосточного региона, сегодня можно лишь предугадывать. Однако имеются все основания утверждать, что 2009 г. станет началом нового периода развития российских СМИ – временем перераспределения ролей, игроков и сфер влияния на российском медийном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Засурский Я.Н. Искушение свободой: российская журналистика 1990–2004. М., 2004.
2. Грабельников А.А. Средства массовой информации постсоветской России. Пятнадцать лет спустя: учеб. пособие. М., 2008.
3. Вартамова Е.Л. Медиаэкономика зарубежных стран: учеб. пособие. М., 2003.
4. Гуревич С.М. Экономика отечественных СМИ: учеб. пособие. М., 2004.

5. Цвик В.Л. Телевизионная журналистика: История, теория и практика. М., 2004.
6. Засурский И.И. Масс-медиа второй республики. М., 1999.
7. Иваницкий В.Л. Практические методы достижения экономической стабильности независимых СМИ. М., 2000.
8. Бакишин В.В. Государственные электронные средства массовой информации в системе российской журналистики // Вопросы журналистики: Сб. науч. ст. Владивосток, 2002. Вып. 9.
9. Выдержки из доклада «Индустрия российских СМИ» // Телефорум. 2002. № 6.
10. Посадков А.Л. Печать периодическая // Средства массовой информации Новониколаевска – Новосибирска. 1906–2006 гг. Новосибирск, 2007.
11. Пресса Новосибирска [Электронный ресурс] // Медиа Атлас: URL <http://www.media-atlas.ru/> (дата обращения 20.02.2009).
12. Средства массовой информации России: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Я.Н. Засурского. М., 2005.
13. Пресса дорожает – Новости Медиа Атлас // Медиа Атлас: URL <http://www.media-atlas.ru/> (дата обращения 20.02.2009).

А.В. ЛАВРЕНТЬЕВ

ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1980-х – 1991 гг.): ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Институт международных отношений
и социальных технологий Владивостокского
государственного университета экономики и сервиса

В статье проанализированы основные направления и проблемы реализации государственной политики по активизации международных торгово-экономических отношений на Дальнем Востоке. В качестве основного предмета исследования выступают социально-экономические, политические и правовые условия процесса становления делового сотрудничества региона с соседними азиатскими государствами.

Ключевые слова: государственная политика, международные отношения, либерализация, социально-экономические процессы.

Уникальное географическое положение Дальнего Востока (особенно его южных районов) естественным образом ориентирует этот регион на развитие международных связей. Однако за прошедшие почти два десятилетия проведения радикальных реформ внешнеэкономические отношения на дальневосточных рубежах продолжают носить преимущественно инерционный характер, сохраняя многие черты последних лет советского периода. Государством до сих пор не созданы необходимые условия для целенаправленного и результативного их осуществления. Как следствие, с российской стороны по-прежнему превалирует сырьевая экспортная направленность, а иностранные инвесторы практически не участвуют в совместных проектах (за исключением освоения природных ресурсов). Продолжение этих тенденций в совокупности с прекратившимся централизованным обеспечением региона могут привести к еще большему снижению привлекательности Дальнего Востока для проживания и соответствующему ослаблению российского влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, делает весьма актуальным обращение к опыту советской внешнеэкономической политики второй половины 1980-х – начала 1990-х гг., который позволяет выявить негативные «генетические» формы взаимодействий с зарубежными азиатскими государствами на современ-

ном этапе и внести соответствующие коррективы в механизм их регулирования.

Надежды на новый качественный этап регионального развития со второй половины 1980-х гг. связывались с началом проведения в СССР политики «перестройки», которая предполагала существенные изменения в социально-экономической системе страны и ее отдельных территорий. В ходе визита М.С. Горбачева на Дальний Восток были озвучены задачи по превращению этого региона в высокоразвитый народно-хозяйственный комплекс [1, с. 8]. Кроме того, провозглашался курс на всестороннее сотрудничество со странами АТР.

Политбюро ЦК КПСС поручило Комитету государственного планирования СССР подготовить проект программы развития Дальнего Востока. В августе 1987 г. ЦК КПСС и Советом министров СССР были приняты специальное постановление о комплексном развитии производительных сил региона и Долговременная государственная программа экономического и социального развития Дальневосточного экономического района и Забайкалья до 2000 г. В ней предполагалось более чем двукратное увеличение финансирования региона. Предусматривался существенный «рычок» как в хозяйственной, так и в социальной областях. Производство промышленной продукции на Дальнем Востоке планировалось повысить в 2,5 раза. При-

оритетным в Долговременной программе объявлялось решение социальных проблем для привлечения и закрепления трудовых ресурсов. К 2000 г. обеспеченность жильем каждого жителя региона должна была составлять не менее 20 кв. м полезной площади¹.

Кроме централизованных государственных инвестиций для реализации поставленных задач ставка делалась на использование средств, которые намечалось получать путем активного включения регионального хозяйства во внешнеэкономические процессы. Одним из стратегических направлений развития Дальнего Востока объявлялось усиление экспортной направленности. В комплексной программе предусматривалось увеличение объемов экспорта из региона более чем в 3 раза за счет новых прогрессивных форм внешнеэкономической деятельности². Этому должен был способствовать и выбранный государством курс на либерализацию внешнеэкономических отношений, создание в рамках изжившей себя плановой системы элементов рыночных начал и косвенных методов стимулирования советских предприятий в сфере сотрудничества с зарубежными партнерами. Именно в этой сфере стали проявляться слабые, но все же принципиально новые тенденции перехода от исключительно административно-командных способов управления к государственному регулированию международных торгово-экономических отношений. В сентябре 1987 г. Совет министров СССР принял постановление о разрешении предприятиям устанавливать прямые связи с зарубежными партнерами. Всю выручку от приграничной и прибрежной торговли предусматривалось передавать в распоряжение краевых и областных исполкомов для закупки за рубежом необходимых товаров и сырья³.

Для политической координации и анализа данного направления в Москве образовывался Советский национальный комитет по сотрудничеству в Азиатско-Тихоокеанском регионе под руководством Е.М. Примакова. После поездки группы экспертов комитета по Приморскому и Хабаровскому краям, а также Амурской и Сахалинской областям Е.М. Примаков составил записку на имя М.С. Горбачева. В ней рекомендовалось для эффективного развития международных связей предоставить больше самостоятельности местным органам власти, максимально снизить зависимость дальневосточных предприятий от министерств и ведомств, создать необходимое информационное пространство [2, с. 60–62].

¹ О комплексном развитии производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 19 августа 1987 г. № 958 // Консультант Плюс. Версия Проф. М., 2008. Л. 4.

² Там же. Л. 5.

³ О дополнительных мерах по совершенствованию внешнеэкономической деятельности в новых условиях хозяйствования. Постановление Совета министров СССР от 17 сентября 1987 г. № 1074 // Свод законов СССР. Т. 9.

Активизация международного экономического сотрудничества потребовала от государственных органов проведения разъяснительных мероприятий и аналитических разработок как на общесоюзном, так и на региональном уровнях. В марте 1988 г. крупные дальневосточные города (Хабаровск, Владивосток и др.) посетила делегация во главе с председателем Торгово-промышленной палаты (ТПП) СССР В.Л. Малькевичем. Специальный консультационный центр, который был создан в Москве при ТПП, заключил договор на оказание информационно-справочных услуг организациям и предприятиям Хабаровского края. Ряд таких услуг мог быть предоставлен непосредственно в отделении торговой палаты Хабаровска [3].

Важное значение для дальнейшего стимулирования внешнеэкономической деятельности региона имело постановление Совета министров СССР от 2 декабря 1988 г. По сравнению с предприятиями других территорий страны организациям Дальнего Востока разрешалось расходовать не 10, а 15 % средств в свободно конвертируемой валюте для своих нужд. Налог на прибыль совместных предприятий, создаваемых в Дальневосточном экономическом районе, снижался до 10 %⁴. В постановлении предусматривался научно-обоснованный подход к вопросам развития международных связей, прежде всего торгово-экономического характера. Дальневосточному отделению АН СССР предписывалось осуществлять специальный анализ реализации программы комплексного развития региона в части экспортной направленности, а также на постоянной основе вести разработку вопросов, касающихся внешнеэкономических связей с участием заинтересованных предприятий, организаций и исполкомов местных Советов народных депутатов.

Анализ мероприятий государства по активизации международных связей может навести на некоторые косвенные исторические аналогии с методами новой экономической политики на Дальнем Востоке в 1920-е гг. И в так называемый перестроечный период 1980-х гг., и в восстановительный период 1920-х гг. руководство страны делало ставку именно на экспортно-импортную специализацию дальневосточных территорий с целью получения валютной прибыли для стабилизации пошатнувшихся экономических основ.

До середины 1980-х гг. на страны АТР приходилось всего около 10 % внешнеторгового оборота СССР [4, с. 68]. Поэтому предусматривалось увеличение товарообмена в области прибрежной и приграничной торговли за счет максимального привлечения природных ресурсов (уголь, рыба, морепродукты и др.), расширение круга партнеров, создание совместных предприятий, начиная от сферы услуг и заканчивая сложным машиностроением.

⁴ О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций. Постановление Совета министров СССР № 1405 от 2 декабря 1988 г. // Сборник постановлений правительства СССР. 1989. № 2. Ст. 7.

Существенные изменения предполагались в системе транспортного обеспечения международных экономических связей. Особенно это касалось приграничных сообщений с Китаем. В Пекине со 2 по 16 января 1986 г. состоялись двусторонние переговоры по вопросам транспортировки внешнеторговых и транзитных грузов между СССР и КНР железнодорожным, морским, речным и автомобильным транспортом на 1986–1990 гг. В частности, намечалось совершенствование железнодорожных контейнерных перевозок, открытие новых речных и автомобильных международных маршрутов⁵.

На постоянной основе начали функционировать совместные рабочие группы по развитию транспортных коммуникаций между СССР и КНР. Так, с 20 по 27 октября 1986 г. в Москве состоялось первое заседание постоянной рабочей группы по транспорту в рамках советско-китайской комиссии по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству⁶.

Совместные рабочие группы и комиссии рассматривали не только текущие вопросы организации и условий осуществления транспортных связей, но и стратегические возможности развития коммуникаций между двумя странами. Перспективы использования дальневосточного транспорта в развитии международных связей возрастали с конца 1980-х гг. также благодаря установлению особого режима безвизовых перевозок туристических групп между приграничными территориями СССР и КНР. 15 июля 1988 г. в Москве было подписано Соглашение между правительством СССР и правительством КНР о взаимных поездках граждан⁷.

За 11 месяцев 1989 г. через контрольно-пропускные пункты Тихоокеанского пограничного округа проследовало около 300 тыс. вагонов с экспортно-импортными грузами, более 10 тыс. иностранных и советских судов заграничного плавания, около 2 тыс. автомашин. На ст. Гродеково советско-китайскую границу пересекли 62 тыс. пассажиров, что в 2 раза превысило показатели 1988 г.⁸

В результате всех вышеуказанных изменений наметились некоторые позитивные результаты. Например, если за 1987 г. поступления от экспорта из Приморского края в северо-восточные провинции КНР по линии внешнеэкономического общества «Дальинторг» составили 4,183 тыс. инвалютных руб., то в 1988 г. эта сумма увеличилась до 7,8 млн⁹. В 1989–1990 гг. средства от экспортно-импортных операций в рамках прибрежной и приграничной торговли организаций Хабаровского края составили 88 млн инвалютных руб., которые использовались на закупку продовольствия, медицинского оборудования и медикаментов¹⁰.

⁵ РГАЭ. Ф. 8045. Оп. 5. Д. 8713. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 8712. Л. 1.

⁷ ГАПК. Ф. 26. Оп. 37. Д. 1512. Л. 48.

⁸ Там же. Д. 982. Л. 71, 72.

⁹ Там же. Д. 964. Л. 26.

¹⁰ ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 2642. Л. 189.

Роль приграничных международных связей особенно возросла в конце 1980-х гг. Дело в том, что советскому государству оказалось не под силу достигнуть заявленных стратегических целей комплексного развития Дальнего Востока. Финансовая помощь из центра в полной мере поступала лишь в первые два года осуществления Долговременной программы, с 1989 г. капитальные вложения в развитие региона были существенно ограничены. Одновременно происходило активное нарастание кризисных явлений в социально-экономической сфере страны.

Для традиционно зависимой от ввоза окраинной территории остро встала проблема обеспечения населения продуктами питания и предметами первой необходимости. Например, в 1989 г. сельскохозяйственной продукции на Дальнем Востоке производилось в 1,4–1,9 раз меньше, чем в среднем по РСФСР [5, с. 69]. Централизованное снабжение значительно сокращалось. В стране вводилась более жесткая система распределения продовольствия. Увеличилось количество талонов не только на продукты питания, но и на предметы первой необходимости. Наиболее дефицитные товары (одежда, бытовая техника и т. д.) централизованно выделялись на предприятия для распределения внутри коллектива. Все это приводило к резкому сокращению общего уровня жизни дальневосточников.

Поэтому определенной компенсацией в постоянно ухудшавшейся ситуации со снабжением стали прямые товарообменные операции (т. н. бартерная торговля) с северо-восточными провинциями КНР. На долю таких форм сотрудничества в ряде советских дальневосточных территорий приходилось до 70 % их внешнеторгового оборота [4, с. 69]. В какой-то мере это позволяло избегать потерь валютной выручки за посреднические услуги и более оперативно поставлять в регион необходимые продовольственные и бытовые товары.

Однако такие формы сотрудничества носили исключительно антикризисный характер и не могли привести к возникновению качественно новой долгосрочной основы внешнеэкономических связей. К тому же в силу сохранения их сырьевой направленности обнаружилось и некоторые противоречивые тенденции в процессе становления международных экономических отношений на Дальнем Востоке. Представляющие интерес для иностранцев природные ресурсы подлежали более жесткому централизованному контролю со стороны государства – обязательному квотированию и лицензированию. Все это усложняло прямые контакты, увеличивало количество посредников.

В условиях стихийного становления совместных предприятий, отсутствия правового опыта регулирования таких отношений, сохранения многих административных мер как в стране, так и на ее дальневосточных территориях формировался значительный теневой внешнеэкономический сектор. Органами прокуратуры в ходе проверок совместных предприятий выявлялись нарушения, создававшие угрозу национальным интересам СССР. Прежде всего это касалось

экспорта ценных видов сырья. Кроме того, заключались фиктивные хозяйственные договоры с государственными и кооперативными организациями для последующей реализации их продукции за рубежом. Производство реальных товаров и услуг, которое предусматривалось уставными документами, часто подменялось посреднической деятельностью. В 1989–1990 гг. Хабаровской краевой прокуратурой такие серьезные нарушения были зафиксированы в деятельности некоторых советско-американских и советско-японских предприятий¹¹.

Отсутствие длительное время альтернативных железнодорожному и речному видам автомобильных сообщений негативно сказывалось на приграничных контактах с КНР. Из отчетов Управления Дальневосточной железной дороги для Министерства путей сообщения СССР видно, что начиная с конца 1980-х гг. пограничные станции региона имели серьезные проблемы с переработкой международных грузов. Так, в 1989 г. план передачи грузов для КНР по ст. Гродеково был выполнен только на 55,6 %¹². Наметился резкий дисбаланс между потребностями в развитии международных перевозок и технико-экономическими возможностями их осуществления. Многие дальневосточные организации оказались не готовы к работе в таких условиях. Например, в Хабаровском крае в 1990 г. только чуть больше трети из зарегистрированных участников внешнеэкономических связей самостоятельно решились выйти на внешний рынок. На долю прямых связей приходилось около 16 % от общего объема российского дальневосточного экспорта [6, с. 117].

Процессы политического и экономического распада, охватившие страну к началу 1990-х гг., привели к еще большему ослаблению централистских методов осуществления внешнеэкономической политики в СССР и попытке перейти к максимально открытым формам регионального международного сотрудничества. Изучение опыта развивающихся стран привело к идее создания на территории страны свободных экономических зон (СЭЗ). С конца 1980-х гг. на научной основе начинают активно разрабатываться проекты их организации. В народном хозяйстве области предлагалось провести следующие основные изменения: преобразовать государственную организационную структуру предприятий в рационально-коммерческую, заменить подоходный налог с граждан налогом с прибыли новых предприятий, создать целевые фонды. Большая ставка делалась на развитие внешнеэкономических связей и привлечение иностранного капитала [7, с. 1].

Вместе с тем, процесс создания свободных экономических зон в государстве имел во многом стихийный и, в отличие от зарубежных стран, массовый характер. Значительно превосходили свои иностранные аналоги и размеры экспериментальных территорий. В 1990–1991 гг. в РСФСР было организовано 12 СЭЗ [8,

с. 89]. На Дальнем Востоке за этот же период были образованы три СЭЗ («Находка», «Сахалин» и «Ева»), которые классифицировались как комплексные специальные. Для них предусматривались различные льготы, прежде всего в сфере налогообложения и таможенного режима.

Исходя из анализа мнений представителей региональной власти того времени, складывается впечатление, что свободные экономические зоны являлись не столько осознанной мерой, сколько финальным актом полного отчаяния и разочарования в прежней централизованной экономической модели. В частности, в интервью хабаровскому журналисту заместитель председателя Биробиджанского исполкома так высказался по поводу необходимости создания на территории Еврейской АО свободной экономической зоны «Ева»: «Можно по-разному поступать и по-прежнему прозябать, ожидая, когда нам подбросят дополнительные фонды, или кто-то что-то привезет, или какое-то министерство надумает свои средства здесь вкладывать...» [9, с. 6].

Несмотря на определенную авантюристность эксперимента с СЭЗ, имелись и первые позитивные результаты. За 1990 г. объемы производства продукции совместных предприятий Сахалинской обл. возросли на 47,3 % по сравнению с 1989 г. [10, с. 52–53]. Совместным советско-японским предприятием «Пеленга-Годо», занимавшимся производством лососевых рыб, на острове было построено два новых рыбообразных завода. В мае 1991 г. началось проведение международного конкурса на освоение нефтегазовых ресурсов островного шельфа [7, с. 6]. В 1991 г. на Дальнем Востоке зарегистрировалось 128 совместных предприятий. Подавляющее их количество создавалось в Приморском и Хабаровском краях. В основном совместные предприятия сосредоточивались в сфере услуг и рыбной промышленности [11, с. 30].

Тем не менее, условия для успешного привлечения иностранного капитала и осуществления задуманных проектов изначально были недостаточными. Анализируя зарубежный опыт, ведущие экономисты региона обращали внимание на массу противоречий, делавших призрачными перспективы свободного предпринимательства в регионе. Основными из них назывались неопределенность полномочий местных советских органов и администраций свободных зон (предусматривалось осуществление их совместного руководства на совпадающих территориях), отсутствие четкой перспективы погашения выдававшихся кредитов, появление в РСФСР законов, направленных на либерализацию предпринимательства, которые снижали привлекательность дальневосточных проектов. В результате к 1992 г. удельный вес региона в торгово-экономических операциях со странами АТР достигал немногим более 20 %. Из 85 % экспортировавшихся ресурсов в страны этого региона 65 % приходилось на Японию, 17 – на КНР, 3 % – на остальные государства [12, с. 41].

¹¹ ГАХК. Ф. 137. Оп. 22. Д. 2641. Л. 66–67.

Таким образом, в хронологически очерченный период на Дальнем Востоке появились принципиально новые направления внешнеэкономических взаимодействий в рамках преобладающего государственного сектора: от возможности организаций устанавливать прямые контакты с зарубежными партнерами до привлечения иностранных инвестиций в региональное народное хозяйство.

Однако многие намечавшиеся концептуальные положения государственной политики не были реализованы. Взаимная заинтересованность и желание сотрудничества между Дальним Востоком и соседними странами сдерживались отсутствием достаточного опыта всесторонних взаимодействий, наступившей политической и экономической нестабильностью в СССР, неотлаженными правовыми механизмами международных отношений. Исторически сложившаяся отечественная практика серьезных начинаний без формирования необходимых условий вновь сыграла негативную роль в этом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачев М.С. Перестройка неотложна, она касается всех и во всем: Сб. материалов о поездке М.С. Горбачева на Дальний Восток. 25–31 июля 1986 г. М., 1986.
2. Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999.

3. Серов С. Совместные предприятия: перспективы сотрудничества // Тихоокеанская звезда. 1988. 18 июня.

4. Адмидин А.Г., Деваева Е.И. Экономическое сотрудничество российского Дальнего Востока со странами Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 6.

5. Салыкин П.М., Трон Т.И. Агропромышленный комплекс // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы: пути перестройки. Матер. науч. докл. Хабаровск, 1991.

6. Воробьев С.Ф., Иванчиков А.Г. Концептуальные вопросы развития внешнеэкономических связей ДВЭР // Социально-экономическое развитие Дальнего Востока: новые явления, проблемы: пути перестройки. Матер. науч. докл. Хабаровск, 1991. С.117.

7. Панкевич И.Н. Экономика Сахалинской области в условиях перехода к рыночным отношениям (Сахалинская зона свободного предпринимательства и ее судьба). Южно-Сахалинск, 1992.

8. Уваров В.А. Свободные экономические зоны Востока России. Хабаровск, 1994.

9. Бухтиярова Е. Зона в законе // Молодой дальневосточник: Еженедельное общественно-политическое издание (Хабаровск). 1990. 20 окт. С. 6.

10. Гурьев В.В., Салыкин П.М., Уваров В.А. Свободные экономические зоны Дальнего Востока. Хабаровск. 1992

11. Аносова Л.А. Дальний Восток и страны Азии: перспективы сотрудничества. СПб., 1993.

12. Деваева Е.И. Основные формы внешнеэкономического сотрудничества Дальнего Востока России со странами АТР // Дальний Восток России: экономика и международное сотрудничество: Сб. научн. тр. Владивосток, 1992.

Н.С. МАТВЕЕВА

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ «БУМ» И ИЗДАНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ПРИРОДООХРАННЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ СИБИРИ (КОНЕЦ 1980-х – НАЧАЛО 2000-х гг.)*

Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: matveeva@academ.org

В статье рассматриваются особенности издательской деятельности государственных природоохранных организаций Сибири в области экологического просвещения в период чперестройки и реформ конца 1980-х – начала 2000-х гг. Выявляются формы и направления издания эколого-просветительской литературы в современных условиях.

Ключевые слова: экологическое просвещение, государственные природоохранные организации, издательская деятельность, эколого-просветительская литература.

В России вслед за европейскими странами с середины 1980-х гг. стали активно развиваться экологические образование и просвещение. Согласно национальной стратегии экологического образования в России, экологическое просвещение понимается как «духовное, нравственное совершенствование людей пу-

тем распространения и правильного использования экологических знаний» [1, с. 233].

Радикальные изменения в социально-политическом и экономическом развитии страны обнажили прогрессирующее ухудшение экологической обстановки. На смену былому оптимизму пришла все возрастающая обеспокоенность. Тревожные настроения еще более усилились в связи с серией крупных аварий и катастроф, которые нанесли значительный урон окру-

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-00277 а.

жающей среде и здоровью людей и получили широкий общественный резонанс. За 1986–1990 гг. в СССР произошло девять стихийных бедствий, катастроф и крупных аварий, унесших десятки тысяч человеческих жизней и нанесших огромный ущерб природной среде (трагедия Чернобыля, Аральского моря и др.) [2, с. 43].

Во второй половине 1980-х гг. произошел рост числа публикаций (и их достоверности) в печатных средствах массовой информации, в различных экологических изданиях. С 1986 по 1992 г. по вопросам, связанным с аварией на Чернобыльской АЭС, было выпущено около 100 работ в центральных, республиканских и областных издательствах [2, с. 85]. В результате начавшегося в 1987 г. по инициативе государственных природоохранных органов процесса снятия ведомственных запретов на экологическую информацию рухнули многие мифы о советской системе экологической безопасности. Население стало активно выступать против строительства новых и развития действующих производств. Социологические исследования, проведенные в начале 1990-х гг. Госкомстатом СССР при участии Госкомприроды СССР, показали, что более половины (54 %) городского населения страны не удовлетворено состоянием окружающей среды по месту жительства [2, с. 83–84].

С 1988 г. начался процесс институционализации экологической активности. В короткий срок были созданы Министерство экологии, экологические службы на местах, экологические фонды, экспертные советы, возникло множество общественных организаций. Государственные природоохранные учреждения стали поощрять информированность и участие населения в экологическом движении путем предоставления широкого доступа к экологической информации. Государственным комитетом СССР по охране природы впервые за всю историю Российского государства был издан в 1989 г. доклад «Состояние природной среды в СССР в 1988 г.». В связи с большой популярностью среди различных категорий специалистов доклад издавался дважды: 1-е издание – тиражом 1,1 тыс. экз. в 1989 г., 2-е издание – 20 тыс. в 1990 г. [3]. Это был первый официальный отечественный документ, в котором представлены систематизированные данные о качестве окружающей природной среды и тенденциях ее изменения, о состоянии природных ресурсов и факторах, оказывающих на них влияние; о здоровье населения, региональных экологических проблемах; о государственной политике, общественном экологическом движении и участии СССР в международном сотрудничестве в области охраны природы. С этого документа начинается систематическая публикация ежегодных докладов о состоянии природной среды в стране. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды РСФСР стал ежегодно выпускаться также с 1988 г., он был назван многими активистами «Белой книгой по экологии» [4, с. 136]. В приложе-

нии к газете «Зеленый Мир – документ» с 1993 г. осуществлялась регулярная публикация документов Министерства природы России. В частности, в 1993 г. широкое распространение получила опубликованная в данном приложении книга «Факты и проблемы, связанные с захоронением радиоактивных отходов в морях, омывающих территорию Российской Федерации» [5, с. 194].

Государственные природоохранные структуры исполнительной власти Сибири с середины 1990-х гг. выступали организаторами издания эколого-просветительской литературы, наряду с неправительственными природоохранными организациями. Об этом свидетельствуют многочисленные примеры. В рамках краевой целевой программы «Охрана окружающей среды на территории Алтайского края» в 2006 г. на эколого-просветительские мероприятия выделено из областного бюджета 1780 тыс. руб., из них на издательскую деятельность потрачено 1050 тыс. руб. [6, с. 148–149]. Департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды Томской обл. (далее: департамент Томской обл.), областное государственное учреждение «Облкомприрода» администрации Томской обл. (ОГУ «Облкомприрода») участвуют в издании эколого-просветительской литературы, известной далеко за пределами области. В 2001 г. в рамках международного проекта «Совершенствование систем экологического менеджмента в Томской области» была разработана «Стратегия информирования и вовлечения общественности в процесс принятия экологически значимых решений» и создан Центр экологической политики и информации, в задачи которого входит разработка информационных буклетов и других изданий по экологическому просвещению [7, с. 45–46]. В 2003 г. через «зеленые точки», расположенные в часто посещаемых гражданами учреждениях Томска, было распространено более 10 тыс. буклетов, в 2007 г. – более 12 тыс.¹ На средства департамента Томской обл. и ОГУ «Облкомприрода» в 2000–2008 гг. издано неперіодической эколого-просветительской литературы около 25 наименований, причем учебно-методическая литература составила 50 %. Тираж этих изданий весьма различался: от 150 до 28,5 тыс. экз.

Государственные доклады о состоянии окружающей среды издаются с разной периодичностью всеми субъектами федерации Сибирского федерального округа в соответствии с Законом РФ «Об охране окружающей природной среды» и Постановлением правительства РФ от 24 января 1993 г. № 53 [8, с. 107]. Тираж докладов большинства регионов Сибири составляет 500–1000 экз. На регулярность выхода, оформительские характеристики докладов сильно влияет не только наличие финансовых средств, но и систематическая реорганизация издающих структур. Так, док-

¹ *Экологический мониторинг: Состояние окружающей среды Томской области в 2003 г.* Томск, 2004. С. 186–189.

лад «О состоянии окружающей природной среды Республики Хакасия» впервые был издан только в 2006 г. Доклады о состоянии окружающей среды Омской обл. с 1990 по 1997 г. издавало Министерство промышленной политики Омской обл., с 1997 по 2002 г. – департамент природных ресурсов и охраны окружающей среды, в 2003–2005 гг. доклад не издавался.

Городские комитеты охраны окружающей среды Сибирского федерального округа также печатают свои обзоры о состоянии окружающей среды. В частности, в рамках «Программы по улучшению экологического состояния города Новосибирска на 2000–2010 гг.» Новосибирским городским комитетом охраны окружающей среды и природных ресурсов стал издаваться с 2006 г. «Обзор состояния окружающей среды г. Новосибирска» тиражом 250 экз. Обзор распространяется бесплатно по учебным заведениям и библиотекам города.

В Сибирском федеральном округе все субъекты федерации в конце 1990-х – начале 2000-х гг. впервые издали Красные книги (Республика Бурятия сделала это раньше, тиражом 10 тыс. экз. еще в 1988 г.). Красные книги представляют собой аннотированные списки редких и находящихся под угрозой исчезновения животных, растений и грибов. В 1996 г. вышло постановление правительства РФ об учреждении Красной книги Российской Федерации и Красных книг субъектов РФ, тем самым утвердился правовой статус региональных Красных книг². Одним из основных недостатков всех региональных Красных книг является их редкость и малодоступность. Отсутствует целевое финансирование на их подготовку и издание. Большинство опубликованных Красных книг Сибирского федерального округа представляют собой сводные тома, включающие представителей всех трех сообществ организмов – животных, растений и грибов. Однако часть книг посвящена только животным или растениям (и часто – грибам). Средний тираж Красных книг субъектов РФ равен 1 тыс. экз. Исключение составляют лишь некоторые из них: Красная книга Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа (животные) издана в 2000 г. тиражом 2 тыс. экз., Красная книга Омской области в 2005 г. – 3 тыс. экз. В конце 2008 г. новосибирским издательством «Арта» при участии департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Новосибирской обл. выпущено 2-е издание Красной книги Новосибирской области, которое выделяется среди других своим объемом (527 с.) и тиражом (5 тыс. экз.). Постепенно становится традицией публиковать Красные книги в массовых коммуникационных сетях.

Одним из приоритетных направлений деятельности государственных природоохранных организаций

является регулярное предоставление экологической информации периодическим печатным изданиям. В их работе со средствами массовой информации можно выделить два направления: во-первых, оперативное информирование печати о результатах инспекторских проверок, об административных постановлениях и решениях, событиях в области охраны окружающей среды, во-вторых, размещение проблемных, актуальных материалов в прессе. Эта работа строится на договорных началах. Так, Главным управлением природных ресурсов и охраны окружающей среды Министерства природных ресурсов по Алтайскому краю в 2003 г. было осуществлено более 120 публикаций в печатных СМИ края об охране окружающей среды и рациональном природопользовании. В самой массовой краевой газете «Алтайская правда» (тираж 78 тыс. экз.) ведется регулярная рубрика «Красная книга». Во многих районных газетах имеются постоянные экологические рубрики или странички, в которых освещается экологическая обстановка в районе [9, с. 106]. За последние 15 лет сложилось эффективное сотрудничество государственных природоохранных организаций Томской обл. с областными газетами, публикующими тематические экологические странички. В 2007 г. вышло 17 полос (57 публикаций) в областной газете «Томские новости», около 300 публикаций в других областных газетах [4].

Особую роль в экологическом просвещении играет издание периодической печати природоохранными государственными структурами. Большое внимание данному направлению издательской деятельности уделяет Главное управление природных ресурсов и охраны окружающей среды по Алтайскому краю. С июня 1990 г. в регионе ежемесячно выходит краевая газета «Вестник экологии» тиражом 7 тыс. экз. Газета ориентирована прежде всего на специалистов в области охраны окружающей природной среды, в области экологического образования и пропаганды. Распространяется газета в основном по ведомственным каналам. С 1997 г. ее редакция проводит ежегодный конкурс «Зеленое перо», который пользуется большой популярностью, особенно среди школьников края [9, с. 107–108]. Межрайонная ежемесячная экологическая газета «Природа Кулунды» выходит с мая 1995 г., первоначально она представляла собой небольшой листок (0,5 п. л.) тиражом 500 экз. С июля 1995 г. газета увеличила объем до 1 п. л., тираж до 999 экз. Ее фирменный цвет – зеленый. С 1995 г. по первую половину 1997 г. она распространялась бесплатно через комитеты экологии районов, со второй половины 1997 г. была объявлена подписка³. 22 декабря 2004 г. газета сменила название на «Природа Алтая». В настоящее время она выходит объемом 7 п. л. в формате А3 при тираже 5 тыс. экз. Редакция газе-

² Красная книга Красноярского края. Введение. [Электронный ресурс] // Красная книга Красноярского края. URL <http://redbook.krasu.ru/introduction.php> (дата обращения 28.11.08).

³ Природа Кулунды – природа Алтая. [Электронный ресурс]. URL <http://www.infohome-altai.ru/node/496> (дата обращения 14.01.09).

ты с 1998 г. является одним из инициаторов Алтайского краевого экологического движения «Начни с дома своего»⁴. При финансовой поддержке администрации Томской обл. в 2003 г. было выпущено семь изданий, в том числе периодических: газета «Муравейник», журнал «Бурундук». Ежемесячная экологическая газета «Зеленый меридиан» (главный редактор Г.С. Горчаков)⁵ начала издаваться с марта 1999 г. силами Государственного комитета по охране окружающей среды Томской обл. как экологический вклад к газете «Знамя Мира» [10, с. 203]. В 2003 г. общий тираж газеты, ставшей самостоятельным изданием, составил 18 тыс. экз.⁶ Единственный в Сибири детский журнал «Сибирячок» с экологической рубрикой издает, начиная с 1993 г., Комитет по культуре администрации Иркутской обл. Тираж журнала в начале 2007 г. составлял 4,5 тыс. экз.⁷

Природоохранные структуры исполнительной власти Сибирского федерального округа являются основными заказчиками эколого-просветительской литературы для неправительственных природоохранных организаций Сибири. Так, Томская общественная организация «Роза ветров» выпускала с 1996 по 2001 г. тиражом 300 экз. информационный бюллетень «Экобандероль» при финансовой поддержке Государственного комитета по охране окружающей среды Томской обл.⁸ В 2007 г. по заказу департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Новосибирской обл. изданы: Некоммерческой общественной организацией «Фонд помощи инвалидам радиационных катастроф» – книга «Мир без атомных катастроф»; Межрегиональной благотворительной общественной организацией «Сибэкоцентр» – «Календарь экологический дел» тиражом 1 тыс. экз., на средства областной целевой программы «Охрана окружающей среды Новосибирской области в 2005–2008 гг.» и проекта «Развитие лесного и экологического образования в школах России», поддержанного Институтом мировых ресурсов (WRI, США). При совместном финансовом участии Новосибирского городского комитета охраны

окружающей среды и природных ресурсов, департамента природных ресурсов и охраны окружающей среды Новосибирской обл. общественная организация «Зоосфера» в октябре 2008 г. издала тиражом 500 экз. первый выпуск экологического журнала «Место обитания». Журнал предполагается выпускать ежеквартально. Первый номер был распространен бесплатно через неправительственные природоохранные организации Новосибирской обл. и учебные учреждения⁹.

Издательская деятельность государственных природоохранных структур исполнительной власти Сибири способствует реализации одного из основных направлений российской экологической политики – экологического просвещения и информирования населения. Она служит информационной поддержкой деятельности неправительственных природоохранных организаций и специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

⁴ Личный архив автора. Интервью с редактором газеты «Природа Алтая» (Барнаул) С.И. Малыхиным. 30.11.08.

⁵ Гольцова В.В. Организация системы информирования населения Томской области в сфере экологии [Электронный ресурс] // ЭКО-бюллетень ИнЭКА. 2000. № 3–4 (50–51). URL <http://ineca.ru/?dr=bulletin&number=0050004&pg=content> (дата обращения 13.12.08).

⁶ Экологический мониторинг: Состояние окружающей среды Томской области... С. 190–192.

⁷ Печатные СМИ. [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. URL <http://www.fapmc.ru/smi/p-smi/> (дата обращения 10.11.08).

⁸ Экологический мониторинг. Состояние окружающей среды Томской области в 2001 г. [Электронный ресурс] // Управление охраны окружающей среды и ОГУ «Облкомприрода» Администрации Томской области. URL <http://www.green.tsu.ru/htmls/doc/obzor.htm> (дата обращения 14.01.09).

1. Снакин В.В. Экология и охрана природы: Словарь-справочник / Под ред. А.Л. Яншина. М., 2000.

2. Состояние окружающей природной среды и природоохранные мероприятия на территории бывшего СССР – от Стокгольма к Рио: Справ. пособие. М., 1994. Т. 2.

3. Состояние природной среды в СССР в 1988 году. М., 1989; Состояние природной среды в СССР в 1988 году: Межведомственный доклад / Под общ. ред. В.Г. Соколовского // Госкомприрода СССР. 2-е изд. М., 1990.

4. Экологический мониторинг: Состояние окружающей среды Томской области в 2007 г. Томск, 2008.

5. Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды Российской Федерации в 1993 г. М., 1994.

6. Экологическое образование и воспитание: Материалы к ежегод. изд. докл. «О состоянии и об охране окружающей среды в Алтайском крае в 2006 г.». Барнаул, 2007.

7. Кобзарь О.И. Право на доступ к информации по экологическим вопросам и принципы ее реализации (на примере Томской области) // На пути к устойчивому развитию. 2004. № 29.

8. Панкеев И.А., Рыбальский Н.Г., Думнов А.Д. и др. Экология России на рубеже тысячелетий. Популярный доклад «О состоянии окружающей природной среды в Российской Федерации». М., 2002.

9. Материалы к Государственному докладу «О состоянии и об охране окружающей среды в Алтайском крае в 2003 г.». Барнаул, 2004.

10. Сибирцева Е.А. Экологические ресурсы муниципальной библиотеки // Непрерывное экологическое образование: проблемы, опыт, перспективы: Матер. Межрегион. науч.-практич. конф., Томск, 2–3 ноября 2006 г. / Под ред. О.И. Кобзарь, Т.В. Хахалкиной. Томск, 2006.

⁹ Личный архив автора. Интервью с руководителем инициативной группы «Зоосфера» Н.В. Павлушиной. 04.03.09.

В.А. ХАМУТАЕВ

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БУРЯТИИ
В 1980–2000-х гг.: ПОИСКИ ЭТНИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА**Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ
e-mail: Khamutaev-VA@yandex.ru

Статья посвящена анализу истории этнополитического движения бурят за возрождение, укрепление суверенитета нации и республики. Проблемное поле характеризуется продолжающейся полемикой между разными подходами к ключевым определениям таких понятий, как нация, национальная государственность и т. д. Движение бурят за возрождение, достигнув некоторых этнополитических стадий, на рубеже столетий вступило, как и в других национальных регионах России, в фазу явного спада. Это обусловлено рядом объективных и субъективных причин, имеет временный характер: логика модернизации общественной жизни и управления активизирует поиски подлинно федеративных основ государственности и отсюда гуманизации решения национального вопроса в полиэтничной стране.

Ключевые слова: автономия, демократизация, этнодемография, национальный вопрос, плюрализм, гласность.

Уже более 20 лет в нашей стране на фоне радикальных трансформаций во всех сферах общественной жизни наблюдается неухающий интерес к этнонациональным проблемам, ведутся дискуссии о таких понятиях, как «нация», «национализм», «национальный вопрос», «национальное движение», «национальное возрождение», «национальная идеология», «национальная политика» и т. д. Причем, этот интерес вовсе не локализован в рамках отдельных республик, автономных областей и округов СССР/РФ. Он развивается гораздо шире и охватывает как политиков, так и научное сообщество [1, с. 144].

Проблемы сохранения и развития языка, письменности, культуры, форм автономии народов как этнических сообществ, в целом национального возрождения, оптимизации отношений между этническими группами и властью (причем не только миноритарных общностей, но и доминирующего этноса) продолжают оставаться актуальными и для России в целом. На наш взгляд, неверно полагать, что политическая составляющая национального возрождения российских народов, этнических групп, в том числе этнического большинства, в настоящее время, в «эпоху стабилизации», угасла или сошла на нет. Общий ход этнополитических процессов, причем явно циклический, с фазами подъема и спада, дает основание вести речь о внутренних закономерностях этих процессов, требующих научного анализа.

Начало бурного периода «национально-демократического возрождения» связано с политикой «гласности и демократизации», получившей название «перестройки в СССР». Сегодня исследователей этнополитических процессов и практик в нашей стране вновь волнуют такие сложные вопросы, как: что есть национальное движение, национальное возрождение? Ка-

ким образом оно связано с общим в стране модернизационным процессом в политике, экономико-хозяйственной и социальной сферах? Какие результаты, итоги и опыт (в том числе миноритарных общностей, в частности бурят) мы имеем за весь период этнического «ренессанса» вплоть до сегодняшнего дня, характеризующегося уже иным вектором политики? Какое место в национальной идеологии этнических меньшинств занимают политический национализм, сепаратизм? Насколько процессы этнонационального возрождения деструктивны по отношению к государственным интересам и единству страны? и т. д.

Анализ национального движения за возрождение в Бурятии – одном из отдаленных, но стратегически важнейших приграничных регионов России – позволил нам сделать некоторые обобщения и получить ответ на вышеобозначенные сложные вопросы современной политической жизни страны.

В 1980-х гг., под огромным мобилизующим влиянием происходивших в Восточной Европе и СССР политических процессов начинается подъем общественно-политической активности населения. В частности, в автономной Бурятии и Усть-Ордынском и Агинском бурятских национальных округах происходит формирование бурятского национального движения и на первый план общественного и научного дискурса незамедлительно выходит национальный вопрос – идеи укрепления национальной государственности и государственно-правового статуса бурятских субъектов советского социалистического государства. Национальное движение понимается нами как «особая форма социальных действий людей с целью расширения своих прав, утверждения суверенитета нации, разрушения ультрацентризма в многонациональном государстве» [2, с. 32].

Национальные движения, как свидетельствует история, всегда были направлены на создание своей государственности, автономии, политической и экономической самостоятельности, на духовное освобождение и социальный прогресс. Важно подчеркнуть, что в современных условиях, когда предпринимаются настоятельные усилия по неприятию, а то и девальвации понятия «национальное движение», национальные движения народов СССР, сформировавшиеся в ходе изменений общества после 1985 г., развивались, как правило, в форме народных фронтов содействия перестройке, иногда их именуют гражданскими [3–8]. Действительно, эти движения содержали общедемократический и общедоделеративный потенциал в такой мере, в какой способствовали «разрушению гиперцентрализации в советской союзной федерации и раскрепощению социальной энергии многонациональных народных масс республик. Перевод центростремительных устремлений, в основе федералистско-конвенционалистских, на центробежные произошел под влиянием политики самого Центра, обусловленной «двойным стандартом» – декларированием демократических принципов равноправия народов и, вместе с тем, реальной практикой унитаризации, национальной политики КПСС.

В результате подъема национального движения бурятского народа, в целом демократического движения в Бурятии, поставившего на повестку дня прежде всего вопрос об оптимизации отношений национальной республики с федерацией, Верховный Совет Бурятской АССР провозглашает государственный суверенитет, а это означало верховенство на данной территории Конституции и законодательства республики – вне делегированных Центру полномочий. Особенностью бурятской декларации, в отличие от большинства других республик СССР и РСФСР, являлась ее специфическая этнополитическая составляющая: Бурятия объявлялась многонациональным государством, созданным добровольно объединившимися в нем народами. В этом явно проявилась ситуация демографического меньшинства.

В 1992 г. республика подписала, совместно с другими субъектами России, Федеративный Договор. Таким образом, началось формирование федеративного государства. Началось переустройство республики как суверенного государства в составе федерации и выстраивание конституционно-договорных отношений с Центром. Первый этап национального движения бурят, удачно совпавший с тем же этапом национально-государственного строительства в Бурятии, формально завершился принятием в 1994 г. новой Конституции республики, закрепившей качественное изменение правового статуса. На данном этапе национальное движение в Бурятии, в котором приняли активное участие самые широкие слои бурятского народа (прежде всего интеллигенция, научные и творческие коллективы, целый ряд новых национальных партий, движений, фондов, клубов, ассоциаций и других объединений с этнодемократической идеологией), характери-

зовалось наибольшей масштабностью и, отсюда, активностью, направленной на достижение суверенитета национальной республики, решение национального вопроса.

1994–1999 гг. – второй этап национально-демократического движения в республике и округах, характеризующийся продолжением национально-федеративного строительства в стране и Бурятии. Он знаменовался принятием необходимых согласно новой Конституции законов, обеспечивающих качественное состояние государственности Республики Бурятия. Так, в 1995 г. республикой заключен Договор о разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти России и Бурятии, подписан ряд межправительственных соглашений, создавших новые предпосылки для федерализации, установления договорных отношений. В отличие от первого этапа в данный период национальное движение развивается уже в иных политических условиях, связанных с формированием и укреплением президентской власти в республике, все более стремящейся к патронажу, всемерному ограничению политической самостоятельности и влияния этнолидеров и их организаций.

В целом эти два этапа бурятского национального движения (1980–1999 гг.) объединяло сложное положение этнополитических формирований коренного народа, находящегося в демографическом меньшинстве, имеющего достаточно ограниченное влияние на власть и не всегда способный лоббировать важнейшие этнопроекты.

Третий этап движения (1999–2000-е гг.) характеризовался снижением вектора этнополитической мобилизованности коренного народа в связи с дальнейшим укреплением исполнительной власти в республике, сменой этнополитического курса федерального центра, разочарованностью широких масс в результативности демократических реформ.

Таким образом, национально-государственное преобразование в республике, бурно начавшееся в эпоху перестройки и «революций суверенитетов», к концу столетия вступило в новую, противоположную своей изначальной логике модернизации, парадоксальную фазу – «добровольно-принудительного» упразднения собственных прав и полномочий, завоеванных за годы демократизации, перестройки и постперестройки (1985–1998 гг.).

При воздействии противоречивых факторов, обусловленных, с одной стороны, сменой приоритетов во внутренней федеративной и национальной политике, с другой стороны, подъемом активности доминирующего электората и его идейно-политических формирований, бурятское национально-демократическое движение, являвшееся до 1994 г. бесспорным флагманом демократизации и национально-государственного реформирования в Республике Бурятия, теряет свои завоевания. Определенный подъем национального движения бурят наблюдается в связи с попытками ряда должностных лиц упразднить статус бурятских окру-

гов как политических субъектов федерации. Но и здесь национальный вопрос в Бурятии сформулированный еще в годы перестройки, оставался центральным, именно к нему апеллировали деятели национального движения, стремясь отстоять статус и права автономий.

Национальный вопрос в Бурятии в 1980–2000-е гг. оставался неизменным: это решение проблемы духовного возрождения и консолидации этноса через принятие и осуществление территориальной, политической, культурной реабилитации народа. Национальная идеология решения национального вопроса ясно прослеживается в идеологемах и деятельности всех участников этнополитического процесса – бурятских политических формирований, коллективов бурятских ученых, кандидатов в органы власти и, в некоторой степени, самих органов государственной власти для Бурятии. При этом соглашательская, непоследовательная политика бюрократии бурятских территорий стала одной из основных причин провала в конечном итоге бурятских этнополитических проектов.

Национальное движение бурятского народа в исследуемый период также характеризовалось отсутствием последовательности и организованности, сплоченности, наличием немалых противоречий, в том числе по существу самого национального вопроса. Так, если политические формирования бурят настойчиво подчеркивали приоритетность проблемы территориального воссоединения искусственно расколотого этноса как основного средства выживания, сохранения и дальнейшего возрождения нации, то национальная элита (правильнее сказать – национальная бюрократия) зачастую выступала с идеей культурной реабилитации, что на практике было равносильно отказу от действительного решения национального вопроса.

Основными причинами остроты национального вопроса в Бурятии являются демографическая ситуация (за 1937–1989 гг. удельный вес бурят снизился примерно на 2/3; буряты ныне составляют менее трети населения в «своей» республике), экстенсивно-командное развитие экономики в интересах союзных монополий и предприятий ВПК и вызванная этим этноэкологическая угроза, а также историко-политический контекст (репрессии 1930–1940-х гг., раздел единой нации и республики на пять частей). В этих условиях решение национальных бурятских проблем единения и консолидации, самосознания, языка, культуры, государственности усложняется воздействием внешнего фактора, обусловленного активным вмешательством Центра, его политических формирований этноцентристской ориентации, в том числе СМИ, а также противодействием местных формирований мажоритарной группы [9–11].

Особое влияние на понижение этнополитической мобилизации бурят и в целом на спад национально-демократического движения и девальвацию национального вопроса в Бурятии оказала смена этнополитического курса государства, проявившаяся в 1999–2000 гг. с началом административной реформы. Уси-

ление административно-политических методов в проведении нового курса, основными чертами которого явились укрепление вертикали исполнительной власти, образование новых административно-территориальных единиц – федеральных округов, губернизация ряда областей и упразднение автономных округов ряда «малых» народов, решительным образом изменило этнополитическую панораму всей России и Восточной Сибири; здесь бурятские автономные округа ныне слиты с соседними областями.

Бурятское национальное демократическое движение, как и движения других «малых» народов России, развернувшиеся еще в условиях перестройки, на рубеже XX–XXI вв. испытало значительно усилившееся противодействие сил, исповедующих ценности этно- и культурного централизма, и в этом отношении оно потерпело определенное поражение. На наш взгляд, произошло это не столько по причине осуществления стратегии этноцентризма, сколько в результате ориентации на якобы традиционные ценности доминирующего этноса. В значительной степени сами субъекты и объекты этнополитики и этнофедерализма – буряты и в целом «малые» народы (по-видимому, вследствие незрелости политико-правового сознания и несформировавшихся принципов гражданского общества) оказались не способны теоретически обосновать те или иные альтернативные доктрины взаимодействия с окружающими территориями, а этноориентированные структуры – серьезно противостоять проектам унификации национально-государственного устройства нашей страны.

Тем не менее, и этот политический опыт, который следует рассматривать как опыт поиска этнического консенсуса, также подчеркивает непреходящую актуальность в целом национального вопроса в России, равноценность обеих его граней – проблемы этноразвития народов и сохранения и упрочения единства нашего общего Отечества. В целом в национальном движении бурятского народа – со спадами и подъемами – сохраняется позитивная тенденция отстаивания коренных интересов этноса, сохранения и развития национальной государственности, самобытности и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тишков В.А. Этнология и политика. М., 2001.
2. Политическая энциклопедия: В 2 т. М., 1999. Т. 2.
3. Гражданское движение в Литве: Молодой Саюдис. М., 1993. Т. 1.
4. Башкирское национальное движение. М., 1992. Т. 3.
5. Гражданское движение в Таджикистане. М., 1990.
6. Губогло М.Н. Крымско-татарское национальное движение. М., 1992. Т. 1.
7. Гражданское движение в Белоруссии. М., 1991.
8. Эстония: 1988–1993. М., 1994. Т. 2.
9. Хамутаев В.А. Бурят-монгольский вопрос: история, право, политика. Улан-Удэ, 2000.
10. Хамутаев В.А. Бурятское национальное движение. 1980–2000-е гг. Улан-Удэ, 2005.
11. Хамутаев В.А. Национальный вопрос в Бурятии. 1980–2000-е гг. Улан-Удэ, 2008.

SUMMARY

Mironova, O.N. The Swedish Embassy of Evert fon Bremen and Henry fon Ungern to the Moscow State in 1626.

The author considers the history of the Swedish embassy of 1626, when the first attempt to create the Russian-Swedish military alliance against Rech Pospolitaya was undertaken. Studying of diplomatic etiquette allows to reveal the influence of the ritual party of ambassadorial receptions on the contents of negotiations.

Keywords: Swedish embassy of 1626, the Russian-Swedish union against Poland, ambassadorial etiquette, Gustav II Adolf.

Kamenetsky, I.P. The Case of Voivoda B. Siniavin: Concerning the Problem of Aboriginal and Yasak Policy of the Siberian Administration in Southern Siberia in the Epoch of Peter I.

The article discusses the administrative policy of Siberian *voivods* in Southern Siberia in the first decades of XVIII century, it treats the ways of realization of *yasak* policy by Russian administration and Dzungar-Teleut governors in Southern Siberia, forms and character of interaction of the opposing parties and their influence on the natives of the region. The conclusion is that the «Russian variant» of submission and managements of indigenous population provided safe conditions for their leaving and was better, comparing with the policy of nomadic governors.

Keywords: aborigines, alman, interaction, double tribute, Dzungar-Teleuts, case, frontier, yasak.

Karnaikhov, D.V. Moschi Unde: Development of Representations about the Origin of «the Moscow People» in the Polish Historiography of the Renaissance.

In the article origin concepts of «the Moscow people», created by Polish historians of the Renaissance (M. Belsky, M. Kromer, M. Strykovsky and A. Gvanini) are considered. The attention is paid to the role of parable and antique literary tradition in formation of the Renaissance ethnogenetic mythology, allowing to raise the cultural-historical status of «moscowits» by means of their connection to the antiquity people with similar name and antiquated heroes.

Keywords: Renaissance, historiography, Poland, ethnic genesis, moscowits, Belsky, Kromer, Strykovsky, Gvanini.

Kandaurova, T.U. The Project of the Organization of the Military Settlements in Siberia

The author analyses one of the projects of the military settlements development in Siberia of 1820s, created by the brigadier-general of the Separate Siberian corps Major-General Aigustov and presented to the emperor Alexander I.

Keywords: projects, Russian military elite, military settlement organization, frontier military settlements, agriculture in Siberia, trade with China.

Chernyshova, N.K. Influence of Ideas of «Sacred Russia» on the Hagiography Development in Russia of the XIX – the Beginning of the XX.

In article the influence of «Sacred Russia» ideas onto the features of Russian hagiography development in the XIX – the beginning of the XX centuries is considered. It is traced that the interest was drawn to the Russian hagiography itself, to collecting the data about sacred and devotees of piety in separate regions of Russia, including Siberia, to the search, studying and publication of hagiographical monuments.

Keywords: hagiography, hagiology, Sacred Russia, archeography.

Bazyleva, E.A. The Role of the Imperial Russian Geographical Society in Siberian Book Culture Development.

In the article the primary attention is given to the role of the Imperial Russian Geographical society in the development of book culture in pre-revolutionary Siberia. The contribution of Siberian divisions of IRGS into the regional book business – book publishing and dissemination, librarianship – is analyzed. IRGS activities are considered in correlation with socio-economic changes that occurred in Siberia in the second half of the XIX – the beginning of the XX centuries.

Keywords: Imperial Russian Geographical Society, Siberian divisions of IRGS, Siberian book culture.

Darzhayev, S.Yu. Concerning the Formation and Development of the Buryat Self-Government Institutions in Irkutsk Gubernia and Trans-Baikal Area in XIX – the Beginning of the XXth Century.

In the article the influence of economic and political factors on process of formation and development of the Buryat self-government institutions in Russian state in XIX – the beginning of the XXth centuries is investigated. Also the imperial regional policy, carried out by the government in national regions of Siberia, is examined on an example of Irkutsk province and Trans-Baikal area.

Keywords: Siberian reforms by M.M. Speransky, steppe thoughts, native volost board.

Morozova, N.N. The Role of Local Administration in Formation of Author's Corps of the «Provincial Gazette» of Western Siberia (1857–1860s).

The article is devoted to the history of Siberian periodicals in the middle of the XIX century. The purpose is the study of mutual relations between Western Siberian administration and local provincial gazettes which were unique regional press organ during this period. The complex analysis of the author's corps of «Tobolsk Provincial Gazette» (Tobolskie Gubernskie Vedomosti) and «Tomsk Provincial Gazette» (Tomskie Gubernskie Vedomosti) and influence of administ-

rative decisions concerning this question allowed to reveal the role of local administration in its formation.

Keywords: authority, press, public activities, administration, provincial gazette.

Zoobov, V.E. The Problem of the Disciplinary Responsibility of the Civil Servants in Russia During Second Half of the XIX – the Beginning of the XXth Century.

In the article is considered one of aspects of reforming of civil service in Russia of second half XIX – the beginning of XXth century, concerning regulations of responsibility of civil employees for the office offences made by them. Changes of operating conditions of system of the government and public service as a result of reforms of second half XIX century have demanded specification of some the moments connected with a disciplinary responsibility of officials. Charter working out about office offences proceeded in the conditions of strengthening of conservative representations concerning ways of reform of public service that has not allowed to change cardinal character of relations in official to the environment. The developed project kept dependence of civil employees on them of a direct management.

Keywords: Russia, second half of the XIX – the beginning of XXth century, reform, public service, officials, a disciplinary responsibility, bureaucracy, the charter about office offences.

Musabalina, G.T. Merchants and Petty Bourgeois in Political Life of Semipalatinsk Region in the Second Half of XIXth Century.

In the article the author has described in a chronological order the basic events in the given region. The participation of merchants class and petty bourgeois in bodies of self-managed city like Semipalatinsk, Ust-Kamenogorsk, Pavlodar is traced on the basis of archival materials.

Keywords: a city, merchants, petty bourgeois, a municipal дума, elections, public, charity, religious processions.

Ostrovsky, L.K. The Polish Peasants in Siberia in the XIX–XXth Centuries.

The focus of the paper is the contribution of polish peasants to the settling and development of Siberia. The main problems are: causes and essential directions of polish peasant migrations to Siberia, staff of the settlers, acclimatization of the polish peasants in Siberia, relations with indigenous peoples. As the result polish peasantry made a valuable contribution to the development of the region during short time of the colonization of Siberia. By the end of the 1920s the polish Diaspora in Siberia has ceased to exist.

Keywords: polish peasants in Siberia.

Maximova, N.A. Social Support of the Peasant Population in Irkutsk Province on the Eve of the First Russian Revolution.

Social policy of the Russian state in Irkutsk province (gubernia) is in the focus of the paper. The economic and social situation of the basic groups of the peasantry in Irkutsk province is considered. Various forms – state and public – of the social support of peasantry are presented.

Keywords: social policy, social structure, migratory policy, privileges.

Tsyplakova, S.M. The Revival of Ancient Russian Church Singing Tradition in the Moscow Synod Chorus and School at the End of XIX Century.

The article characterizes the activity of the Moscow Synod Chorus and School, aimed to revive the Old Russian singing tradition at the end of XIX century. The analysis of issues of «Russian sacred music in documents and materials» allows to trace how well-known Russian composers A.D. Kastalsky, A.T. Grechaninov, P.G. Chesnokov and others developed the principles of harmonization of Old Russian

music. The Synod chorus, directed by V.S. Orlov, embodied their ideas, reviving Old Russian choral singing tradition.

Keywords: Ancient Russian singing tradition, Synod chorus, spiritual music.

Simonov, D.G. Mobilizations of Siberian Intelligentsia in the White Army in 1918–1919.

In the article the legislative base, the course and results of conscription of men with the educational qualification to the White Army during Civil War in Siberia is considered. The author draws the conclusion that miscalculations and errors of the state and military leaders of «white» Siberia in acquisition of armed forces on the basis of ideologically close levels of population became one of the major factors promoting the defeat of the White movement in the east of Russia. At the same time, the analysis of mobilization of persons with the educational qualification during the spring of 1919 shows with all evidence that the Siberian intelligentsia, intended to become a basis of admiral A.V. Kolchak's government, in its considerable part has not rendered active support.

Keywords: Civil War, Provisional Siberian Government, Russian Government, White Army, intelligentsia, mobilization.

Rynkov, V.M. The Restoration of the Landowners' Rights in Siberia in the Second Half of 1918 – the First Half of 1919: Legislation and Practice.

The article analyses standard-legal acts of the Provisional Siberian government concerning the restoration of landowners' rights and its realization in the east of Russia. The author proves that the legislation lacked the spirit of restoration of the pre-revolutionary system, and its application led to the «freezing» of some agrarian conflicts, not to mass restitution of the lands.

Keywords: peasantry, Provisional Siberian government, Russian government, zemstvo, Siberia, landownership.

Yatskevitch, E.V. Collective Farms of the South Ural in 1920s: Quantity, Structure, Economic Situation.

In the article an attempt to analyze collective farms of Southern Urals in 1920s on extensive archival and statistical material is presented. Evolution of the basic types of collective farms is considered (such as communes, agricultural artels, associations on cooperative agricultural work), the parameters of agricultural farms of various patterns of ownership are compared, the problem of pseudo-collective farms is brought to light.

Keywords: collective farm, South Ural, agricultural artel, economy of the agriculture.

Iminokhoyev, A.M. The Problems of Leisure and Formation of the New Mode of Life of Verkhneudinsk/Ulan-Ude Habitants in the 1920–1930s.

The article is devoted to the formation of cultural environment of new socialist community on the example of transformation of the mode of life and development of leisure in Verkhneudinsk/Ulan-Ude in the 1920–1930s.

Keywords: cultural revolution, socialist mode of life, new leisure.

Shekshejev, A.P. Leaflets of the Yenisey'sk Peasants at the End of 1920s.

The presented research is carried out on materials of the region near Yenisey and is devoted to one of the specific phenomena of life in Siberian village at the end of 1920s – appeals of peasants with the leaflets to the population. Evolution of leaflets' contents, caused by character of the state policy, is traced, their meaning for relations of the peasantry and communist regime is revealed.

Keywords: leaflets, appeal, letters, peasantry, village, authority, communists.

Krasilnikov, S.A. The «Shakhty trial» as a Social and Political Order.

The article is based on the analysis of documentary sources and presents the reconstruction of conditions, reasons and mechanism of political decision in the March – April 1928 concerning the arrangement of public trial against certain managers and specialists of the Donbass coal industry. This decision had sharpened the conflict in the Politburo among Stalin's and Bukharin's groups. The «Shakhty trial» is considered in the context of political, social and cultural contradictions becoming acute and as the display of «intelligento-phobia» from «above» and «below».

Keywords: Shakhty trial, intelligentsia, repressions.

Rafikova, S.A. Memoirs of Common People as the Source for the History of Soviet Daily Life.

Non-conventional type of a source on daily occurrence history – memoirs of common people – is analyzed in the paper. The basic attention is given to the specificity of this source. In particular, to its characteristic features as possibility to be created in a mode of real time, mass character, humanistic character, saturation of the information, «subjective objectivity», etc. Underlining the uniqueness of this source, the author also formulates the basic problems connected with gathering and processing of a memoirs material.

Keywords: memoirs, history, daily occurrence.

Babashkin, V.V. Collectivization of the Peasantry Economy as the Domestic Variant of Modernization of Agrarian Societies.

The article reveals that the turn to collectivization had been expected both by the Bolshevik party management and by the village peasantry, though the practical realization of that turn appeared in many respects unexpected for both parties, compelling both the peasants and the management to adapt to the reality in any way.

Keywords: collectivization; Bukharin's alternative; state-centralist consciousness of the peasantry; expectations of the peasantry; adaptive strategies of the peasants.

Ayusheyev, D.N. Social Adaptation of the Veterans of the Great Patriotic War in Buryatia (1941–1950s).

The paper is focused on the formation of new social group – veterans of war – one of the social consequences of the Great Patriotic war. Special attention is given to the experience of social adaptation of the veterans due to its great importance in the process of social integration of modern military conflicts' participants.

Keywords: veterans, adaptation, Buryatia, society.

Bikmetov, R.S. The Sector of Camp of Prisoners in the Kuzbas Economy in the First Post-war Years (1945–1948): Industrial Activity and Changes of Structure.

Structural changes in the camp sector of Kuzbas economy is traced in the article. The author analyses the industrial activity of camps in different branches of the regional economy in 1945–1948. This subject is insufficiently investigated due to the inaccessibility of the source base for researchers. The problems of effectiveness of prisoners' labor, its usage in the main branches of the regional economy, its significance in the development of the region are especially interesting. The paper is based on significant amount of sources, some are put into scientific circle for the first time. Two forms of prisoners' labor were used in the Kuzbas economy. First, the contract activity of camp departments – supplies of labor force to industrial and agricultural enterprises. Second, camps were independent specialized units with finalized cycle of production.

Keywords: prisoners, camp departments, camp subdivisions, economy of the region, economic body, agreements, execution, industrial tasks, production, industrial activity, construction, mines.

Andreenkov, S.N. The Price Policy of the State in 1953–1964 and its Influence on the Economy of Collective Farms in Siberia.

In the article preconditions, stages and features of events in 1953–1964 of changes in system and level of state-set prices of prepared collective-farm production, also results of influence of a price policy on financial and economic and industrial activity of collective farms of Siberia are considered. The author does a conclusion that revision of approaches to definition of the prices as a whole was positively reflected in collective-farm economy, however has not led to expected growth of volumes of agricultural manufacture in many respects because of weak interest of collective farmers in work in a public economy.

Keywords: collective farms, the prices, pricing, preparations, agriculture, Siberia.

Sootoorin, S.B. The Experience of Reforms of the Industry of Eastern Siberia in 1960–1980s.

The paper studies the historical experience in realization of separate ways of last Soviet economic reform of 1965 in the industry of Eastern Siberia during the period till the end of 1980s. The attempt to draw some parallels with the present condition of the Russian economy in the process of its transfer to market relations is undertaken. The special accent is made on such problems, as proportional development of a national economy, optimum placement of productive forces, integrative approach in creation of industrial sphere and a social infrastructure in areas of economic development, social and ecological consequences of intensive industrialization of the Angara-Yenisei region. The interrelation of problems in reforming of the mechanism of managing in a Soviet period and in modern Russia is traced.

Keywords: placement of productive forces, economic reform, comprehensive planning.

Boukin, S.S., Timoshenko, A.I. The Formation of Territorial and Production Complexes of Siberia in the Context of Transformation of the State Social and Economic policy.

In the paper the retrospective estimation of territorial and production complexes as specific form of the organization of productive forces is presented. Their role in development of eastern areas of the country at various historical stages, in the decision of nation-wide social, economic and political problems is defined.

Keywords: territorial and production complex (TPC), regional policy, realization mechanisms.

Dolgolyuk, A.A. Creation of Building Collectives During the Formation of Territorial-Production Complexes of Siberia.

In the paper the author traces the features of personnel policy of the building organizations created in areas of new industrial development, dynamics of social sources and forms of replenishment of labor collectives; the major factors influencing the fluidity of personnel are analyzed. The effect of salary, habitation and level of development of social sphere in new cities and settlements on the stability of building collectives is brought to light.

Keywords: Siberia, builders, labor collectives, sources and replenishment forms, turnover of staff.

Kotlyarov, M.V. The Personnel Policy in the Communist Party's Organizations in Western Siberia During Perestroika.

The article investigates the personnel policy in the Communist Party's organizations in Western Siberia during 1985–1991. The author comes to the conclusion that Party organizations attempted to solve problems of the party personnel by activation of nomenclature methods. From the beginning of 1987 alternative elections of the secretaries of the Party committees has started to extend. Democratic initiatives of the CPSU management were supported «from below». It became the

important factor of reduction of the control over political processes from the part of CPSU organizations.

Keywords: personnel policy of the CPSU, perestroika, Western Siberia.

Chernobay, O.L. International Contacts of the Novosibirsk Region in 1990s.

The article is devoted to the international collaboration of the Novosibirsk region in the 1990s. A lot of attention is given to the external economic relations of the region and the city of Novosibirsk during the period of liberalization of external economy of the country and active integration of the regions into international relations with the subjects of the states of the near and distant abroad. The research emphasizes the main directions of interest of the foreign countries in the Novosibirsk region and important economic and social projects implemented by the region and the city in cooperation with the states of the near and distant abroad.

In the 1990s the international ties of the Novosibirsk region developed very intensively. International activity of the region was notable for its high dynamics. Direct investments prevailed over the structure of the international investments.

The links with the countries of distant abroad remained the priority direction of cooperation. The international cooperation had a wide range of directions: economic cooperation, cooperation in the sphere of industry, agriculture, culture, sport, science and education. The cooperation assumed various forms: exchange of commodities (export/import), establishment of joint enterprises and offices of foreign firms and companies, development of investment projects, arrangement of trade and construction fairs.

Keywords: international cooperation, Novosibirsk region.

Vodichev, E.G. Science and Educational Potential of Siberia at the second half of the 20th Century: An Experience of Retrospective Analysis.

The article is devoted to the history of research and high education institutions in Siberia from 1950s to nowadays. Major trends and tendencies are outlined for academic science, ministerial research facilities and teaching institutions and universities. Conceptual scenarios on future development of science in the region made on the basis of retrospective analysis are also provided in the paper.

Keywords: science, education, Siberia.

Lizunova, I.V. The Russian Mass Media on the Boundary of the XX–XXI: Periodization and Its Interpretation (On the Example of Siberia and Far East).

In the article the formation of the Russian media market is investigated, features of the media transformation are revealed. On the basis of studying of internal specificity and system characteristics of Siberian and Far Eastern mass media the analysis of the Russian media structure is carried out. The periodization of a contemporary history of media is offered, the systematic signs of each period are revealed. The current state of the market of the periodical press and electronic media is characterized.

Keywords: mass media, periodicals, broadcasting, TV, media market, information field, media structure.

Matveeva, N.S. Ecological Boom and Publishing by Eco-Protecting State Institutions of Siberia (End of 1980s – Beginning of 2000s).

The publishing features of State eco-protecting organizations of Siberia in the sphere of eco-education in the conditions of reorientation and reforms in the end of 1980s – beginning of 2000s are reviewed in the article. The forms and trends of eco-educational publishing in the modern times are revealed.

Keywords: eco-education, State eco-protecting institutions, publishing, eco-educational literature.

Khamutayev, V.A. Ethnic Movement in Buryatia in 1980–2000s: in Search of an Ethnic Consensus.

The paper is devoted to the history of the Buryat ethnic-political movement for revival and strengthening the sovereignty of the nation and republic. The circle of problems is characterized by proceeding discussion between different approaches to the key notions such as the nation, national development, etc. At the edge of centuries the Buryat movement, as well as movements in other national regions of Russia, enters into the period of obvious downfall because of some objective and subjective reasons. It is temporary process: the logic of modernization of the social life and management promotes the search for real federal basis of national development and also activate humanization of the national problem in polyethnic state.

Keywords: autonomy, democratization, ethnodemography, national question, pluralism, publicity.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- философия;
- филология;
- культура народов Сибири.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].
- сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;
- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/ 7.0/97/ 2000; иллюстрации в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>

Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com*